

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ИМЕНИ Н. Я. МАРРА

ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
INSTITUT N. J. MARR D'HISTOIRE DE LA CULTURE MATÉRIELLE

МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО
АРХЕОЛОГИИ СССР

MATÉRIAUX ET RECHERCHES
D'ARCHÉOLOGIE DE L'URSS

№ 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД
ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'URSS
MOSCOU • 1940 • LENINGRAD

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ УРАЛА И ПРИКАМЬЯ

MONUMENTS ARCHÉOLOGIQUES
DE L'OURAL ET DU PAYS DE LA KAMA

Под редакцией
П. Н. ТРЕТЬЯКОВА

Новосибирский Государственный
Педагогический Институт

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА • 1940 • ЛЕНИНГРАД

ÉDITIONS DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE L'U.R.S.S.
MOSCOU • 1940 • LENINGRAD

Ответственный редактор

директор Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра

М. И. Артамонов

Редактор издательства А. Н. Бернштам

Технический редактор К. А. Гранстрем. — Корректор О. Г. Крючевская.

Сдано в набор 29 января 1940 г. — Подписано к печати 3 сентября 1940 г.

168 стр. (81 рис. + 30 табл.).

Формат бум. 62×94 см. — 21 печ. л. — 21,26 уч.-авт. л. — 88064 тип. зн. в п. л. — Тираж 800

М 1480. — РИСО № 1046. — Заказ № 56. Бумага Вишерского бумкомбината.

Отпечатано в ФЗУ 2-й типографии ОГИЗа РСФСР треста „Полиграфкнига“ „Печатный Двор“ им. А. М. Горького.
Ленинград, Гатчинская, 26.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	7
Н. А. Прокошев (Ленинград). К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья	11
Д. Н. Эдинг (Москва). Новые находки на Горбуновском торфянике	41
К. В. Сальников (Челябинск). Андроновский курганный могильник у с. Федоровки Челябинской области	58
Г. В. Подгаецкий (Ленинград). Могильник эпохи бронзы близ г. Орска	69
А. В. Збруева (Москва). Галкинское городище	83
А. В. Збруева (Москва). Свиногорское городище	100
Н. А. Прокошев (Ленинград). Селище у дер. Турбино	111
К. В. Сальников (Челябинск). Сарматские курганы близ г. Орска	121
Л. А. Матзулевич (Ленинград). Византийский антик и Прикамье	139
М. В. Талицкий (Москва). Кочергинский могильник	159

TABLE DES MATIÈRES

	Pages
Préface	9
N. P r o k o š e v (Leningrad). Les stations du Néolithique supérieur de la région Kama-Ouralienne	40
D. E d i n g (Moscou). Nouvelles trouvailles dans la tourbière de Gorbounovo	57
K. S a l n i k o v (Tcheliabinsk). Le cimetière à tumulus d'Andronovo près du village de Fedorovka (région de Tcheliabinsk)	68
G. P o d g a e c k i j (Leningrad). Un cimetière de l'époque du bronze, près de la ville d'Orsk	82
A. Z b r u e v a (Moscou). Le gorodistché de Galkino	99
A. Z b r u e v a (Moscou). Le gorodistché de Swinye Gory	110
N. P r o k o š e v (Leningrad). Le sélistché de Turbino	120
K. S a l n i k o v (Tcheliabinsk). Les tumulus sarmates des environs d'Orsk	138
L. M a t z o u l é v i t c h (Leningrad). L'antique byzantin et la région de la Kama	157
M. T a l i c k i j (Moscou). Le cimetière de Kočergino	168

ПРЕДИСЛОВИЕ

Каждый год приносит все новые и новые доказательства исключительного богатства и разнообразия археологических памятников Урала и Прикамья. Что может сравниться, например, по полноте материала с замечательными торфяниковыми местонахождениями Зауралья, с их деревянной скульптурой и костяными изделиями? Много ли существует местностей, где так широко были бы представлены находки бронзовых изделий? Где еще имеются такие яркие и богатые жертвенные места? Где найдено, наконец, столько сасанидского серебра и богатой византийской посуды? Этот перечень можно было бы значительно увеличить, напомнив целый ряд других ярких находок, но и сказанного достаточно, чтобы проиллюстрировать обилие и многообразие памятников Прикамья и Приуралья, значение которых, как документов древнейшей истории, далеко выходит за пределы этой обширной области.

Систематическое изучение археологических памятников Прикамья и Приуралья началось лишь после Великой Октябрьской социалистической революции, когда археология впервые в нашей стране начала ставить перед собой конкретные исторические задачи. До этого времени здесь были исследованы лишь единичные памятники, главным образом могильники, привлекавшие внимание археологов благодаря богатству и разнообразию своего инвентаря. Были раскопаны Ананьинский, Котловский и Зуевский могильники I тысячелетия до н. э., ряд могильников пьяноборского типа, относящихся к последним

столетиям до н. э. и первым векам н. э.; исследовано было также несколько могильников середины и конца I тысячелетия н. э., материал которых оставался неопубликованным и мало кому известным. Археологических исследований мест древних поселений в Прикамье и Приуралье

вовсе не производилось, если не считать «пробных» раскопок А. А. Спицына, Ф. Д. Нефедова и некоторых других местных археологов-любителей. Основная масса археологического материала, известного из Прикамья и Приуралья в дореволюционное время, представляла собой случайные находки, к которым по существу можно отнести и все то, что было найдено на таких памятниках, как Шигирский и Горбуновский торфяники или Гляденовское жертвенное костыще.

Археологические исследования в Прикамье и Приуралье особенно широко начали разворачиваться, начиная с 1924—1926 гг., в связи с работами Института антропологии и этнографии АН СССР, Гос. Исторического музея, Антропологического института МГУ и некоторых других учреждений, в том числе местных музеев и на-

учно-исследовательских институтов. В эти годы было положено начало систематическому исследованию уральских торфяниковых местонахождений, впервые были выявлены и изучены неолитические памятники на Каме в устье р. Чусовой, производились раскопки городищ ананьинской эпохи и более позднего времени. Продолжалось также исследование могильников, главным образом поздних, относящихся к середине и концу I тысячелетия н. э.

Алексей Викторович Шмидт.
(Башкирская экспедиция 1928 г.)

В деле разворачивания археологических исследований в Прикамье и Приуралье огромную роль сыграли работы покойного Алексея Викторовича Шмидта — неутомимого советского исследователя-археолога, пятнадцать лет изучавшего вопросы древней истории северо-востока Европейской части СССР. С 1921 г., когда состоялись первые полевые работы А. В. Шмидта в бассейне р. Инвы, притока Камы, и до 1932 г. им велись археологические исследования на Каме, Чусовой, Белой и в области бассейна этих рек. Цель, которую преследовал своими работами А. В. Шмидт, была совершенно ясна. Он стремился осветить ход конкретного исторического процесса в древнем Прикамье и Приуралье, на разных этапах и со всеми его локальными особенностями. Для этого А. В. Шмидт предпринял изучение ряда неолитических памятников, в частности им была раскопана Левшинская стоянка в устье р. Чусовой; он раскапывал Турбинский могильник эпохи бронзы и поселения ананьинского времени. На р. Белой во время работ Башкирской экспедиции АН СССР 1928 г. им было исследовано городище Кара-Абыз, позволившее наметить особый, белорецкий, вариант памятников ананьинского типа. Особое внимание уделял А. В. Шмидт памятникам I тысячелетия н. э., прекрасно понимая, какое значение имеют они в деле изучения истории народов северо-востока Европейской части СССР. Он изучал жертвенные места, «чудские» изображения, им были раскопаны могильники у дер. Качка, Неволинский могильник, известный Бахмутинский могильник и некоторые другие памятники. А. В. Шмидт впервые дал общую схему хронологии прикамских и уральских древностей. В 1933—1934 г. им было начато большое исследование, имевшее целью подытожить фактический материал и наметить основные контуры развития исторического процесса.

Эта работа была закончена лишь частично и далеко не в том объеме, как это предполагал первоначально сделать А. В. Шмидт. Это исследование — «Очерки по истории северо-востока Европы в эпоху родового общества»¹ — несмотря на некоторую схематичность и недоработку ряда вопросов, несомненно совершенно правильно обрисовало основные этапы древнейшей истории Прикамья и Приуралья, вскрывающиеся на материалах неолита, эпохи бронзы и ананьинского времени.

С 1932 г. в среднем Прикамье, в связи с работами по проектированию камских гидроэлектростанций, начала свою деятельность Камская археологическая экспедиция Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, в первый год работ возглавляемая А. В. Шмидтом, а с 1933 г. проходившая под руководством Н. А. Прокошева. В течение семи лет, с 1932 по 1937 г., Камской экспедицией были обследованы на большом протяжении берега рек Камы

и Чусовой, выявлены десятки новых памятников и в ряде пунктов произведены большие раскопки. Прежде всего следует отметить работы Камской экспедиции по исследованию ряда позднеолитических стоянок в районе устья р. Чусовой, давшие между прочим ярчайший материал по остаткам жилищных комплексов. Далее были произведены исчерпывающие раскопки Турбинского могильника. Впервые в большом числе подверглись раскопкам городища и селища ананьинской эпохи и более позднего времени; исследованы некоторые памятники болгарской эпохи и т. д. и т. п. Словом, был получен огромный хорошо документированный материал, столетие за столетием отражавший древнюю историю среднего Прикамья. Параллельно деятельности Камской экспедиции за последние годы были предприняты археологические работы в южном Приуралье, продолжалось исследование зауральских торфяников, производились работы в Удмуртской АССР и в ряде других мест.

Изучение всего этого обширного археологического материала, представляющего собой солидный вклад в дело исследования древней истории СССР, в настоящее время только лишь начинается. Кое-что из результатов работ в Прикамье и Приуралье уже получило освещение в печати. Настоящий сборник также далеко не исчерпывает всех этих материалов; на его страницах освещаются лишь некоторые памятники из числа исследованных за последние годы.

Публикуемые ниже статьи представляют собой или отчеты о раскопках или работы монографического характера, посвященные отдельным памятникам. Здесь освещаются некоторые, и быть может не самые интересные, неолитические памятники среднего Прикамья, результаты последних раскопок на Горбуновском торфянике, публикуются материалы своеобразных андроновских курганов эпохи бронзы, исследованных около Челябинска, и погребений эпохи бронзы, открытых около Орска. Наиболее полно представлены здесь результаты исследования мест поселений I тысячелетия до н. э. — городищ и селищ ананьинской и гляденовской эпох в Прикамье. Эти памятники, почти неизвестные до настоящего времени, дали обширнейший материал, позволяющий совершенно по-новому осветить жизнь населения Прикамья в эту эпоху, известную пока что лишь по материалам могильников.

Значительно беднее представлены в сборнике материалы памятников I тысячелетия н. э. Здесь освещены результаты новых раскопок сарматских курганов в южном Приуралье и материалы небольших раскопок одного из могильников X—XI вв. н. э. Особый характер, несвойственный всем другим статьям сборника, имеет работа Л. А. Мацулевича «Византийский антик и Прикамье», представляющая собой чрезвычайно нужную для археологов и историков сводку и детальную интерпретацию всех византийских изде-

¹ Изв. ГАИМК, вып. 106, 1935.

лий, когда-либо найденных на северо-востоке Европейской части СССР. Следует, правда, сказать, что некоторые выводы автора являются дискуссионными.

Таким образом, не исчерпывая всех данных, полученных в последние годы в процессе археологических работ в Прикамье и Приуралье, настоящий сборник вводит в научный оборот археологический материал, охватывающий большой промежуток времени и происходящий из разных мест этой обширной области. Публикуемые в настоящем сборнике статьи: Н. А. Проко-

шева «К вопросу о неолитических памятниках камского Приуралья», его же «Селище у дер. Турбино», А. В. Збруевой «Галкинское городище» — являются непосредственным результатом части работ Камской археологической экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Вместе с последующими публикациями камских и уральских археологических памятников сборник послужит, несомненно, основой для разработки вопросов древней истории северо-востока Европейской части СССР.

PRÉFACE

(Résumé)

On signale la diversité et la richesse extraordinaires des monuments archéologiques de l'Oural et du pays de la Kama. Leur étude méthodique n'a commencé qu'après la grande révolution d'Octobre; jusque là, seuls quelques cimetières avaient été explorés. Les recherches de feu A. Schmidt, qui durant quinze années a poursuivi l'étude de l'histoire ancienne du nord-est de l'Europe, ont joué un rôle énorme dans le développement de nos connaissances sur les monuments de l'Oural et de la Kama. En 1932 fut organisée la mission archéologique de la Kama qui au cours de six années de travaux a étudié des dizaines de monuments variés à l'embouchure de la Čusovaja.

Le présent recueil comprend soit des comptes rendus de fouilles, soit des monographies consacrées à des monuments particuliers. Ce n'est là qu'une partie des matériaux obtenus dans ces dernières années, à savoir quelques documents sur le Néolithique, l'époque du bronze et les localités de l'époque d'Ananino. Une place plus restreinte est accordée ici aux monuments du 1er millénaire de notre ère qui ne sont représentés que par des tumulus sarmates et un cimetière du Xe siècle. Les recherches de L. Matzulevič aboutissant à un aperçu général des trouvailles d'objets byzantins dans le nord-est de la partie européenne de l'URSS occupent une place à part dans le recueil.

Н. А. ПРОКОШЕВ

К ВОПРОСУ О НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ КАМСКОГО ПРИУРАЛЬЯ

- I

На территории Прикамья до настоящего времени обнаружено лишь одно палеолитическое местонахождение, и вопрос о древнейшем населении этой области остается пока неясным. Вряд ли стоит, однако, повторять мнение некоторых исследователей, предполагавших, что северо-восток Европейской части СССР был заселен человеком лишь по прошествии длительного времени после отступления ледника. Эта мысль является устаревшей, и хотя палеолитические памятники пока что не открыты на всем огромном пространстве от Мурома до Молотова, целый ряд данных заставляет думать, что они здесь будут найдены. Наиболее существенным аргументом, говорящим за это предположение, являются данные четвертичной геологии и палеонтологии. Есть основание полагать, что значительная часть Прикамья и Приуралья была свободна ото льдов большую часть ледниковой эпохи. Все местные музеи Урала и Прикамья имеют обширные коллекции костей четвертичных животных: мамонта, носорога и др. В местной краеведческой литературе есть указания на находки целых скоплений костей этих животных. Все это говорит о необходимости разветвления работ по отысканию палеолитических памятников в Приуралье. Открытие здесь стоянок четвертичного человека, современника мамонта и носорога, заполняет громадную территориальную лакуну, существующую сейчас между сибирским и восточноевропейским палеолитом.

Памятники неолитического возраста, известные в Прикамье уже давно, систематически стали исследоваться лишь в самые последние годы. Предлагаемая ниже сводка охватывает лишь некоторые из них, а именно те, которые, как кажется автору настоящей статьи, представляют собой более древнюю группу памятников. Часть из них была известна ранее и уже получила некоторое освещение в литературе, другая, большая часть, стала известна лишь за последние годы, после семилетних работ Камской археологической экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра, ныне Института истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. Этими работами был открыт

целый ряд памятников неолитического возраста в районе устья р. Чусовой (рис. 1).

Территория, обычно называемая «уральским Прикамьем» или «камским Приуральем», является значительной частью Камского бассейна. Это — верхнее и начало среднего течения Камы, которая на этом пространстве имеет ряд крупных притоков: реки Чусовую, Косьву, Обву, Иньву и др. Часть из них также имеет громадное протяжение и широкий бассейн. Чусовая, например, при длине течения в 777 км имеет такие крупные судоходные в нижней части притоки, как р. Сытва.

Неолитические памятники, в виде пока что случайных, единичных находок каменных орудий, известны на всей этой огромной территории. Памятники, изученные путем раскопок, имеются лишь в районе устья р. Чусовой, т. е. в Молотовской области.

В дальнейшем, несомненно, будет возможно уточнить сведения о находках по р. Иньве и ее притоку — Велве, о находках единичных предметов неолитического времени в устье р. Яйвы у с. Орла, у дер. Кычановой ниже Молотова и т. д. В настоящее время этим случайным материалом трудно пользоваться в качестве источника для решения интересующих нас сейчас вопросов.

Последние геоморфологические данные, полученные в результате исследований экспедиции Академии Наук СССР, работавшей на Каме в 1933 г., позволяют разделить долину р. Камы в среднем и верхнем ее течении на 3 части, различные по своим геоморфологическим особенностям.¹

1. Южная часть от устья р. Чусовой до с. Слудки характеризуется узкой речной долиной. Коренные берега тянутся здесь у самой реки. Первая пойменная терраса встречается узкими полосами на всех мысах, за нею сразу идет четвертая терраса. На отрезке с. Добрянка — с. Хохловка эта четвертая терраса характерна развитием карста. Вторая и третья террасы встречаются редко.

¹ Сб. «Экспедиции АН СССР в 1933 г.» Долина р. Камы. Геоботанические работы Волжско-Камской комплексной экспедиции. Изд. АН СССР, Лгр., 1934, стр. 270—280.

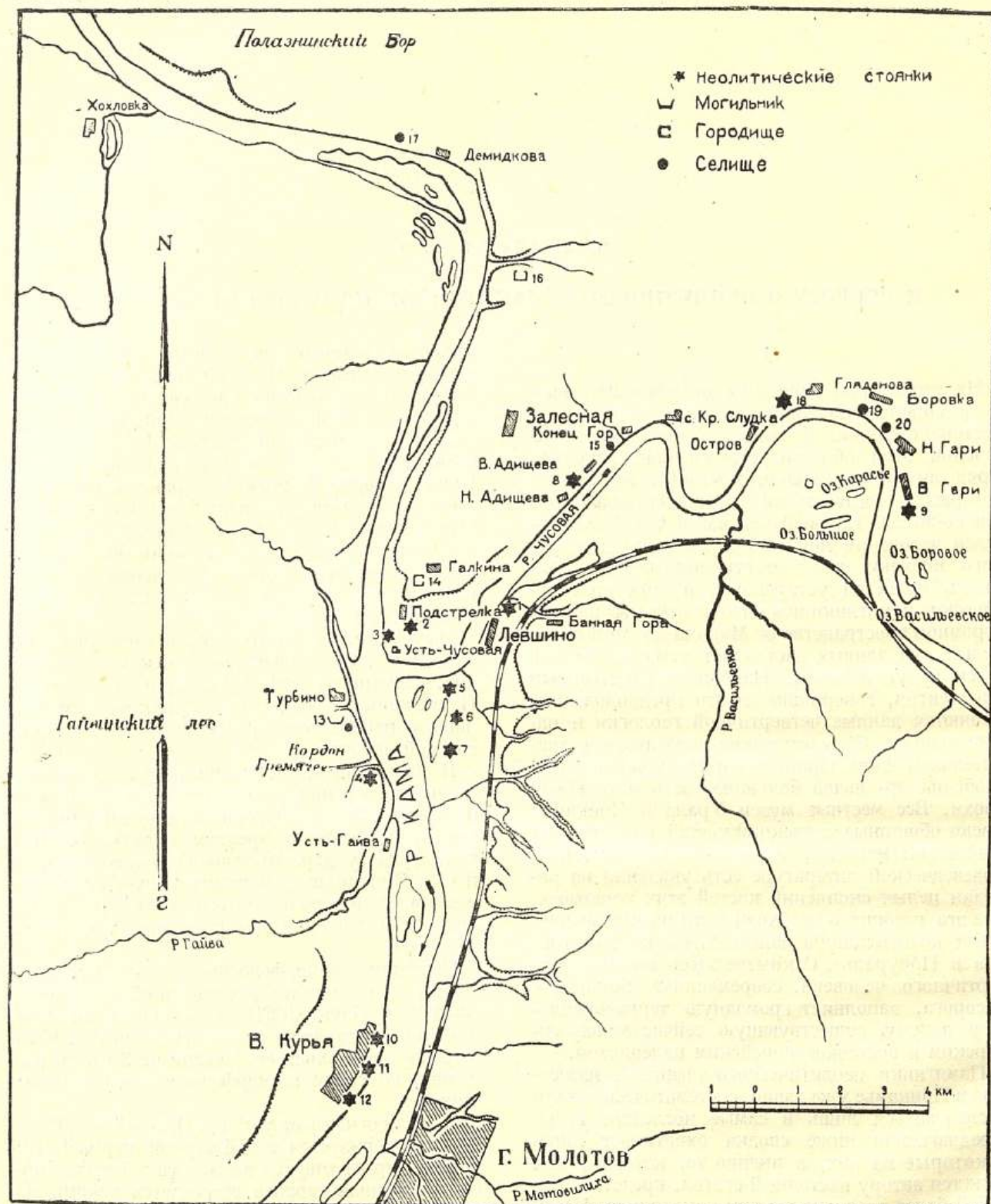

Рис. 1. Карта археологических памятников района устья р. Чусовой.

1 — Левшинская стоянка; 2 — стоянка на Гладком; 3 — стоянка у д. Усть-Чусовой; 4 — стоянка у Гремячего Ручья; 5 — стоянка и селище у сев. конца оз. Грязного; 6 — стоянка и селище у хут. Астраханцева, на оз. Грязном; 7 — стоянка и селища у Рр 154 и у южного конца оз. Грязного; 8 — Н. Адисевская дюнная стоянка; 9 — стоянка у д. В. Гари; 10—12 — неолитические стоянки у пос. Верхней Курьи; 13 — Турбинский могильник и селище на Шустовой горе; 14 — Галкинское городище; 15 — Концевское селище; 16 — городище Чумкосна; 17 — селище у д. Демидковой; 18 — верхнепалеолитическая стоянка у дд. Остров—Гладенова; 19—20 — Ананьинские селища у дд. Боровка—Гари.

2. Средняя часть, наиболее длинная, от с. Слудки до с. Усолъе. Здесь левый коренной берег, начиная от устья р. Висим, постепенно удаляется от реки, образуя широкую долину. В этой части течения Камы развиты все террасы реки.

3. От Усолъя и Березников до г. Соликамска по левому берегу Камы опять наблюдается небольшое расширение долины. Здесь развиты, главным образом, первая и вторая заливные террасы.

На всем этом пространстве возможно различать следующие пять террас:

Нулевая терраса. Это современные песчаные отмели, почти лишенные растительности и поднимающиеся над уровнем реки всего на 1.00—1.50 м.

Первая терраса. Это современная пойма, поднимающаяся над уровнем реки на 4—6 м и ежегодно заливаемая пойменными водами. Рельеф поверхности террасы неровный, он характеризуется многочисленными «гривами» и старицами. Сложена терраса из аллювиальных суглинков.

Вторая терраса. Высота 7—8 м. Это — старая пойма, не всегда, но часто заливаемая во время половодья. Носит лесо-болотный характер. В пределах террасы наблюдаются отдельные высокие песчаные валы эолового происхождения, покрытые сосновыми борами. Именно на таких высоких песчаных валах располагаются неолитические стоянки, например стоянки у оз. Грязного. Но эоловое происхождение этих валов может быть доказано не всегда, они могут быть и аллювиального происхождения.

Третья терраса, надпойменная, песчаная с волнистым рельефом. Высота ее 15—20 м. Сложена из крупнозернистых песков. Покрыта сосновыми лесами, борами-черничниками. На краю этой террасы также располагаются неолитические стоянки.

Четвертая терраса, наиболее высокая, достигает 30—40 м над уровнем реки. Поверхностные слои ее частично перемерзты и переотложены. Характерен карстовый рельеф там, где близко к поверхности подходят известняки и алебастры.

Район устья Чусовой и среднее течение р. Камы не были обследованы экспедицией Академии Наук, но в основном, повидимому, там наблюдается та же последовательность речных террас. Долина Камы, широкая в районе устья Чусовой, несколько суживается в районе уроч. Гремячего и устья р. Гайвы, а далее опять расширяется. В районе пос. Верхней Курьи можно наблюдать последовательный ряд террас, тянувшихся по правому берегу реки. Именно здесь в 1934—1935 г. зарегистрирован ряд неолитических находок, как на бечевнике Камы (смыв сверху), так и по краю второй террасы. Далее от реки идут более высокие дюнообразные всхолмления, еще оставшиеся необследованными.

В настоящее время состав лесной растительности уральского Прикамья весьма однороден. Преобладающими видами являются повсеместно ель и пихта; реже встречается сосна; еще реже — лиственные породы деревьев. Совершенно отсутствует дуб, встречающийся лишь южнее г. Молотова. Вопрос о характере древнего ландшафта Прикамья пока что является совершенно не изученным. Однако анализ углей из кострищ неолитических стоянок позволяет думать, что здесь и в древности господствовали хвойные леса. Так, например, угольки из кострищ Левшинской стоянки оказались остатками сосны и ели.¹

II. СТОЯНКА В УРОЧ. ГЛАДКОМ БЛИЗ ДЕР. ПОДГАЛКИНОЙ-ПОДСТРЕЛКИ

«Докерамический» неолит, известный в других районах СССР, в Прикамье и в Приуралье пока не найден. Однако на Каме, в устье р. Чусовой, имеются памятники, в отношении которых было высказано предположение, что они принадлежат к докерамической стадии. Речь идет о стоянках на поле «Гладком», близ дер. Подгалкиной-Подстрелки и у дер. Усть-Чусовая в устье р. Чусовой. Местоположение первого памятника было установлено А. В. Шмидтом, который в своем отчете за 1932 г. так охарактеризовал эту стоянку: «Поскольку можно судить, стоянка на Гладком относится к эпохе, непосредственно предшествующей употреблению в крае глиняной посуды и шлифованных орудий. Значение открытия этой стоянки не только в том, что она, повидимому, является древнейшим известным нам памятником человеческой истории в лесных областях Урала. Ранние этапы родового общества вообще плохо известны по всей лесной полосе восточной Европы».²

Справа от устья р. Чусовой пойменная низина образует обширный треугольник, сложенный из речных отложений. Высота его над уровнем Камы составляет в среднем около 8 м. Вверх по течению обеих рек стороны этого треугольника простираются на несколько километров, ширина его основания у мыса коренного берега около 4 км. Вся поверхность его состоит из чередующихся «веретей» и «согр» — невысоких гряд и низинок, разделяемых рядом больших и малых озер-старич. На этом пойменном полуострове расположены два селения: Усть-Чусовая, находящаяся ближе к устью р. Чусовой, и Подстрелка или Подгалкина, находящаяся на расстоянии 1—1.5 км от первой, ближе к «стрелке» — мысу коренного берега. Вокруг этих деревень возвышенные места разделаны под пашню, но большая часть пространства покрыта кустарниками, перелесками и луговыми угодьями.

¹ Определение произведено Ботаническим садом АН СССР.

² А. В. Шмидт. Работы на строительстве Пермской гидроэлектростанции. Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 167 и сл.

В 1890 г. С. И. Сергеевым и И. Н. Глушковым были найдены на низине, расположенной под «стрелкой» около дер. Подгалкиной: «Несколько пластинок из светлого синевато-серого кремня, из которых большая имеет 6.5 см в длину при ширине в 1.8 см. Пластины оказались разбросанными по песку, вместе с кремневыми осколками разной формы и величины». ¹ Вещи эти находятся сейчас в Молотовском областном музее, куда они попали вместе с коллекцией Теплоуховых.

А. В. Шмидт, в отчете о своей командировке в 1925 г. в Уральскую область, дает описание этой коллекции. Она состоит из 6 ножевидных кремневых пластинок, длиной от 4.50 до 8.50 см, и одного скребка на конце довольно широкого кремневого отщепка (рис. 2, 11). Кремень различных цветов — от серого до зеленого. А. В. Шмидт упоминает также, что Ф. А. Теплоухову были известны еще 2 пластинки и 2 костяных наконечника стрел, но последние, как совершенно правильно он отмечает, происходят, повидимому, не со стоянки, а с находящегося рядом Галкинского городища ананьинского времени. Все ножевидные пластинки несут на себе следы употребления. В 1925 г. А. В. Шмидту удалось приобрести у местных жителей новые вещи из дер. Подгалкиной, а именно: кремневую пластинку неправильной формы, скребек (*encosh*) и скребок на конце отщепка (рис. 2, 10, 12). Все вещи изготовлены из светлосерого кремня. Место находки, к сожалению, было указано А. В. Шмидтом не совсем точно: «...местонахождение лежит в 1 км к югу от деревни, по направлению к дер. Усть-Чусовой, на западном склоне веретей, вблизи низины («согры»». В 1925 г. оно пахалось крестьянами Зенковыми. При осмотре поля Зенковых керамики не обнаружено. ² Свои соображения об этих находках А. В. Шмидт изложил следующими словами: «Возраст подгалкинских находок пока не может быть определен достаточно точно... они, вероятно, относятся к концу неолита или к раннему палеометаллу (не моложе эпохи Сейминской стоянки). Повидимому, эти предметы являются одним из древнейших, пока известных человеческих изделий из Пермского края... Подгалкина должна занять место (в схеме) недалеко от Левшиной, причем скорее несколько ранее, но может быть и несколько позднее». ³

В 1932 г. обследования в районе дер. Подгалкиной-Подстрелки были продолжены и было установлено, что находки кремневых орудий и ножевидных пластин происходят из уроч. Гладкое, представляющего собою небольшую пологую, удлиненную в плане возвышенность, поды-

мающуюся над окружающей «согрой», т. е. низиной, на 1.00—1.50 м, а над уровнем р. Камы на 8 м. Урочище находится примерно в 1 км к востоку от современного берега р. Камы и менее чем в 1 км к юго-востоку от дер. Подгалкиной-Подстрелки. Низина, окружающая поле Гладкое, заросла кустарником и частично заболочена. Повидимому, в свое время Гладкое было берегом небольшой старицы. В разных местах поля в 1932 г. было заложено 4 полуметровых разведочных раскопа, показавших, что верхний слой состоит здесь из суглинистых отложений, деформированных пахотой. На глубине от 0.17—0.25 до 0.29—0.39 м обнаружен сероватый, также суглинистый в основе, культурный слой, который более отчетливо был прослежен только в одном пробном раскопе, расположенном ближе к южному краю поля Гладкого. В этом же раскопе были найдены кремневые орудия, которые А. В. Шмидт определил как резец, острие и скребок (рис. 2, 1, 1а, 5). В других раскопах, а также на поверхности пашни, найдено небольшое количество отщепов и осколков кремня (рис. 2, 2, 4, 6, 8, 9). Керамики обнаружено не было, за исключением одного небольшого фрагмента, найденного на поверхности (см. табл. II, б). В других раскопах культурный слой был менее отчетлив. Повидимому, слой здесь очень беден и не превышает по мощности 0.10 м.

Произведенное обследование позволило А. В. Шмидту предположить, что основным занятием оставившего стоянку населения было рыболовство, а затем охота, «дававшая хорошую добычу в густых зарослях устья Чусовой». Разбирая породы кремня, он видел в них полное сходство с кремнем Левшинской стоянки. Далее, изменяя свою старую точку зрения и рассматривая поле Гладкое как памятник раннего неолита, А. В. Шмидт делал следующие выводы: «Если на Волге и Оке — речь идет о раннем неолите — характерны крупные орудия макролитических и близких им форм, то находки на «Гладком» дают исключительно мелкие орудия (или осколки от изготовления последних), приближающиеся скорее к микролитическим формам. Таким образом как будто бы выявляются некоторые особенности в развитии материального производства, сближающие «Гладкое», в известных отношениях, со степными областями Предуралья и Зауралья. Стоянка в урочище «Гладком» настоятельно требует углубленного изучения». ¹ К сожалению, А. В. Шмидт не смог выполнить своих планов исследований в Прикамье, в том числе и раскопок на поле Гладком. В 1934 г. работы там были осуществлены уже без А. В. Шмидта. Они значительно уточнили данные об этом местонахождении.

Были установлены размеры возвышенности. Ее длина 175 м, ширина 100 м. Местный житель Зенков подтвердил, что в прежнее время на этом

¹ Ф. А. Теплоухов. Вещественные памятники каменного и бронзового периодов в западной части Пермской губернии. Труды Пермской учен. архивн. комиссии, вып. 1, 1892, стр. 19.

² А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сб. МАЭ, VII, стр. 285.

³ Там же, стр. 286—287.

¹ А. В. Шмидт. Работы на строительстве. Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935.

поле при пахоте находили «громовые стрелки». Вспомнил он также и факты продажи находок приезжим людям. В настоящее время «стрелки» уже не выпахиваются. Для того чтобы обнаружить культурный слой, по двум перпендикулярным линиям (с северо-запада на юго-восток и с северо-востока на юго-запад) было заложено 19 однометровых шурфов, отстоящих друг от друга на 10 м. Ни в одном из шурфов находок не встречено. Лишь в нескольких из них, расположенных ближе к южному краю возвышенности, был констатирован деградированный сероватый слой с редкими угольками, повидимому тот, который следует считать разрушенным культурным слоем. Стратиграфия Гладкого следующая: 0—0.20 м — пахотный коричневатый суглинистый комковатый слой; 0.20—0.40 м — сероватая супесь с угольками; глубже — стерильные слои красной плотной глины или суглинка, а в некоторых шурфах продолжается сероватая супесь, без угольков и прочих признаков культурного слоя. Около одного из пробных раскопов, ближе к южной границе возвышенности, на поверхности поля были найдены две обломанные ретушированных ножевидных пластинки, одна из белого кремня, другая — из темного кремнистого сланца (рис. 2, 3, 7).

Для выяснения наслоений был заложен шурф и в прилегающей заболоченной низинке. Так как год был сухой, шурф удалось углубить почти на метр. Здесь оказались следующие слои:

Растительный покров, мох и пр.	0 — 0.20 м
Торфообразный слой	0.20—0.50 м
Вязкая серо-зеленоватая илистая глина	0.50—0.85 м и глубже.

Таким образом дополнительные исследования показали, что памятник уже уничтожен распаиванием или другими причинами. Повидимому, культурный супесчаный слой с угольками залегал весьма неглубоко. В более высокой части поля он был распахан, причем крестьяне и находили «громовые стрелки». Часть этих находок залегала по периферии возвышенности и была найдена, частично уже не *in situ*, в 1932—1934 гг. Таким образом надежды, возлагавшиеся А. В. Шмидтом на этот памятник, к сожалению не оправдались. Тот материал, которым мы располагаем для характеристики стоянки на поле Гладком, не дает возможности сделать твердые выводы. Однако сравнение этих находок с материалами других камских памятников, пожалуй, говорит о том, что старая точка зрения А. В. Шмидта, относящаяся к 1925 г., когда он высказывал мысль о близости стоянки на Гладком к Левшинской стоянке, является более правильной.

Нельзя сказать также, что стоянка на Гладком именно то самое место, откуда происходят вещи из коллекции Теплоуховых. Вспомним упоминание Ф. А. Теплоухова, что С. И. Сергеев нашел свои находки «разбросанными по песку». На Гладком же наслоения не песчаные, а скорее

глинистые. В то же время есть упоминание, что находки каменных орудий делались и к северу от дер. Подгалкиной, у подножия Галкинского городища. Правда, А. В. Шмидту и П. С. Попову, собравшим эти сведения, не удалось видеть этих находок, а «пробные разрезы к северу от деревни выяснили, что почвенный слой там очень тонок и почти сразу под дерном проступает материковая порода». ¹ Однако вблизи Галкинской стрелки действительно есть невысокие песчаные гряды.

III. СТОЯНКА У ДЕР. УСТЬ-ЧУСОВОЙ

В 1878 г. П. И. Кротов в окрестностях Галкинского городища близ дер. Усть-Чусовой собрал около 200 кремневых орудий и обломки керамики, по его словам, весьма грубой работы. Коллекция эта, повидимому, хранится в Казани. Место и условия находки описаны П. И. Кротовым недостаточно точно. «Заливная равнина изобилует небольшими озерами, заливами, летом разобщающимися от Камы и Чусовой и соединяющимися с ними только во время весеннего разлива. На пашне, прилегающей к этим озерам и заливам, местные жители находили не раз каменные стрелки. Заинтересовавшись этим, я отправился на указанные мне места и здесь в сравнительно короткое время собрал до 200 кремней, носящих на себе очевидные следы обделки рукою человека, а два из них... представляют уже хорошо обделанные орудия. Тут же найдено несколько черепков очень грубой работы. Все эти предметы собраны мною на пашне к югу и к северу от дер. Усть-Чусовой. Большинство осколков кремня местного происхождения». ² Ф. А. Теплоухов описывает некоторые из этих находок следующими словами: «1) пластинка до 12 см длиной и до 2 см шириной, из желтоватого непросвечивающего камня (кремня). Пластинка имеет закругленный конец, обработанный, подобно краям, мелкими стесами, и представляет, вероятно, нечто вроде узкого долота. 2) Пластинка из синевато-серого, просвечивающего по краям кремня, около 9 см длиной и до 2.2 см шириною, почти прямоугольного очертания». Далее описывается еще костяной наконечник стрелы, происходящий, повидимому, с городища. ³

А. В. Шмидту эта стоянка оставалась неизвестной. Положение ее было неясным вследствие того, что на старых картах часто смешивали дер. Подгалкину-Подстрелку и дер. Усть-Чусовую, считая их за одно селение, хотя это совершенно отдельные деревни, отстоящие друг от друга

¹ А. В. Ш м и д т. Отчет о командировке... Сб. МАЭ, VII, стр. 285.

² П. И. К р о т о в. О раскопках близ дер. Галкиной. Изв. Общ. арх., ист. и этногр., 1880—1882, т. III, Казань, 1884, стр. 182—183.

³ Ф. А. Т е п л о у х о в, ук. соч., стр. 19.

на расстоянии около километра и разделенные полями, перелесками и пойменными озерами. Все перечисленные находки А. В. Шмидт был склонен увязывать с местонахождением у дер. Подгалкиной, речь о котором шла выше, хотя и для него оставался неясным вопрос о нахождении П. И. Кротовым не только кремней, «носящих на себе очевидные следы обделки человеком», но и древней керамики.

Обследованиями 1935 г. было выяснено, что

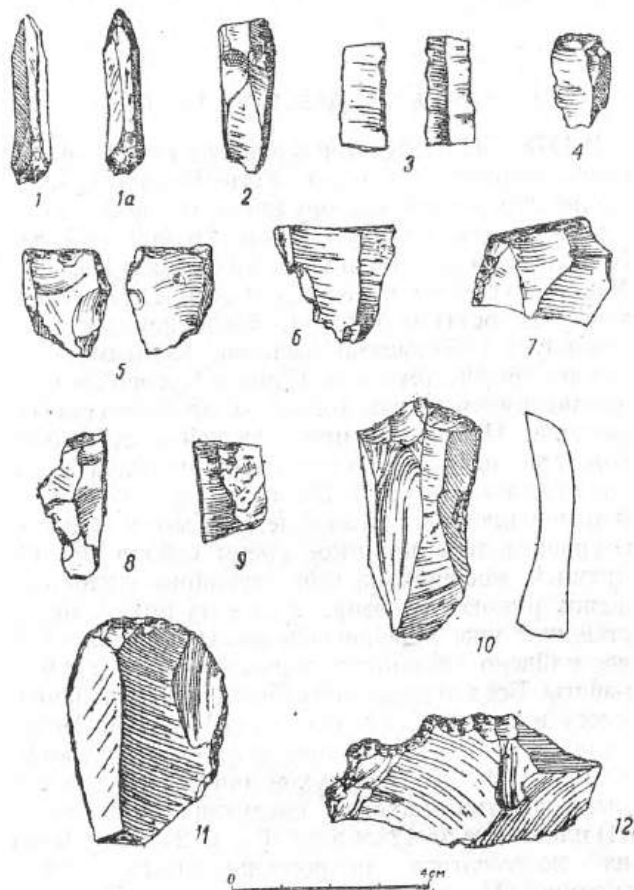

Рис. 2. Уроч. Гладкое.

1—12 — кремневые орудия и отщепы.

к северо-северо-востоку от дер. Усть-Чусовой, на распаханной невысокой «веретее», действительно имеются следы стоянки. На поверхности поля были собраны отщепы и осколки кремня, а также небольшое число фрагментов керамики. У подножия всхолмления имеются две старицы, вытянутые параллельно современному берегу Камы. Местонахождение расположено приблизительно посредине между деревнями Подгалкиной и Усть-Чусовой в нескольких сотнях метров от поля Гладкого. Обе стоянки разделены небольшим заболоченным перелеском и двумя-тремя веретями. Топографические условия обеих стоянок одинаковы. Высота над уровнем Камы здесь составляет также около 8 м. В центре веретей, возле проходящей по полю межи, был заложен шурф размером 1 × 1 м, вскрывший следующие слои:

Сероватая сунесь 0 — 0.30 м
Коричневый песчаный слой . . . 0.30 — 0.90 м
Плотная влажная глина 0.90 м и глубже.

До глубины 0.50 м встречались немногочисленные фрагменты керамики, отщепы и осколки кремня. Находки состоят из небольшого кремневого отщепа со следами обработки, скребочка (рис. 3, 4) и 9 фрагментов лепной керамики. Керамика эта, несомненно, древняя, но ее неолитический возраст сомнителен. На одном из фрагментов следы веревочного орнамента.

Вокруг раскопа на поверхности поля собраны: скребкообразное сланцевое орудие (рис. 3, 6),

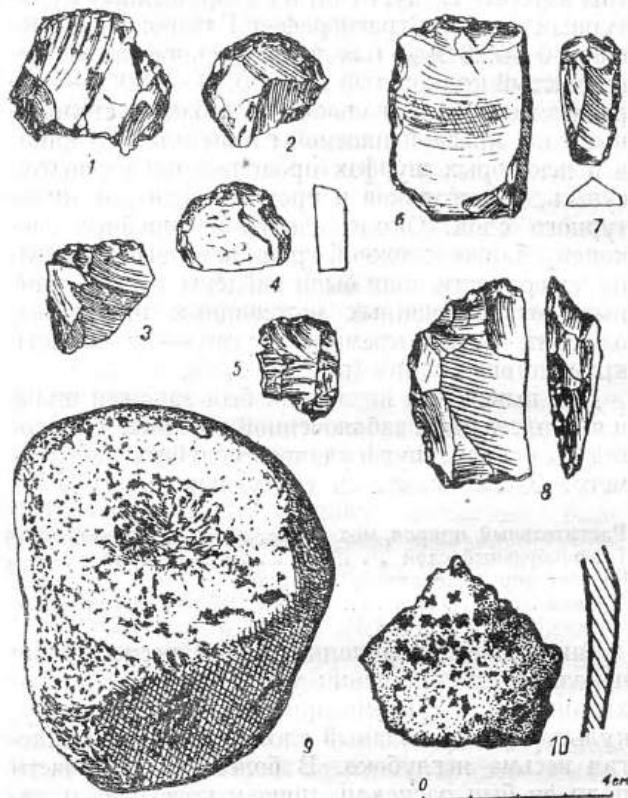

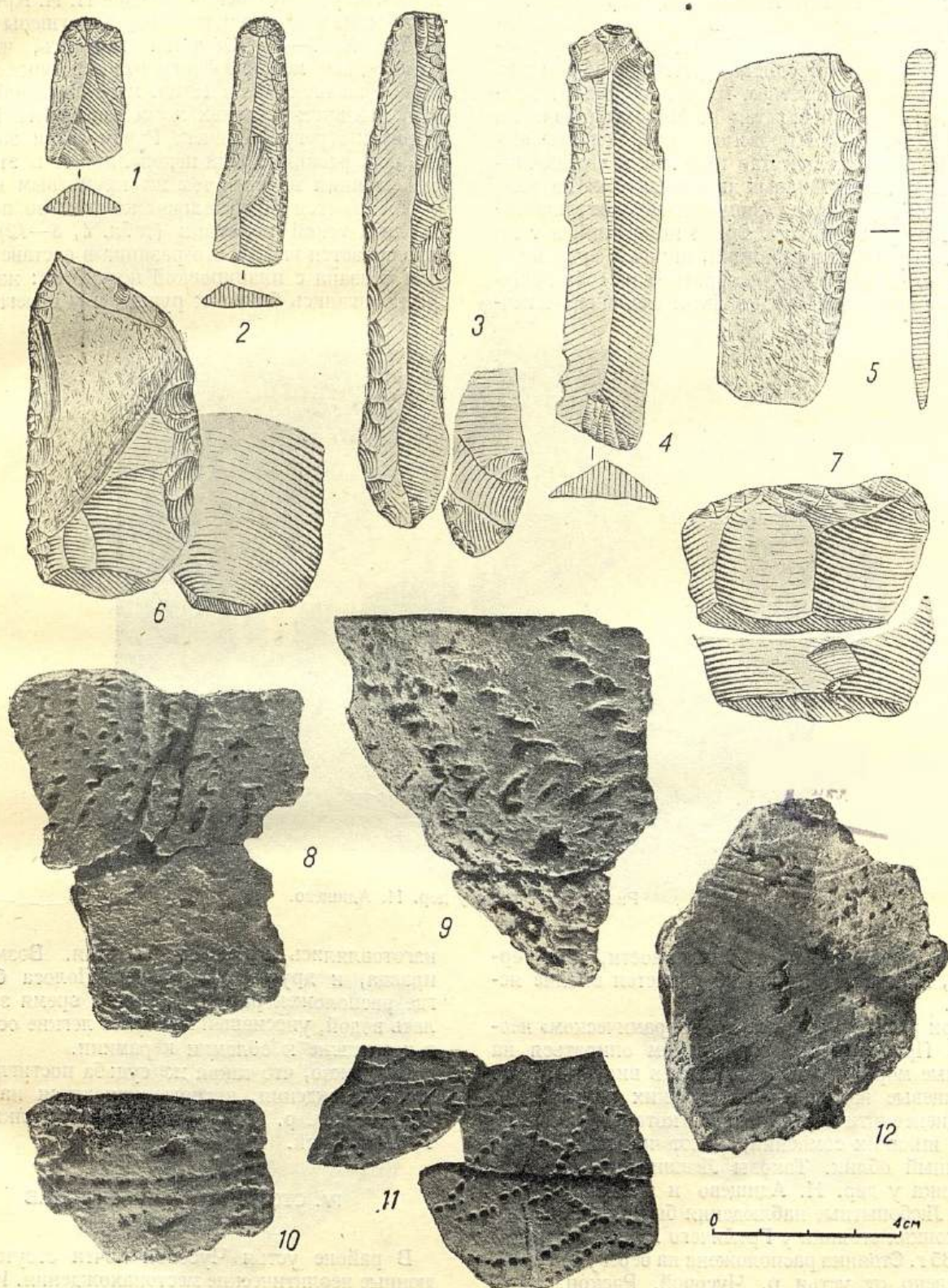
Рис. 3. Стоянка у дер. Усть-Чусовой.

1-5 — кремневые скребки; 6-8 — заготовки кремневых орудий; 9 — наковаленка из валуна; 10 — фрагмент керамики.

небольшой полукруглый кремневый скребочек (рис. 3, 2), 7 отщепов с ретушью (рис. 3, 3, 5, 8) и около двух десятков небольших обломков лепной керамики, такой же, как и происходящая из шурфа. На одном из фрагментов имеется орнамент в виде крестиков (рис. 3, 10). Найдено также каменное орудие в форме трехгранной пирамиды с оббитыми краями и выбоинами на плоскостях. Орудие, повидимому, служило наковаленкой (рис. 3, 9). Вероятно, что находки П. И. Кротова происходят именно отсюда.

Относительно поздний облик керамики, происходящей со стоянки у дер. Усть-Чусовой, заставляет высказать предположение, что стоянка имела два слоя, смешанные впоследствии при расправке.

Таблица I

Стоянка у Гремячьего ручья.

1—12 — кремневые орудия и керамика.

Таким образом мы имеем здесь памятник, близкий стоянке на уроч. Гладком.

Если обратиться к памятникам ближайших районов, то можно встретить там ряд местонахождений, давших довольно большое число кремневых орудий и ни одного фрагмента керамики. В Кировском областном музее, например, хранится коллекция с устья р. Моломы (недалеко от г. Котельнича Кировской обл.), насчитывающая большое количество кремневых наконечников стрел, листовидных и черешковых на пластинках, скребков на концах пластинок, пластинок с ретушью и т. д. Среди коллекций нет ни одного фрагмента керамики, впрочем возможно, что последняя просто не обратила на себя должного внимания. Находки были сделаны на пес-

мер, на ножевидную пластинку с ретушью, повидимому, весьма близкую описанной Ф. А. Теплоуховым из усть-чусовских находок П. И. Кротова, скребок из пластинки, резцевидные отщепы и т. д. (табл. I, 1—4). Остается добавить, что ни одного даже мелкого фрагмента керамики в раскопе I на площади в 16 кв. м не было найдено. В нескольких десятках метров от берега Камы, ближе к берегу Гремячего Ручья, были заложены еще раскопы. Они показали, что в этой части стоянки вместе с тем же кремневым инвентарем имеется значительное количество поздне-неолитической керамики (табл. I, 8—12). Напрашивается вывод, что разница в составе находок связана с планировкой поселения: жилища располагались ближе к ручью, а у берега реки

Рис. 4. Вид дюны у дер. Н. Адищево.

чаной дюнообразной возвышенности, или террасе, характер которой не является вполне ясным.

При решении вопроса о «докерамическом» неолите Прикамья нельзя целиком опираться на данные морфологии материала, в виду того, что кремневые изделия ряда камских памятников, поздне-неолитический возраст которых не вызывает никаких сомнений, имеют чрезвычайно архаичный облик. Таковы Левшинская стоянка, стоянка у дер. Н. Адищево и некоторые другие. Любопытные наблюдения были сделаны при раскопках стоянки у Гремячего Ручья, открытой в 1935 г. Стоянка расположена на берегу р. Камы, недалеко от устья р. Чусовой. Раскоп, заложенный по краю береговой террасы, обнаружил тонкий культурный слой, содержащий кремневые орудия и осколки. Ряд этих орудий мог бы вызвать представление о весьма раннем времени этой стоянки. Стоит обратить внимание, напри-

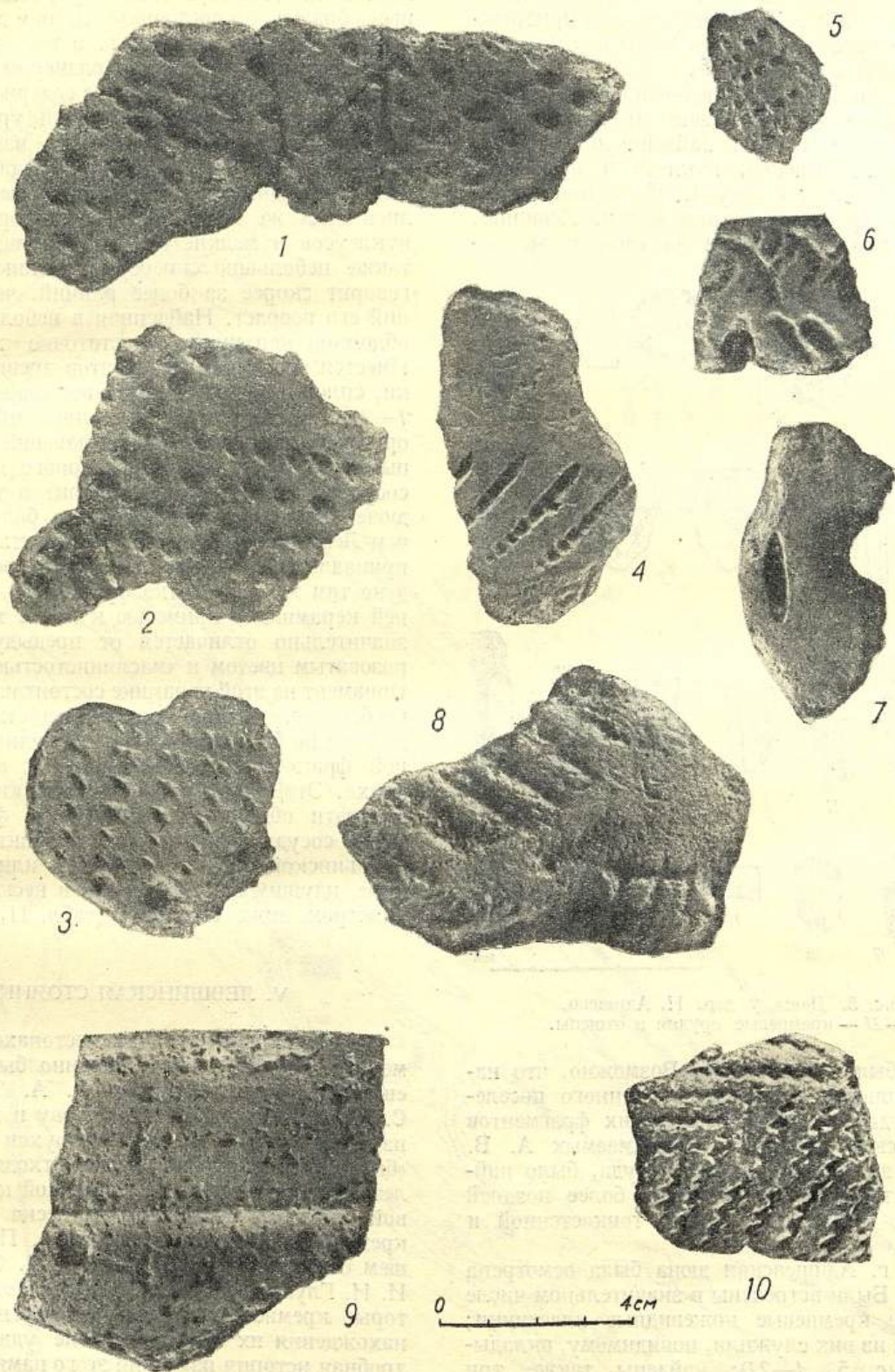
изготавливались кремневые орудия. Возможно, правда, и другое объяснение. Полоса берега, где расположен раскоп I, в свое время заливалась водой, уносившей все более легкие остатки, в том числе и обломки керамики.

Возможно, что такая же судьба постигла и те местонахождения, которые находятся на веретях в пойме р. Камы у деревень Подгалкиной и Усть-Чусовой.

IV. СТОЯНКА У ДЕР. НИЖНЕЕ АДИЩЕВО

В районе устья Чусовой почти отсутствуют дюнные неолитические местонахождения. Исключение составляет стоянка у дер. Нижнее Адищево, которая находится на песчаной дюне, тянущейся вдоль правого берега Чусовой с востока на запад (рис. 4). Около западного края дюны расположены дома деревни. Поверхность дюны

Таблица II

Дюна у дер. Н. Адишево.

1—5, 7—10 — образцы керамики. 6 — обломок керамики с уроч. Гладкого.

почти лишена растительности и подвергается интенсивному развеванию. К северо-восточному краю дюны подходит лесистый лог, по дну которого бежит ручей, летом теряющийся в прибрежных песках Чусовой. Высота дюны над уровнем реки составляет около 20 м.

В 1931 г. дюна была обследована А. В. Шмидтом, который не решался назвать это место стоянкой, так как там было найдено лишь около 35 кремневых отщепов, нуклеус и несколько черепков от одного сосуда. Последние отличаются от керамики стоянки у дер. Левшино. Других находок, несмотря на тщательные по-

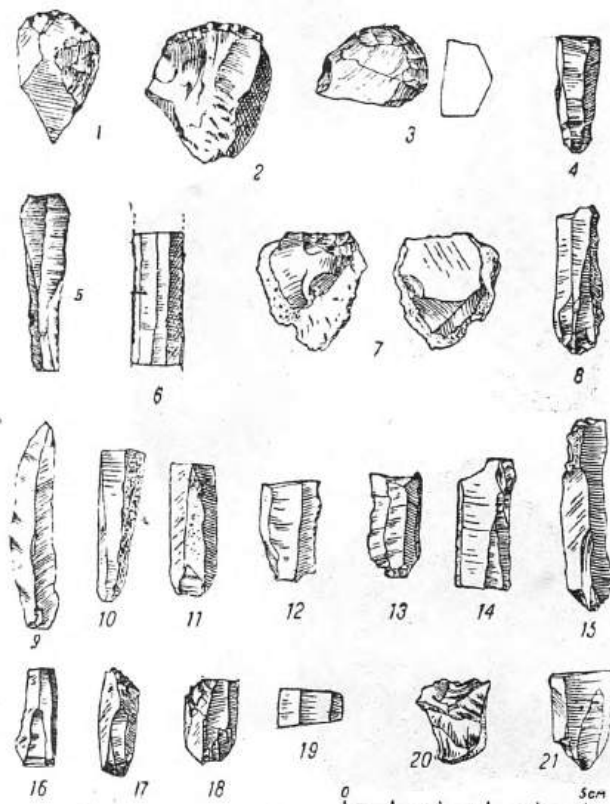

Рис. 5. Дюна у дер. Н. Адищево.
1—21 — кремневые орудия и отщепы.

иски, не было обнаружено. Возможно, что находки являются остатками временного поселения.¹ Тогда же, кроме нескольких фрагментов неолитической керамики, принимаемых А. В. Шмидтом за обломки одного сосуда, было найдено некоторое число обломков более поздней керамики, желтоватого цвета, тонкостенной и пористой.

В 1935 г. Адищевская дюна была осмотрена вторично. Были встречены в значительном числе некрупные кремневые ножевидные пластинки; некоторые из них служили, повидимому, вкладышами (рис. 5, 4—21); найдены также три небольших скребка (рис. 5, 1—3). Кремь имел светлосерую или темную, почти черную

окраску. Вместе с этими находками собрано небольшое число фрагментов разнохарактерной керамики. Найдены концентрировались, главным образом, по восточному склону дюны, обращенному к реке. В 1931 г. в восточном конце дюны был заложен шурф, размером в 1 кв. м, показавший, что наслоения не содержат сколько-нибудь ясно выраженного культурного слоя. Собранные на дюне кремневые изделия мало выразительны. Среди них преобладают некрупные ножевидные пластинки, которые изготовлялись здесь же на месте, о чем говорят находки нуклеусов и мелкие осколки кремня. Имеются также небольшие скребочки. Облик материала говорит скорее за более ранний, чем за поздний его возраст. Найденная в небольшом числе обломки керамики недостаточно характерна. Имеется несколько фрагментов древней керамики, сплошь покрытой ямочным узором (табл. II, 1—2). Это хотя и не «классический» ямочный орнамент, но все же напоминающий его. Любопытен обломок дна миниатюрного яйцевидного сосуда. Эта керамика говорит о том, что на дюне был памятник, несколько более древний, чем Левшинская стоянка. Фрагменты этого рода принадлежат не менее чем к трем сосудам. Найдено там же до десятка фрагментов более поздней керамики с примесью глина талька. Она значительно отличается от предыдущей своим розоватым цветом и «маслянистостью» наощупь. Орнамент на этой керамике состоит из отпечатков гребенчатого чекана. Время ее недостаточно определено; но быть может она синхронична с группой фрагментов, относящихся к ананьинской эпохе. Этой более поздней керамики собрано до двадцати обломков, в том числе фрагмент от края сосуда, украшенного характерным для ананьинской эпохи уступчиком или «воротничком», идущим вокруг сосуда, в нескольких сантиметрах ниже его края (табл. II, 9).

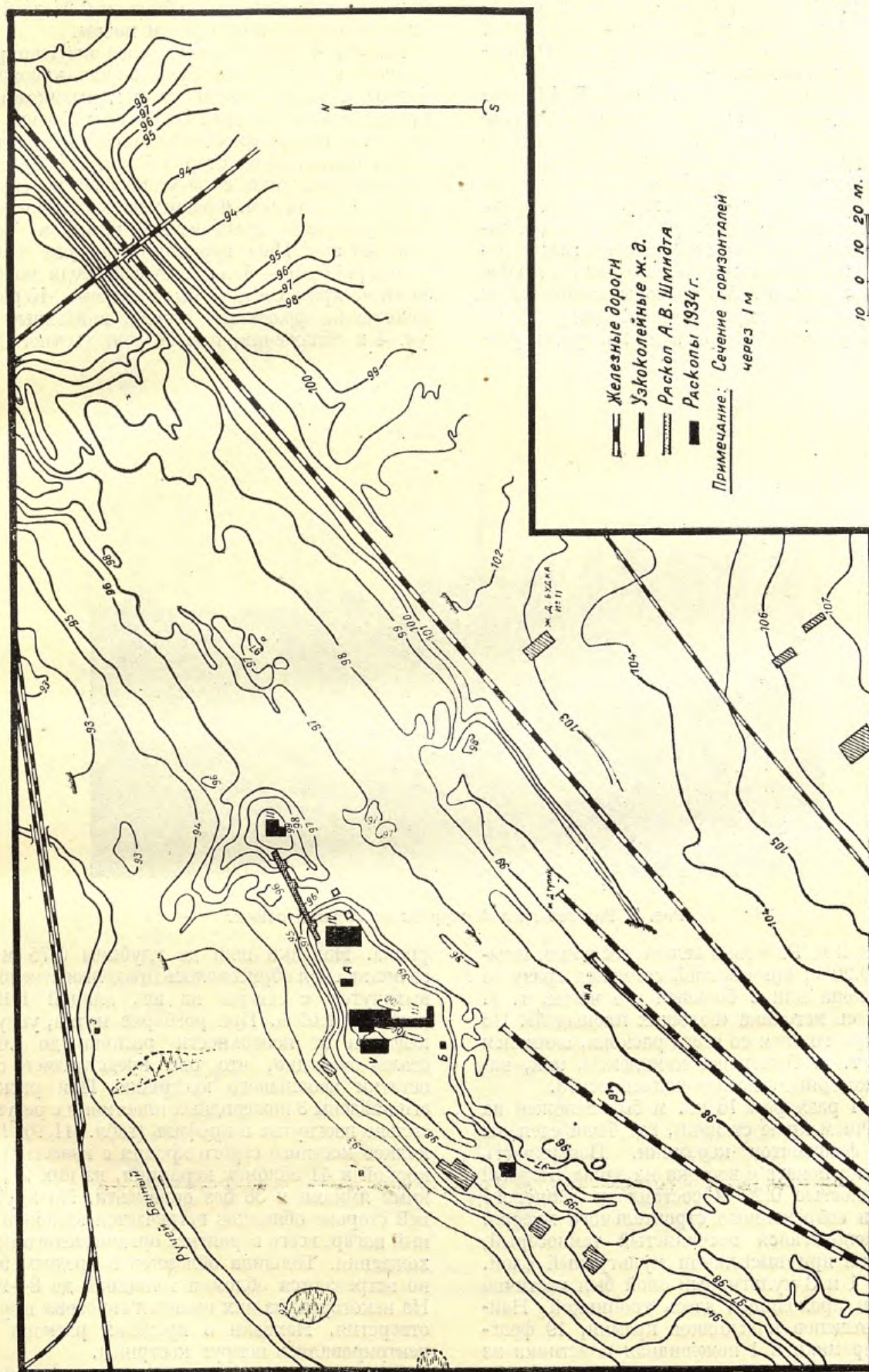
V. ЛЕВШИНСКАЯ СТОЯНКА

По случайным находкам местонахождение каменных орудий у села Левшино было известно еще в прошлом столетии Ф. А. Теплоухову, С. И. Сергееву, И. Н. Глушкову и др. В одной из своих статей Ф. А. Теплоухов писал, что «балласт на небольшой ветке, отходящей от железной дороги выше ст. Левшиной к реке Чусовой, оказался состоящим из песка с примесью кремневых осколков и черепков. При ближайшем осмотре этой местности С. И. Сергеевым и И. Н. Глушковым были найдены в песке и некоторые кремневые орудия, но коренного местонахождения их обнаружить не удалось». ¹ Подробная история изучения этого памятника и его описание даны в работе А. В. Шмидта, открывшего и изучавшего эту стоянку. ²

¹ Ф. А. Теплоухов, ук. соч., стр. 13.

² А. В. Шмидт. Левшинская стоянка. Сов. археол., вып. V, 1940.

¹ А. В. Шмидт. Работы на строительстве... Изв. ГАИМК, вып. 109, 1935, стр. 168.

В 1932 г. Камская археологическая экспедиция снова обследовала этот памятник, а в 1934 г. там были поставлены раскопки, результаты которых и освещены ниже.

Место стоянки со времени работ А. В. Шмидта значительно пострадало из-за возобновления разработок песчаного карьера. Следов старых раскопов поэтому установить не удалось, так как они располагались в тех частях стоянки, которые теперь совершенно разрушены. В 1934 г. было решено, по возможности, раскрыть всю пригодную для исследования поверхность; было заложено несколько раскопов, общей площадью в 239 кв. м (рис. 6). Все раскопы расположены с ориентировкой по странам света. Для удобства фиксации, раскопы делились на квадраты, раз-

Находки делались на глубине от 0.25 до 0.55 м от современной поверхности почвы.

На уч. 4 в культурном слое найдено рыболовное грузило из булыжника кубовидной формы с нанесенными на нем выемками для привязывания веревки. Здесь же найдены: изогнутая в профиле кремневая пластинка, отретушированная с обеих сторон (табл. III, 8), ножевидная пластинка с затупляющей ретушью и 8 осколков кремня. Фрагментов керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, встречено 40 экз. Цвет керамики в изломе черный, с поверхности — более светлый. Судя по фрагментам, края сосудов были прямые. Керамика похожа на фрагменты сосуда, найденные близ уч. 4 в обнажении, при сборе подъемного мате-

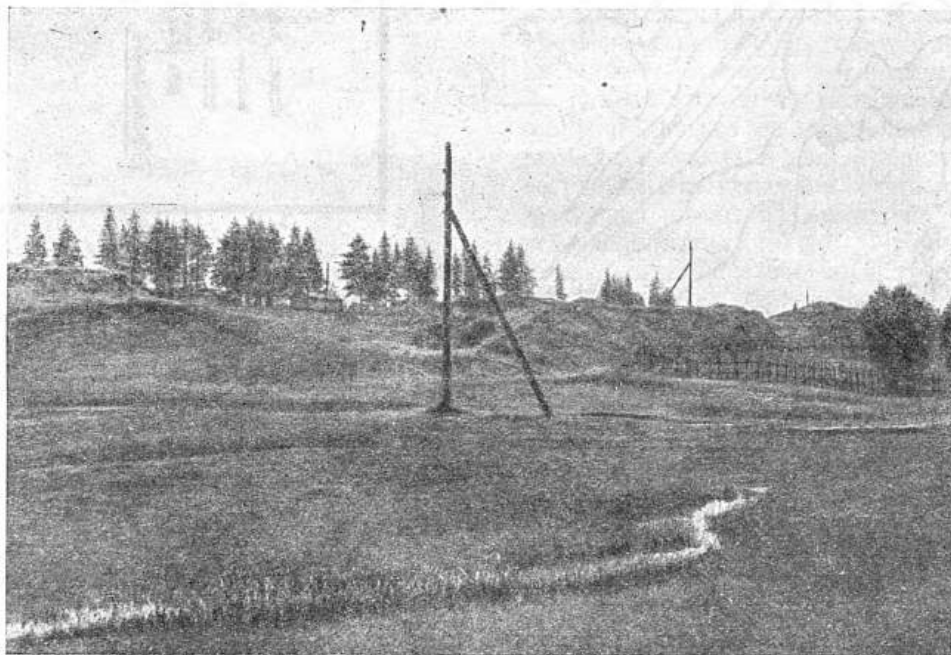

Рис. 7. Вид левшинской террасы со стороны поймы.

мером 2×2 м. Раскопка велась послойно, штыхами по 0.20 м, причем слой снимался сразу со всего раскопа или с большей его части, т. е. применялась методика «больших площадей». По снятии первого слоя со всего раскопа, снимался второй и т. д. Отдельные комплексы, как, например, кострища, исследовались особо.

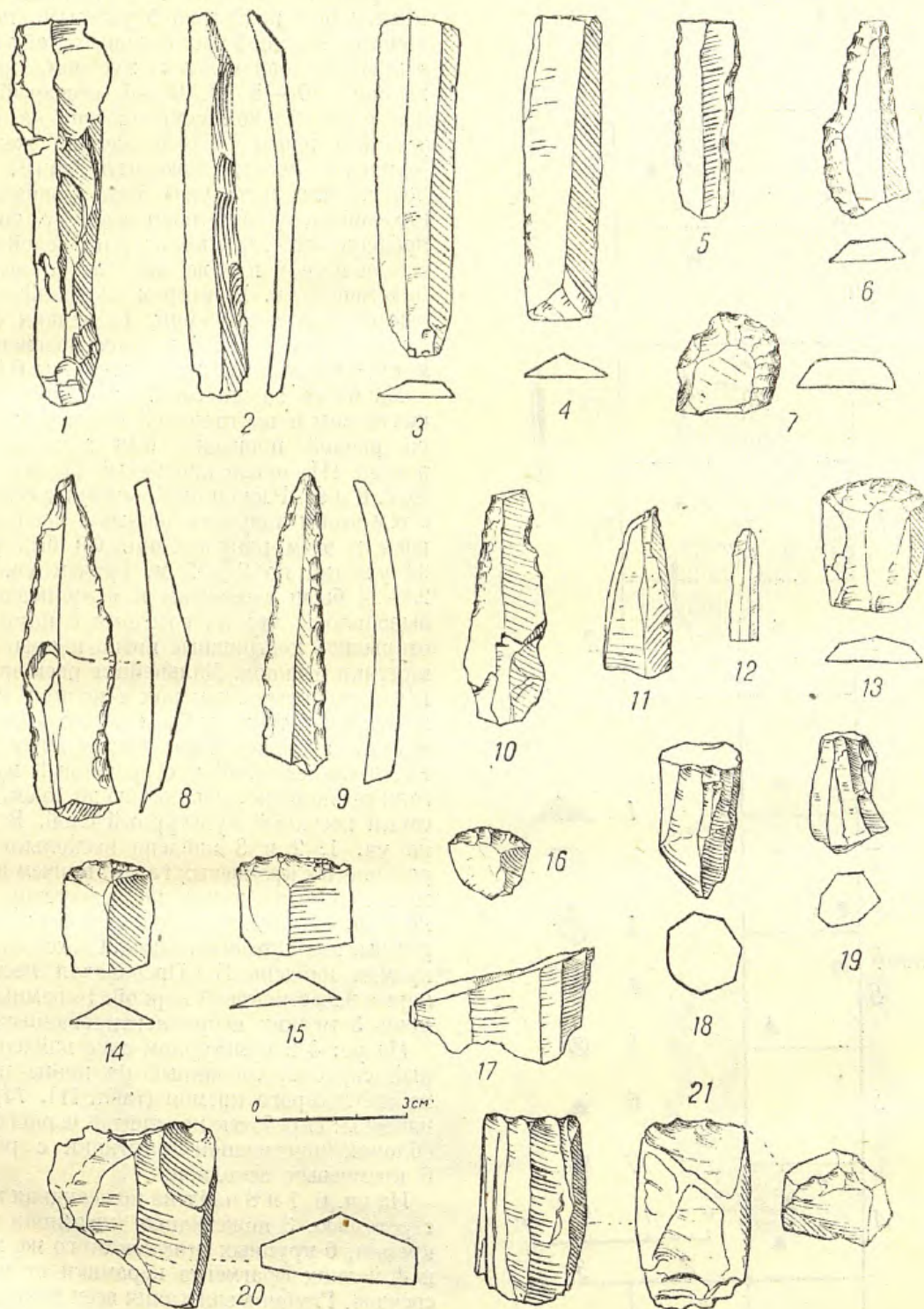
Раскоп I размером 16 кв. м был заложен на юго-восточном краю стоянки, где были сделаны находки фрагментов керамики. Поверхность здесь слегка поката с востока на запад. Первый слой мощностью 0.20 м состоял из дернового покрова и современного строительного мусора. Ниже располагался песчанистый темносерый, светлеющий при высыхании культурный слой.

На уч. 1 и 3 культурный слой был частично поврежден проходящей здесь тропинкой. Найдено 13 отщепов и осколков кремня, 19 фрагментов керамики и 1 ножевидная пластинка из серого известнякового кремня (табл. III, 3).

Находки шли до глубины 0.75 м. По зачистке слоя обрисовалось продолговатое пятно, вытянутое с севера на юг, длиной 1.15 м, шириной 1.05 м. При разборке пятна, углубляющегося от поверхности раскопа до 1.05 м, стало очевидно, что оно представляет собой остатки небольшого кострища. При раскопке его найдены 3 ножевидных пластинки с ретушью, сильно изогнутые в профиль (табл. III, 9), 10 осколков местного серого кремня с известняковой коркой и 41 обломок керамики, из них 2 с редкими ямками и 38 без орнамента. На внутренней стороне обломков встречается какой-то черный нагар, всего вероятнее органического происхождения. Толщина обломков в среднем 5 мм, но встречаются обломки толщиной до 8—9 мм. На некоторых из них имеются сквозные круглые отверстия. Находки в пределах раскопа концентрировались вокруг кострища.

Следующий раскоп был заложен на «островке»

Таблица III

Левшинская стоянка.

1—21 — кремневые орудия.

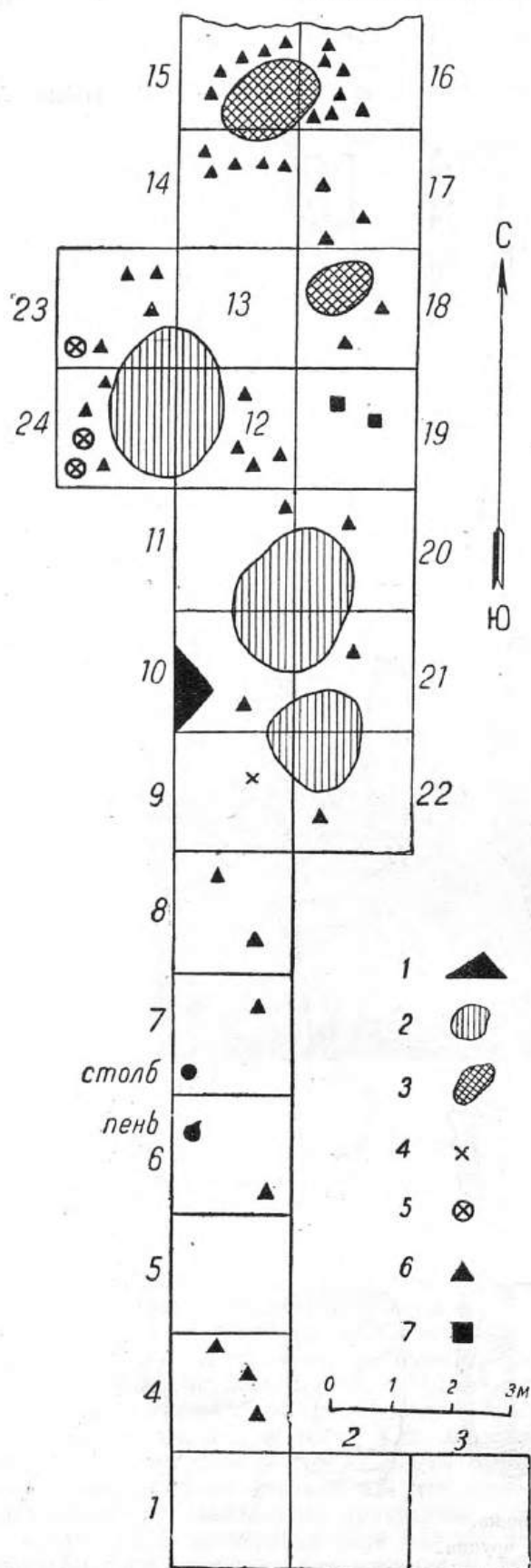

Рис. 8. Левшинская стоянка. План раскопа III.
1 — поздняя яма; 2 — древние ямы; 3 — кострище;
4 — грузило со сверлиной; 5 — грузило из гальки;
6 — кремневые орудия; 7 — орудия из кости.

террасы, ближе к ее северо-восточному концу, в 120 м от раскопа I.

Размеры раскопа II, захватившего почти всю поверхность «островка», составляли 20 кв. м. Раскоп был разбит на 5 участков, по 2×2 м каждый. Верхний растительный слой здесь сопровождался современным мусором, идущим на глубину 10—15 см. Серый песчаный культурный слой, плохой сохранности, на некоторых участках почти не отличался от желтого стерильного песка, лежащего ниже. Так как поверхность «островка» была ровная, без каких-либо внешних повреждений, то остается предположить, что культурный слой здесь был снесен ветром или же имел очень незначительную мощность. Во втором слое найдены: скребек из осколка кремня, 13 мелких отщепов и осколков кремня и 8 мелких фрагментов керамики. Находки достигали глубины 0.55 м.

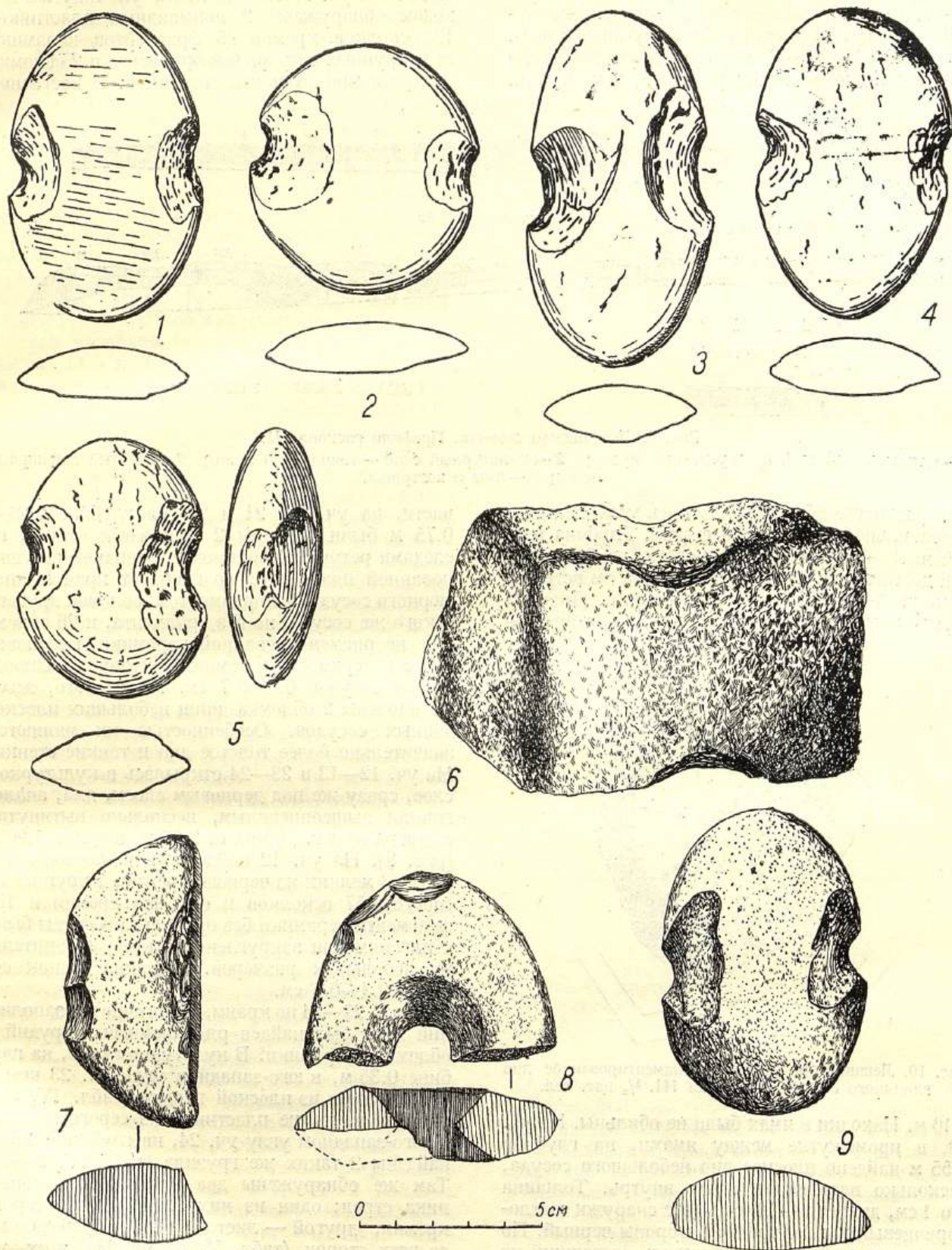
Наиболее значительные раскопки были осуществлены в центральной части стоянки. Здесь на ровной площадке был заложен большой раскоп III, ориентированный по странам света (рис. 8 и 9). Раскоп был вытянут с севера на юг, с тем чтобы получить данные о наложении террасы в этом направлении. Он был разбит на 24 участка по 2×2 м, причем уч. 16—22 и 23—24 были добавлены к нему позднее, когда выяснилось, что на соседних с ними участках открылись кострищные пятна и ямы, уходящие в стенки раскопа. Дальнейшее расширение было нецелесообразно, так как с востока и с запада поверхность террасы была повреждена поздними ямами, заполненными современным мусором. Растительный слой и современный мусор залегали равномерно, мощностью до 15 см, покрывая серый песчаный культурный слой. В этом слое на уч. 1, 2 и 3 найдено несколько обломков расколотых кремневых галек, причем для каких-то целых, быть может по недостатку хорошего кремня, обитатели стоянки пробовали колоть и рыхлые кварцитовые гальки. Осколков и отщепов кремня найдено 17. Преобладал местный кремнь с известняковой коркой. Керамики найдено лишь 3 мелких неорнаментированных обломка.

На уч. 4 в культурном слое найден обломанный скребек, сделанный на конце пластинки, из светлосерого кремня (табл. III, 14). Там же найдены: скребочек из отщепа черного кремня, обломок ножевидной пластинки с ретушью и 6 кремневых осколков.

На уч. 6, 7 и 8 найдена ножевидная пластинка с ретушью, 3 ножевидных пластинки из серого кремня, 6 крупных отщепов этого же материала и 4 мелких фрагмента керамики от небольших сосудов. Глубина залегания всех находок, встреченных на уч. 1—8, не превышала 0.50—0.56 м от поверхности.

На уч. 9, 10, 11, 20, 21 и 22 поверхность террасы была ровной и не носила следов заметной деформации. На уч. 9 на глубине 0.25 м было найдено, ближе к северо-восточному углу, кварцитовое орудие, представляющее собой, вероятно,

Таблица IV

Левшинская стоянка;
7—9 — каменные грузила.

обломанное грузило со сверлиной на два конуса (табл. IV, 8). В культурном слое на уч. 9—10, 21—22 открылась яма неправильно-округлой формы, заполненная более темным слоем. На уч. 10—11, 20—21 открылась другая такая же яма, несколько больших размеров, чем первая.

сосуда и 2 фрагмента от днщ аналогичных сосудов. На уч. 9, 10 и 11 кроме упомянутых находок обнаружены 2 ножевидных пластинки, 13 осколков кремня, 5 фрагментов керамики от некрупных сосудов без орнамента и 2 обломка от краев миниатюрных сосудиков. В восточной

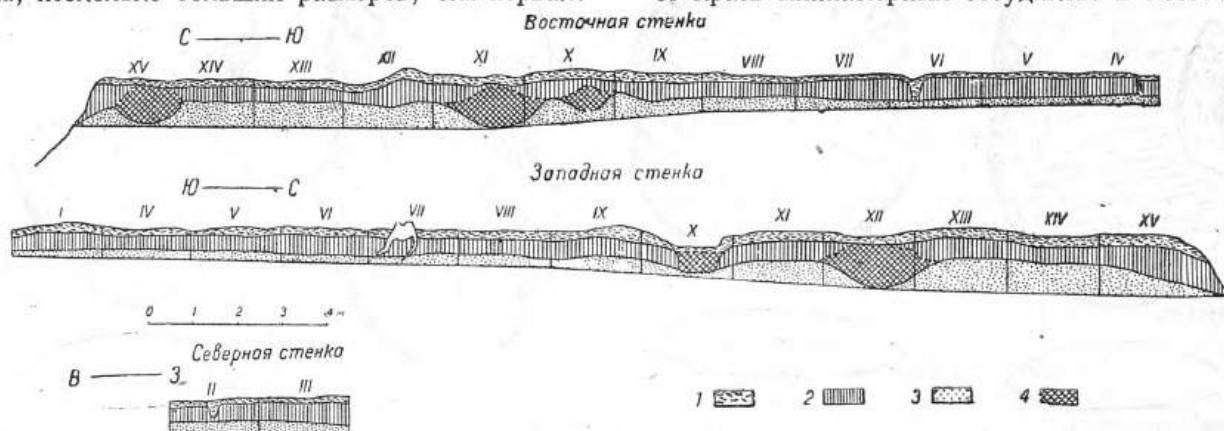

Рис. 9. Левшинская стоянка. Профили раскопа III.

1 — растительный слой и современный мусор; 2 — культурный слой — темносерый песок; 3 — желтый стерильный песок; 4 — ямы и кострища.

При расчистке обе ямы оказались углублениями неправильной чашевидной формы. Глубина первой ямы — 0.80 м от поверхности, глубина второй достигала 1.10 м. До самого дна ям встречались угольки и фрагменты керамики. Диаметр первой ямы, в верхней части, — 1.50 м, второй —

части, на уч. 20, 21 и 22, на глубине 0.25—0.75 м были найдены 2 кремневых отщепа со следами ретуши, 1 обломок ножевидной ретушированной пластинки, фрагмент от края миниатюрного сосудика с орнаментом, обломок другого такого же сосуда, но без орнамента, и 26 обломков неорнаментированной керамики, красноватой с поверхности и темной в изломе. Толщина стенок сосудов 0.5—0.7 см. Кроме того, здесь же найдены 2 обломка днщ небольших плоскостенных сосудов. Особенностью их являются значительно более толстое дно и тонкие стенки. На уч. 12—13 и 23—24 открылась в культурном слое, сразу же под дерновым слоем, яма, аналогичная вышеописанной, несколько вытянутая с севера на юг. Длина ее 2.25 м, ширина 1.80 м (рис. 8). На уч. 12 найдены 4 ножевидных отщепа (3 мелких из черного кремня, 1 крупнее из серого), 57 осколков и отщепов кремня и 103 фрагмента керамики без орнамента. Сосуды были с плоским или закругленным дном, сравнительно небольших размеров. Толщина стенок сосудов 0.4—0.5 см.

На уч. 23—24 по краям, а частично и в заполнении ямы, был найден ряд кремневых орудий и обломков керамики. В культурном слое, на глубине 0.35 м, в юго-западном углу уч. 23 встречено грузило из плоской гальки (табл. IV, 4) и скребок на конце пластинки из серого кремня. В юго-западном углу уч. 24, на глубине 0.25 м, найдены 2 таких же грузила (табл. IV, 2—3). Там же обнаружены два кремневых наконечника стрел; один из них из пластинки серого кремня, другой — листовидный, обработанный со всех сторон (табл. V, 3, 9). На этих же участках найдены скобелек из серого кремня (табл. V, 11), кремневая пластинка с ретушью по двум краям, нуклеус, кремневый нож (табл.

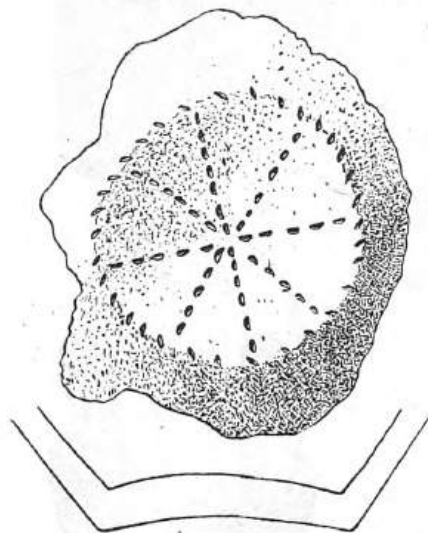

Рис. 10. Левшинская стоянка. Орнаментированное дно глиняного сосуда из раскопа III. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

2.10 м. Находки в ямах были не обильны. На уч. 10, в промежутке между ямами, на глубине 0.55 м найдено плоское дно небольшого сосуда, несколько вдавленное снизу внутрь. Толщина его 1 см, диаметр — 10 см. Цвет снаружи светлорусый и с внутренней стороны черный. По дну сосуда расположен орнамент, состоящий из радиально расположенных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 10). В слое, заполнявшем ямы, найдено несколько обломков стенок этого же

V, 15), 16 осколков кремня и 16 фрагментов керамики от краев небольших сосудов. Среди обломков имеются 2 кусочка плоских днищ небольших сосудов, 4 фрагмента от стенок с гребенчато-зубчатым орнаментом, 68 — без орнамента. По расчистке ямы выяснилось, что глубина ее достигала 0.85—0.90 м от поверхности. Участки 14, 15, 16 и 17 объединяются расположенным на них кострищем. На уч. 15 — крайнем у обрыва террасы (рис. 8) — почти всю центральную часть занимал пенёк, корни которого прошли через культурный слой и ушли в глубь стерильного слоя. Кострище, расположенное на уч. 14, 15 и 16, было вытянуто с северо-востока на юго-запад. Его размеры: длина — 1.50 м, ширина — 1.15 м; кострище началось с глубины 0.35 м от поверхности и последние его признаки исчезли на глубине 0.80 м. На уч. 14 в культурном слое найдены 5 ножевидных пластинок из серого камня (табл. III, 10), несколько галек со следами работы, нуклеусы, 23 осколка кремневых галек и 10 фрагментов керамики того же характера, что и на уч. 12. На уч. 15 над кострищем и по бокам его найдены оббитый со всех сторон ретушер из серого кремня (табл. V, 13), миниатюрный наконечник стрелы из того же материала, 3 ножевидных пластинки и 25 отщепов и осколков кремня (преобладает серый кремень). Там же найдены 5 обломков керамики, орнаментированной гребенчатым штампом, 1 обломок плоскодонного сосудика и 14 черепков без орнамента. В слое кострища на том же уч. 15 найдены: наконечник стрелы из пластинки (табл. V, 4), 5 пластинок, провертка из кремневого отщепка (табл. V, 12), 23 отщепка и осколка кремня, 19 мелких обломков керамики без орнамента и 3 орнаментированных гребенчато-зубчатым штампом. На уч. 16—17 найдены: 7 пластинок (одна из них, повидимому, вкладыш), скребок на конце пластинки из светлосерого полупрозрачного кремня (табл. III, 7), 2 нуклеуса из серого кремня, 34 осколка и отщепка от кремневых кварцитовых галек (некоторые осколки носят следы использования) и 23 фрагмента керамики, без орнамента. На уч. 18, на глубине 0.45 м, открылось небольшое кострище, размером 0.70×0.90 м, вытянутое с востока-северо-востока на запад-юго-запад. Мощность слоя кострища — 0.10 м. В кострище и культурном слое найдены: 2 кремневых пластинки, 4 кремневых осколка и 17 фрагментов керамики. На некоторых из них имеются следы неглубокого ямочного орнамента. Найдены 2 фрагмента днищ плоскодонных сосудов. В слое кострища часто встречались угольки. На уч. 19 в культурном слое также встречались редкие угольки. Здесь найдены 2 обломка костяных орудий, повидимому наконечников стрел (табл. V, 10). Кость, очевидно, была в огне, так как сильно кальцинировалась. Найдено 6 осколков кремня и 9 мелких фрагментов керамики, без орнаментов. Находки на уч. 19 шли до глубины 0.45 м, начиная с 0.25 м. На

всей площади раскопа глубина участков зависела от характера залегания культурного слоя. Характер залегания культурного слоя виден на чертежах стенок раскопа (рис. 9).

Раскоп IV находился в 18 м к востоку от раскопа III, в той же центральной части стоянки: его размеры 6×10 м; он также был разбит на участки по 2×2 м. Поверхность террасы в этом месте имела ряд незначительных повреждений.

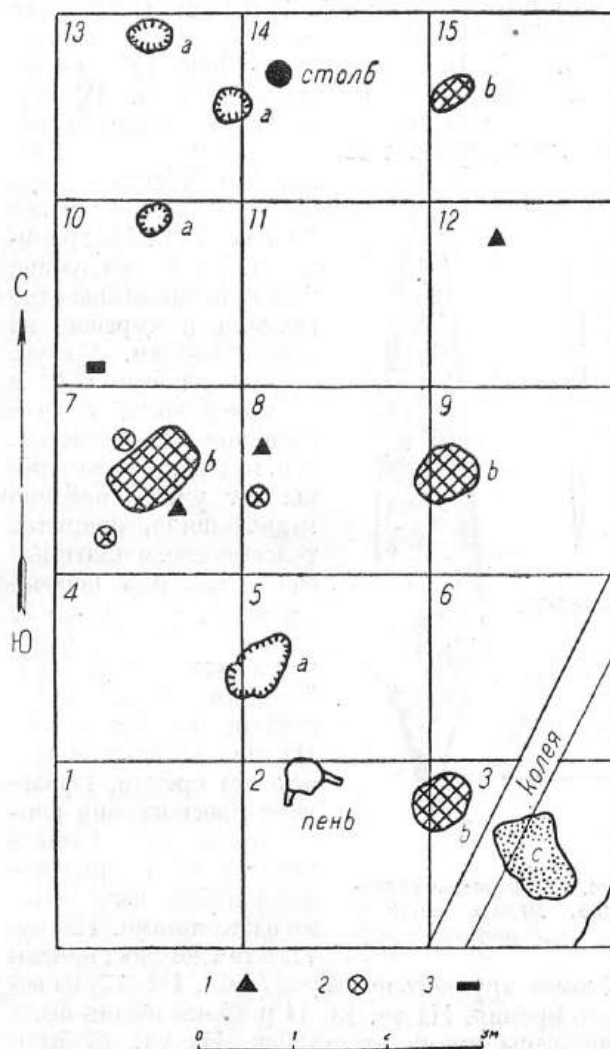

Рис. 11. Левшинская стоянка. План раскопа IV. 1 — кремневое орудие; 2 — грузило из гальки; 3 — медное шило; а, с — поздние ямы и мусор; b — древние кострища.

Через уч. 3 и 6 прошла колея дороги, сейчас заброшенной, на уч. 5 — поздняя, еще незадернованная яма, на уч. 14 — яма от телеграфного столба, в северной части уч. 10 и на уч. 13 — округлые небольшие ямы также от столбов, в северной части уч. 2 — полусгнивший пенёк (рис. 11 и 13). Дерновый слой достигал мощности 0.15 м и находок не дал. Серый песчаный культурный слой на уч. 1—4, на глубине 0.25—0.40 м от поверхности, дал 6 осколков кремня и 5 небольших обломков керамики с зубчато-гребенчатым орнаментом. На уч. 3 в культурном

слое встречены слабые остатки небольшого темного пятна, быть может следы кратковременного кострища. На уч. 5 на глубине 0.15—0.35 м встречены 15 обломков керамики без орнамента и 2 отщепы: кремневый и кварцитовый. На уч. 7 замечено пятно кострища с характерными признаками: угольками, темнокрасной (от обжига) прослойкой земли и т. д. Мощность слоя кострища составляла 0.35 м. Вблизи него встречено, на глубине 0.40 м, грузило из плоской выщербленной с двух сторон гальки (табл. IV, 5). В самом кострище найдено на глубине 0.65 м второе грузило (табл. IV, 7), скребок из отщепы темносерого кремня и несколько кремневых обожженных осколков. Раз-

меры кострища — 1 м в длину и немного менее 1 м в ширину. На границе уч. 7 и 8, на глубине 0.40 м, найдены еще одно грузило и скребок из серого кремня. На уч. 10, на глубине 0.42 м от поверхности в юго-западном углу участка, т. е. недалеко от кострища на уч. 7, найдено медное шило, покрытое толстым слоем платины¹ (рис. 12). Кроме перечисленного, на уч. 6—10 обнаружены 10 осколков и отщепов кремня и 6 мелких обломков керамики без орнамента. На уч. 11 встречены 2 осколка кремня, 1 фрагмент плоского дна глиняного сосуда и 1 обломок керамики, орнаментированный неглубокими вдавлениями. На уч. 12, в том же слое, найден

Рис. 12. Левшинская стоянка. Медное шило и нож.

обломок крупного нуклеуса (табл. III, 17) из серого кремня. На уч. 13, 14 и 15 наслоения были нарушены ямами от столбов. На уч. 15 были видны следы небольшого кострища размером 0.50×0.75 м, с толщиной слоя 0.10—0.15 м. Находками кострища не сопровождалось. Бедность культурного слоя в пределах раскопа IV говорит, вероятно, о его разрушении в древнее время, однако и здесь можно было заметить, что находки, как и в других раскопах, концентрировались в кострищах и вокруг них. Находки на уч. 7, 8 и 10 располагались вокруг кострища на уч. 7.

Степень сохранности наслоений на месте раскопа показала нецелесообразность дальнейшего увеличения его площади. Пригодная для исследования площадь имела лишь к западу от раскопа III, где был заложен еще один раскоп.

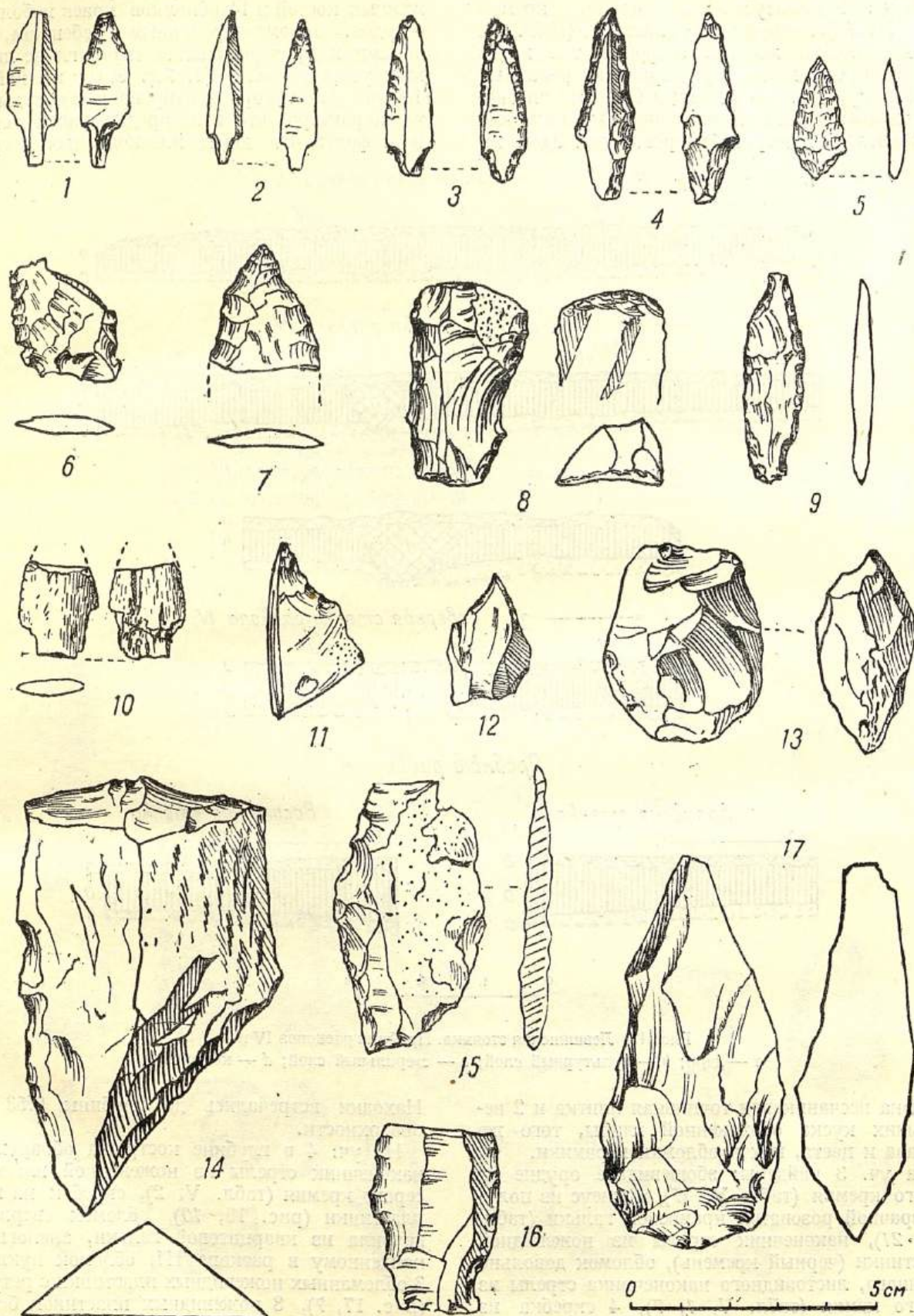
¹ Качественный анализ шила произведен В. Н. Коновым в ИИМК АН СССР.

Поверхность террасы в этом месте была слегка поката к западу. Внешних повреждений незаметно. Размеры раскопа V составляли сначала 4×4 м, затем были увеличены до 8×4 м. Раскоп разбит на 8 участков по 2×2 м. В стратиграфии наслоений здесь обнаружено значительное отличие от того, что было выявлено всеми предыдущими раскопами. Уже в дерновом слое, имеющем незначительную мощность, встречались кремневые отщепы, осколки кремня и керамика. На глубине 0—0.20 м, на уч. 1—4 найдены: 3 обломка ножевидных пластинок со следами ретуши, 9 осколков серого кремня с известняковой коркой, мелкий обломок кальцинированной косточки со следами обработки, быть может обломок вкладышевого орудия, 42 обломка керамики, главным образом неорнаментированной. Среди орнаментированных обломков один имеет прочерченный узор. Встречены фрагменты плоскодонного сосуда. Толщина обломков керамики составляет 0.5—0.6 см. На уч. 5 найдены 3 сланцевых отщепы, 2 осколка кремня и 13 обломков неорнаментированной керамики. На уч. 6 найдены: 10 отщепов и осколков кремня, 1 миниатюрная ножевидная пластинка, 1 обломок края небольшого неорнаментированного сосуда, часть края сосуда, орнаментированного редкими неглубокими ямками, и 14 обломков неорнаментированной керамики, аналогичной найденной на предыдущих участках. На уч. 7 найдены: 3 осколка кремня, нуклеус из кремневой гальки, 1 обломок края сосуда с прочерченным орнаментом, 1 обломок края небольшого сосуда, орнаментированного рубчиками по венчику, и 16 фрагментов небольших орнаментированных сосудов. На уч. 8 найдены: 1 обломок ножевидной пластинки с ретушью, 5 осколков кремня и 10 черепков без орнамента.

После зачистки первого слоя обнаружилось, что на площади раскопа имеются 2 кострища, первое, расположенное на уч. 1—4, и второе — на уч. 1 и 2 и частично на уч. 7—8 (см. план раскопа, рис. 14). Оба кострища несколько вытянуты с юго-запада на северо-восток. Длина их 1.35—1.50 м, ширина 1.05—1.25 м. Оба кострища имеют форму чаши или воронки (рис. 15); их заполнение состоит из черной земли, содержащей угольки и кальцинированные косточки. Хорошо прослежены прослойки красноватого от обжига песка и прослойки углей.

В кострищах и в культурном слое вокруг них сделаны следующие находки. На уч. 1 — четыре обломка кремневых ретушированных пластинок, 3 небольших скобелька из осколков и 70 отщепов и осколков кремня. Преобладает серый кремль. Найдено также 9 фрагментов от небольших сосудов, украшенных орнаментом из мелких вдавлений, рубчиков и пр. (табл. VI, 8, 12), 8 обломков плоских днищ и 72 обломка стенок неорнаментированных сосудов. Толщина обломков у краев 0.3—0.5 см; у дна до 1 см. Цвет светлокоричневый, примесей в тесте незаметно. Вся керамика ручной лепки.

Таблица V

Левшинская стоянка.

1—17 — кремневые орудия.

На уч. 2, в культурном слое и в кострище II, найдены: 1 нуклеус из зеленоватого кремня (табл. III, 18), 2 ножевидных пластинки (табл. III, 2), 22 осколка кремня, 5 фрагментов краев небольших сосудиков, скупо орнаментированных по венчику, 3 обломка днищ небольших плоскодонных сосудов, 10 обломков посуды со следами орнамента и 55 неорнаментированных. Здесь же

25 мелких обломков кальцинированных пережженных костей и 14 обломков краев небольших сосудов, орнаментированных гребешком, зубчиками и прочерченных по сырой глине линейным узором (табл. VI, 14). Здесь же найдено 120 обломков неорнаментированной посуды того же характера, что и на предыдущих участках, и 4 фрагмента днищ плоскодонных сосудов.

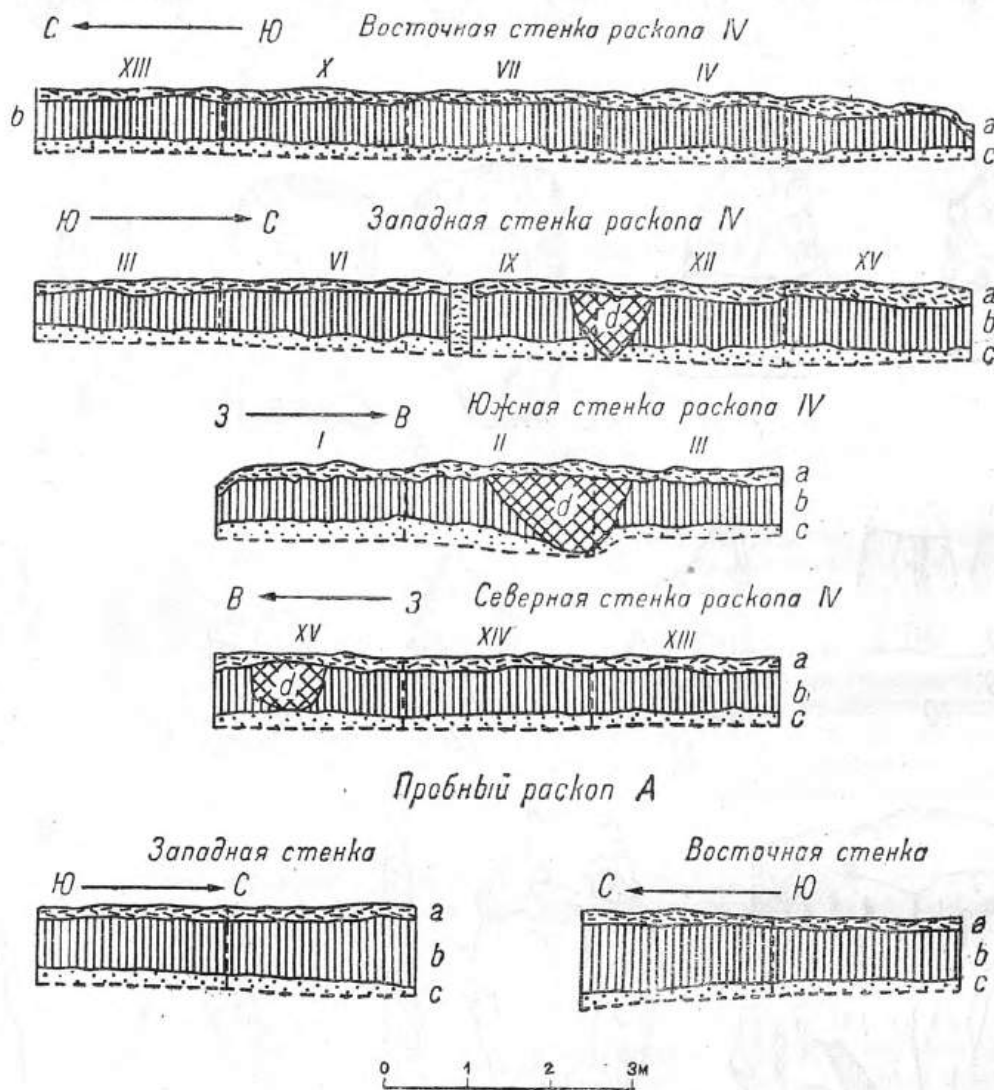

Рис. 13. Левшинская стоянка. Профили раскопов IV и А.
а — дерн; б — культурный слой; с — стерильный слой; d — кострище.

найдена песчаниковая точильная плитка и 2 небольших куска обожженной глины, того же состава и цвета, как и обломки керамики.

На уч. 3 найдены: эбошевидное орудие из серого кремня (табл. V, 17), нуклеус из полупрозрачной розовой кремневой гальки (табл. III, 27), наконечник стрелы из ножевидной пластинки (черный кремнь), обломок довольно крупного, листовидного наконечника стрелы из серого камня (табл. V, 1, 7), 4 скребка из отщепов (рис. 16, 7, 27), 3 обломка ретушированных и 11 неретушированных ножевидных пластинок, 101 отщеп и осколок кремня,

Находки встречались до глубины 0.53 м от поверхности.

На уч. 4 в глубине кострища обнаружены: наконечник стрелы из ножевидной пластинки серого кремня (табл. V, 2), скребок на конце пластинки (рис. 16, 10), обломок сверленного грузила из кварцевой гальки, аналогичный найденному в раскопе III, обломок нуклеуса, 3 обломанных ножевидных пластинки с ретушью (рис. 17, 7), 8 ножевидных пластинок без ретуши, 149 отщепов и осколков, главным образом серого кремня, 22 фрагмента краев небольших сосудов, орнаментированных гребешком, зуб-

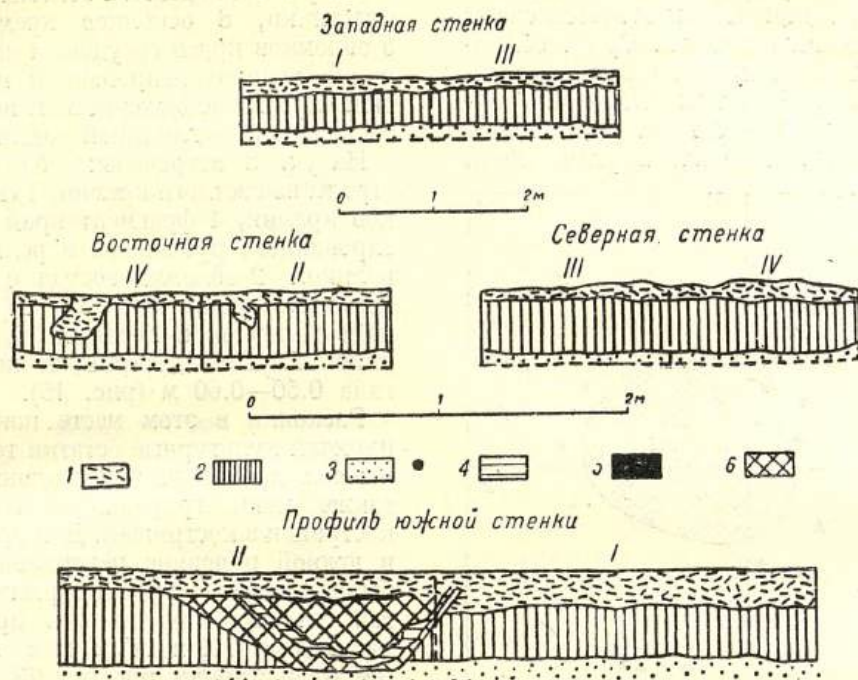

Рис. 15. Левшинская стоянка. Профили раскопа V.

1 — дерн; 2 — культурный слой — серый песок; 3 — песок желтый стерильный; 4—6 — кострищные слои.

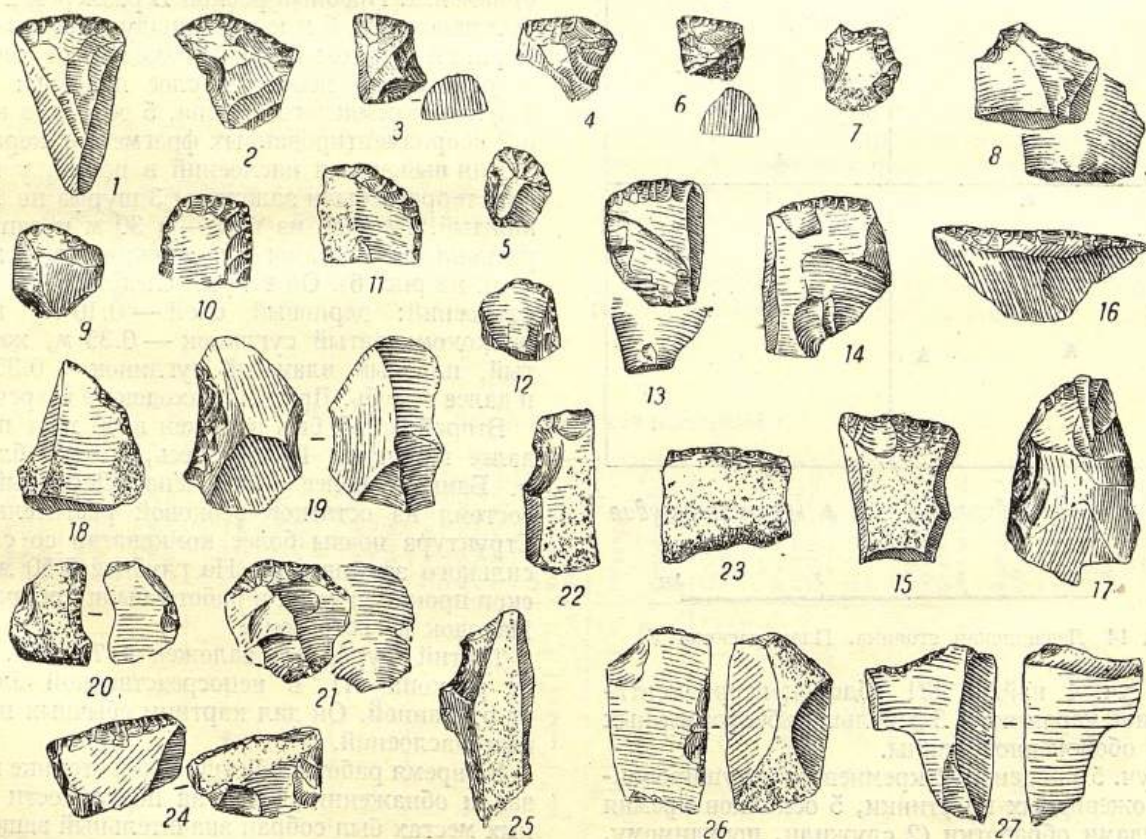

Рис. 16. Левшинская стоянка.

1—27 — кремневые орудия. $\frac{2}{3}$ nat. вел.

чиками или неорнаментированных, 4 обломка плоских днищ, на одном из них имеются следы отпечатков гребенчатого штампа. Среди обломков посуды имеется один, сплошь орнаментированный зубчато-гребенчатым чеканом. Толщина стенок сосудов 0.4—0.8 см. В кострище найдены 3 обгорелых косточки и угли. Здесь

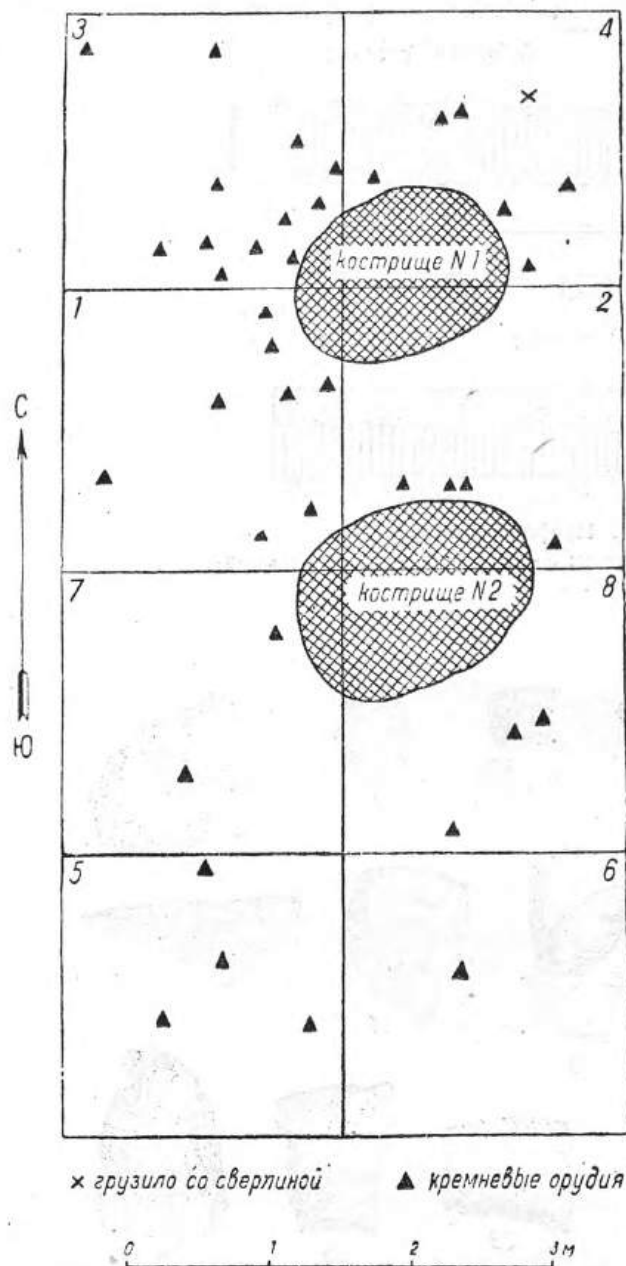

Рис. 14. Левшинская стоянка. План раскопа V.

же на уч. 4 найден 221 обломок неорнаментированной керамики и 3 небольших бесформенных куска обожженной глины.

На уч. 5 найдены: 2 кремневых ретушированных ножевидных пластинок, 5 осколков кремня со следами обработки (2 служили, повидимому, скребельками), один осколок сланца, 22 фрагмента керамики без орнамента.

На уч. 6. находок не встречено.

На уч. 7 найдены: 1 обломок ретушированной пластинки, 8 осколков кремня и кварцита, 5 обломков краев сосудов, 4 части днищ, 22 обломка неорнаментированной посуды и небольшой кусок обожженной глины, быть может часть какой-то глиняной поделки.

На уч. 8 встречены: обломок наконечника стрелы из светлого кремня, 1 скобелек, 13 осколков кремня, 1 фрагмент края сосуда, орнаментированного рубчиками и рельефным наlepным валиком, 2 обломка сосуда с гребенчатым орнаментом (табл. VI, 5), 27 обломков неорнаментированной керамики и 2 части плоских днищ. Глубина кострищ от поверхности достигала 0.50—0.60 м (рис. 15).

Раскопки в этом месте показали, что здесь имеются культурные остатки того же характера, что и в других частях стоянки. Находки здесь также концентрировались вокруг небольших кострищ и в кострищах. Для проверки наслоений в южной половине центральной части стоянки были заложены пробные раскопы А и Б. Первый из них находился в промежутке между раскопами III и IV, ближе к краю террасы (см. план стоянки, рис. 6 и 13). Размеры раскопа 2×4 м. В культурном слое раскопа А найдены сланцевое крупное скребковидное орудие (табл. V, 14), 5 пластинок (рис. 17, 17, 18), миниатюрный скребок (табл. III, 16), 23 отщепы и осколка кремня и 4 фрагмента керамики, без орнамента. Пробный раскоп Б размером 2×2 м был заложен в 6 м к юго-западу от раскопа III. Верхний дерновый слой находок не дал. Во втором, сером песчаном слое найдены: 1 скобелек из кремневого отщепа, 5 осколков кремня и 7 неорнаментированных фрагментов керамики.

Для выяснения наслоений в пойме, у подножия террасы были заложены 3 шурфа по 1 кв. м каждый. Первый из них — в 30 м к западу от раскопа V, у самого подножия террасы (см. план на рис. 6). Он вскрыл следующую картину наслоений: дерновый слой — 0.10 м, темный мелкокомковатый суглинок — 0.35 м, желтоватый, плотный, влажный суглинок — 0.35—1 м и далее вглубь. Древних находок не встречено.

Второй шурф был заложен в 40 м от первого далее к западу. Почва здесь, в виду близости р. Банной, более заболочена. Дерновый слой состоял из остатков осоковой растительности. Структура почвы более комковатая со следами сильного заиливания. На глубине 0.50 м в раскоп проникла вода, и работы были прекращены. Находок не встречено.

Третий шурф был заложен в 70 м к северу от раскопа III, в непосредственной близости от р. Банной. Он дал картину обычных пойменных наслоений.

Во время работ на Левшинской стоянке в обрехах и обнажениях ям и на поверхности в разных местах был собран значительный вещественный материал. Были найдены: грузило из плоской асимметричной угловатой гальки, выщербленной с двух краев (табл. IV, 7), обломок побы-

вавшего в огне кремневого наконечника стрелы или дротика (табл. V, 6), скребковидное орудие из черного с серыми прожилками кремня, служившее, повидимому, инструментом для обработки дерева (табл. V, 8), 6 ножевидных

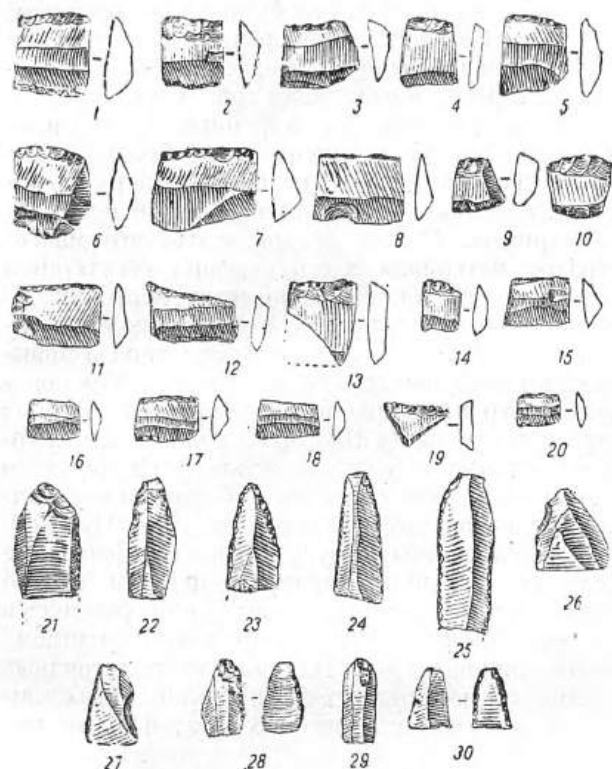

Рис. 17. Левшинская стоянка.

1—30 — орудия из ножевидных пластинок.

отщепов из серого кремня, обломок нуклеуса из серого кремня, скребек из осколка кварцитовой гальки и, наконец, 35 отщепов и осколков кремня и кварцита. Среди последних преобладают осколки небольших хорошо окатан-

ных галек, но есть также осколки с известняковой коркой.

Кроме того, было собрано 255 обломков керамики от различных по величине и форме сосудов. Судя по орнаменту, толщине, окраске поверхности, различию формы венчиков сосудов и другим признакам, здесь были собраны части не менее чем 15—20 сосудов. Более подробное описание керамики будет дано ниже.

Общий геоморфологический анализ песчаной террасы, на которой расположена Левшинская стоянка, дан в работе А. В. Шмидта. Он называется ее второй надпойменной речной террасой, что, повидимому, вполне подтверждается последними исследованиями на Каме, о которых говорилось выше. Ее высота над уровнем Камы составляет 13—14 м, а абсолютная высота над уровнем моря 99—100 м. Ширина террасы составляет около 200 м.

Стратиграфия стоянки, выявленная всеми раскопами, дала следующую смену наслоений.

Дерновый слой и современный строительный мусор 0.03—0.25 м
Серый песчаный культурный слой 0.25—0.65 м
Желтый стерильный песок 0.65—1.50 м и глубже.

В отдельных местах под кострищами и в ямах культурный слой опускался до глубины более метра, но всегда на незначительной площади. Нигде не было замечено какой-либо двуслойности в залегании культурных остатков. Вопросы об одновременности древних культурных остатков на Левшинской террасе еще придется касаться и далее, но данные стратиграфии говорят о полной однослойности Левшинского местонахождения.

Прилагаемая табл. 1 представляет собой перечень сделанных в 1934 г. находок. Наиболее

Таблица 1

Находки на Левшинской стоянке (1934 г.)

Раскоп	Ножевидные пластины с ретушью	Ножевидные пластины без ретуши	Скребки из пластинок	Скребки из осколков и отщепов	Скобелки из осколков и отщепов	Наконечники стрел из пластинок	Наконечники стрел, отретушированные с двух сторон и листовидные	Обломки мелких полированных орудий	Нуклеусы	Грузила из галек	Грузила со сферичной	Отщепы и осколки кремня, кварцита и других пород	Отщепы и осколки сланца	Неорнаментированные фрагменты стенок сосудов	Фрагменты краев сосудов	Орнаментированные фрагменты керамики	Фрагменты от плоских донн сосудов
I	4	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	31	—	57	32	42	—
II	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	13	—	8	—	—	—
III	4	31	3	1	1	2	2	1	6	3	1	227	—	301	20	9	8
IV	—	1	—	1	—	—	—	2	1	3	—	20	3	21	—	6	1
V	17	22	1	4	6	2	—	1	4	—	1	390	6	634	49	21	29
A	—	5	—	1	—	—	—	—	—	—	—	23	—	4	—	—	—
Б	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	5	—	7	—	—	—
Сб.	6	—	—	—	1	—	1	2	1	1	—	35	—	55	25	175	—
Всего	31	60	4	7	9	4	5	6	12	8	2	744	9	1087	126	253	38

многочисленной группой среди них являются ножевидные пластинки. Треть их количества имеет подретушевку по одному или обоим краям. Ширина пластинок составляет 0.5—2 см, длина до 10 см. Некоторые пластинки несомненно являлись вкладышами (рис. 17, 1—20). Материал всех более крупных ножевидных пластинок — серый кремнь. Из этой группы орудий необходимо выделить пластинки, сильно изогнутые в профиле, с остро заретушированным концом (табл. III, 8, 9). Часть из них служила проколами и шильями. Найденные на стоянке нуклеусы имеют правильные призматические очертания; встречаются также нуклеусы из галек со следами лишь нескольких сколов (табл. III, 18—21). Часть отработанных нуклеусов использовалась, вероятно, в качестве орудий (табл. III, 21) для обработки дерева. Это же назначение имело и орудие, изображенное на табл. V, 8. Группа скребков распадается на две части. Первая, более архаичная по форме и технике, — это скребки на концах пластинок (табл. III, 13—15) и вторая — скребки на отщепах и осколках кремня (рис. 16, 2—16, 21, 24). Архаичны наконечники стрел из пластинок (табл. V, 1—4). Иногда они имеют ретушь лишь с одной стороны, для выделения черешка и придания остроты ударному концу орудия. На ряду с этим типом были в употреблении и обычные отретушированные со всех сторон наконечники, приближающиеся к листовидной форме (табл. V, 5—7, 9). Длина наконечников из пластинок 2.5—4.5 см. Листовидные наконечники отличаются более крупными размерами. Значительная группа отщепов и осколков кремня употреблялась как режущие орудия и как скребельки при выделке древков стрел (рис. 16, 19—20, 25—27). Полукруглые заретушированные выемки имеются как на осколках, так и на ножевидных пластинах. Интересны два орудия, обработанные со всех сторон. Это ретушер и эбшевидное орудие, судя по сработанности на одном из концов, употреблявшееся как рубящее. Обработка сильными уверенными сколами видна и на рыболовных грузилах, изготовленных из плоских, хорошо окатанных галек. Этот тип орудия хорошо известен и по раскопкам А. В. Шмидта, при которых было найдено 17 грузил из галек, лежащих в одном месте (брошенная или спрятанная рыболовная сеть?). В 1934 г. грузила также иногда встречались по несколько штук на близком расстоянии одно от другого. Грузила имеют по две резких выщербины для привязывания, иногда настолько значительные, что в плане галка приобретает форму восьмерки. Особое место занимают два обломка сверленных орудий, также изготовленных из плоских кварцитовых галек. Сверление производилось с двух сторон конусовидным сверлом. Возможно, что эти предметы являются также грузилами. Чтобы закончить обзор орудий из камня, необходимо указать еще на нож из кремневой плитки, с двусторонней ретушью по одному из

краев. Этот тип орудия по технике и материалу часто встречается на других стоянках района устья р. Чусовой.

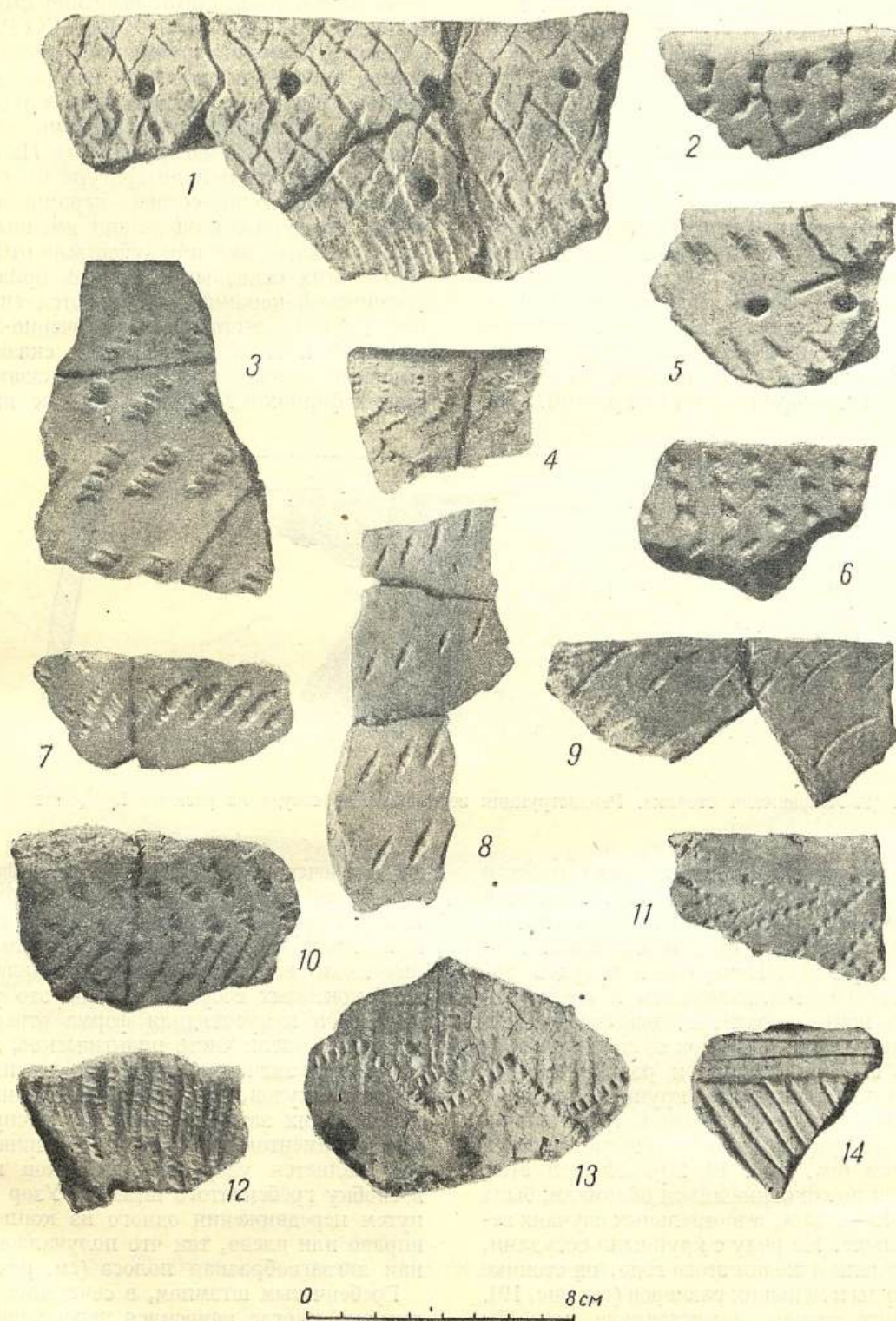
Каменные орудия производились на месте, о чем говорит значительное количество кремневых отщепов и осколков, встреченных вокруг кострищ. Особенно много было их на раскопах III и V. Как уже отмечалось выше, в работу шел материал двоякого рода: камень, принесенный с реки, в виде более или менее крупных галек, и кремнь из коренных отложений. Обращает на себя внимание разнообразие пород камня среди отщепов и осколков. Часто пробовали колоть даже кристаллизованный песчаник и кварциты. Можно предполагать, что многообразие материала здесь вызвано отсутствием хорошего кремня. По количеству первое место занимают осколки кремня с известняковой коркой и без следов окатывания. Эта порода добывалась где-то поблизости от стоянки. Как показал осмотр известняков в карьерах на Банной горе и в штольнях Шустовой горы у дер. Турбино, а также осмотр обнажений у Галкинского городища, кремнь этот мог добываться в известковых толщах здесь же в районе устья Чусовой.

Были находимы и орудия из кости. Почвенные условия песчаной террасы сохранили однако лишь три кальцинированных (обгоревших в костре) обломка костяных орудий, повидимому наконечников стрел. Наличие микролитовидных кремневых ножевидных отщепов (рис. 17) и следы пазов на одном из костяных орудий позволяют высказать уверенность в наличии здесь вкладышевых орудий, широко известных в соседних районах Урала. Вероятно, для заполировки костяных орудий служила и песчаниковая плитка с продольными углублениями, найденная в раскопках 1934 г.

Особо стоит вопрос о полированных и шлифованных каменных орудиях. Первоначально считалось, что среди материала Левшинской стоянки орудия этого типа отсутствуют. Тщательный просмотр массы осколков и обломков камня из раскопок 1934 г. привел, однако, к установлению наличия нескольких (6) мелких обломков полированных орудий, вероятно в виде долот или стамесок. В материалах А. В. Шмидта также имеется полированная стамеска; старые материалы Левшинской стоянки содержат обломки двух шлифованных орудий, вероятно топоров. Среди материала, хранящегося в Молотовском музее, также имеется ряд обломков полированных орудий. Сейчас совершенно очевидно, что полированные орудия употреблялись населением стоянки достаточно широко.

Никаких следов металлургии на стоянке не обнаружено. Нет ни шлаков, ни льячков, ни кусочков руды, столь обычных находок на поселениях, где существовало производство металлических изделий. Однако при раскопках А. В. Шмидта на Левшинской стоянке были найдены медный листовидный нож и обломок какого-то другого мелкого медного предмета. В раскоп-

Таблица VI

Левшинская стоянка.
1—14 — фрагменты керамики.

ках 1934 г., вблизи очага на уч. 10 раскопа IV, найдено медное шило, прямоугольное в сечении, заостренное с обоих концов, длиной 9,5 см, толщиной в средней части 0,3 см (см. рис. 12).

Самой многочисленной группой находок является керамика, представленная более чем 1500 обломками. Все сосуды были сделаны без применения круга, от руки, жгутовым или ленточным способом лепки, о чем говорит ряд признаков, прежде всего характер изломов по границам полос. Керамика изготовлялась тут же на стоянке, о чем свидетельствуют бесформенные кусочки обожженной глины, найденные в кострищах. Их следует рассматривать как отбросы при производстве сосудов. Обжиг керамики невысокий, соответствующий, по видимому, температуре открытого очага — кострища. Вся керамика имеет бледный песочный цвет и лишь небольшое количество ее отличается несколько более красновато-коричневатой окраской. На

первого типа. Между первыми и вторыми имеются, однако, некоторые различия в орнаменте.

Наиболее распространенной керамикой восточноевропейского неолита, особенно стоянок бассейна Оки, Волги и северо-запада СССР, является керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией. В этих районах встречаются сосуды, сплошь покрытые круглыми, ромбическими или овальными в плане, вдавлениями, делающими поверхность сосуда похожей на пчелиные соты. На основании этого в иностранной литературе иногда и употребляется термин «сотовая керамика». Обычны также различные комбинации ямочных вдавлений с гребенчатыми или зубчатыми отпечатками. Кроме этих основных элементов орнамента, на левшинской керамике встречаются еще некоторые другие, например прочерченно-линейный, налепной и т. д., о них будет сказано особо. Ямочный орнамент в его, так сказать, классических формах в Левшино почти не встречается

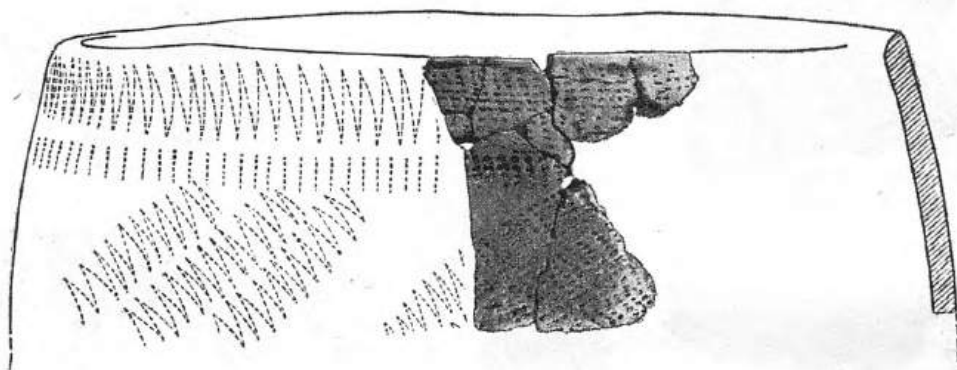

Рис. 18. Левшинская стоянка. Реконструкция верхней части сосуда из раскопа I. $\frac{1}{4}$ нат. вел.

ряде обломков с внутренней стороны имеется черный углистый налет или нагар. Примесей в тесте незаметно, кроме примеси мелкого песка, не имеющего характера «дресвы», обычной в неолитической керамике. Поверхность сосудов довольно тщательно заглаживалась и следов заглаживания почти незаметно, исключение составляют несколько обломков со штрихами на внутренней стороне. Формы и размер сосудов были различны. Существовали крупные, довольно толстостенные сосуды яйцевидной или конической формы, с прямым, или чуть загибающимся внутрь краем (см. рис. 18, 20). Высота этих сосудов, судя по сохранившимся обломкам, была не менее 0,45—0,55 м, а в отдельных случаях вероятно и больше. На ряду с крупными сосудами, как это показали находки этого года, на стоянке имелись сосуды и меньших размеров (см. рис. 19). Часть мелких сосудов представляла как бы сильно уменьшенную копию больших, сохраняя их форму и характер орнаментации, другая часть имела плоское дно, иногда даже несколько вогнутое внутрь (см. рис. 10). Цвет этой керамики, обжиг и состав глины не отличаются сколько-нибудь значительно от сосудов

за исключением небольшого числа фрагментов, покрытых таким узором (напр. табл. VI, 2). В комбинации с зубчато-гребенчатыми отпечатками ямки встречаются чаще. Отдельные круглые ямки, вернее отверстия, сделанные уже в обожженных сосудах, как на это указывают штрихи и конусовидная форма отверстий, по видимому имели чисто практическое, а не орнаментальное значение, служа для скрепления лопнувших сосудов, при их использовании для хранения сухих запасов. Наиболее распространенным орнаментом на крупных левшинских сосудах является узор из отпечатков изогнутого в скобку гребенчатого штампа. Узор наносился путем передвижения одного из концов штампа вправо или влево, так что получалась изломанная зигзагообразная полоса (см. рис. 18).

Гребенчатым штампом, в сочетании с редкими ямками, иногда наносился перекрещивающийся узор, весьма напоминающий хорошо известные среди неолитической керамики отпечатки рыболовных сетей (табл. VI, 7). Иногда отпечатки скобовидного чекана наносились в виде полос (табл. VI, 9). Зубчатые отпечатки очень разнообразны по форме и величине (табл. VI). Плоско-

донная керамика орнаментирована несравненно беднее, хотя, повидимому, неорнаментированные горшки встречались и среди крупных яйцевидных сосудов (напр. один из сосудов из ко-

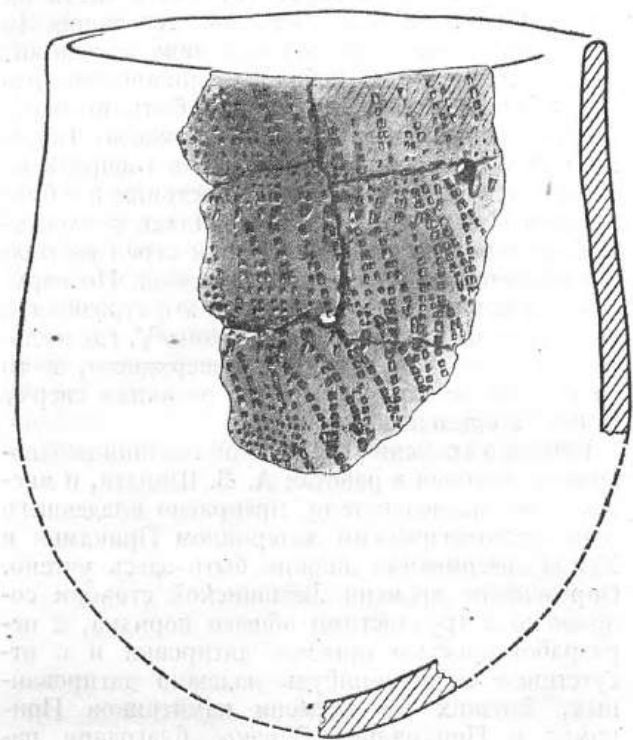

Рис. 19. Левшинская стоянка. Реконструкция сосуда из раскопа I. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

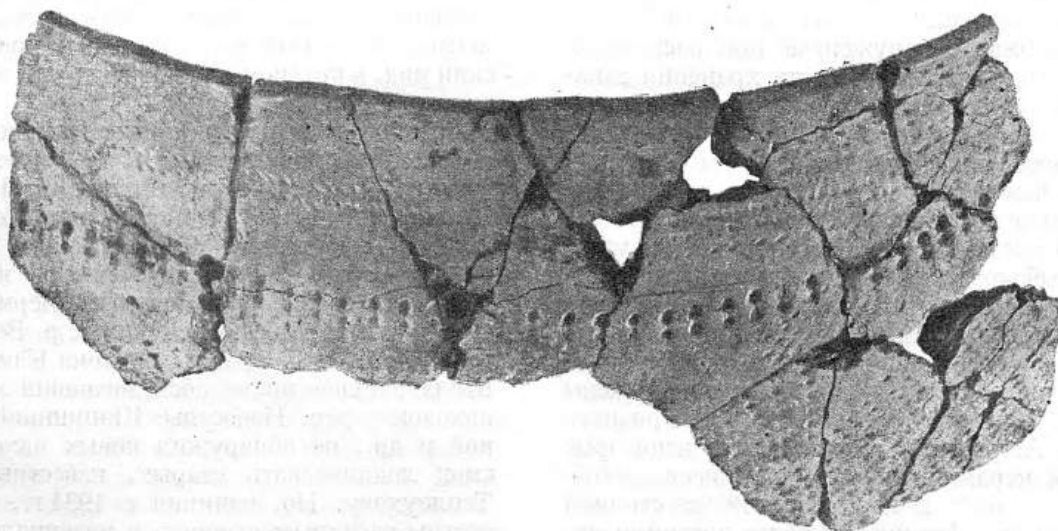

Рис. 20. Левшинская стоянка. Часть сосуда из раскопа I. Ок. $\frac{1}{2}$ нат. вел.

стрища в раскопе I). На плоскодонных сосудах имеется обычно орнамент из отпечатков, нанесенных гребенчатым чеканом, заходящих иногда и на днище (рис. 10). По краю сосудов идут защипы, рубчики, а в одном случае налест. Прочерченный орнамент, состоящий из линейно-штрихового рисунка, встречен на фрагментах

от крупных сосудов (табл. VI, 14), но чаще он наблюдается на мелких. Отпечатки узкого прямого гребенчатого штампа иногда напоминают отпечатки веревочки, но настоящий шнуровой или веревочный орнамент отсутствует.

Различия в форме и в величине сосудов могут указывать на различное их назначение. В то время как большие сосуды служили для варки пищи на большой коллектив, являясь, так сказать, «общим котлом», и употреблялись для хранения запасов, мелкие и средние сосуды служили питьевой посудой.

Судя по целому ряду данных, древние обитатели Левшинской стоянки прежде всего были рыбаками. Поселение было расположено на берегу оз. Банного, представляющего собой старицу р. Чусовой. В закрытых, сравнительно неглубоких бассейнах, какими являются пойменные озера и заливы (по-местному «курьи»), ловить рыбу, остающуюся здесь после весеннего половодья, можно весьма примитивными способами, вполне доступными населению неолитической эпохи. Рельеф местности вблизи стоянки говорит о том, что еще совсем недавно помимо озера здесь существовали протоки, по которым и сейчас каждую весну идут чусовские воды. И в настоящее время эти протоки перегораживаются «запорами» из кольев и ивовых прутьев. При спаде вод эти запоры дают массу рыбы. По данным этнографии известна древность этого способа рыбной ловли, не требующего никаких особо сложных орудий лова.¹ В меженное время в обмелевших протоках и курьях,

где обычно всегда бывает множество крупной и особенно мелкой рыбы, несомненно применялись сети, быть может, типа небольшого «бредня»

¹ Археологические свидетельства о древности этого способа ловли рыбы опубликованы В. В. Федоровым в статье «Рыболовные снаряды неолитической эпохи из долины р. Оки». (Сов. археол., т. II, 1937, стр. 65—75).

или «недотки». Об этом говорит сравнительно большое количество грузил трех типов: а) крупных, от концов сети, б) обычных, из галек, располагавшихся по нижнему краю сети, и в) сверленных, быть может, укреплявшихся на месте соединения сети с веревкой. О наличии сетей говорит и орнаментация керамики, в частности узор, весьма напоминающий отпечаток сети. У наносившего такой узор человека, как нам кажется, было стремление изобразить обычное для сетей сплетение.

Кремневые и костяные наконечники стрел говорят о том, что и охота занимала определенное место в хозяйстве населения стоянки. Миниатюрный размер некоторых кремневых наконечников заставляет предполагать, что наиболее вероятным объектом охоты была здесь птица. Однако, как показывают находки обгорелых косточек в кострищах, велась охота и на зверя. Имеются кости мелких и крупных животных. Кальцинированные кости из кострищ почти не поддаются определению из-за сильной их фрагментарности. Но все же удалось определить несколько косточек, найденных в кострищах на уч. 1 и 3 в раскопе V; были определены *Castor fiber* и *Sus scrofa ferus* (молодая особь).¹

При раскопках на Левшинской стоянке не обнаружено следов прочных жилищ типа землянок. Был встречен лишь ряд кострищ и какие-то ямы, недостаточно обширные, чтобы их можно было считать землянками. Эти данные скорее говорят о том, что на поселении существовали легкие наземные жилища, типа шалашей или чумов. Перед этими сооружениями, а быть может и внутри их, находились очаги открытого типа. Некоторые ямы, обнаруженные при раскопках, можно рассматривать как места хранения запасов. Таким образом Левшинская стоянка представляет собой, вероятно, место временного сезонного поселения охотников и рыболовов.

Прежде чем перейти к вопросу о дате памятника, следует установить, одновременен ли комплекс находок на стоянке. Несомненно, что удобное для рыболовства и охоты место могло посещаться в разное время. Из основного комплекса находок как будто бы выпадают: полированные орудия, обломки крупных листовидных наконечников таких типов, какие были обнаружены на другой более поздней стоянке у оз. Грязного близ хут. Астраханцева, и, наконец, некоторые фрагменты керамики, приближающиеся по общему своему виду к керамике той же стоянки у оз. Грязного. Несомненно более поздними являются фрагменты керамики (подъемный материал), богато украшенной веревочным орнаментом, с отогнутым краем, нетолстые, от сосудов средних размеров. Левшинская стоянка расположена на песчаной террасе и по характеру своих отложений весьма напоминает дюнные поселения. Известно, как чувствителен песчани-

стый культурный слой к различного рода изменениям в покрове дюны. Временное обезлесение, в результате, например, лесного пожара, усиление ветровой деятельности и т. д. могут нарушать наслоения и переносить их с места на место. При этом часть находок, лежавших *in situ* выше, может смешаться с нижележащими. Однако лишь очень небольшое количество находок Левшинской стоянки может быть признано более поздними, чем основная их масса. Таким образом о двуслойности памятника говорить не приходится. В одном и том же кострище и в ближайшем к нему соседстве находились и плоскодонная керамика, и наконечники стрел из пластинок, и обломок сверленного грузила. Но нарушение наслоений имело место, и это отразилось, например, на стратиграфии раскопа V, где культурный слой находился на поверхности, в то время как во всех остальных раскопах сверху лежал стерильный горизонт.

Вопрос о времени Левшинской стоянки неоднократно ставился в работах А. В. Шмидта, и мнение этого исследователя, прекрасно владевшего всем археологическим материалом Прикамья и Урала, несомненно должно быть здесь учтено. Определение времени Левшинской стоянки сопряжено с трудностями общего порядка, с неразработанностью приемов датировки и с отсутствием сколько-нибудь надежно датированных, близких по времени памятников Прикамья и Приуралья. Однако, благодаря работам А. В. Шмидта и работам Камской экспедиции 1932—1937 гг., в районе устья р. Чусовой стал известен ряд разновременных памятников. Их сопоставления позволили наметить некоторый относительный хронологический ряд, в котором можно выявить и место Левшинской стоянки.

Древние поселения, имеющие в инвентаре полированные (шлифованные) каменные орудия, были раньше неизвестны в камском Приуралье. Однако еще Ф. А. Теплоухов приводил значительный список случайных находок каменных орудий, в том числе шлифованных, из различных пунктов западной части б. Пермской губ. Основная масса их происходила с р. Велвы, притока р. Иньвы — правого притока Камы.¹ А. В. Шмидт, в свое время обследовавший места этих находок у дер. Новоселы, Шипициной, Шляпиной и др., не обнаружил новых находок и не смог локализовать старых, известных Ф. А. Теплоухову. Но, начиная с 1934 г., стали известны несколько стоянок, в материале которых вместе с мелкими кремневыми орудиями встречены и многочисленные каменные шлифованные орудия. Целый ряд особенностей в кремневых изделиях и особые черты в керамике позволяют считать эти стоянки более поздними по сравнению с Левшинским поселением. Еще более поздним памятником следует считать Турбин-

¹ Определение произведено В. И. Громовой в Зоологическом институте АН СССР.

¹ Ф. А. Теплоухов, Вещественные памятники..., стр. 19.

ский могильник эпохи бронзы, в котором также встречены кремневые и каменные орудия. Правда, некоторые исследователи склонны считать, что Турбинский могильник может быть синхроничным Левшинской стоянке, аргументируя это предположение наличием среди материалов Левшинской стоянки металлических орудий. Но здесь следует обратить внимание на большое различие в формах и технике металлических орудий этих двух памятников. Шило и нож Левшинского поселения сделаны из меди, путемковки металла. По своей форме нож несомненно архаичнее ножей «срубного типа», к которым близки турбинские двухлезвийные кинжалы. Левшинский нож по своей форме приближается к наиболее архаическим изделиям этого рода — к кинжалам и ножам «кипрского типа». Можно сказать, правда, что в могильниках обычно встречаются вещи более совершенные, чем находки в одновременных им поселениях. Однако такого большого различия допустить все

ледей и примеров, приводимых А. В. Шмидтом, напомним, что Левшино считается им одним из самых древних памятников в Приуралье. Абсолютная дата, указанная им, — это конец второй половины III и начало II тысячелетий до н. э.

VI. ВЫВОДЫ

Подведем краткие итоги тем выводам, которые были сделаны в отношении описанных выше местонахождений.

Памятники раннего «докерамического» неолита на территории уральского Прикамья пока неизвестны. Стоянку на уроч. Гладком, где не выявлена керамика и где кремневые изделия имеют ряд древних черт, все же нельзя признать раннеолитическим памятником.

Из числа рассмотренных наиболее древним памятником уральского Прикамья является, как это показано выше, в настоящее время Левшинская стоянка, давшая большой веществен-

Таблица 2

Наименование памятника	Наименьшая абсолютная высота находок в м	Наибольшая абсолютная высота в м	Высота над уровнем реки в м	Терраса
Дюна у дер. Н. Адищево	96 (смыв)	107.5 (вершина дюны)	20.4	Край 2-й надпойменной террасы
Левшинская стоянка	98.5	100.0	13	То же
Уроч. „Гладкое“	95	96	8	1-я надпойменная терраса
Стоянка у дер. Усть-Чусовая	—	96.5	8	То же
Стоянка у хут. Астраханцева на оз. Грязном	96	98	11	Гривы размытой 2-й надпойменной террасы
Стоянка у северного конца оз. Грязного	94.1	97.5	10	То же

же нельзя, учитывая особенно, что сходство отсутствует и в кремневом инвентаре.

Изложенные выше материалы дают возможность установить относительную дату Левшинской стоянки и определяют ее в качестве одного из ранних памятников Прикамья; эти же данные позволяют подойти и к определению времени в абсолютном выражении. В первую очередь бросается в глаза наличие архаичных черт в кремневом инвентаре. Если взять изолированно от всего комплекса кремневые наконечники стрел из пластинок, особенно изображенные на табл. V, 1—4, скребки на концах пластинок, ножевидные ретушированные пластинки, проколки и т. д., то можно подумать, что памятник имеет какую-то близость к эппалеолитической эпохе. Но наличие развитой керамики и металлических орудий говорит о том, что это лишь первое впечатление, вызванное переживанием архаических типов орудий и приемов их выработки. Датировка Левшинской стоянки облегчается наличием нескольких медных орудий. Анализируя форму листовидного медного ножа, А. В. Шмидт находит ему близкие параллели в памятниках степного юга СССР. Не повторяя здесь парал-

лельный материал, который позволяет определить ее в качестве энеолитического памятника. Очень возможно, что местонахождение на дюне у дер. Н. Адищево несколько древнее Левшинской стоянки. Однако вследствие малого числа находок на Адищевской дюне это предположение не может быть достаточно обосновано. Здесь следует отметить, что оба памятника, и Левшинская стоянка и Н.-Адищевская, расположены на краю второй надпойменной террасы, тогда как все другие памятники этого района, по материалу более поздние, находятся на всхолмлениях с более низкими отметками и на первой надпойменной террасе. Соотношение высот различных памятников дано в табл. 2.

Несмотря на находку металлических изделий, Левшинская стоянка представляет собой по общему облику культурных остатков памятник энеолитической эпохи. Медные орудия появились у древнего населения этого пункта, повидному, в результате обмена с населением степных территорий Восточной Европы. Но для нас ясно, что эти первые медные орудия не могли изменить общего облика культуры, что эти ору-

дия не могли успешно конкурировать с каменными, о чем писал еще Ф. Энгельс.¹

При анализе всех рассмотренных выше памятников каждый раз приходилось указывать, что основной формой хозяйства энеолитической эпохи в уральском Прикамье было рыболовство и уже затем охота. Особенно ясно выявилось это на материале Левшинской стоянки, где найдено много рыболовных грузил. Об этом же говорит расположение памятников по берегам озер. Этот вывод противоречит старым представлениям о Прикамье, как о крае, где с древнейших времен основой хозяйства была охота. Как показали исследования последних лет, значение охоты усиливается лишь на следующей ступени развития, когда в инвентаре стоянок появляется большое число полированных орудий. В целом, общество, оставившее нам неолитические памятники камского Приуралья, может быть определено как родовое общество в состоянии своего расцвета. Обследования, произведенные вверх и вниз по Каме от устья р. Чусовой, показали,

что в том и другом направлении неолитические стоянки отсутствуют на большом пространстве. Повидимому, мы встречаемся здесь с тем же явлением, которое неоднократно наблюдалось в более западных районах, на Оке и на Волге. Речь идет о группировке памятников, о районах, густо заселенных в эпоху неолита, отделенных друг от друга большими незаселенными пространствами. «Население в высшей степени редко, — писал Ф. Энгельс об эпохе родового строя, — оно гуще только в месте жительства племени, вокруг которого лежит широким поясом прежде всего область охоты, затем нейтральный защитный лес, отделяющий его от других племен».¹ Устье р. Чусовой, несомненно, являлось местом жительства одного из неолитических племен. Однако более яркий материал для характеристики этого племени дают не те памятники, которые освещены в настоящей статье, а главным образом другие, более поздние, исследованные в 1934—1937 гг., материал которых еще не окончательно обработан.

N. PROKOŠEV

LES STATIONS DU NÉOLITHIQUE SUPÉRIEUR DE LA RÉGION KAMA-OURALIENNE

(Résumé)

La région de Molotov présente près de l'embouchure de la Čusovaja plusieurs stations et gisements néolithiques. Une partie était connue de longue date, les autres ont été découverts et étudiés par la mission archéologique de la Kama (1934—1937) dirigée par l'auteur. Une série de nouvelles données fournies par les fouilles de ces dernières années permet de dresser un premier tableau de ces stations et de tenter leur datation.

Toutes les stations situées dans la région de l'embouchure de la Čusovaja se trouvent dans des conditions physico-géographiques semblables, sur la première terrasse, près des lacs et des ruisseaux de la plaine alluviale. L'auteur décrit les stations de Gladkoe et des environs des villages de Ust-Čusovaja, Nižnaja Adiščeva et Gremjačij Ručej et de la station de chemin de fer Levšino.

La conclusion principale à laquelle aboutit l'étude de ces stations est qu'elles se rapportent au Néolithique supérieur. Il se peut que celle située sur la dune près du village de Nižnaja Adiščeva soit plus ancienne que les autres. La mieux caractérisée du groupe considéré est celle de Levšino. L'auteur analyse les résultats des fouilles accomplies en 1934 dans cette dernière par la mission de la Kama. Sur la surface de 239 m mise au jour on a découvert des foyers, des fosses pour les provisions, des instruments en silex et autres roches et de la poterie à ornement «en fossettes et au peigne» (Kammkeramik). Une trouvaille unique en son genre est celle d'un

poinçon en cuivre recueilli près d'un des foyers. Les résultats des fouilles de A. Schmidt sont publiés aujourd'hui pour la première fois simultanément avec le présent mémoire (voir «L'Archéologie Soviétique» N° 5, 1940). Cet auteur considérait les objets métalliques de cuivre susindiqués comme apportés du sud. Dans son ensemble le monument est synchronisé avec la culture à catacombes des steppes de la partie Européenne de l'URSS (fin du IIIe — début du IIe millénaire avant notre ère). Les objets métalliques de Levšino sont les plus anciens de la région Kama-ouralienne.

Malgré l'apparition première du métal, la culture continuait à présenter en général un cachet purement néolithique supérieur. La presque totalité de l'outillage était en silex. L'occupation principale était la pêche, ensuite venait la chasse.

La culture matérielle du Néolithique supérieur de la région Kama-ouralienne offre beaucoup de traits originaux. Ainsi, par exemple, la céramique n'a pas d'ornement en fossettes continu, comme c'est le cas dans les monuments néolithiques de la Volga et de l'Oka et de la Carélie. La cause de ces différences doit être recherchée non pas seulement dans la différence chronologique des groupes de monuments considérés, mais avant tout dans les particularités locales de la culture néolithique supérieure de Levšino. Outre les stations ici étudiées, la région de l'embouchure de la Čusovaja en renferme plusieurs autres d'âge un peu plus récent.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 12, 136—137.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи... К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. 1, стр. 135.

Д. Н. ЭДИНГ

НОВЫЕ НАХОДКИ НА ГОРБУНОВСКОМ ТОРФЯНИКЕ

I

Систематическое археологическое изучение замечательных уральских торфяниковых местонахождений было начато в 1926 г. и в силу этого целиком принадлежит советской науке. В 1926 г. Гос. исторический музей включил в число археологических объектов, намеченных для планового исследования, один из уральских торфяников — Горбуновский, известный по случайным находкам археологических памятников. С первых же лет работы подтвердилась правильность выбора памятника и предположение о несравнимой полноте и новизне вещественных комплексов, хранящихся в торфе, по отношению ко всем другим раскопным объектам.

В ряду истекших лет 1936 год занял особое положение по широте раскрытия памятника и многообразию обнаруженного материала.

В настоящем кратком очерке приходится ограничиться описанием одной из групп участков 1936 г., где на площади в 120 кв. м были открыты остатки настила, сохранность которых превосходила по качеству состояние деревянных сооружений, обнаруженных в предшествующие годы. Эта сохранность и концентрация сооружений находятся в очевидной связи с особым обилием вещевого материала, часть которого является не только новым, но и исключительно важным дополнением комплексов, открытых за предшествующие годы.

Раскоп был заложен в непосредственной близости от площади, обследованной за ряд истекших лет.

Для раскопок было выбрано небольшое возвышение с относительно сухой и плотной почвой, в отношении которого можно было предполагать, что оно является ненарушенным торфяным отложением и что с него взят только верхний слой, в то время как кругом разработка торфяника была доведена до большой глубины. Предположение это подтвердилось в процессе работы. Отсутствие ясных границ «останца» заставило вести постепенное раскрытие площади от ее средней линии к периферии, чтобы избежать прорыва воды из насыщенного ею торфа.

Установить безошибочно границы неразрушенной площадки с самого начала работ не представилось возможным; в конечном результате они оказались шире тех, которые определялись ранее. К концу работ в некоторых пунктах раскопок стенки были доведены до такой незначительной толщины, что прорывались и давали свободный доступ воде, сильно затруднившей окончание работ. Таким образом расширение раскопа шло в порядке концентричности; открытая площадь увеличивалась в направлениях, где были хоть небольшие основания встретить неперекопанный торф.

Углубление площади вокруг шурфа А₂, заложенного в 1926 г., удалило из него воду, что позволило сделать зачистку. От сооружений, встреченных в 1926 г., здесь осталась лишь свая, глубоко сидевшая концом в гиттии (подторфовый слой уплотненного ила), и несколько кольев. На этой площади удалось просмотреть, правда отчасти на перевал, пласт гиттии мощностью не менее 0.50 м; дальнейшему углублению мешало появление воды из нижнего водного горизонта.

Отдельные находки открывались по всей площади шурфа и на различной глубине. Из этих находок можно упомянуть: пласу длиной 1.15 м и шириной 0.14 м с отверстием у одного конца,¹ нижнюю часть круглодонного сосуда (табл. I, 7), обломки весел, «болодку» — колотушку из куса березового ствола 81.5 см длины и около 8—9 см в поперечнике; в 18 см от одного конца она обтесана со всех сторон на протяжении около 20 см. Как говорили рабочие, местными крестьянами подобные «болодки» употребляются и теперь при забивании в землю кольев или свай, причем стесанная, утонченная часть служит рукояткой, а длинный конец — ударной частью. Обнаружена она на глубине 2.55 м.

Одной из наиболее интересных находок в гиттии следует признать кремневый наконечник стрелы и ее древко (табл. I, 5—5а). Эта находка была сделана на глубине 2.60 м,²

¹ № 592 на плане.² № 539 на плане.

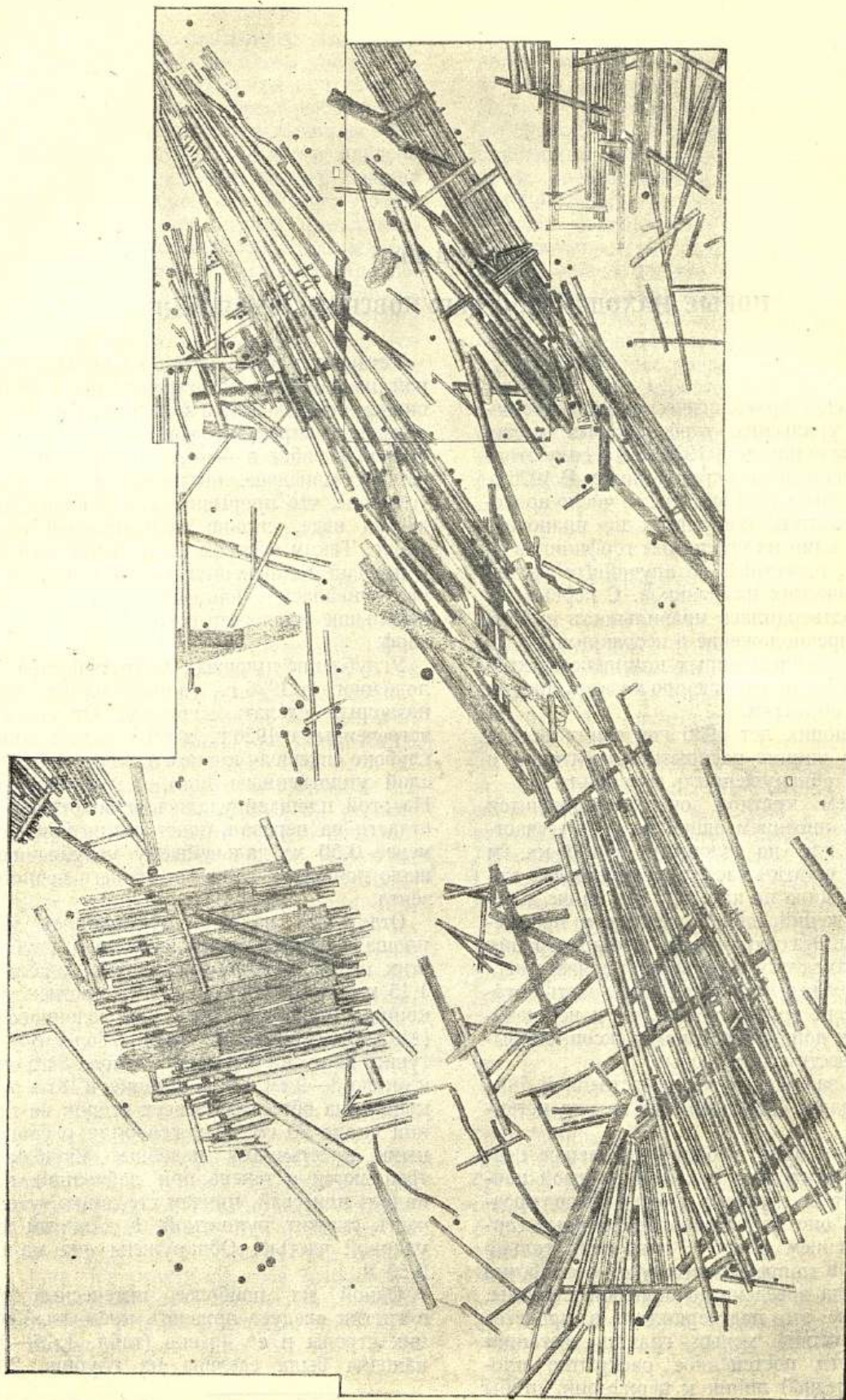
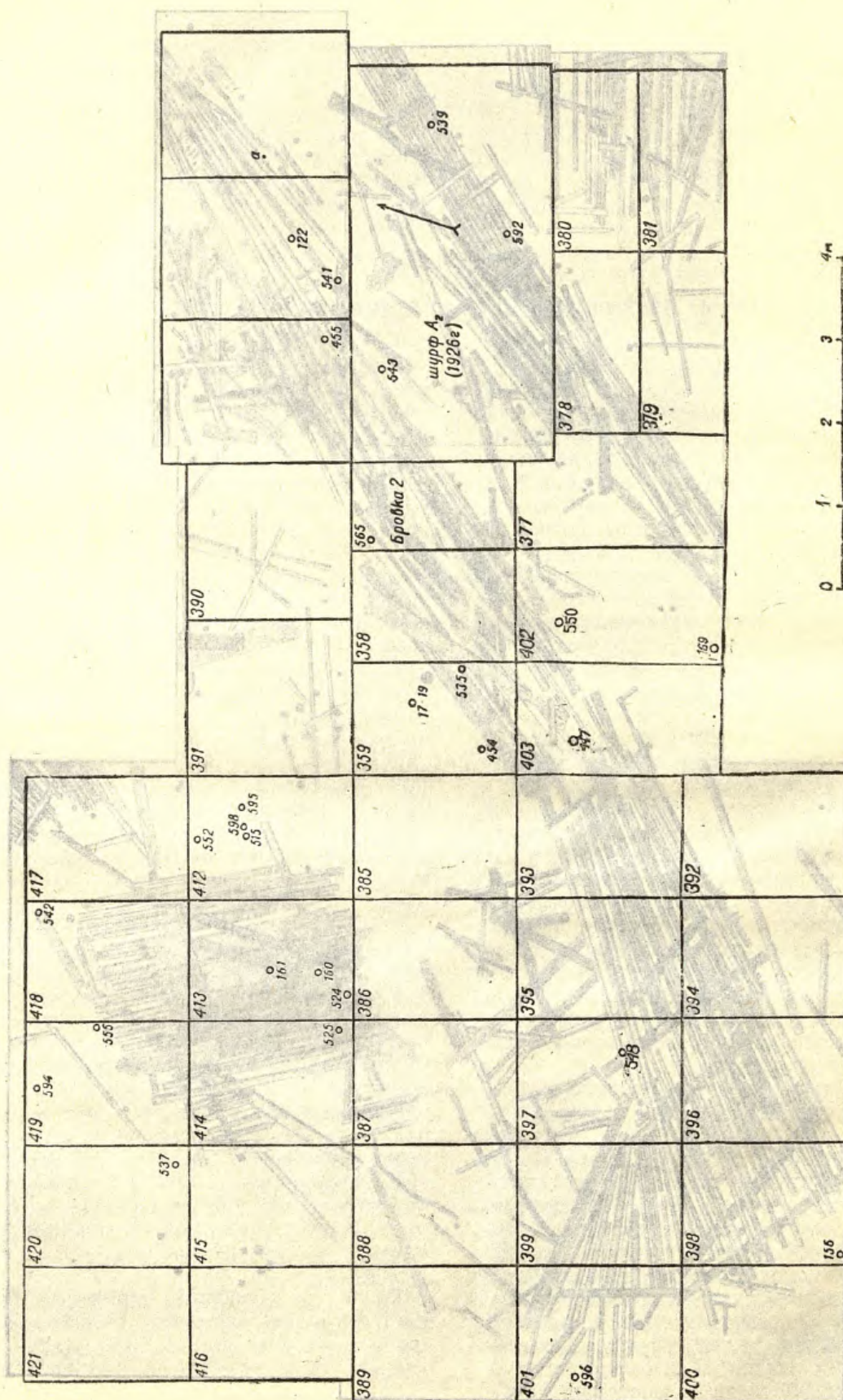
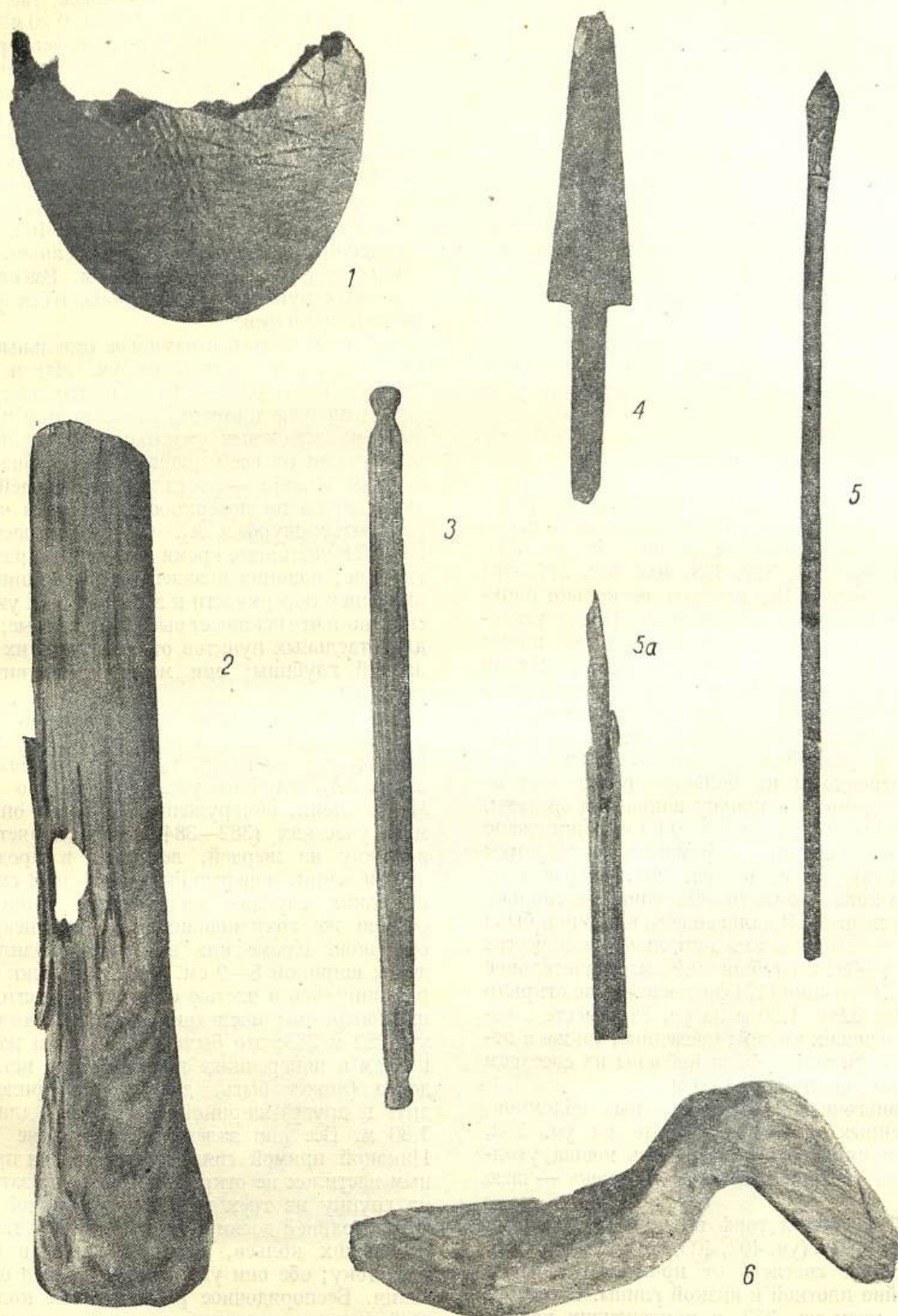

Рис. 1. Горбуновский торфяник. План раскопа 1936 г.

Горбуновский торфяник.

1 — часть глиняного сосуда; 2 — бревно с отверстием; 3 — «витиль»; 4 — деревянный наконечник стрелы; 5 — 5a — кремневый наконечник стрелы на древке; 6 — заготовка ложки с рукояткой в форме утиной головки. (Размеры изделий указаны в тексте.)

когда устойчивость гиттии была значительно нарушена. Гиттия стала рыхлой, малейшее углубление сразу наполнялось водой и затягивалось разжиженной массой. В таких условиях, работая более наощупь, удалось извлечь наконец стрелы и 6 обломков древка, считая и один из язычковых выступов, прилегавших к наконечнику.

Таким образом отсутствует только хвостовая часть древка. Общая длина наконечника и древка, в расщеп которого вставлен наконечник, равна 36.5 см; поперечник древка — 0.7 см; с обеих сторон к наконечнику прилегают закругленные и уплощенные части древка, — на одной из них снаружи сохранилось черное слегка выпуклое пятно, должно быть остаток смолистой обмазки. Из других находок на этой же глубине можно выделить заготовку деревянной ложки с головой утки (табл. I, 6¹).

II

Группа забоев, обрамляющих с трех сторон шурф А₂ и объединенных кроме того целостностью содержания, включает следующие участки: 391, 390, 382, 383, 384, 359, 358, 403, 402, 377—381 и вторую бровку. Вся площадь несколько понижается в западном направлении. После удаления «вскрыши» открывается темный торф с пнями и значительной примесью лесного мусора. В этом слое уже на глубине 42 см на уч. 359 выступает обгнившая вершина сваи 17 см в поперечнике. В противоположность всем ранее открытым сваям, затеска этой сваи начинается со всех сторон постепенно и на большом расстоянии от конца, сведенного к конусу широкими срезами. На уч. 359 и 402, на глубине 0.60 м, обнаружено несколько фрагментов керамики; несколькими сантиметрами ниже, на уч. 391, открывается верхушка кола, стоящего наклонно, и несколько обломков жердей. В дальнейшем, керамика была обнаружена также в незначительном количестве на уч. 378—381 с глубины 0.90 м. Значительное скопление керамики (171 фрагмент) было открыто на глубине 0.90—1.20 м на уч. 384 вместе с обломками птичьих костей; последние, также в небольшом количестве, были найдены на соседнем 383 участке на глубине 1.10 м.

Из немногочисленных деревянных обломков, обнаруженных в этом горизонте на уч. 382, следует упомянуть переднюю часть ковша, утолщающуюся и переходящую в ручку — шею птицы.²

Темный углистый торф по всей площади на глубине от 0.80 м (уч. 402, 403) до 1.25 м (уч. 358, 359) начинает светлеть от примеси беловатой чрезвычайно плотной и вязкой глины. В северо-западном углу уч. 359, в прилежащих частях уч. 390 и второй бровки глина образовала отно-

сительно чистую прослойку с примесью лесного мусора; мощность как этой линзы, так и торфа с глинистой примесью равнялась 0.20 м. Отличительной особенностью слоя являлось приурочение к нему фрагментов керамики, причем чем насыщеннее глиной был торф, тем больше в нем было обломков керамики и тем крупнее были последние. Относительно чистый торф на том же уровне содержал лишь отдельные обломки, а на уч. 358, преимущественно в его северной половине, с глубины 1.25—1.45 м открыто 200 фрагментов и до глубины 1.60 м — еще 165. По прекращении торфа с примесью глины вновь начался темный торф с лесным мусором. Вместе с тем в разных пунктах начали попадаться обломки жердей и кольев.

Вершины кольев и немногие отдельные жерди впервые обнаружили на уч. 390 и 391 на глубине 0.80—0.90—1.10 м и глубже; несравненно меньше таких отдельных кольев и жердей было на остальных участках. При дальнейшем углублении по всей площади были обнаружены остатки «слани» — настилов из жердей, укладывавшихся по поверхности болота и частично раскрытых шурфом А₂. Отдельные части этих сланей в настоящее время залегают на различной глубине; разница в залегании усложняется понижением поверхности к западу, о чем уже было сказано и что искажает высотные данные, взятые для отдельных пунктов относительно их наблюдаемой глубины; они меньше действительной глубины.

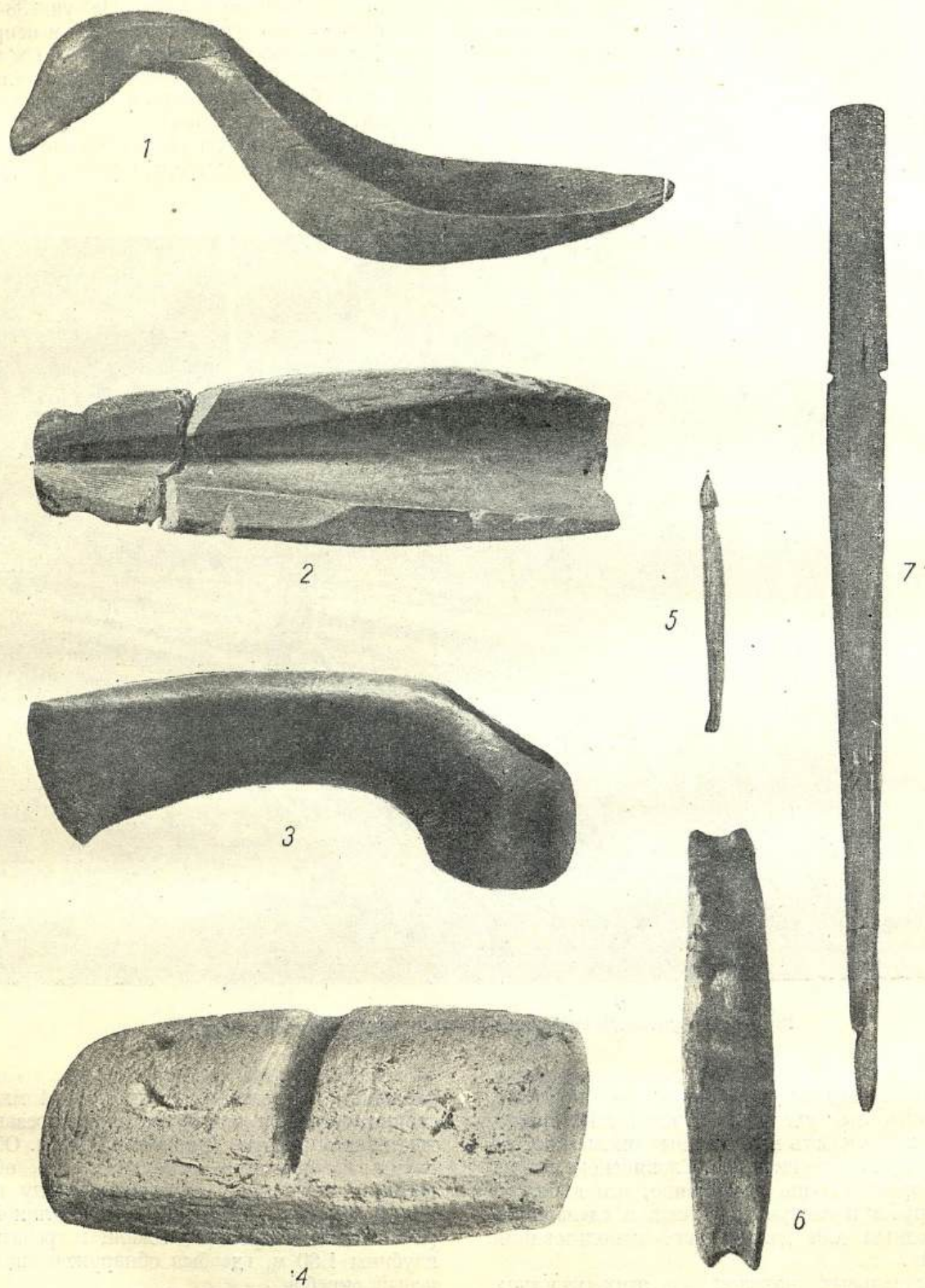
Слань, выходящая из северной стенки уч. 384, залегает на глубине 1.33 м, а в том пункте, где в слань вдаётся западный угол шурфа А₂, глубина увеличивается до 1.58 м. Часть слани, обнаруженная на трех описываемых участках (382—384), представляет собой дорожку из жердей, лежащих в продольном направлении, поперечником от 4 до 8 см, лишь в редких случаях достигающих длины 5 м, обычно же сохранившихся в виде не крупных обломков. Кроме них в настил входили пять досок шириной 8—9 см. Жерди и доски как бы раздвинулись и частью сползли с подстилавших их поперечин; последние оказались только на уч. 382 и 383; это были два обломка жердей 6 и 8 см в поперечнике и совершенно истлевшая доска (может быть, две плотно прилежащих друг к другу) шириной до 0.30 м и длиной до 1.80 м. Все они залежали на глубине 1.40 м. Никакой прямой связи между ними и продольным настилом не открыто. Можно указать лишь на группу из трех кольев у восточной жерди возле крайней доски и вторую группу таких же небольших кольев, расположенную в 0.80 м к востоку; обе они удерживали настил от сдвигания. Беспорядочное расположение кольев на всей площади участков, отчасти в полосе, занятой сланью, затрудняет объяснение их назначения.

К северу от дорожки, непосредственно около нее и на том же уровне, было обнаружено

¹ № 543 на плане.

² № 455 на плане.

Таблица II

Горбуновский торфяник.

1 — ложка с ручкой в форме утиной головки; 2 — половина формы для отливки бронзового копья; 3 — топор бронзовый, вислообушный; 4 — брус из мыльного камня; 5 — поплавок; 6 — грузило глиняное; 7 — кинжал деревянный. (Размеры изделий указаны в тексте.)

значительное скопление некрупных обломков жердей и досок, среди которых открыта часть кола с острием, вырезанным в виде горлышка бутылки, а на глубине 1.45 м — обрубок комлевой части ствола длиной 1.34 м, с обтесанной на клин массивной нижней частью и выемкой, пробитой в средней части обрубка перпендикулярно его оси и близко к поверхности, так, что последняя сохранялась над выемкой в виде мостика (табл. I, 2).¹

следует перечислить орудия из камня — скребки и обломки каменных орудий, встреченные на глубине от 0.90 до 1.40 м. На уч. 384 было обнаружено на глубине 0.90—1.20 м неправильной формы скопление, размером 0.80 × 0.50 м, заключавшее в себе значительное количество (до 180) обломков керамики, осколков кремня и остатков птичьих костей.

На уровне слани на уч. 383 был открыт деревянный наконечник стрелы¹ (табл. I, 4) — тре-

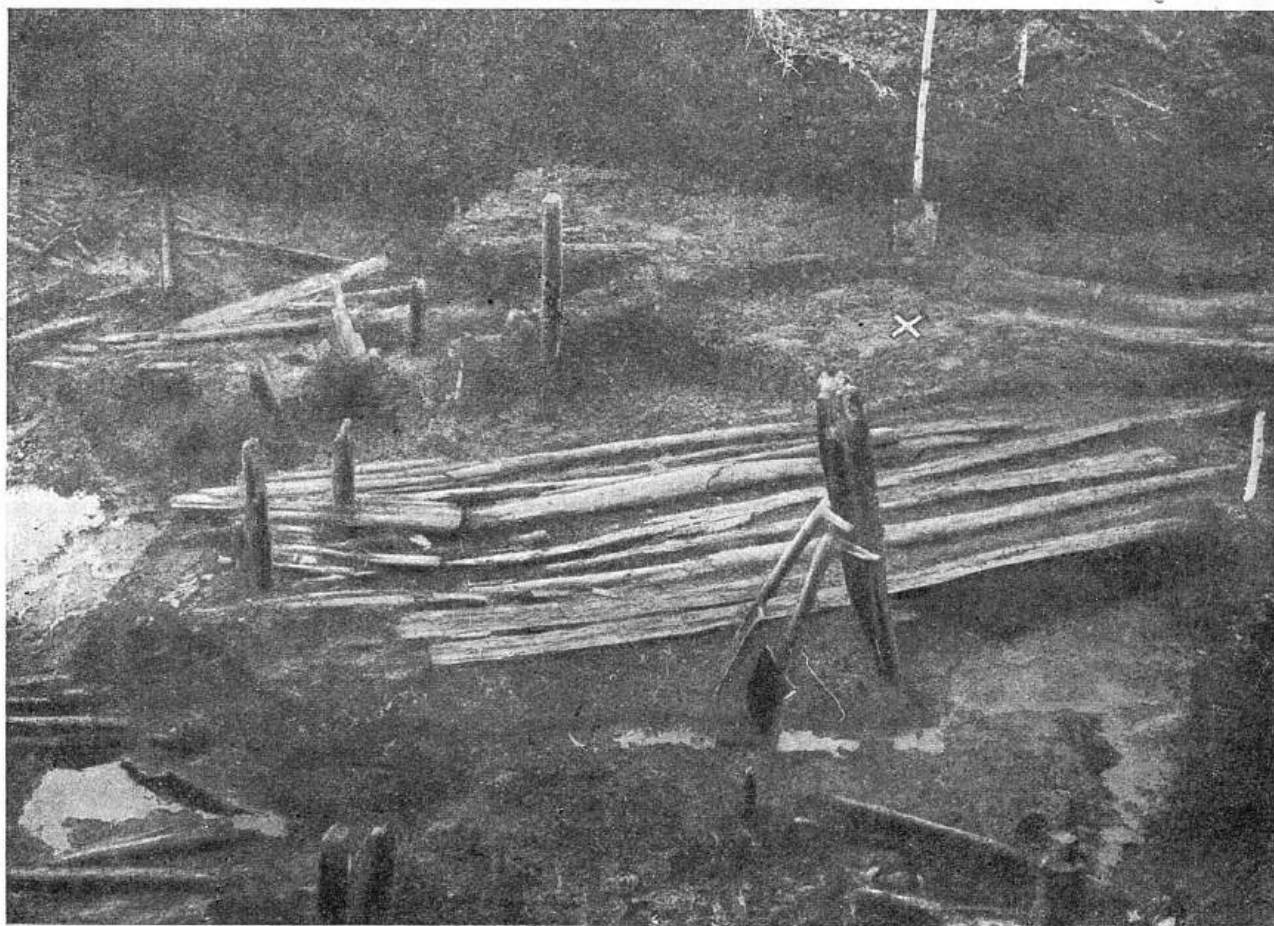

Рис. 2. Горбуновский торфяник. Вид слани на уч. 358—359, 402—403.

Никаких данных о назначении предмета установить не удалось. Ближайшей аналогией можно указать маслябойные «жеммы», встреченные при раскопках на Славянском холме в Новгороде.² Одно несомненно, что в болото этот обрубок попал уже изветшав и сделавшись непригодным для дальнейшего использования в работе.

Из отдельных находок на этих участках

угольник, вырезанный из тонкой (4 мм) пластинки, с продолговатым черешком, чрезвычайно тщательной работы. Длина его 11.8 см. Обломки посуды и отдельные осколки камня, обломки весел и деревянных стержней, между прочим целый «витиль» — распорка сети — длиной 54 см (табл. I, 3) и др. продолжали встречаться до глубины 1.80 м, где был обнаружен еще кремневый скребок.

Необходимо указать также на скопление обломков камня светлозеленой кристаллической

¹ № 597 на плане.

² А. В. Арциховский и Б. А. Рыбаков. Раскопки на Славне в Новгороде Великом. Сов. археол., № 3, 1937.

¹ № 541 на плане.

породы, образующей здесь берег торфяника. Камни эти имеют форму удлиненных плиток и зачастую суживаются к концам, напоминая очертания рыбы. Только в единичных случаях заметны следы подправки; длина их достигает 25,5 см. Эти скопления были обнаружены дважды. На глубине 1.05 м на уч. 382 у самого края слани было открыто десять пластинок; вторая находка, состоящая из пятнадцати плиток, была обнаружена на глубине 1.60 м (т. е. ниже уровня слани) недалеко от края настила на уч. 384.¹

Второй отрезок слани был открыт на второй бровке и на уч. 358—359 и 402—403. Он представлял собой отдельный комплекс досок, полубревен и жердей, расположенных на глубине 1.18—1.27 м, т. е. на 40 см выше прилегающей части первого отрезка. Эта часть слани несколько понижалась к западу: глубина ее на уч. 359 у границы с уч. 385 достигала 1.35 м. Настил состоял из двух полубревен, поперечником 0.13 м и длиной 3.45 и 3.30 м, бревна шириной 0.11—0.12 м и длиной 2.1 м, доски шириной 0.06 м и длиной 3.90 м, доски шириной до 0.08 м и длиной 3.10 м и жерди шириной 0.09 м и длиной 3.50 м (рис. 2). Последняя жердь и лежащие рядом с ней другие жерди и обломки досок были отделены от остальных небольшим пространством, заполненным некрупными обломками жердей и досок; среди них необходимо отметить плаху с двумя отверстиями, в которые были вставлены кольца. Ширина плахи 0.22 м, длина 1.08 м. Кол, стоявший на средней линии плахи, имел поперечник 0.07 м и сохранился на высоте 0.38 м; второй кол у края плахи еле возвышался над отверстием; его поперечник — 0.04 м. Назначение плахи и колева пока не поддается объяснению. Рядом с плахой были открыты еще три кола; два из них поперечником 0.08 и 0.06 м стояли рядом, возвышаясь над сланью на 0.55 и 0.27 м, и заканчивались шипами. Наконец у северо-западного края настила возвышалась нижняя часть столба, затесанная с самого верха на конус, о которой упоминалось выше. Как видно на рис. 2 (на переднем плане), этот столб только самым острием уходил в торф ниже слани, возвышаясь над нею на 0.70 м.

Керамика на описываемых двух участках и во второй бровке концентрировалась, главным образом, над настилом и на его уровне в прослойке светлой вязкой глины. На уч. 358 наибольшее скопление ее наблюдалось на глубине 1.25—1.65 м (339 обломков); на уч. 359, на глубине 1.30—1.60 м (190 обломков) и во второй бровке на глубине 1.30—1.43 м (104 обломка). Из отдельных находок, сделанных на этой площади, должны быть указаны кремневые скребки, открытые на уч. 377 и во второй бровке на глубине 1.30 м, и вислообушный топор из красной меди,²

обнаруженный у края слани на глубине 1,15 м, на 0.03 м ниже слани, на уч. 402, среди мелких деревянных обломков (табл. II, 3). Он был найден с остатком топорика во втулке; его сгнившее топориком было направлено вверх. Топор, видимо, недолго находился в работе, так как сточен он немного, на лезвие нет повреждений, а валик на обухе не разбит; длина его 16.7 см. У границы уч. 358 и 359 в торфе на глубине 1.4 м обнаружены три грузила¹ из простых неправильно четырехугольных каменных пластин с двумя выбоинами на длинных сторонах, а на второй бровке на той же глубине — весло длиной 1.14 м (рис. 3). На уч. 402 у границы с уч. 358, начиная с глубины 1.15 и до 1.50 м, обнаружено скопление деревянных обломков, частей глиняной посуды (23 обломка) и небольшое клиновидное орудие из рога лося, распавшееся на куски. На уч. 359 в торфе, на глубине 1.50 м, открыта деревянная поделка, быть может изображение лосиного рога² длиной 36.40 см, принадлежавшее, вероятно, очень крупной скульптуре. На этой же глубине на смежных краях уч. 358 и 402 из трех обломков, найденных в различных пунктах, был собран деревянный кинжал. Он вырезан из тонкой (около 0.7 см) пластинки длиной 41.1 см и шириной 2.5 см. Прямоугольная ручка отделена от клинка двумя небольшими, но глубокими вырезами; клинок имеет шесть граней (табл. II, 7). На уч. 359 у границ с уч. 358 на глубине 1.80 м была обнаружена деревянная ложка с ручкой в виде головы болотной курочки³ (табл. II, 7). На границе уч. 402 и 403 у слани на глубине от 2 до 2.50 м, открыто скопление обломков сосудов (12 фрагментов), костей и неопределенных деревянных стержней и пластин. На границе уч. 358 и 359 у края уч. 391, на глубине 2.20 м, было обнаружено еще одно весло, уходящее почти в вертикальном направлении в гиттю; рукоятка его слегка изогнута, загибающийся верхний ее конец отломан; общая длина 1.53 м (рис. 4). Во второй бровке на глубине 2 м был обнаружен гарпун из дерева.⁴ Этот предмет настолько ссохся, что его два зубца еле отделяются от

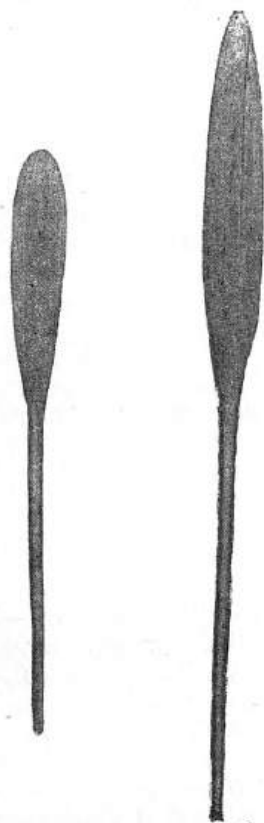

Рис. 3—4. Горбуновский торфяник. Весло. Рис. 3. Ложка.

¹ См. пункты а—а на плане.

² № 550 на плане; на рис. 2 над местом находки топора значок х.

³ №№ 17—19 на плане.

⁴ № 454 на плане.

⁵ № 553 на плане.

⁶ № 565 на плане.

стержня, длина которого равняется 15.7 см, а поперечник — 0.4 см.

Выше упоминалась группа кольев на уч. 390, вершины которых открылись на относительно высоком уровне. Окончательная расчистка их обнаружила на уч. 390 и 391 разрозненные, ничем не соединенные остатки деревянных сооружений: тесную группу из одиннадцати кольев (два из них в горизонтальном положении) и плаху с отверстиями по концам, уходящую в стенку на уч. 391, и, наконец, отдельные колья и жерди на уч. 390—391. Все обломки залегали до глубины 1.38 м, т. е. на 0.23 м ниже уровня слани уч. 358 и 359. От границ уч. 358 и второй бровки на уч. 390 вдавался языкообразный выступ глинистой линзы; его размеры 1.70×0.75 м. Здесь на глубине 1.10 м было обнаружено 247 фрагментов керамики; на соседнем 391 уч., на глубине 1.10—1.15 м, собрано 122 обломка. Из отдельных предметов, открытых на той же площади, следует упомянуть: кремневый скребок, найденный на глубине 1.20 м на уч. 390, деревянный стержень с двумя парами выступов, имеющих неглубокие пазы (глубина 1.40 м), рукоятку и лопатку весла, найденные на том же участке.

Последний, южный, ряд участков описываемого прямоугольника (№№ 402, 403, 377—381) отличался наличием линзы светлой глины, с которой связано скопление обломков глиняной посуды. На уч. 378—381 эта линза залегала на глубине 1.05—1.25 м, а на уч. 402 и 403 — на глубине 0.80—1.05 м. Керамика, открытая на этом уровне, распределялась следующим образом: на уч. 378 — 277 обломков, на уч. 379 — 179 обломков, на уч. 380 — 59 обломков; на уч. 337 — 47 обломков и на уч. 381 — 6 обломков. Участок 381, часть 380-го и 379 не имели глинистой линзы. На первом из перечисленных участков, на глубине 1 м, обнаружено значительное количество обрывков бересты, распластанной и свернувшейся в трубку. Ниже шел торф с большим количеством лесного мусора; в нем продолжала встречаться керамика, а с глубины 1.20 м на уч. 378 и 379 начали обнаруживаться отдельные жерди, части стволов и досок. Они являются продолжением скопления, открытого в 1926 г. в шурфе A_2 над сланью из жердей. Наиболее полно на этой полосе участков слань обнаружилась на глубине 1.35 м; нижние жерди на уч. 378 достигали глубины 1.65 м. На чертеже раскопа не изображены несколько бревен и жердей, тянувшихся из скопления шурфа A_2 и закрывающих груды жердей, лежащих под ними. Как легко убедиться из чертежа, самая слань шурфа A_2 не продолжается на уч. 378 и 377; на первый из них заходят лишь концы отдельных жердей. На уч. 380 и 381 открыта часть настила из тонких жердей, лежащих параллельно друг другу. Ее отдельные части находились на глубине 1.30—1.44 м. Вершины кольев обнаруживались с глубины 1.05—1.75 м.

Переходя к перечислению наиболее сохра-

нившихся предметов, найденных на этой полосе участков, следует назвать небольшой обломанный деревянный стерженек с конической головкой длиной 6.2 см, открытый на глубине 1.15—1.50 м (уч. 402) и определенный как поплавок (табл. II, 5); на этом же участке на глубине 1.22 м обнаружена часть согнутого ствола дерева длиной 65.5 см с затеской по концам и в середине, а на глубине 1.60 м была найдена часть берестяной сумки, прошитой узкой берестяной полоской. Наконец, там же, на глубине 1.80 м, было обнаружено грузило в виде призматического четырехгранного слегка утончающегося к концам глиняного бруска длиной 10.2 см¹ (табл. II, 6); на его торцовых сторонах ясно видны желоба, при помощи которых он укреплялся в кольце из лозы, а на боковой поверхности бруска сохранились остатки берестяной обмотки.

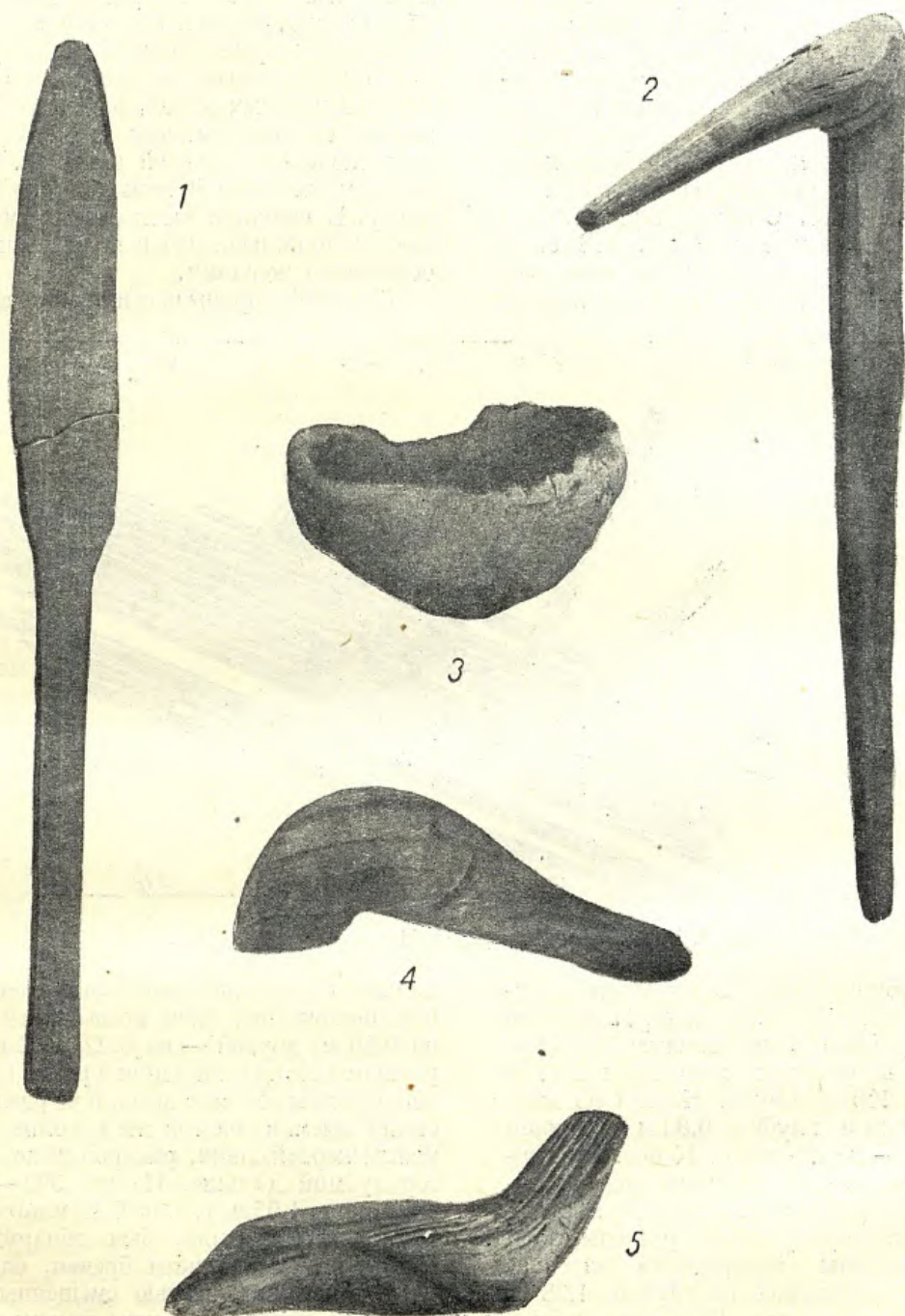
На соседнем 403 уч., на глубине 2.30—2.40 м, был найден прямоугольный брусок, тщательно вырезанный из мыльного камня, размером $9.1 \times 6 \times 2.3$ см (табл. II, 4); его верхняя поверхность выпукла и прорезана поперек жолобом с отвесными стенками. Не перечисляя, как и раньше, разнообразные обломки предметов из дерева, утратившие свои характерные черты, можно упомянуть только о находке кремневого скребка и нескольких обломков кремня и кварца, рассеянных на глубине 1.03—1.25 м на уч. 377 и 378.

III

Следующей группой участков, объединенных единым вскрытым на них объектом, является прямоугольник: уч. 385—389 и 392—401, расположенный к западу от только что описанной площади раскопа; размеры его равны 7.50×6.10 м. Площадь понижается к югу и западу, переходя в кочковатую поверхность глубоко выработанного и засыпанного «разреза». После снятия дерна и «вскрыши» выступил светлый торф с большим количеством пней, часть которых отличалась крупными размерами. На глубине 0.40—0.45 м, на участках 387 и 388, были обнаружены в небольшом числе фрагменты керамики и осколки кремня. Когда вскрытие уч. 386 и 387 было доведено до глубины 0.55 м, в выкинутом торфе обнаружилась половина литейной формы наконечника копья, вырезанная из мыльного камня (табл. II, 2), и обломок деревянной рукоятки с кольцеобразным расширением (?) на конце. Первый предмет имеет в длину 14.2 см, в наиболее широкой части достигает 4.2 см; толщина его доходит до 2 см. Поверхность, передающая форму наконечника, не везде отделана с равной тщательностью; на лопастях ясно заметны следы орудия с ровными мелкими зубцами, оставившими правильную бороздчатость, сглаженную только местами. С обратной стороны

¹ № 447 на плане.

Таблица III

Горбуновский торфяник.

1 — веслообразная поделка; 2 — крючок; 3 — глиняная чашечка; 4 — головка деревянной утки; 5 — изображение птицы. (Размеры изделий указаны в тексте.)

формы у вершины наконечника проделан жолоб для перевязки, скрепляющей обе половинки формы; на изображении он выражен двумя выемками в бортах формы по сторонам вершины наконечника. Поверхность внешней стороны формы сохранила черноватый налет, проходящий по более широкой части формы. Второй предмет — деревянный стержень, предположительно с кольцевым завершением на расширенном конце, — имеет длину 27.2 см; назначение его пока не выяснилось.

На глубине 0.55 м, когда были обнаружены описанные предметы, никаких остатков в слое зафиксировано не было. С момента углубления на уч. 387 и соседнем с ним уч. 378 было найдено лишь скопление обломков керамики на глубине 0.40—0.45 м (35 обломков) и один

жерди треугольника расположены веерообразно. Как видно на чертеже, длина некоторых жердей основного настила достигает 6 м; в единичных случаях их поперечник равен 9—11 см; в большинстве же случаев их диаметр составляет 4—8 см. Вскоре после расчистки настила было обнаружено, что он лежит на поперечных жердях и обрубках бревен диаметром до 14 см; среди них имелась плаха с отверстиями у концов, один из которых выдавался за край слани и не вполне сохранился, так что отверстие на нем представлено угловатой выемкой. Большинство поперечных жердей лежало параллельно друг другу. В западной части слани отмечено небольшое число кольев, почти не возвышающихся над основными жердями.

С южной стороны настила встречено несколько

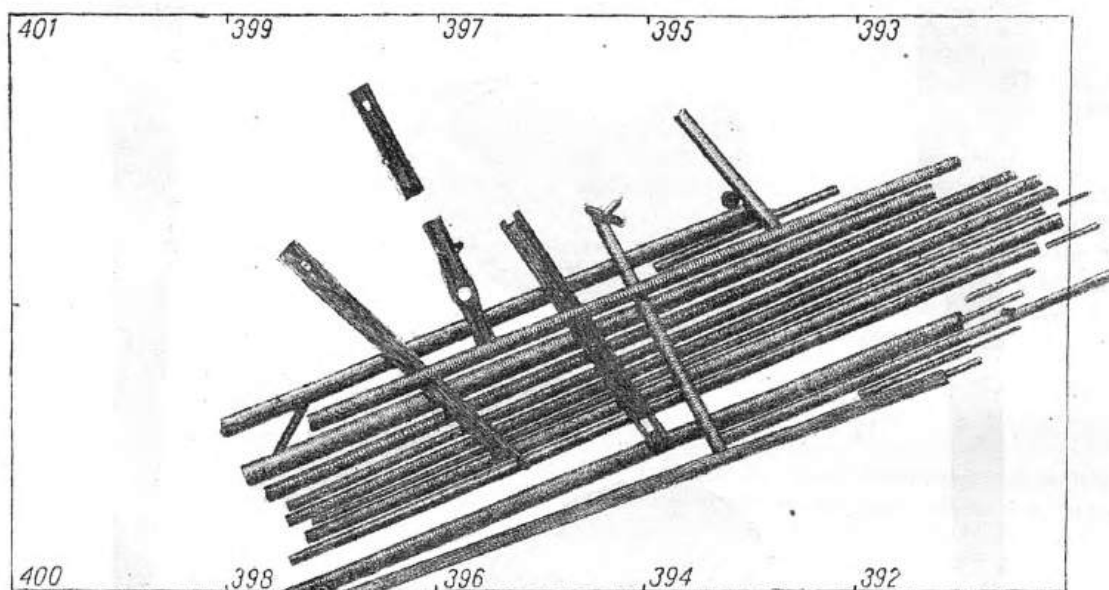

Рис. 5. Горбуновский торфяник. Настил на уч. 392—399.

фрагмент на глубине 0.50 м. О характере керамики подробнее будет сказано ниже. Под этими находками торф имел более темную окраску, керамика здесь встречалась с глубины 0.65 м скоплениями до 100 обломков. Настил из жердей открылся здесь на глубине 0.83 м по южной стенке и 1.12 м — по северной. К востоку глубина настила несколько увеличивалась, к западу — уменьшалась, причем не только в связи с упомянутой неровностью поверхности, но и вследствие кривизны поверхности настила. Слань на уч. 395 оказалась на глубине 1.38 м, а ее западный край на уч. 400 — на глубине 1.29 м. Слань представляет собой полосу жердей, лежащих относительно плотно, но имеющих неодинаковую длину и покрывающих площадь неправильно-четыреугольной формы длиной около 6 м и шириной в восточной части — 1.50 м, в западной — 2 м. Здесь к площади слани примыкает треугольник, соприкасающийся с ее северным краем на длину 2 м и увеличивающий длину западного края на 1.80 м. Короткие

кольев, из которых некоторые стояли в наклонном положении; один возвышался над сланью на 0.50 м, другой — на 0.22 м. С северной стороны от настила, на одном уровне с ним, в торфе обнаружены обломки досок и жердей. В северной стенке выемки, на той же глубине, обнаружены концы жердей слани, раскрытой позднее и характеризующей дальше. На уч. 392—399, на глубине около 1.05 м, т. е. на 0.22 м ниже описанного только что настила, был обнаружен второй настил из одиннадцати бревен, одной доски и пяти поперечин, частью смещенных в сторону от своего первоначального положения (рис. 5). Слой торфа, разделявший эти два настила, не содержал никаких включений и примесей, характеризующих культурный слой. Длина бревен не превышала 6 м, а поперечник колебался в пределах от 8 до 12 см; ширина всей полосы, занятой сланью, составляла 1.60 м. Поперечины лежали на настиле и лишь одно бревно находилось поверх их. Три поперечины представляли собой плахи, шириной около 14—15 см

и толщиной 2.5 см; на каждой из них в расстоянии 10—15 см от концов были пробиты отверстия прямоугольной или трапециевидной формы, длиной 11 или 12 см и шириной 4.5—5.5 см; в одном случае длина отверстия равнялась 7 см. В отверстии плахи, разбитой на две части, обнаружен остаток кола поперечником до 9 см.

Что касается отдельных находок, то на этой площади, на уровне верхнего настила, было обнаружено относительно большое количество обломков деревянных предметов. На уч. 388, на глубине 0.85 м, был найден обломок стержня с лопатообразным расширением длиной 6.5 см, на уч. 395, на той же глубине, веслообразная поделка (табл. III, 7) длиной 24.7 см, обломок рукоятки с загнутым концом, обломок другой рукоятки с утолщенным концом и четырехгранный стержень с заостренным концом длиной 19.6 см. На 396 уч. также на слани были открыты обломок цилиндрического стержня, уплощенного к концу, пластинка почти круглая поперечником 9 см с четырехугольным прорезом 1.5×0.5 см в центре. На той же глубине на уч. 397 обнаружены: обломок тонкой узкой пластинки с зарубками по краям и крючок длиной 24 см (табл. III, 2). На этом же участке, под крайней жердью слани, на глубине 0.85—0.90 м были найдены обломки раздробленного ковшика или большой ложки с ручкой в виде утиной головы (табл. III, 4).¹ На границе уч. 396 и 398, на той же глубине, обнаружен обломок «вигиля», на уч. 398 — обломок лопатки весла, а на уч. 401 — обломок плоского острия. Несколько ниже слани, на уровне 1.10 м, на уч. 392 было открыто миниатюрное и крайне условное изображение птицы (табл. III, 5).

Упомянутое выше плоское острие было найдено в небольшом скоплении керамики на границе уч. 398 и 400; в этом же скоплении обнаружен истлевший зуб животного и миниатюрный глиняный сосуд конической формы и небрежной работы (табл. III, 3)² высотой 2.5 см и поперечником 4.7 см.

Ниже уровня слани, на той же группе участков, несколько предметов было обнаружено на глубине 1.40—1.45 м; на уч. 392 — два обломка лопатки весла, на уч. 388 — часть цилиндрического уплощенного и утончающегося к концу стержня и на уч. 396 — пластинка сланцевой породы. Наконец, на глубине 1.60—1.62 м было открыто значительное количество отдельных предметов, преимущественно на уч. 386 и 387; на первом из них — осколок сланца, обломок лопатки весла и обломок стержня с пазом в ромбовидном расширении; на втором — обломок стержня, пластинка в форме наконечника стрелы, обломок пластинки, обломок плоского заостренного стержня, пластинка со срезами на боковых гранях и, наконец, обломки четырех стержней, частью с расширением на конце.

На уч. 394, на этой же глубине, найден осколок кварца, а на уч. 401, у границы с уч. 389, на глубине 1.65 м — два куса скульптурного изображения утки¹ несколько менее натуральной величины. Снаружи дерево было как бы обожжено и отличалось твердостью, внутри оно сгнило и разрушилось; этот предмет, несмотря на консервацию, сильно деформирован трещинами; длина его 22 см. Наконец на уч. 392, на глубине 1.70—1.90 м, была обнаружена часть рога (оленья?) со следами обрубания (№ 153). На всех описанных участках торф сменился гиттией на глубине 1.05—1.20 м.

IV

Последняя группа участков, давшая еще одну слань, примыкала с севера к уч. 385—389. Вскрытая здесь площадь равна 7.30×4.00 м (уч. 412—421) и понижается не только к западу, но и к северу, к выработанной полосе «разреза». Под слабым дерновым слоем на глубине 40 см в торфе отмечено присутствие лесного мусора, мелких головешек и углей. Это относится к уч. 412—418 и отчасти к уч. 419; на уч. 416 слой этот был особенно сильно окрашен в углистый цвет. Здесь, на глубине 0.38 м, встречены четыре куса бересты, уложенные неправильным четырехугольником размером 0.40×0.55 м. Края бересты сохранились неудовлетворительно и, возможно, она занимала большую площадь. На уч. 420, 421 и отчасти 419 примесь угля и лесного мусора началась на глубине 0.60 м. На этой же глубине и до 0.70 м на уч. 412, 413, 417 и 418 в торфе наблюдалась значительная примесь глины. Более или менее значительные скопления керамики, связанные с глинистой прослойкой, были встречены на последних двух участках: на уч. 417 — 115 фрагментов и на уч. 418 — 195 фрагментов. В более высоких горизонтах торфа керамика отмечена на глубине 0.35—0.50 м на уч. 413 и 416 (37 и 36 обломков) и отдельные черепки на уч. 418—420 на глубине 0.40—0.50 м. Упомянутые выше крупные скопления обломков керамики на уч. 417 и 418 продолжались до глубины 1.10 м. Приблизительно к этой глубине относятся скопления обломков на уч. 412 и 413: на первом с глубины 0.95 до 1.10 м обнаружено 406 фрагментов, на втором с 0.95 до 1 м — 312 и до глубины 1.15 м еще 181 обломок. В более низких горизонтах, в гиттии керамика встречалась, главным образом, на глубине 1.40—1.50 м в относительно небольшом количестве.

Деревянный настил, раскрытый на уч. 412—421 (рис. 6), представляет значительный интерес. Глубина его — от 0.95 до 1.12 м в зависимости от уровня поверхности. Площадь, занятая настилом, представляет собой прямоугольник не совсем правильной формы размером 3.40×2.50 м. Жерди, отно-

¹ № 548 на плане.

² № 156 на плане.

¹ № 596 на плане.

сительно плотно лежащие в один ряд, не превосходят длиной 3.20—3.50 м, а поперечник их колеблется от 4 до 8 см. Длинная ось слани ориентирована с северо-запада на юго-восток; концы жердей северо-западного края подогнаны к прямой линии правильнее, чем на юго-восточной стороне. Под настилом обнаружены две поперечины, проходившие почти под всеми жердями слани, параллельно друг другу, но не перпендикулярно жердям. У южного края поперечиной являлось бревно толщи-

шими плотно друг к другу в одном направлении с жердями. Длина досок достигала в большинстве случаев 1.90 м; ширина доходила до 30 см, а толщина в средней части до 4 см. Две доски, крайние с западной стороны настила, налегали одна на другую и сильно прогнулись. В продавленной части поверхность досок, на площади 0.60×0.90 м, покрыта черными пятнами, как бы следами горения, но углей здесь встречено не было. Преимущественно в этом же углу настила, на жердях и досках, была

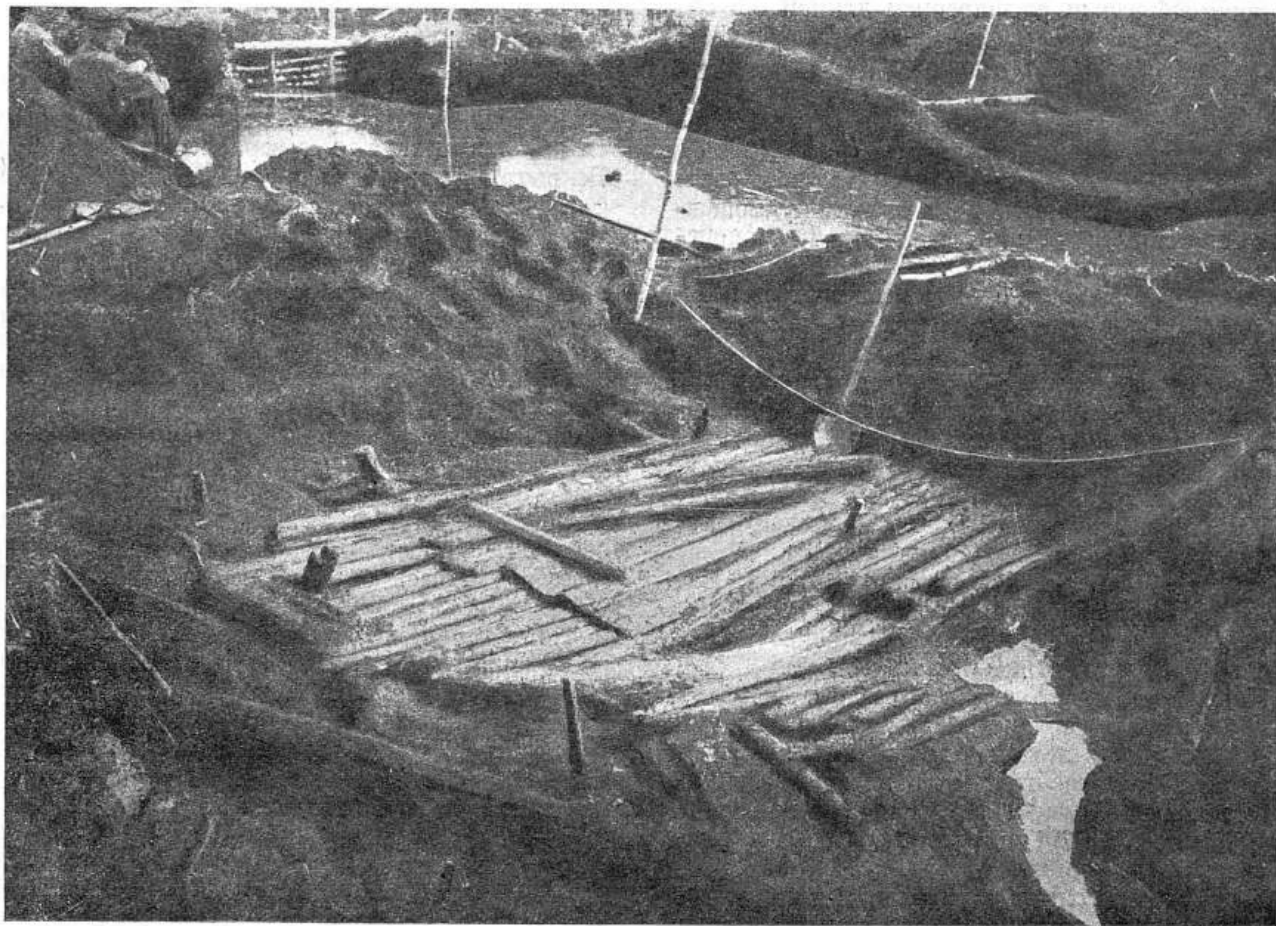
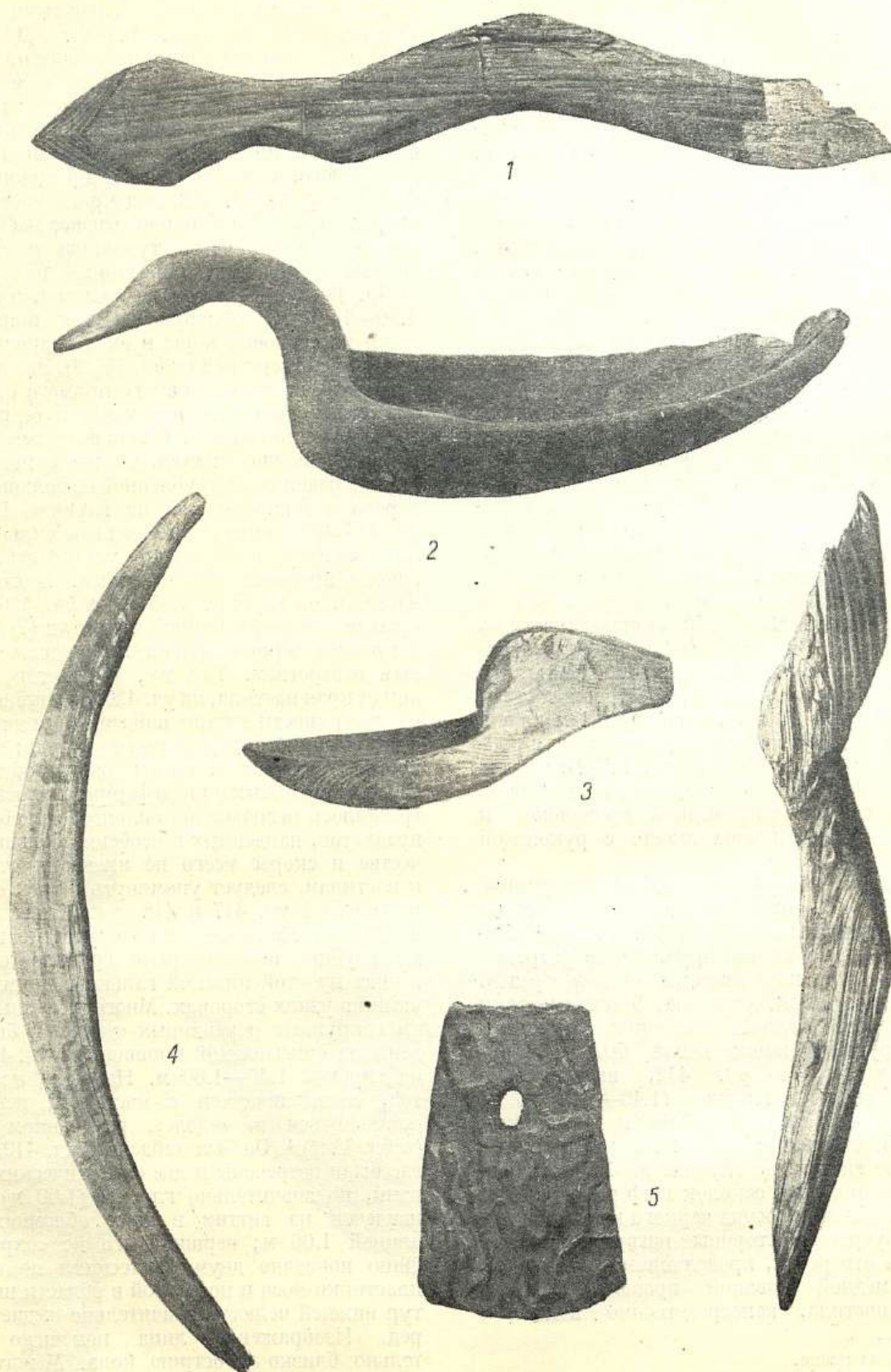

Рис. 6. Горбуновский торфяник. Настил на уч. 412—421.

ной 12 см и длиной 3.45 м, у северного края поперечину составляла жердь толщиной 7 см. Не доходя до восточного края настила на 0.60 м, эта жердь выдавалась за западный край на 0.80 м и была покрыта короткими остатками жердей, лежавшими параллельно остальным жердям слани (рис. 6, на переднем плане). Не останавливаясь на нескольких небольших жердях, лежавших в поперечном направлении под настилом, необходимо указать на бревно поперечником 16 см с одним затесанным на конус концом, лежавшее частью под настилом и его северной поперечиной, связь которого со сланью представляется маловероятной. Как видно на рис. 6, значительная часть настила была покрыта досками, лежав-

обнаружена светлая вязкая глина, как бы обмазка; толщина слоя ее местами доходила до 5 см. Поверх глины на слани, особенно на ее северной половине, замечены куски распластанной бересты, может быть покрывавшей некогда всю площадку. К западу от настила была открыта группа кольев, назначение которых, как и ряда отдельных кольев в самом настиле, а также одиночных и парных с восточной его стороны, не может быть истолковано с достаточной степенью достоверности. Наконец следует упомянуть, что под настилом, у его южной поперечины, был открыт небольшой пенёк. Относительно части настила, открытой в северо-восточном углу выемки, сказать ничего определенного

Горбуновский торфяник.

1 — изображение змеи; 2 — ковш деревянный; 3 — заготовка ложки; 4 — изделие неизвестного назначения; 5 — поплавок; 6 — изображение человека (?). (Размеры изделий указаны в тексте.)

невозможно, так как неизвестно, является он площадкой или дорожкой. Образующие его жерди относительно тонки и в правой половине лежат почти в три слоя.

Раскопки уч. 412—421 происходили при менее благоприятных условиях, чем раскрытие ранее описанных сооружений, так как выемка наполнилась водой, что хорошо видно на рис. 6.

У северной стенки выемки в двух пунктах, на глубине 0.60 и 0.90 м, на уч. 420 и 418 были открыты обломки лопатки и ручки весла. На слани на глубине 0.95—1.00 м обнаружены кремневые орудия: наконечники стрелы¹ и скребок,² далее осколок кремня, пряслице из черепка и деревянное конически-уплощенное обломанное острие. Все перечисленные предметы найдены в торфяно-глинистой толще уч. 413. Значительнее было число находок в торфе на уровне и несколько глубже слани. Прежде всего должны быть упомянуты два чрезвычайно схематических изображения птиц, обнаруженных на уч. 412, на глубине 1.00 м;³ вместе с ними были извлечены из воды и жидкого торфа несколько бесформенных кусков истлевшего дерева; так как одно изображение сохранилось не целиком и также сильно сгнило, возможно, что отдельные куски являются остатками не сохранившегося туловища птицы. С другой стороны настила, у стенки уч. 419, на глубине 1.10 м, было обнаружено столь же схематическое изображение змеи (табл. IV, 7)⁴ с отломанной хвостовой частью; длина фрагмента 27 см. На глубине 1 м на уч. 412 в чистом торфе найден широкий ковш с ручкой в виде головы лебедя (табл. IV, 2);⁵ в дне ковша имеются две трещины, одна из которых была некогда стянута медной проволокой и пластинкой. Длина ковша вместе с рукояткой 19.2 см.

Почти на той же глубине (1.05 м), на границе уч. 418 и 419, была обнаружена заготовка ложки с утиной головой (табл. IV, 3)⁶ длиной 17.5 см, вырезанная чрезвычайно уверенно и ограниченная минимальным числом срезов. На границе этих же участков, 5 сантиметрами глубже, был открыт обломок рукоятки весла; другой обломок весла был обнаружен в торфе на уч. 412, на глубине 1.10 м. Несколько глубже (1.10—1.20 м) на уч. 419 и 420 открыты обломки деревянных «витилей» и стержней; на тех же участках, но уже в слое гиттии, на глубине до 1.50 м, обнаружены удлиненный осколок шиферного сланца и краевой обломок сосуда черного цвета, покрытого с внутренней стороны нагаром и сохранившего в отверстии, проделанном для сшивки, кусочек медной кованой проволоки. После разбора настила, непосредственно под ним

была открыта на границе уч. 413 и 418 изогнутая деревянная пластина с загнутыми утончающимися концами (табл. IV, 4).¹ Длина ее — 85 см; наибольшая ширина в середине 7.7 см и толщина 1.7 см. Поверхность поделки тщательно обстругана, но не выровнена; края срезы вертикально, не заострены; никаких отверстий, пазов или следов прикрепления к чему либо другому не имеется. В противоположном конце того же уч. 413, под краем настила, был открыт обломок деревянного изображения чело- века — нижняя часть туловища и ноги, согнутые в коленях, переданные в виде кола (табл. IV, 6).² На том же участке, на глубине 1.30—1.40 м, обнаружены три поплавок от сетей из сосновой коры в виде трапециевидных пластин с отверстием (табл. IV, 5). Эти последние предметы, видимо, никакого прямого отношения к настилу не имели и лежали в озерном иле до сооружения слани. С меньшей степенью уверенности можно сказать то же самое о деревянной развилке, вырубленной из большого куска дерева и обнаруженной на глубине 1.40 м на уч. 414. Оба конца ее утолщены и сильно истлели, поэтому невозможно установить, частью какого предмета она являлась. В стороне от настила, на глубине 1.35 м на уч. 416 был открыт обломок деревянной рукоятки (?) с ясными остатками черной краски и большим поперечным отверстием. Там же, в некотором отдалении от края настила, на уч. 420, на глубине 1.20 м, на поверхности гиттии найдена бортовая часть очень крупного деревянного сосуда;³ поверхность ее сохранила следы ожога, обожженное дерево при высыхании деформировалось и расстрескалось несравненно сильнее, чем обычно. Из предметов, найденных в особенно большом количестве и скорее всего не имеющих отношения к настилам, следует упомянуть о трех обломках «витилей» с уч. 417 и 418, с глубины 1.40, 1.50 и 1.60 м. На последнем же участке и на той же глубине было открыто грузило для сетей в виде простой плоской гальки с двумя выбоинами на узких сторонах. Многочисленные обломки не крупных деревянных стержней были найдены на описываемой площади на уч. 412 и 417, на глубине 1.40—1.60 м. Наконец, из предметов, связывающихся с настилом, необходимо остановиться на «идоле», вытесанном на коле (табл. V, 7).⁴ Он был найден на уч. 412, там же, где были встречены и две схематических фигуры птиц, но значительно глубже (1.60 м). «Идол» извлечен из гиттии в трех обломках общей длиной 1.06 м; вершина его не сохранилась. Лицо показано двумя вытесками по сторонам пластинки-носа и подтеской в области шеи. Контур нижней челюсти значительно выдается вперед. Изображение лица помещено относительно близко к острию кола. Между ним и

¹ № 160 на плане.

² № 161 на плане.

³ №№ 515 и 598 на плане.

⁴ № 594 на плане.

⁵ № 552 на плане.

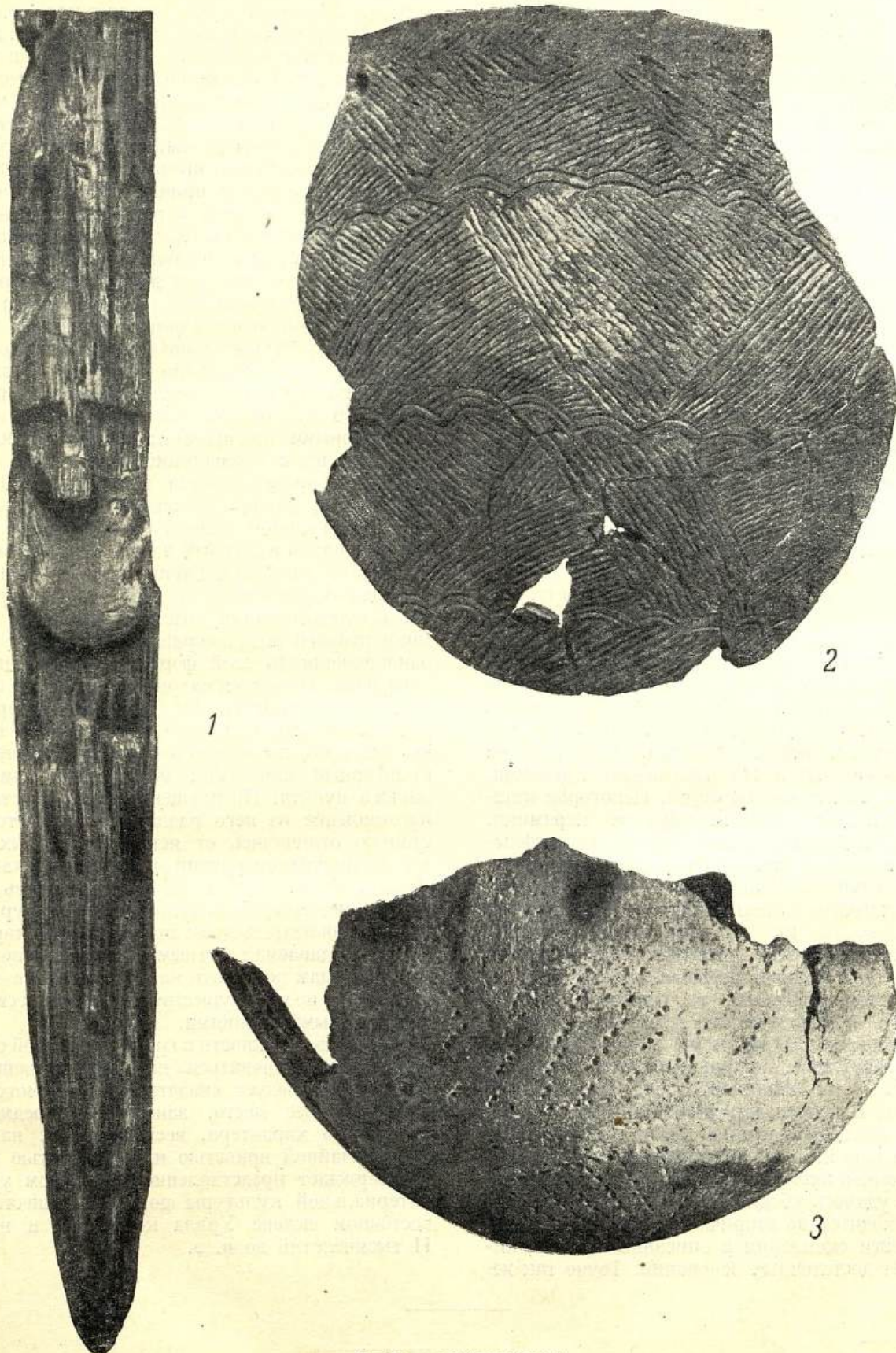
⁶ № 555 на плане.

¹ № 523 на плане.

² № 524 на плане.

³ № 537 на плане.

⁴ № 542 на плане.

Горбуновский торфяник.

1 — «идол»; 2—3 — части глиняных сосудов. (Размеры изделий указаны в тексте.)

последним можно рассмотреть как будто бы еще одно изображение лица, более неясное, перевернутое вверх ногами. Это изображение было, вероятно, раньше у вершины кола, и лишь с переделкой его и обращением вершины кола в заостренную, закапываемую в землю часть старое изображение было по возможности сглажено. Была еще найдена на настиле плоская лучинка, отколота по слою и не обработанная по краям; один конец ее врезан в виде небольшого ромба, напоминающего голову змеи; она была найдена на уч. 418, на глубине 1.50 м; длина ее 23.4 см. На этом же участке, на глубине 1.65 м, был обнаружен полуцилиндрический брусok длиной 19.5 см.

Подводя итог результатам работ 1936 г. прежде всего необходимо подчеркнуть, что расширение категорий вещевого материала и, тем более, раскрытие деревянных сооружений относительно хорошей сохранности не вносят изменения в высказанное уже предположение о ритуальном характере памятника.¹ Небольшая величина настилов, отсутствие следов стен и кровли говорят против существования на настилах жилищ. Двойной настил, открытый на уч. 392—399, объясняется, вероятно, погружением нижнего из них в болото и потребностью увеличить площади слани. Насколько возможно судить о назначении настилов в узких границах сделанной выемки, нельзя не остановиться на разнице в характере обеих площадок; в то время как первая, большая, представляла собой только слой толстых жердей, вторая, меньшая, на уч. 412—414, 418 и 419 была покрыта досками, глиной и может быть берестой. Некоторые категории находок, главным образом керамика, обломки «идолов» и схематические зооморфные изображения, связываются в подавляющем большинстве случаев именно с этой второй сланью. Если исключить из всего добытого вещевого материала весла, их обломки, далее грузила, поплавки и подобные предметы, специфичность которых для донных озерных образований не подвергается сомнению, то обычный бытовой инвентарь окажется весьма незначительным: на площади около 330 кв. м (не считая шурфа А₂) было обнаружено 11 наконечников стрел, 28 скребков и их обломков и два пряслица из черепков. В непосредственной близости от описанной площадки раскопок были встречены на относительно небольшой глубине скопления мелких осколков кремня и других пород, но в дальнейшем удалось убедиться, что в этих пунктах торф находится во вторичном залегании, и связывать эти скопления с описанными памятниками нет достаточных оснований. Точно так же

находка медного топора и обломанного медного ножа (восточнее шурфа А₂) не дает права рассматривать весь объект как остатки поселка. Некоторое противоречие вносит обнаружение в торфе половины литейной формы, если не счесть ее попавшей в болото случайно; признавая в подобном предположении долю произвольности, мы прежде всего подчеркнем, что литейная форма залегала значительно выше слоя со всеми описанными находками; причем почти на том же уровне была открыта керамика, отличная от встреченной в нижнем слое. В то время как эти последние сосуды отличаются значительной величиной, имеют круглое дно, форму, приближающуюся к яйцевидной, и орнамент в виде сплошного зонального покрытия (табл. V, 2—3), сосуды, встреченные в пятне, стратиграфически близком месту залегания литейной формы, и прекрасно представленные в материале раскопок 1926 г., отличаются совершенно иными характерными признаками; к сожалению, восстановить их в сколько-нибудь крупные фрагменты не представляется возможным. Однако несомненно, что они обладают более или менее ясно выраженной шейкой и украшены орнаментом только в верхней части. Характеристика орнамента этих двух групп сосудов была дана в отчете о раскопках за 1926 г.¹ Одновременность существования литейной формы и керамики второго рода несравненно вероятнее, чем одновременность этой формы и керамики первого рода. Но и рассматривая литейную форму как более позднюю, по сравнению с деревянными сооружениями нижних горизонтов торфа, все же вряд ли можно определять позднейший культурный слой как бесспорный памятник жилого пункта. Превращение руды в металл и изготовление из него различных предметов настолько отличались от ясных и простых процессов получения орудий и оружия из камня и дерева, что нет основания отрицать связь древнейшей металлургии и культовых процедур. Косвенным доказательством этому служит характеристика, даваемая устным народным творчеством кузнецам не только как людям более смысленным, но по преимуществу обладающим сверхъестественными знаниями.

Не имея возможности в границах данной статьи подробнее остановиться на анализе вещевого материала, следует сказать, что, несмотря на доминирующее место, занимаемое предметами культового характера, весь комплекс находок с необычайной яркостью и выпуклостью вновь подтверждает представление о высоком уровне материальной культуры родового общества на восточном склоне Урала конца III и начала II тысячелетий до н. э.

¹ Д. Н. Эдинг. Горбуновский торфяник. Матер. по изучению Тагильского окр., вып. 3, Тагил, 1929.

¹ Там же.

D. EDING

NOUVELLES TROUVAILLES DANS LA TOURBIÈRE DE GORBUNOVO

(Résumé)

L'ancien lieu de culte de la tourbière de Gorbunovo, dont l'étude a été commencée en 1926, est un des points les plus intéressants des stations de tourbière transouraliennes. Au cours des fouilles de 1936, on y a découvert des restes de planchers faits de poutres et de planches. Sur ces planchers et dans les alentours, on a trouvé, des objets en bois, en os et en autres matériaux. A signaler des sculptures en bois de serpents, d'oiseaux et d'homme. Particulièrement remarquables sont des cuillers de bois à manche en forme de tête de canard ou de cygne. On a trouvé une hache en bronze à dos abaissé avec man-

che en bois, une pointe de flèche en silex sur fût, des rames en bois, etc. Les restes ordinaires qui accompagnent les anciennes stations y font presque entièrement défaut. La céramique est représentée par de grands vases à fond rond tout couverts d'ornements.

Le monument décrit date de la fin du IIe millénaire av. notre ère.

Les couches supérieures de la tourbière recélaient des restes de l'époque d'Ananino (Ier millénaire av. notre ère) entre autre une moitié de moule pour lance de bronze.

К. В. САЛЬНИКОВ

АНДРОНОВСКИЙ КУРГАННЫЙ МОГИЛЬНИК у с. ФЕДОРОВКИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ

В 1936 г. Челябинский областной музей произвел раскопки 6 курганов эпохи бронзы около с. Федоровки Челябинской области.

Село Федоровка Сосновского района расположено в 20 км к северо-востоку от г. Челябинска на правом берегу р. Миасса. На этом участке извилистое русло р. Миасса направлено на восток. Ближайшие окрестности с. Федоровки покрыты березовым лесом.

Курганные насыпи расположены по краю надпойменной террасы (высотой 5.20 м) правого берега р. Миасса; западная часть могильника находится в селе, на улицах, огородах, дворах и под постройками, а северная ее часть достигает обрывистого берега террасы. Курганное поле, состоящее из 148 насыпей, пересекается несколькими дорогами, испортившими 19 насыпей. Огородами повреждены 13 курганов, свежими ямами — 10, в том числе в некоторых курганах были вырыты подполья и погреба, впоследствии сгоревшие или заброшенные, и 1 курган занят частью современного кладбища. Поскольку курганы подходят к самому обрыву в недавнем прошлом размывавшегося берега реки, не исключено, что группа была еще более обширной. Лишь у немногих насыпей на поверхности прослеживаются камни, большинство же представляются чисто земляными. Вершина обычно уплощена.

По внешней форме и размерам курганы можно разбить на несколько типов:

I — маленькие, высотой 0.10—0.50 м, диаметр 8—12 м, изредка еще меньше (до 5 м) или несколько больше (16 м); II — средние, высотой 0.55—1.00 м, диаметр у большинства 12—16 м, у единичных до 10 м, у некоторых 18 м; III — крупные, выше 1 м и до 2.50 м, при диаметре 14—28 м; IV — тип средних по размерам курганов (высота большинства 0.50—0.70 м, с отклонениями до 0.20 и 0.90 м, диаметр 8—16 м) характеризуется наличием в центре глубокого провала, иногда двух; провал овальной формы, ориентирован продольной осью во всех случаях по линии север—юг, длиной около 3 м, шириной около 2 м, глубиной до 25 см; V — в большинстве случаев крупные курганы; высота 0.40—1.50 м, диаметр 10—20 м; по склонам курганов этого типа из-под дерна местами выступают камни; этот пояс из камней сопровождается цепью неглубоких длинных впадин, также опоясывающих курган по склону или несколько выше камней

или совпадая с ними так, что последние оказываются расположенными в провалах; VI — этот тип представляет собою комбинацию IV и V типов, т. е. имеет и большой провал в центре и неглубокие впадины с камнями по склонам.

Табл. 1 даст представление о размерах курганов различных типов:

Таблица 1

Тип	Количество курганов	Высота (в м)	Диаметр (в м)		
			большинства	меньшинства	наибольший
I	91	0.10—0.50	8—12	5	15
II	21	0.55—0.99	12—16	10	18
III	6	1.00—2.50	14—28		
IV	16	0.20—0.90	8—16		
V	8	0.40—1.50	10—20		
VI	3	0.65—1.05	10—20		
Не опред.	3				
	148				

Никакой закономерности в расположении курганов и их типов в могильнике не установлено; хотя нужно отметить, что подавляющее большинство крупных насыпей (III тип) сосредоточено поблизости друг от друга в юго-восточной части курганного поля, а насыпи с кольцом из камней — в центре группы. Вокруг некоторых курганов видны едва заметные ровики.

У всех насыпей северная пола явно круче южной, у большинства диаметр север—юг длиннее диаметра восток—запад, но у части курганов наблюдается и обратное соотношение.

Раскопано было 6 курганов, относящихся к трем основным типам: 1) 4 маленьких земляных с уплощенной вершиной (№№ 11, 13, 42 и 60); 2) один небольшой с глубоким провалом в центре (№ 38) и 3) один средних размеров с каменной обкладкой пол и впадинами выше обкладки по склонам насыпи (№ 39).

Курганы №№ 11 и 13 расположены в южной части группы, №№ 38, 39, 42 и 60 — в центральной. Раскопка насыпи велась на снос по секторам, причем сначала сносились два противоположных сектора, что давало возможность получить разрезы насыпи по диаметрам.

Наиболее сложными и интересными оказались курганы № 38 (IV тип) и № 39 (V тип).

К у р г а н № 38 (рис. 1). Высота 45 см, диаметр по линии С—Ю 11 м, В—З 10.55 м. В центре

глубокий провал эллипсовидной формы длиной по линии С—Ю 3.05 м, шириной 1.95 м, глубиной до 25 см. Под насыпью в центральной части кургана находилась могильная яма, ориентированная продольной осью по линии ЗСЗ—ВЮВ (293°) размером 2.90×2.20 м на уровне горизонта и 2.30×1.65 по дну, на глубине 0.98 м от древнего

В могильной засыпке, на 0.30 м выше дна, в средней части южной половины могилы обнаружено 3 фрагмента глиняного сосуда, составляющие часть шейки и плечиков. Шейка покрыта горизонтальными бороздками, а плечики гребенчато-чеканным меандровым орнаментом.

Вдоль северо-западной стенки на дне могилы

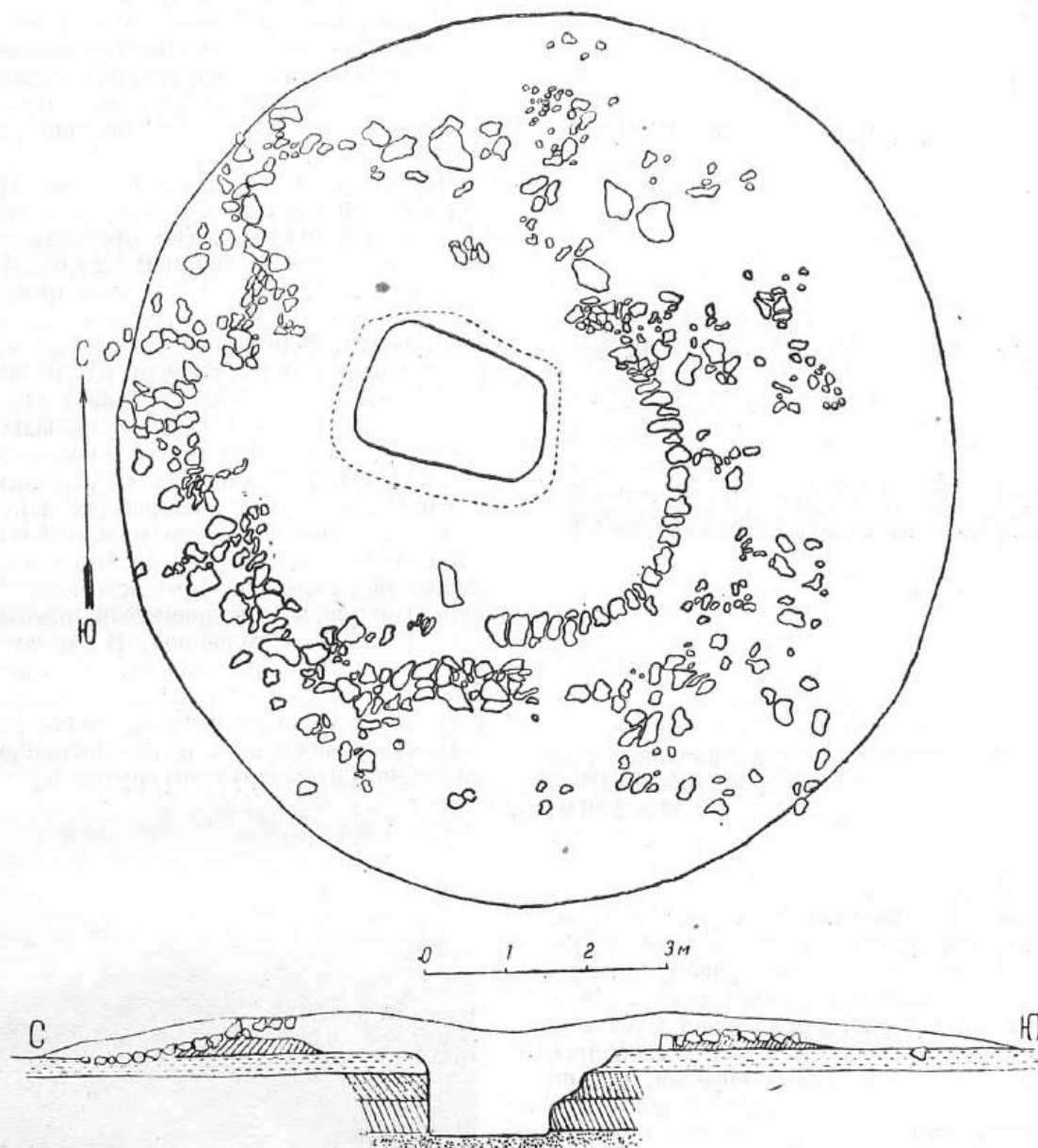

Рис. 1. План и разрез кургана № 38.

горизонта. Дно могилы, как и во всех других курганах, упирается в грунтовый мелкий песок. Встречающиеся в могильной засыпке и на дне обломки гнилого дерева, от незначительных следов до фрагментов 0.70 м длиной при толщине в 5 см, дают возможность установить, что могила была покрыта поперек накатником из жердей, а стенки ее обрамляли в нижней части горизонтально идущие плахи или доски.

находились глиняные сосуд (табл. I, 1) и блюдо подпрямоугольной формы с лепешкообразными ручками. Сосуд орнаментирован по шейке и плечикам горизонтальными рядами бороздок и неправильно-овальной формы вдавлений. В западном углу могилы лежали три ребра лошади.

Вокруг могильной ямы под насыпью шло каменное кольцо неправильной формы, диаметром до 10 м, при ширине окружности от 1 до 3 м.

Камни только с внутренней стороны круга в восточной части расположены более или менее правильной дугой, в прочих же частях круга разбросаны беспорядочно. Круг составляли камни размером от незначительного щебня до глыб в 60 см, лежавшие в большинстве слоев в один камень на древнем горизонте или на выкиде (рис. 1).

Курган № 39. Высота 70 см. Диаметр по линии С—Ю 17.50 м, В—З 15.20 м. Это самый крупный из исследованных курганов. По внутреннему устройству он имеет общие черты с предыдущим, но внешне резко отличается от него.

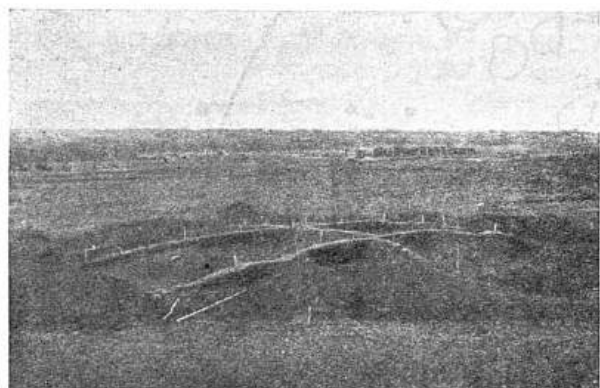

Рис. 2. Раскопки кургана № 39.

Вершина кургана находится ближе к северной поле, южная поля сильно расплылась. По склонам северо-западной и северо-восточной шли вогнутые к центру впадины, а между ними в северной и южной полях небольшие овальные впадины. Глубина их до 15 см, ширина 0.50—2.00 м, длина больших по 7 м, маленьких 2.00 и 2.50 м. В этих впадинах непосредственно под дерном прослеживаются камни кольца того же типа, что и в кургане № 38.

Учитывая размеры кургана и расположение вершины на 5 м к северу от центра, снос насыпи велся не по секторам, а шестью участками. Границами участков служили диаметры по линиям С—Ю и В—З и хорда, проходящая через вершину с востока на запад. Участки сносились в шахматном порядке, таким образом, что по удалении трех из них явилась возможность исследовать и зачертить профили насыпи по обоим диаметрам и по хорде через вершину (рис. 2).

Под насыпью кургана находилось каменное кольцо диаметром 13—14 м, шириной 2.50—3.50 м. Камни расположены в 1—3 слоя без всякого порядка в плане. Лежат они или на древнем горизонте или на кучах выкида, ясно указывая, что кольцо сооружалось после вырытия могил без всякой подготовки площадки под ним. Кольцо составляли камни размером от 5—10 до 50—70 см: валуны из р. Миасса, известняк с правого берега р. Миасса в 3 км выше с. Федоровки (где сейчас расположены каменоломни известкового завода), песчаник и твердые породы

неизвестных месторождений (рис. 3 и 4). Под одним из крупных камней южной части кольца в небольшой ямке на границе древнего чернозема с грунтовой глиной обнаружен глиняный небольшой сосудик на боку, устьем к северо-востоку (табл. 1, 5). Здесь же под камнями к юго-востоку от сосуда найден маленький черепок и днище второго небольшого сосуда.

В северо-западной части кольца под камнями найдено 2 черепка, орнаментированных городками гребенчатого чекана, горизонтальными бороздками и рядами полулунных ямок, в юго-восточной части осколки большой берцовой кости лошади.

Внутри кольца находились две грунтовые могилы: одна в самом центре кургана, другая рядом к северу от нее. Обе ориентированы продольными осями по линии В—З (рис. 4).

Могила № 1. Глубина от уровня древнего горизонта в центре 1.30 м, к стенкам дно несколько повышается. Форма могилы подчетырехугольная с округлыми углами. Размеры на уровне грунтовой глины 3.02×2.60 м, у дна 2.10×1.90 м. Сужение происходит за счет обкладки стенок изнутри камнями и бревнами на высоту до 50—60 см от дна. Самый низ стенок укреплен срубом в один венец (углы не прослежены), выше — каменный ящик со стенками толщиной в 1—5 каменных-валунов того же размера, что и в каменном кольце под насыпью. Через всю могилу поперек шли гнилушки обвалившегося накатника из бревен до 20 см толщиной. В засыпке поверх бревен накатника находилось несколько отдельных камней, а в юго-восточной части могилы расколота большая берцовая кость лошади.

В северо-восточном и юго-восточном углах на дне могилы обнаружены грудки пережженных

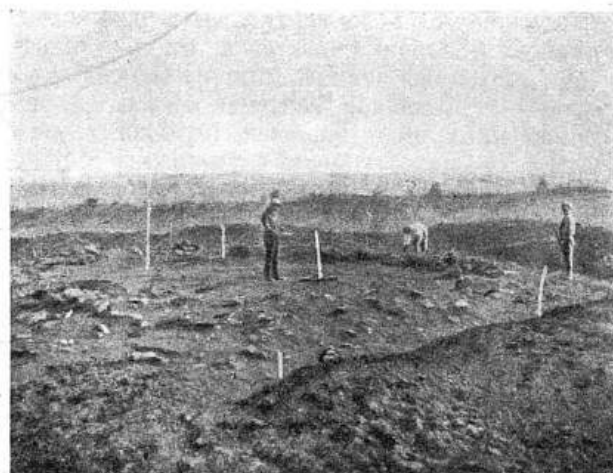

Рис. 3. Вид каменного кольца в кургане № 39.

мелких косточек человека. В северо-восточном углу кости занимали площадь 55×38 см, толщиной до 10 см. Среди костей найдены совершенно незначительные угольки, небольшое зольное пятно 5 см диаметром и два маленьких неорна-

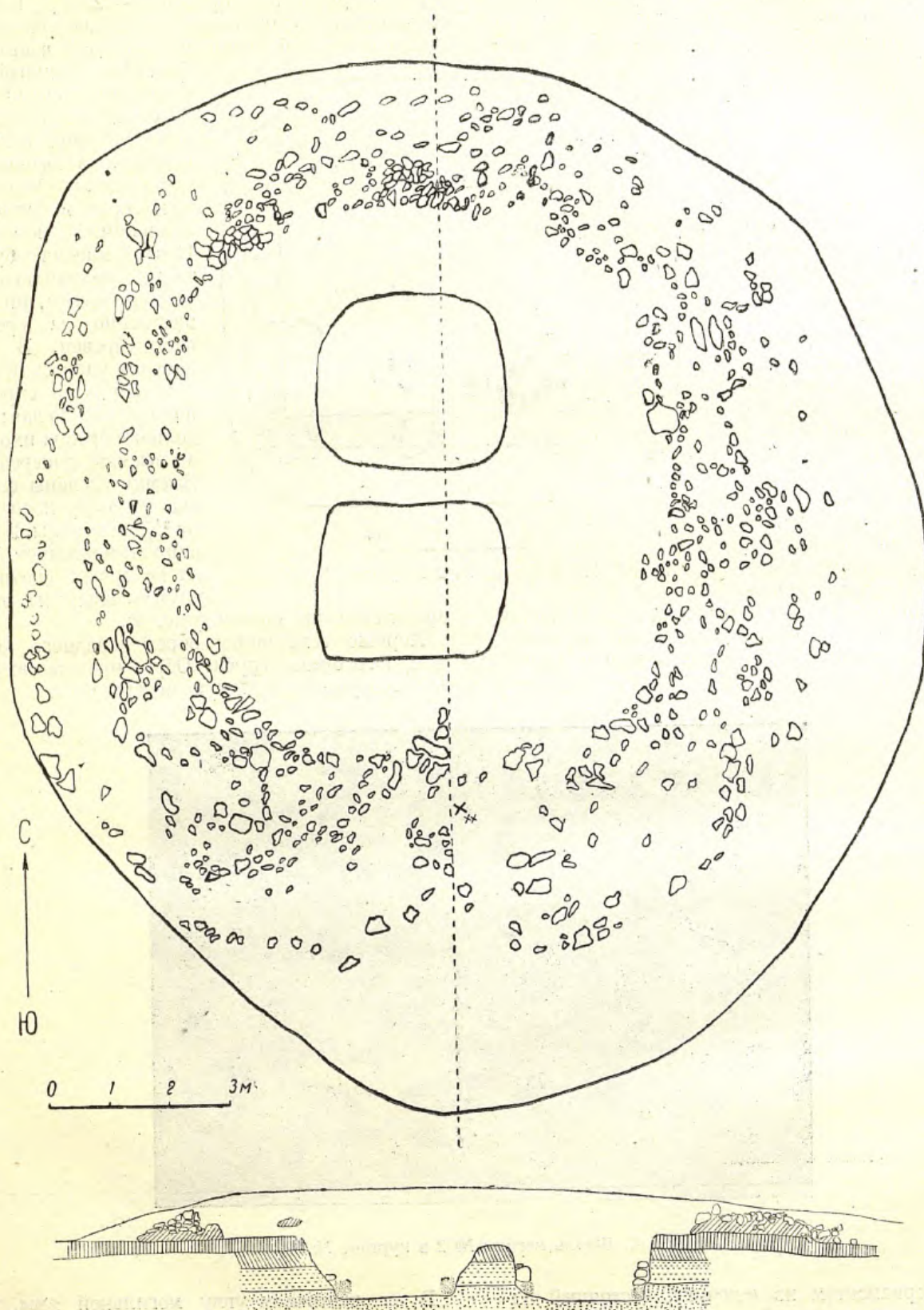

Рис. 4. План и разрез кургана № 39.

ментированных сильно обкатанных черепка. Вторая грудка занимала 42×22 см, толщиной 7 см. В юго-восточном углу стояло три сосуда: два горшка андроновской формы, покрытые гребенчато-чеканными заштрихованными треугольниками, зигзагами и меандровым орнаментом, а также бороздками и ямками (табл. 1, 2—3), и овальное блюдо с лепешкообразными ручками, орнаментированное «елочным» орнаментом (табл. 1, 4).

В 60 см к северо-востоку от сосудов выше дна на 5 см встречено несколько незначительных угольков и часть палки или кола толщиной в 4 см, идущего наклонно от востока к западу. Сторона кола, обращенная ко дну могилы, слабо обожжена.

В могильной засыпке, заполнявшей неровность западной стенки между камнями обкладки ближе к северо-западному углу могилы, обнаружено несколько фрагментов шейки и плечиков глиняного сосуда. Фрагменты сплошь по-

3.10×2.85 м, по дну на глубине 1.15 м от уровня древнего горизонта — 2.10×1.55 м. Сужение происходит как за счет наклона стенок, так и за счет обкладки их в нижней части срубом.

Одновенечный сруб из бревен толщиной до 30 см лежал в каждом углу на двух больших камнях, а юго-восточный угол его был обложен снизу и извне несколькими камнями. Поверх каждого бревна также находились отдельные камни, преимущественно на средней части бревен. В двух случаях удалось проследить характер скрепления бревен в углах: продольные бревна входили в выемки поперечных. Выемки сделаны сквозь всю толщину последних на $\frac{2}{5}$ их ширины. Благодаря этим выемкам бревна не могли скатиться внутрь, извне же этому

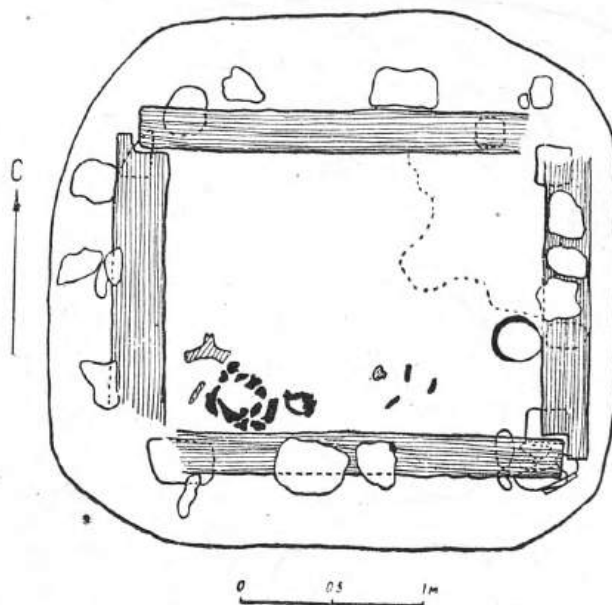

Рис. 5. План могилы № 2 в кургане № 39.

препятствовали стенки (рис. 5).

Хорошо сохранился обрез западного конца северного бревна сруба. Обрез представляет собою совершенно гладкую поверхность.

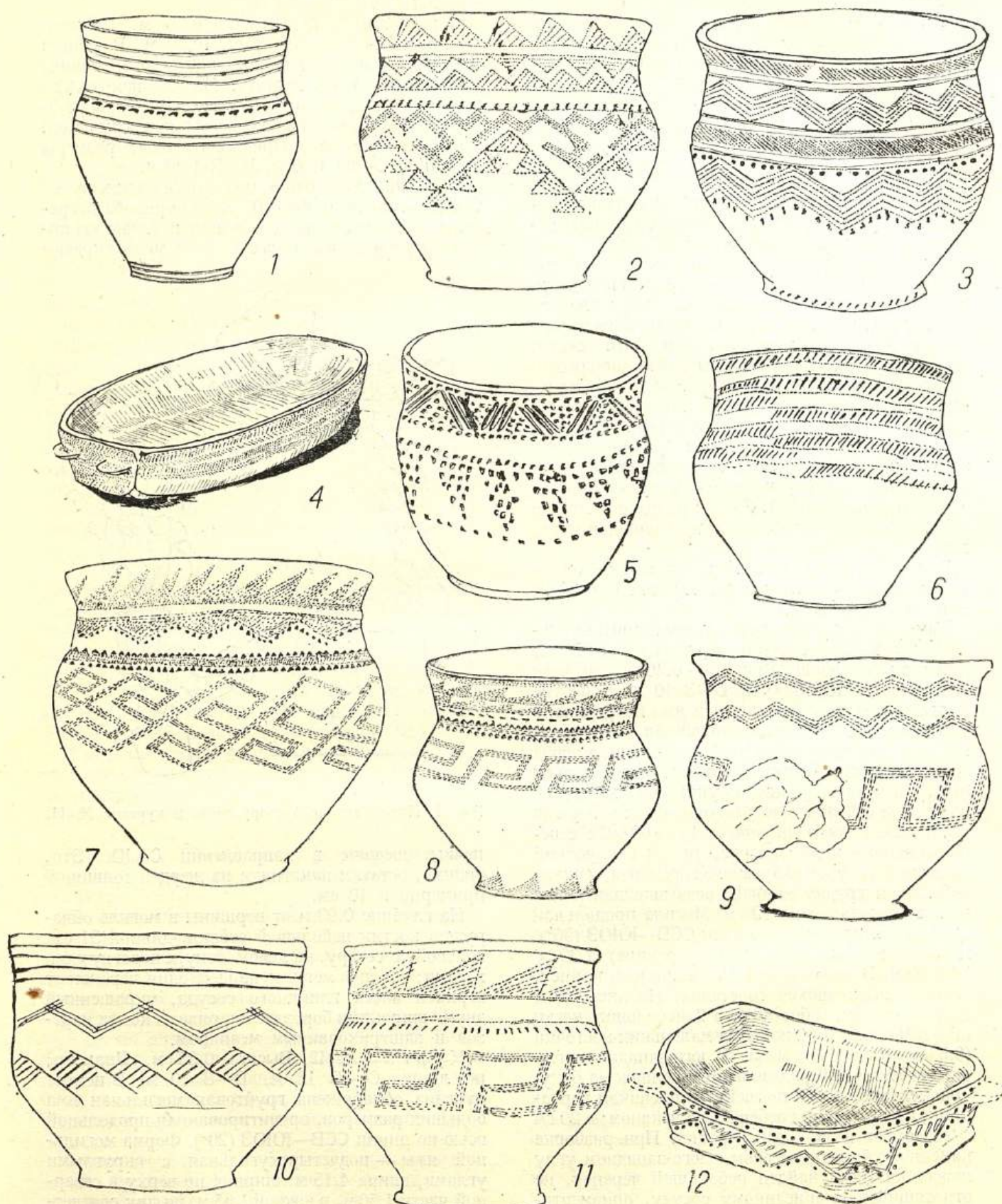

Рис. 6. Деталь могилы № 2 в кургане № 39.

крыты орнаментом из «елочки», состоящей из клиновидных вдавлений.

Могилы № 2. В общих чертах того же типа, что и могила № 1, форма ее неправильно-овальная. Размеры на уровне грунтовой глины —

В юго-восточном углу могильной ямы, вне сруба и выше его, в грунтовых стенках укреплен наклонно дощечка толщиной 1 см, шириной 4 см, длиной 20 см. Один конец ее укреплен в восточной стенке на высоте 45 см от дна

1—12 глиняные сосуды.
Андроновские курганы у с. Федоровки.

могилы, другой конец — в южной стенке несколько ниже.

Гнилушки толстых бревен обвалившегося накатника, шедшие поперек могилы, покрывали дно и стенки ее. Поперек накатника, поверх его через центр могилы с востока на запад лежало одно бревно.

В засыпке найдено несколько отдельных камней. Под одним из камней, лежавших на средней части северного бревна сруба, встречен осколок ребра лошади.

Весь северо-восточный угол дна могилы площадью 80×80 см был занят тонким слоем пережженных человеческих костей. К самому углу слой утолщался до 5 см. Среди костей — незначительные угольки. Местами грунтовый песок дна под костями носил явные следы слабого действия огня. К югу от костей у самой восточной стенки находился большой глиняный сосуд, верхняя часть которого покрыта чеканно-гребенчатым орнаментом в виде широких горизонтальных наклонно-заштрихованных полос (табл. I, 6). В юго-восточном углу обнаружено два сосуда андроновской формы, покрытые орнаментом той же техники, состоящим из заштрихованных треугольников и фигур в виде «сегнерова колеса» и меандрового (табл. I, 7 и 8); рядом с сосудами находились кусок лопатки и подвздошная кость лошади.

Вокруг кургана пробной траншеей, заложенной к северу, обнаружен ров глубиной до 20 см и шириной до 5 м.

Каменное могильное сооружение помимо курганов №№ 38 и 39 встречено также в кургане № 11.

Курган № 11. Высота — 0.40 м, диаметр по линии С—Ю 10.50 м, В—З 10 м. В центре кургана находилась грунтовая яма неправильно прямоугольной формы, обложенная по стенкам камнем. Три стороны могилы по краю на уровне грунтовой глины также обложены рядом камней (рис. 7). Для сооружения употреблены речные валуны, и сейчас в массе находящиеся у берегов р. Миасса. Размер валунов от 15 до 60 см. У северо-западного угла могилы, рядом с каменной обкладкой на уровне древнего горизонта, лежала небольшая грудка камней, возвышавшаяся над всем сооружением на 20 см. Могила продольной осью ориентирована по линии ССВ—ЮЮЗ (30°), глубина 80 см, размеры (внутренние) 1.30×1.20 м. В засыпке найдено несколько камней, видимо, свалившихся со стенок. На дне, возле южной стенки, обнаружено 2 небольших косточки (0.5 см) и кусочек мела. В юго-западном углу найден глиняный раздавленный горшок на боку, орнаментированный по шейке и плечикам городками, нанесенными гребенчатым чеканом; в 20 см к северу от него — два черепка. При разборке каменной обкладки стенок в юго-западном углу между камнями найден небольшой черепок, не относящийся к описанному сосуду, орнаментированный горизонтальной бороздкой и над ней косыми насечками.

Наиболее простыми по устройству оказались курганы №№ 13, 42 и 60.

Курган № 13. Высота 0.25 м. Диаметр по линии С—Ю и В—З по 10.40 м. В южной части кургана на глубине 0.30 м от вершины обнаружено ребро лошади. Могила находилась в центре, но очертания и точные ее размеры установить не удалось из-за массы нор грызунов, прорезывавших ее. Приблизительные размеры по линии С—Ю 1.60 м, В—З 1.20 м.

В засыпке могильной ямы в нескольких пунктах на глубине 0.90—1.03 м от вершины встречены незначительные гнилушки и следы сгнившего дерева в виде полос более темной окраски

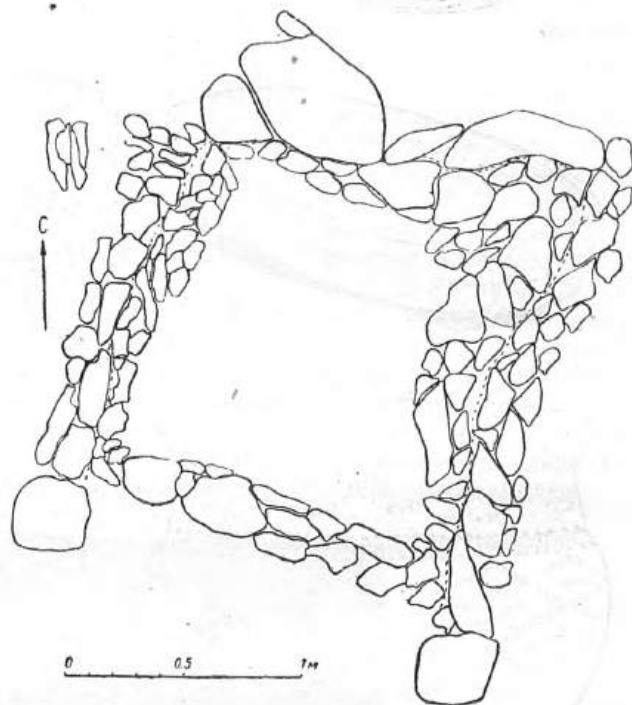

Рис. 7. План каменного сооружения в кургане № 11.

почвы, шедшие в направлении С—Ю. Это, видимо, остатки накатника из жердей толщиной примерно в 10 см.

На глубине 0.93 м от вершины в могиле обнаружен костяк небольшой собаки, длиной 31 см, головой к северу, на левом боку, с подогнутыми ногами; на дне могилы найден один черепок от верхней части глиняного сосуда, украшенный двумя широкими бороздками, рядами косых нарезов и заштрихованным меандром.

Курган № 42. Высота 0.35 м. Диаметр по линии С—Ю 12 м, В—З 10 м. В центре кургана обнаружена грунтовая могильная яма больших размеров, ориентированная продольной осью по линии ССВ—ЮЮЗ (20°). Форма могильной ямы — подчетырехугольная с округлыми углами, длина 4.15 м, ширина по верху в северной части 1.50 м, в южной 1.65 м, по дну соответственно 1.30 м и 1.45 м. Дно ямы на глубине 1.25 м от вершины кургана.

Поперек могилы, по всей ее длине, по дну или несколько выше шли сгнившие бревна толщиной 10—20 см от обвалившегося накатника. Под бревнами, иногда между ними, изредка встречаются угольки. На дне могилы, вдоль северо-западной стенки, симметрично расположены 3 сосуда: в углах и у середины стенки. Сосуды покрыты резным и чеканно-гребенчатым орнаментом, состоящим из зигзагов, меандра и заштрихованных ромбов (табл. I, 9 и 10). Между горшками встречено несколько ребер лошади. Все сосуды лежали на боку, дном к стенке. У противоположной стенки могилы обнаружены две грудки пережеванных костей человека на площади 40×15 и 45×20 см. Слой костей достигал толщины в первом случае 7 см, во втором — 10 см.

К у р г а н № 60. Высота 0.40 м. Диаметр по линии С—Ю и В—З по 10 м. В центре кургана грунтовая могильная яма овальной формы, ориентированная продольной осью прямо по линии В—З. Длина по верху 2.67 м, ширина 1.65 м, по дну соответственно 1.80 и 1.30 м; глубина 1.40 м от вершины кургана. Вдоль всех стенок шли остатки плах или досок от обкладки. Небольшие обломки сгнившего дерева находились в большинстве случаев близ дна, лишь вдоль южной стенки они встречены на высоте 50—60 см от дна.

На дне могильной ямы вдоль западной стенки стояли 4 глиняных сосуда: 2 горшка и два блюда овальной формы. У блюд по углам лепешкообразные ручки. Оба горшка покрыты одинаковым чеканно-гребенчатым орнаментом, состоящим из поясков, меандра и заштрихованных треугольников (табл. I, 11). Орнамент блюд также одинаков. Он состоит из резных бороздок, городков и насечек и из мелких ямок (табл. I, 12.)

В юго-восточном углу могилы незначительное скопление пережеванных мелких костей человека на площади 20×25 см.

Переходя к общему обзору результатов раскопок, необходимо прежде всего остановиться на керамике.

Керамика представлена сосудами горшечной и горшечно-баночной формы и блюдами.

Размеры сосудов неустойчивы. Высота горшков колеблется от 9 до 22.5 см, диаметр горла близок высоте соответствующего сосуда. Блюда также колеблются в отношении размеров от 33 до 18.5 см по длине, при ширине 15—17 см, имея устойчивую высоту — 5 см. Обращает на себя внимание большая толщина стенок некоторых блюд, доходящая до 1.5 см, в то время как большинство горшков имеет стенки толщиной 0.4—0.7 см.

Форма сосудов характерна для андроновской эпохи. Орнамент их также не представляет ничего нового для керамики этого времени, все его основные элементы встречаются в памятниках того же типа, исследованных в южном При-

уралье,¹ Казахстане² и в верховьях р. Енисея.³

Меандр, заштрихованные треугольники, зигзаги в несколько рядов, пояски бороздок, пояски из наклонных штрихов, ромбы, «городки», «елочка» — все это видим и в упомянутых районах. Оригинальным является пояс из геометрических фигур на сосудах из 2-го погребения кургана № 39 (табл. I, 7). Новым для Приуралья элементом является также «елочка» из клиновидных вдавлений, встреченная еще лишь в Минусинском районе.⁴ Ромб в Приуралье известен в числе орнаментальных мотивов на керамике относящегося к андроновской эпохе селища Баланбаш близ г. Стерлитамака в Башкирии.⁵ Обращает на себя внимание поясок из нескольких бороздок по горлу сосуда, встреченный лишь на черепках в могильной засыпке в кургане № 39. Подобные фрагменты горла сосуда, орнаментированного слабо вдавленными бороздками, найдены в Караганде в погребении с трупосожжением и во рву другого кургана там же. С другой стороны, такие же фрагменты горла известны в количестве нескольких штук из культурного слоя селища Баланбаш на р. Белой близ г. Стерлитамака. Целых же сосудов, которые обычно происходят из погребений, с такой орнаментировкой горла мы не знаем.

Поскольку все известные нам находки керамики с подобной орнаментировкой, как видим, встречены в условиях, или явно не имеющих отношения к погребению или дающих право предполагать случайность их нахождения в погребальном памятнике, нельзя ли сделать предположение, что описанный тип орнамента характерен для сосудов, бытовавших в эту эпоху, но в погребальный инвентарь почему-то не включавшихся.

Техника нанесения орнамента преобладает гребенчато-чеканная, реже резная и вдавленная, а также, как подчиненный элемент, встречаются различные виды ямок. Один сосуд, а именно найденный под кольцом из камней в кургане № 39 (табл. I, 5), выделяется своей необычностью в этом отношении. Орнамент нанесен здесь грубой резьбой и вдавлениями, видимо палочкой случайной формы, отчего при различном положении последней получались ямки самой разнообразной и неустойчивой формы. Впрочем этот сосуд отличается своеобразием не только орнамента, но и формы, а также теста глины — большая примесь довольно крупных зерен слюды.

Глиняные блюда, найденные в трех курганах, встречались под Челябинском в раскопках С. Н.

¹ С. Н. Д у р ы л и н. Раскопки под Челябинском. Зап. Уральск. общ. любит. естествозн. [в дальнейшем ЗУОЛЕ], т. XL, вып. 2.

² М. П. Г р я з н о в. Погребения бронзовой эпохи в Зап. Казахстане. Сб. «Казаки», II, Изд. АН СССР.

³ С. А. Т е п л о у х о в. Древние погребения в Минусинском крае. Матер. по этногр., т. III, вып. 2.

⁴ С. А. Т е п л о у х о в, ук. соч., табл. VII, рис. 6 и 7.

⁵ Раскопки Уфимской экспедиции ГАИМК 1934 г. Материал не опубликован.

Дурылина и Н. К. Минко, а в отношении других районов упоминаются С. А. Теплоуховым.¹ Впрочем за отсутствием публикации мы не можем сказать, насколько близки блюда, обнаруженные С. А. Теплоуховым, к нашим. Известные же до сих пор челябинские блюда, имея большое сходство с нашими, отличаются грубостью работы и слабым обжигом, что дало основание С. Н. Дурылину сделать предположение о производстве их специально «на покойника». Среди блюд из федоровских курганов некоторые сделаны далеко не грубо, украшены орнаментом и имеют отличный обжиг (табл. I, 4).

Считая, что для окончательных выводов о роли этих блюд в составе погребального инвентаря памятников андроновской эпохи мы не располагаем еще достаточными данными, все же позволяем себе сомневаться в правильности мнения С. Н. Дурылина, рассматривающего их как исключительно погребальные. Факт обнаружения в одном из найденных упомянутым исследователем блюд нескольких косточек трупосожжения еще недостаточен для такого вывода. И у нас были случаи обнаружения отдельных жевательных косточек в различных пунктах, даже вне могилы, как результат работы грызунов.

За небольшими исключениями керамика имеет тщательную выработку и хороший обжиг. Худшей сохранности оказались некоторые блюда из курганов №№ 60 и 38 и керамика из кургана № 11. В изломе цвет у всех сосудов и фрагментов керамики черный, поверхность же имеет различную окраску — в большинстве случаев серую и серо-желтую, реже желтую и красновато-желтую. Половина находок имеет ту или иную примесь в составе глины, чаще встречается примесь слюды, иногда (в сосуде, изображенном на табл. I, 5) в довольно большом количестве и большими зернами; реже примесь песка и талька. Фрагмент сосуда из кургана № 13 содержит так много талька, что наощупь кажется скользким. Что касается песка, то, принимая во внимание незначительность его включений, можно предполагать естественность его примеси к глине.

Помимо керамики, в погребальный инвентарь исследованных курганов входили еще кости животных. Последние встречались поодиночке или по 2—3 вместе на дне могил возле сосудов, а также в насыпи курганов и в могильной засыпке. Лишь в одном случае (в кургане № 11) был обнаружен почти полный костяк собаки. Все отдельные кости принадлежат лошади. Это, главным образом, ребра, а также кости черепа, таза и ног (кости плюсны, предплюсны и осколки берцовых) и часть лопатки. Наличие кости дали возможность составить представление об особенностях породы лошади. Это была лошадь с небольшими конечностями, но с хорошо раз-

витым туловищем и крупом. Она должна была быть коренастой и иметь небольшой рост, типа пони (но не очень маленького).¹ Лишь три ребра, происходящие из кургана № 38, принадлежали лошади нормальной величины.

Что касается собаки, то она также относится к мелким породам и, судя по основным измерениям черепа, должна быть близкой, если не тождественной, к мелкой породе древнеладожской собаки. Череп челябинской собаки имеет те же измерения, что и древнеладожская: длина от переднего края затылочного отверстия до переднего края ячеек резцов — 145 мм, от затылочного гребня до заднего края носовых костей — 90 мм, высота до теменного гребня — 45 мм, длина всех коренных зубов — 60 мм, длина схватного зуба — 16 мм.² Но размеры некоторых других частей черепа разнятся от размеров соответствующих частей черепа древнеладожской собаки. Так, напр., у челябинской длина двух задних бугорчатых коренных зубов равна только 12 мм, наибольшая ширина черепа на височно-теменном шве — 40 мм, наименьшее расстояние между глазницами — 22 мм.³

Собака, найденная С. Н. Дурылиным в одном из курганов у с. Сухомосова, совершенно аналогична нашей.⁴

Весь облик исследованных курганов не оставляет сомнения в их принадлежности к причелябинской разновидности памятников андроновской эпохи.

Памятники андроновской эпохи широко известны на огромной территории от верховьев р. Енисея до южного Урала. Федоровская курганная группа совместно с прочими причелябинскими памятниками составляет особую группу на северо-западной окраине площади распространения памятников этого типа. Северо-западнее этого района известны лишь курганы с андроновской керамикой, раскопанные С. И. Руденко у дер. Нурбаковой в Аргаяшском кантоне БашССР;⁵ курганы и селище андроновской эпохи, исследованные автором во время работ Уфимской экспедиции ГАИМК в 1934 г. на

¹ Определение костей и заключение о внешнем виде лошади произведены заведующим кафедрой сравнительной анатомии Оренбургского агро-зооветеринарного института доцентом В. Н. Жадевым, за что автор приносит ему глубокую благодарность.

² Ср.: Д. Н. Анучин. К древнейшей истории домашних животных в России. Тр. VI Археол. съезда, т. I, стр. 8.

³ В. Н. Жадемов, отмечая в своем определении примитивность данного животного, указывает на такие признаки челябинского черепа: «1) слабо развитая мозговая полость, 2) лицевой череп вытянут и сильнее развит, 3) хорошо развита нижняя челюсть, 4) зубы типичны для хищника, гораздо типичнее чем у собак» (видимо современных. — К. С.). Эти признаки дали основание т. Жадемову определить этого хищника таким образом: «Животное относится к первобытным породам прародителей собак».

⁴ С. Н. Дурылин, ук. соч., стр. 110.

⁵ Ныне Челябинской области. А. В. Шмидт. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии Наук СССР. Хозяйство Башкирии, 1929, № 8—9, Приложение, Уфа, стр. 4—5.

¹ С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Матер. по этногр., т. IV, вып. 2, стр. 43.

левом берегу р. Белой в районе г. Стерлитамака.¹ Последние памятники являются самой северо-западной до сих пор известной точкой распространения андроновских памятников.

В южном Приуралье памятники описываемого типа являются широко распространенными и характерными для эпохи родового общества. Они разбросаны по всем рекам бассейна верхнего и среднего Урала: в Чкаловской области, южной Башкирии, северном Казахстане, в Челябинской области и Западной Сибири.

Наиболее близкими, вернее совершенно аналогичными федоровским курганам должны быть признаны курганы ближайшего района — окрестностей г. Челябинска, исследованные в 1906—1910 гг. Н. К. Минко и в 1924—1925 гг. С. Н. Дурылиным. Раскопанные этими исследователями курганы и по своему типу и по погребальному ритуалу и инвентарю почти аналогичны федоровским.

Особенностью причелябинской группы андроновских памятников, прежде всего, нужно признать погребения в земляных курганах, а главное решительное преобладание трупосожжения над трупоположением. Правда, трупосожжение встречается и в других районах распространения андроновских памятников, но там это единичные случаи.² С другой стороны, и для Причелябинского района трупосожжение не является исключительным погребальным ритуалом. Отдельные курганы из вскрытых Н. К. Минко и С. Н. Дурылиным дали погребения со скорченными костяками.³ В могиле у с. Бакланского на р. Миассе, раскопанной В. Я. Толмачевым в 1914 г., также были обнаружены скорченные костяки.⁴

Необходимо отметить, что погребения с трупоположением в этом районе дают более многочисленный и богатый инвентарь, нежели погребения с трупосожжением. В последних, как отмечалось, инвентарь ограничивается керамикой и костями животных.

Это и понятно. Все предметы, относящиеся к личному убранству покойника, должны при трупосожжении погибнуть в огне.

Задача дальнейших исследований — установить причину такого различия в погребальном ритуале.

Нередко наблюдавшееся в андроновских могилах обрамление стенок бревнами носит обычно наименование сруба. Но лишь в одном случае С. Н. Дурылиным под Челябинском было прослежено скрепление бревен в углах, которое он описывает как имеющее «характер обычной избушки с кладкой углов».⁵

Благодаря хорошей сохранности двух углов

подобного сооружения во 2-м погребении кургана № 39 у с. Федоровки мы имеем второй случай обнаружения подобия сруба. Точно установлено применение накатника или покрытия могил бревнами.

Большой интерес представляют обнаруженные в двух курганах под насыпью кольца из камней. Обычные для андроновских курганов более южных областей кольца из стоящих каменных плит вокруг бескурганной могилы или вокруг кургана с незначительной насыпью на севере ранее не встречались. Случай нахождения под камнями кольца кургана № 39 глиняных сосудов вызывает в памяти случай, когда под камнями кольца у Тулайкина аула в районе г. Орска были найдены медные серп и крюк,¹ и напоминает также находки сосудов вне могильных ям в толще древнего чернозема в кургане у хут. Кашкара близ г. Стерлитамака в Башкирии.² Здесь в кургане с двумя грунтовыми могилами, в которых оказались скорченные костяки с андроновской керамикой, поодаль от могильных ям найдено по одному сосуду. Эти сосуды, изготовленные более грубо, резко отличались от керамики, бывшей в могилах. В раскопках С. Н. Дурылина также упоминаются случаи обнаружения сосудов вне могильных ям.

Из факта слабого закала песка на дне могилы № 2 в кургане № 39 в районе расположения жезловых костей человека, мне думается, можно сделать заключение, что трупосожжение происходило вне могилы, но в непосредственной близости, и время положения в могилу костей непосредственно следовало за временем сожжения, поскольку кости полагались еще в настолько раскаленном состоянии, что сохраняли способность прокалить, хотя и слабо, песок.

Все это несколько расширяет наше представление о родовом обществе в южном Приуралье и вместе с тем делает настоятельно необходимым продолжение работ по исследованию курганов у с. Федоровки. Эта группа обращает на себя внимание многочисленностью насыпей, что позволяет предполагать продолжительность ее существования. Исследование большего количества курганов описываемого памятника, может быть, позволило бы наметить вехи для разбивки курганов андроновской эпохи на несколько стадийных групп.

Необходимость постановки дальнейших работ здесь усугубляется также и тем обстоятельством, что значительная часть курганов находится под непосредственной угрозой разрушения надвигающимися на нее строениями и огородами села Федоровки и дорогами.

¹ Материал не опубликован.

² С. В. Киселев. Андроновские памятники близ с. Усть-Ерба в Хакасии. Сов. этногр., 1935, № 4—5.

³ С. Н. Дурылин, ук. соч., курганы №№ 0 и 2 у с. Исакова.

⁴ ОАК, 1913—1915, стр. 174.

⁵ ЗУОЛЕ, т. X, вып. 2, стр. 111.

¹ Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археол. работы Академии на новостройках, II. Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935.

² Раскопан. Уфимской экспедицией ГАИМК в 1934 г. Материал не опубликован.

K. SALNIKOV

LE CIMETIÈRE À TUMULUS D'ANDRONOVO PRÈS DU VILLAGE DE FEDOROVKA (RÉGION DE TCHÉLIABINSK)

(Résumé)

A 20 km de Tchéliabinsk, près du village de Fedorovka sur les bords de la rivière Mias se trouve un groupe de tumulus comptant 148 tertres. Tous ces tumulus sont en terre, à sommet aplati et mesurent de 0.10 à 1 m de hauteur, sauf quelques-uns qui atteignent 2.50 m.

En 1936, le Musée régional de Tchéliabinsk a fouillé 6 de ces tumulus. Ils renfermaient des sépultures à incinération. A 0.80—1.15 m de profondeur à partir de l'ancien niveau du sol, on a découvert dans la moitié est de la fosse mortuaire un ou deux petits tas d'ossements humains finement carbonisés et dans la moitié ouest (parfois aussi dans la moitié est), le long des parois, de la vaisselle d'argile sous forme de pots et de plats ou de leurs fragments, ornés pour la plupart d'un dessin géométrique compliqué, ainsi que des os séparés de cheval. Une tombe recélait un squelette complet de chien de petite taille sans traces d'ossements humains. Toutes les tombes

montraient des vestiges d'un revêtement des parois en poutres ou en planches; dans quelques-unes, les parois étaient garnies de pierres. Le fond de la fosse était parfois tout rempli de restes de poutres pourries du revêtement effondré.

Sous l'enveloppe de terre de deux tumulus, les fosses mortuaires étaient entourées de cercles de pierres disposées sans ordre.

Dans une des tombes, on a pu constater le mode d'assemblage des poutres du revêtement aux angles.

A juger d'après les os de cheval, celui-ci était de basse taille, avec poitrail et croupe bien développés et membres courts.

Le squelette de chien donne à supposer qu'il était voisin sinon identique par la race du petit chien ancien de la Ladoga.

Les tumulus étudiés sont caractéristiques des sépultures de la culture d'Andronovo de l'époque du bronze propres à la région de Tchéliabinsk.

Г. В. ПОДГАЕЦКИЙ

МОГИЛЬНИК ЭПОХИ БРОНЗЫ БЛИЗ Г. ОРСКА

Уже на основании результатов работ Южно-Уральской экспедиции Гос. Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра можно было говорить о наличии угрозы разрушения археологических объектов со стороны Орских новостроек.¹ Летом 1936 г. на место строительства для выявления подлежащих изучению археологических объектов был командирован Б. Н. Граков. В результате проведенного обследования в шести пунктах им были обнаружены археологические памятники, часть кото-

Аккермановки (рис. 1). Там была исследована значительная часть памятника, непосредственно входившая в зону строительных работ. Далее, первым отрядом был раскопан один сарматский курган из группы, находящейся в 14 км от г. Орска (рис. 1). Второй отряд, работавший под руководством К. В. Сальникова, был занят исследованием группы сарматских курганов, находящихся на левом берегу р. Ори близ аула Джанатан (рис. 1). Помимо раскопочных работ, экспедицией была произведена кратковременная рекогносцировка

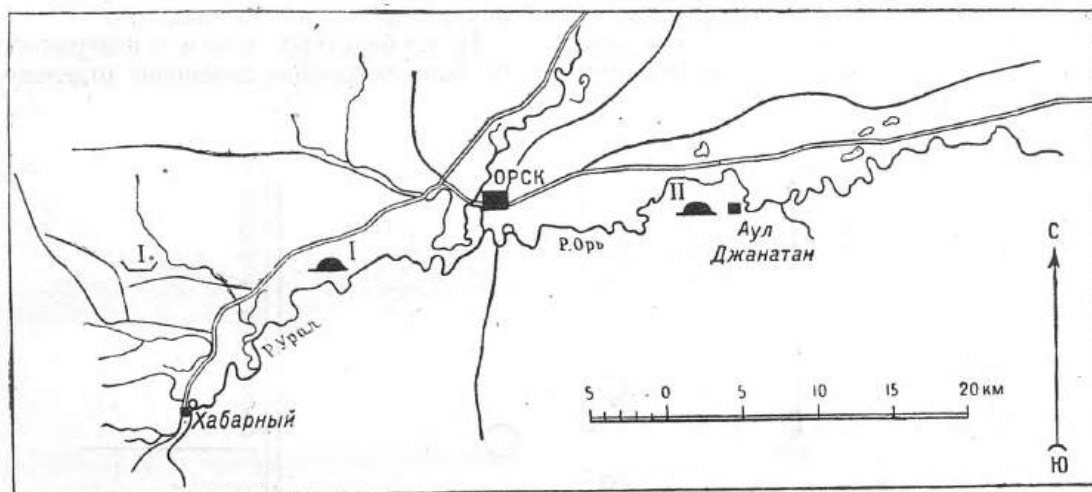

Рис. 1. Район работ Орской экспедиции.

I — места работ первого отряда; II — места работ второго отряда.

рых находилась в зоне строительных работ. Для исследования этих памятников Академией была организована Орская археологическая экспедиция, в работах которой принял участие Оренбургский областной краеведческий музей.²

Объектом работ первого отряда экспедиции явился могильник эпохи бронзы у пос. Ново-

на территории новостроек у самого г. Орска, выявившая несколько памятников, главным образом, погребального характера. Ниже излагаются результаты работ первого отряда по исследованию могильника эпохи бронзы. Памятникам сарматской эпохи посвящена отдельная статья К. В. Сальникова.¹

I

Могильник эпохи бронзы находился на трассе железнодорожной линии Орск—Ново-Аккермановка, в 27 км от г. Орска и в 1 км к северо-вос-

¹ Б. Н. Граков. Отчет о работах в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археол. работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., II. Изв. ГАИМК, вып. 110, 1935.

² В состав экспедиции входили: Г. В. Подгаецкий (начальник экспедиции), М. З. Рабинович, К. В. Сальников (от Оренбургского музея) и С. С. Черников.

¹ См. настоящий сборник, стр. 100—113.

току от пос. Ново-Аккермановки (рис. 2). Здесь на довольно ровном плато, занимая площадь 60×150 м, находилась группа кольцеобразных выкладок из камня. Почти во всех выкладках первоначальное положение значительной части

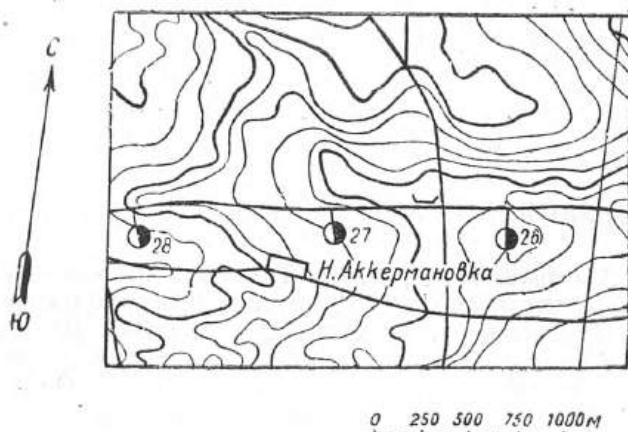

Рис. 2. Местонахождение могильника у пос. Ново-Аккермановки.

камней к моменту исследования было нарушено. В большинстве подобных случаев бывшее местоположение камней обозначалось выемками на поверхности грунта. С уверенностью можно было говорить о наличии 19 выкладок (рис. 3). Никаких

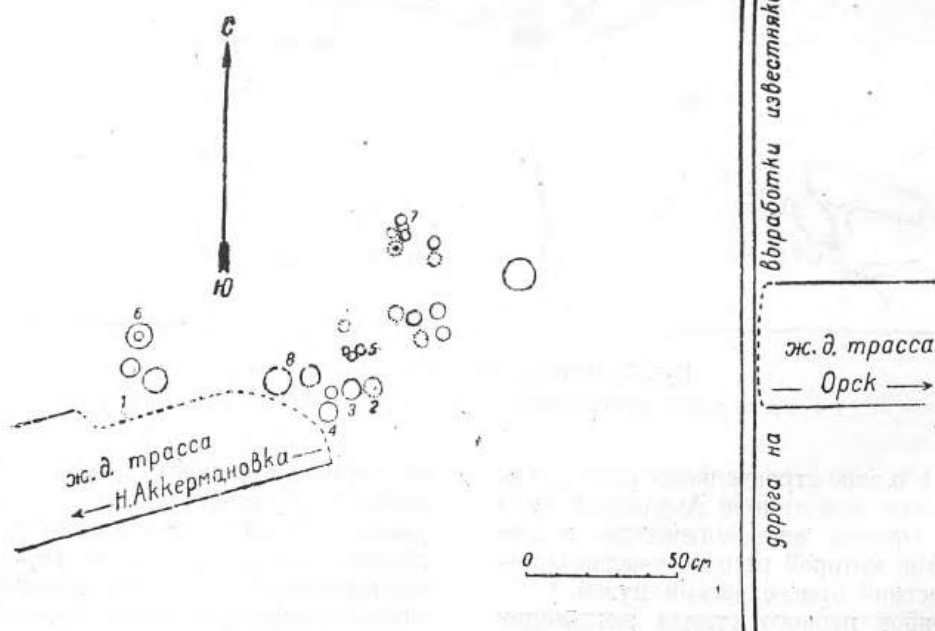

Рис. 3. План могильника у пос. Ново-Аккермановки.

других признаков погребений, вроде земляных или каменных насыпей, могильник не имел. Мелкие камни, беспорядочно разбросанные по всей площади могильника, являлись, несомненно, частями других, окончательно разрушен-

ных выкладок. Наиболее вероятные из них обозначены на плане пунктиром.

Все выкладки представляют собой кольца диаметром 2.50—11.00 м, выложенные из камней сравнительно небольших размеров, почти наполовину выступающих на поверхность. Одна из выкладок имела внутри второе кольцо, выложенное крупными камнями (раскоп № 6). Другая выкладка, вошедшая в пределы раскопа № 4, имела внутри большие камни, лежавшие по диаметру и как бы перегораживавшие ее на две части. Рассматривая расположение выкладок, можно заметить как бы преднамеренную группировку их; причем, если некоторые выкладки находятся на известном расстоянии друг от друга, то другие соприкасаются между собой вплотную.

Раскопы 1 и 2, заложенные на месте предполагавшихся выкладок, при углублении до верхнего горизонта материкового суглинка (1 м от поверхности) ничего не дали. Остальными шестью раскопами было вскрыто 13 погребений.

Погребение № 1 (раскоп № 3, рис. 4). Кольцеобразная широкая выкладка камня. Расположение камней слегка потревожено. Наибольший размер камней по длине равен 0.30×0.40 м. Внешний диаметр выкладки 6.4—6.6 м, внутренний — 3.00—3.10 м. Границей раскопа являлся внутренний край выкладки.

На глубине 0.60—0.80 м от поверхности в грунте были встречены лежавшие отдельно друг от

друга 3 фаланги и коленная чашечка человека и обломок дерева. На глубине 0.90—1.00 м от поверхности¹ обнаружено погребение взрослого

¹ В дальнейшем все глубинные отметки даются от поверхности дернового покрова.

субъекта на правом боку, головой на юго-запад, с подогнутыми ногами (рис. 4). Череп отсутствует. Некоторые кости, преимущественно мелкие, либо отсутствуют, либо утратили свое первоначальное положение; так, например, часть нижней челюсти находилась в области грудной клетки, фрагментированные кости левой руки находились в грунте, заполнявшем и окружавшем один из сосудов, стоявший у костяка, а один из шейных позвонков был найден на бедренной кости правой ноги. В окружающем костяк грунте встречались совершенно расплывшиеся мелкие угольки. У коленного сустава обнаружено скопление угольков

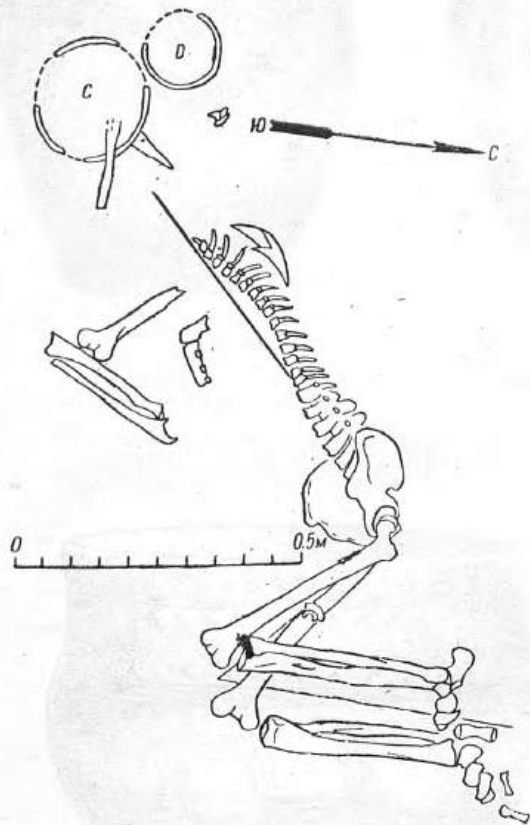

Рис. 4. Погребение № 1; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

и перегоревшей растительности (камыш или трава). В головах погребенного стояли два глиняных сосуда (С и D). В грунте, окружавшем сосуды, содержалось значительное количество угольков, особенно у дна большого сосуда.

Сосуд С — лепной, орнаментированный удлиненными и угловыми вдавлениями и нарезными линиями (рис. 5, 5). Поверхность имеет светло-коричневую окраску. Высота сосуда 20,5 см, диаметр края 22 см, дна 11,5 см.

Сосуд D подобен вышеописанному, имея в основном тот же орнамент, отличающийся лишь тем, что здесь линии выполнены пунктиром (рис. 5, 7). Высота сосуда 11,5 см, диаметр края 15 см, дна 8,5 см.

Погребение № 2 (раскоп № 4). Кольцеобразная выкладка камня; расположение некоторых кам-

ней нарушено. В центре выкладки, по диаметру З—В, лежат большие камни, перегораживающие ее на две части. Внешний диаметр выкладки 3—6 м.

На глубине 0,45—0,65 м стали встречаться обломки глиняных сосудов.

На глубине 0,65 м обнаружены остатки разрушенного погребения. Здесь находились два фрагментированные глиняные сосуда, обломки которых встретились выше и беспорядочно залежали сильно разрушенные кости человека.

Первый сосуд лепной, баночной формы, с небольшим плечиком и раздутым туловом, коричневого цвета с темными пятнами. Диаметр края 20 см, дна 11 см.

Второй сосуд лепной, с расширяющимся от дна туловом, с невысоким венчиком, заглаженный до лощения, украшенный по венчику и стенкам пунктирным геометрическим орнаментом, коричнево-черного цвета. Диаметр горла 11,5 см, дна 9 см.

Погребение № 3 (раскоп № 5, рис. 6). Кольцеобразная выкладка камня: внешний диаметр 4,60—5,20 м, внутренний — 3,40—4,20 м.

С глубины 0,45 м начали встречаться остатки разрушенного человеческого погребения: на глубине 0,45—0,70 м — обломки ребер (рис. 6, а, б), на глубине 0,59 м — обломки ребер, позвонков (с) и кости голени (d). Под костями голени, на глубине 0,59—0,76 м, беспорядочно залежали в грунте сильно разрушившиеся обломки ребер, позвонки и фаланги, занимая площадь примерно в $0,30 \times 0,40$ м. Эпифизы некоторых костей ног оказались окрашенными в зеленый цвет, причем более интенсивно внутри, чем на поверхности. Среди костей был найден сильно разрушившийся небольшой кусок дерева ($0,03 \times 0,05 \times 0,05$ м). На глубине 0,69—0,89 м в западном углу квадрата, являющегося частью раскопа № 5 и ограничивающего описываемое погребение, встретились часть челюсти человека (глубина 0,75 м) и обломки глиняного сосуда, причем последние занимали площадь диаметром 0,25—0,30 м. На глубине 0,69—0,71 м в этой же части раскопа была обнаружена нора грызуна, содержавшая обломок того же глиняного сосуда (f), а неподалеку находились обломок челюсти и два позвонка, принадлежавшие зайцу (e), отдельные кости которого были встречены здесь же и на глубине 0,98 м, а на глубине 1,02 м была вскрыта и оставшая, сохранившая свое положение, часть его скелета.

Сосуд (f) лепной, баночной формы, с небольшим плечиком, заглаженный до лощения, серо-желтого цвета. Высота горла от плечика 6 см, диаметр горла 22 см.

Погребение № 4 (раскоп № 5, рис. 6). Кольцеобразная выкладка камня, примыкающая к выкладке погребения № 3 и частично составляющая с ней одно целое. Внешний диаметр выкладки 3,00—3,35 м, внутренний — 2,00—2,33 м.

На глубине 0.86 м наиболее четко обозначились очертания дна могильной ямы, заполнение которой отличалось от окружающего ее грунта (желтый суглинок) более темным цветом. Контур дна ямы представлял собой вытянутый овал, слегка суженный в средней части (0.60×1.60 м). Погребение оказалось парным (рис. 7).

мало стерты. Кости конечностей большие, массивные, с хорошо выраженными местами прикрепления мышц и широкие в суставах. Тазовые кости разломаны. По костям конечностей и черепа костяк, несомненно, мужской, принадлежавший крепкому субъекту выше среднего роста, в возрасте возмужалости (*adultus*), предположи-

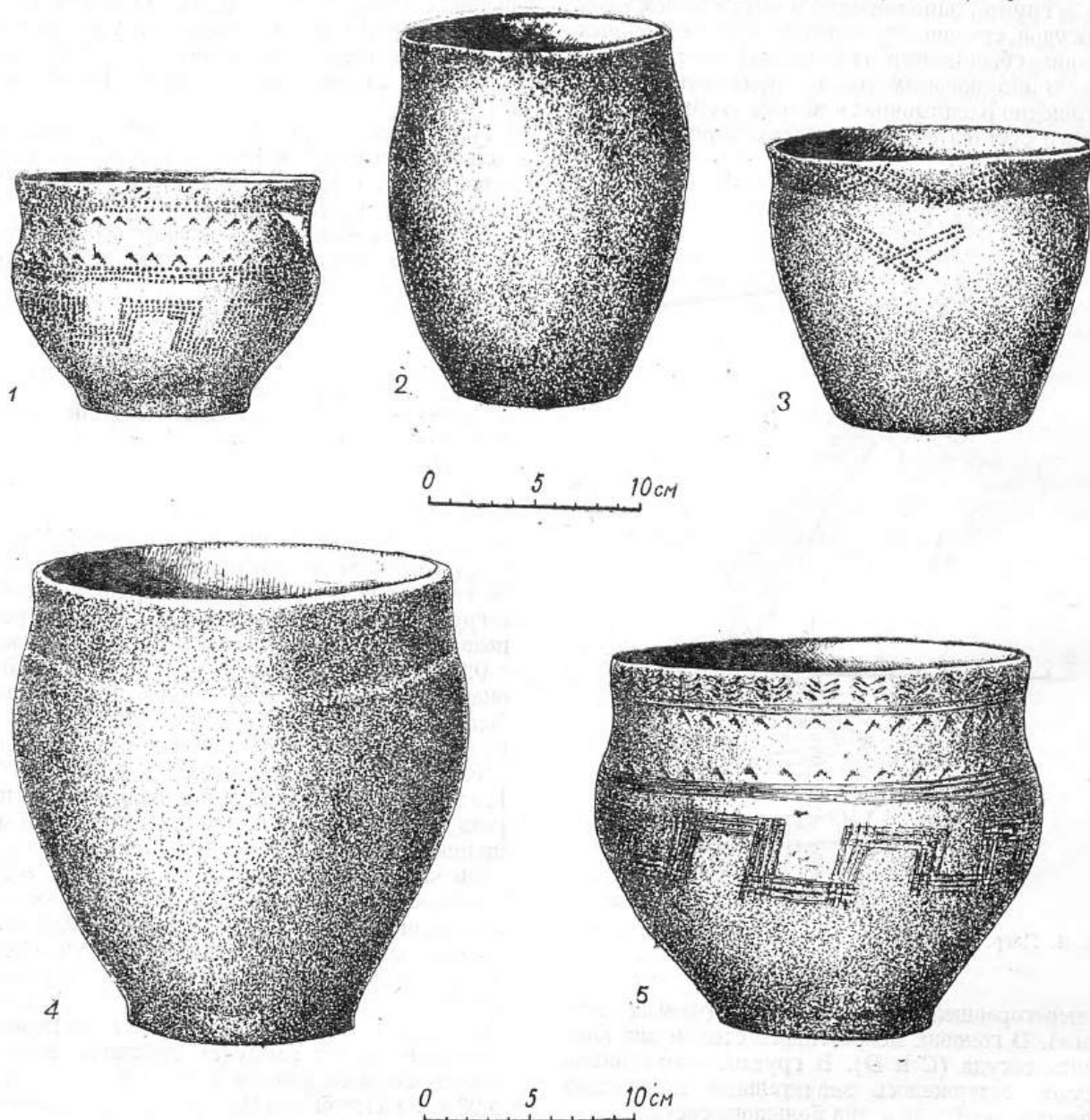

Рис. 5. Глиняные сосуды; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

1, 5 — погребение № 1; 2-4 — погребение № 4.

Костяк А на левом боку (почти на груди), головой на северо-запад с подогнутыми ногами и руками (кости кистей у лицевых костей черепа). Кости в плохой сохранности. Разломанный череп, «повидимому, большой брахицефальный с сильно выраженным надбровьем и широкой собачьей ямкой. Облитерация сагиттального шва только началась. Нижняя челюсть довольно массивная с четырехугольным широким подбородком. Зубы

только около 35 лет. Отмечается хроническое заболевание левого сустава между 2-м и 3-м шейными позвонками». ¹ В головах находился глиняный сосуд (М); на тазовых костях, у верх-

¹ Считаю своим долгом выразить благодарность В. В. Гинзбургу, любезно произведшему антропологический анализ костных материалов погребений №№ 4-А, 4^В, 8-У и 8-У (результаты анализа в тексте настоящего отчета отмечены кавычками).

него эпифиза правой бедренной кости — поделка из раковины. Костяк *В* на груди, головой на северо-запад, со слегка согнутыми вправо ногами и вынесенными также вправо, согнутыми к лицу руками. Частично тазовыми костями и костями ног перекрывает костяк *А*. «Сохранность костей плохая, хотя несколько лучшая, по сравнению с костяком *А*. Разломанный череп небольшой, мезокранный, с прямым лбом и слабо развитым надбровьем. Нижняя челюсть небольшая. Зубы мало стерты. Облитерация швов не началась. Кости конечностей небольшие, очень грацильные, со слабо развитыми местами прикрепления

того цвета (рис. 5, 4). Высота 26 см, диаметр горла 21—23 см, дна 12,5—13 см.

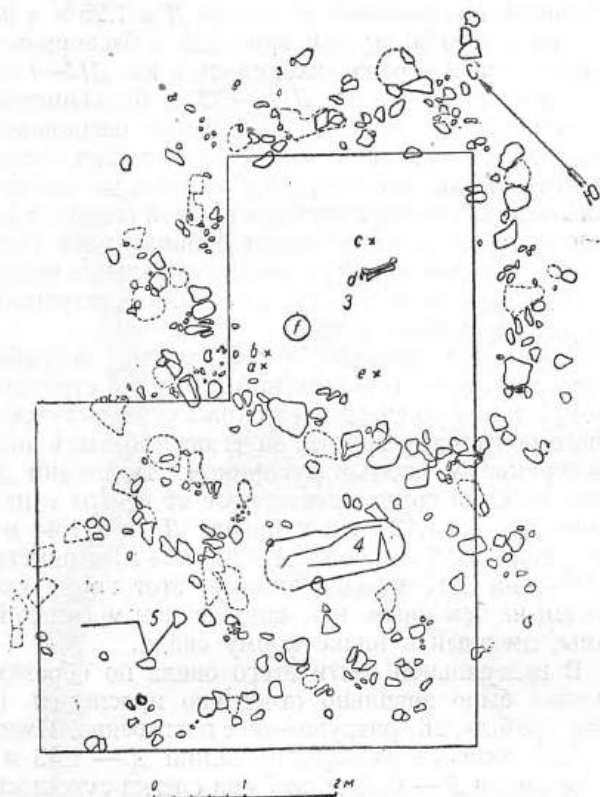

Рис. 6. Каменные выкладки погребений № 3—5 (раскоп № 5); могильник у пос. Ново-Аккермановки.

мышц и небольшими суставами. По костям конечностей и черепу костяк, несомненно, женский, принадлежавший очень грацильной особе небольшого роста в возрасте возмужалости (*adultus*), предположительно около 25 лет». В головах находились два опрокинувшихся глиняных сосуда (*К* и *Л*). Положение некоторых мелких костей нарушено норами грызунов.

Поделка из раковины, встреченная при мужском погребении, представляет собой створку последней с большим круглым отверстием в центре и малым овальным в замочной части (рис. 8). Диаметры: створки — 3,1 см, центрального отверстия — 1,7 см, бокового — $0,3 \times 0,5$ см. Высота створки 0,5—0,7 см.

Сосуд *М* лепной, баночной формы, с небольшим, мягко выраженным плечиком серо-жел-

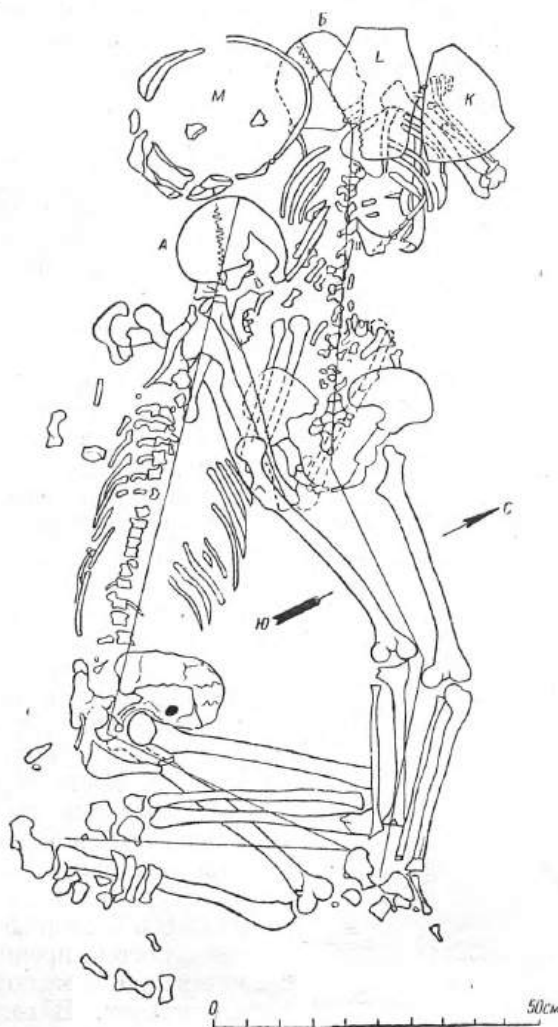

Рис. 7. Погребение № 4; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

Сосуд *К* лепной, с расходящимися от дна стенками, слегка суженными при переходе

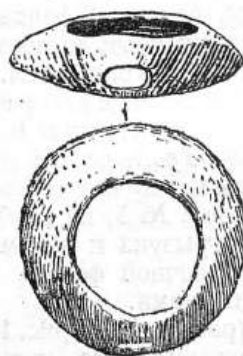

Рис. 8. Изделие из раковины; погребение № 4; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

к горлу (рис. 5, 3). Орнаментирован пунктирными линиями. Поверхность несет следы заглаживания, которые в некоторых местах доведены до степени лощения. Поверхность имеет серо-коричневую окраску с черными пятнами. Высота 13.5 см, диаметр края 15.5—16 см, дна 9 см.

Сосуд *L* лепной, баночной формы, со слегка суженным горлом (рис. 5, 2). Поверхность заглажена в некоторых местах до степени лощения и имеет серо-желтый цвет с темными пятнами в нижней части тулова. Высота 17.5 см, диаметр края 13 см, дна 8.3 см.

Погребение № 5 (раскоп № 5, рис. 6). Кольцеобразная выкладка камня, примыкающая к выкладке погребения № 4 и составляющая, по видимому, в некоторой своей части одно с ней целое (полностью не сохранилась). Диаметр выкладки около 2.35 м. Глубина погребения 0.67 м.

Костяк подростка оказался лежащим на правом боку, головой на северо-запад, с подогнутыми ногами (рис. 9). Кости верхней половины туловища утратили свое первоначальное местоположение и находились в беспорядке, часть костей, преимущественно мелких, отсутствует. В головах находились нижние части двух лежащих на боку глиняных сосудов (*A* и *B*), обломки которых были встречены поверх костей туловища погребенного. На костях ног лежали кости лошади.

Рис. 9. Погребение № 5; могильник у пос. Ново-Аскермановки.

Сосуд *A* лепной, баночной формы с небольшим плечиком, заглаженный до лощения, серо-желтого цвета. Диаметр края 20 см.

Сосуд *B* подобен по форме и цвету вышеописанному. Высота 16.5 см, диаметр края 19 см, дна 9 см.

Отдельная находка в раскопе № 5 (рис. 6). При углублении раскопа между его северо-восточной стенкой и погребением № 5, на глубине 0.45 м обнаружены кости грызуна и обломки лепного глиняного сосуда баночной формы, оранжевого цвета с черными пятнами.

Погребение № 6 (раскоп № 6, рис. 10). Концентрически расположенные две кольцеобразные выкладки из камня. Камни внутренней выкладки превосходят своими размерами (0.65 × 0.80 м) камни наружной. Расположение большинства камней наружной выкладки нарушено; в юго-восточном секторе положение камней можно

было определить лишь по оставшимся от них на поверхности почвы впадинам. Внешний диаметр наружной выкладки 8 м, внутренний — 6 м. Внешний диаметр внутренней выкладки 3 м, внутренний — около 1 м.

Исследование производилось путем раскопки поочередно каждого из противоположных секторов с одновременной фиксацией получаемых разрезов и встречающихся находок в плане.

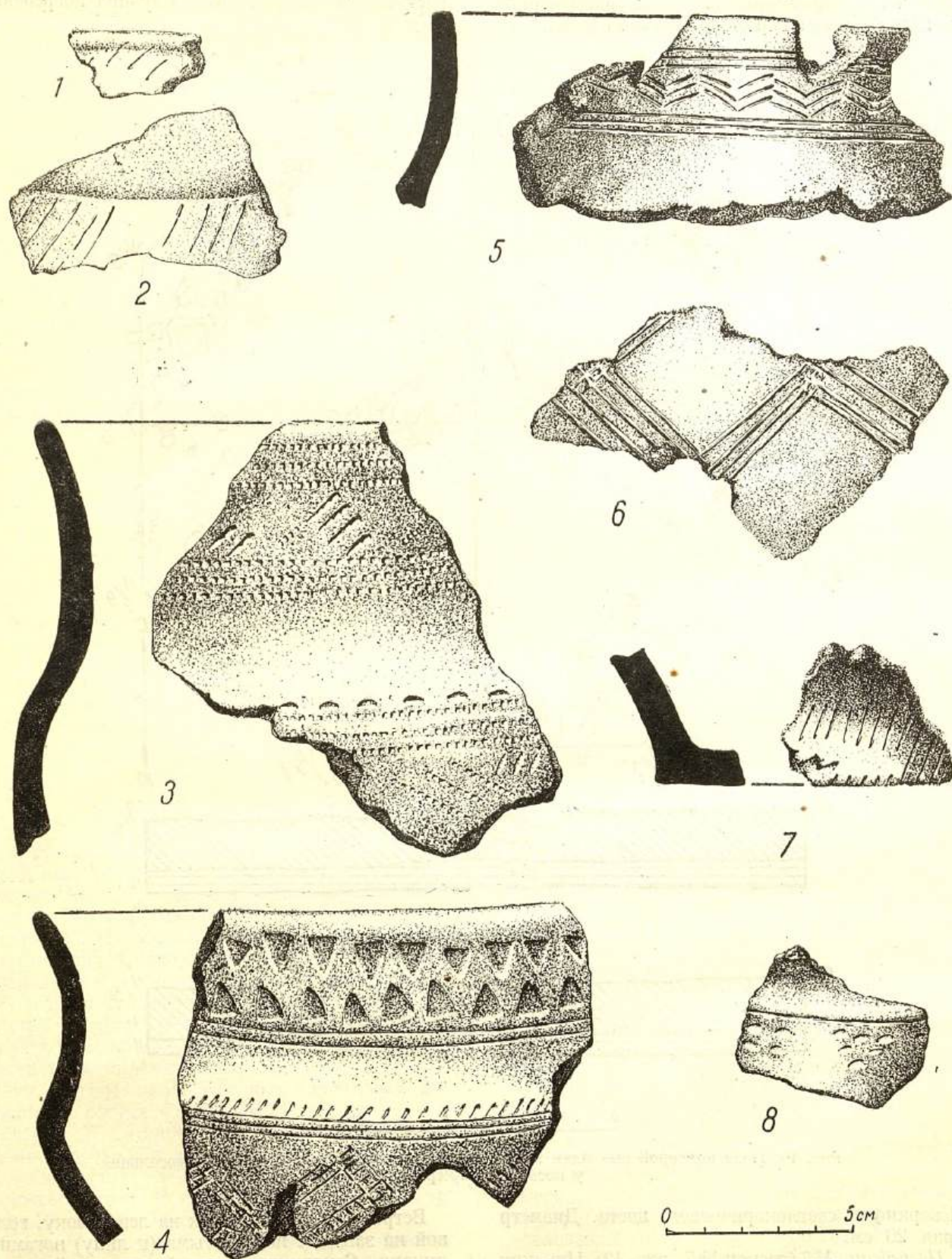
Начиная с глубины 0.25 м, поблизости от центра начали встречаться отдельные кости человека. Основная масса костей погребения (подростка) находилась в центре раскопа на глубине 0.60 м (рис. 10—11). Кости плохой сохранности занимали площадь протяжением по линии *D* в 1.25 м и по линии 5 — 0.60 м; они залежали в беспорядке; кости таза и черепа находились в кв. *D/4—Г/5*, частично заходя в кв. *Д/4—Е/5*, а большинство костей ног — в кв. *Е/5—Д/6*. Такое расположение костей позволяет предположительно установить былую ориентировку костяка на западо-юго-запад. Вместе с костями на всей площади их распространения находились обломки двух глиняных сосудов (*Q* и *R*), причем наибольшее количество фрагментов керамики было встречено у костей черепа и таза.

Грунт, заключавший в себе остатки погребения, выделялся более мягкой и рыхлой структурой, а также более светлой окраской от окружающего почвенного грунта, залегающего здесь над материковым желтым суглинком. По линии *D* этот рыхлый грунт простирался от центра к пикету *D/1* на 1.12 м, а к пикету *Д/9* на 1.44 м; по линии же 5 к пикету *A/5* на 0.24 м, к пикету *И/5* — на 1.17 м. По видимому, этот грунт являлся не чем иным, как заполнением могильной ямы, имевшей в плане форму овала.

В центральной части этого овала по обрезами можно было довольно отчетливо проследить и яму грабителей, разрушивших погребение. Имея на поверхности размеры по линии *D* — 1.43 м, а по линии 5 — 0.33 м, эта яма слегка сужалась книзу, доходя до верхнего горизонта материкового суглинка (рис. 10). Заполнение ямы отличалось от окружающего грунта более темным цветом, вследствие сильной насыщенности гумусом. Ограблением объясняется и наличие отдельных камней, залегавших ниже дерновой поверхности и попавших туда при заполнении грабительского раскопа, а ранее бывших, вероятно, частями центральной выкладки.

Сосуд *Q* лепной, с расширяющимися от дна стенками, суживающимися к почти прямому горлу, орнаментирован пунктирными линиями и клиновидными вдавлениями (табл. I, 3). От плечика отходят вниз под углом ряды из трех пунктирных линий, пересекающиеся между собой, причем пространство верхних углов, образованных пересечением этих рядов, заполнено косо поставленными вдавлениями. Нижняя часть тулова у дна заглажена до степени лощения. Поверхность серо-коричневого цвета. Диаметр края 26 см, дна 15 см.

Таблица 1

Обломки глиняных сосудов; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

1, 2 — погребение № 9, сосуд У; 3 — 4 — погребение № 6, сосуды Q и R; 5—7 — погребение № 8, сосуд T;
8 — погребение № 13, сосуд B.

Сосуд *R* близок по типу вышеописанному, но имеет четко выраженные плечики: орнаментирован вдавленными и нарезными линиями (табл. I, 4).

выкладка камней этого погребения ко времени раскопок не сохранилась. Глубина погребения 0.60 м.

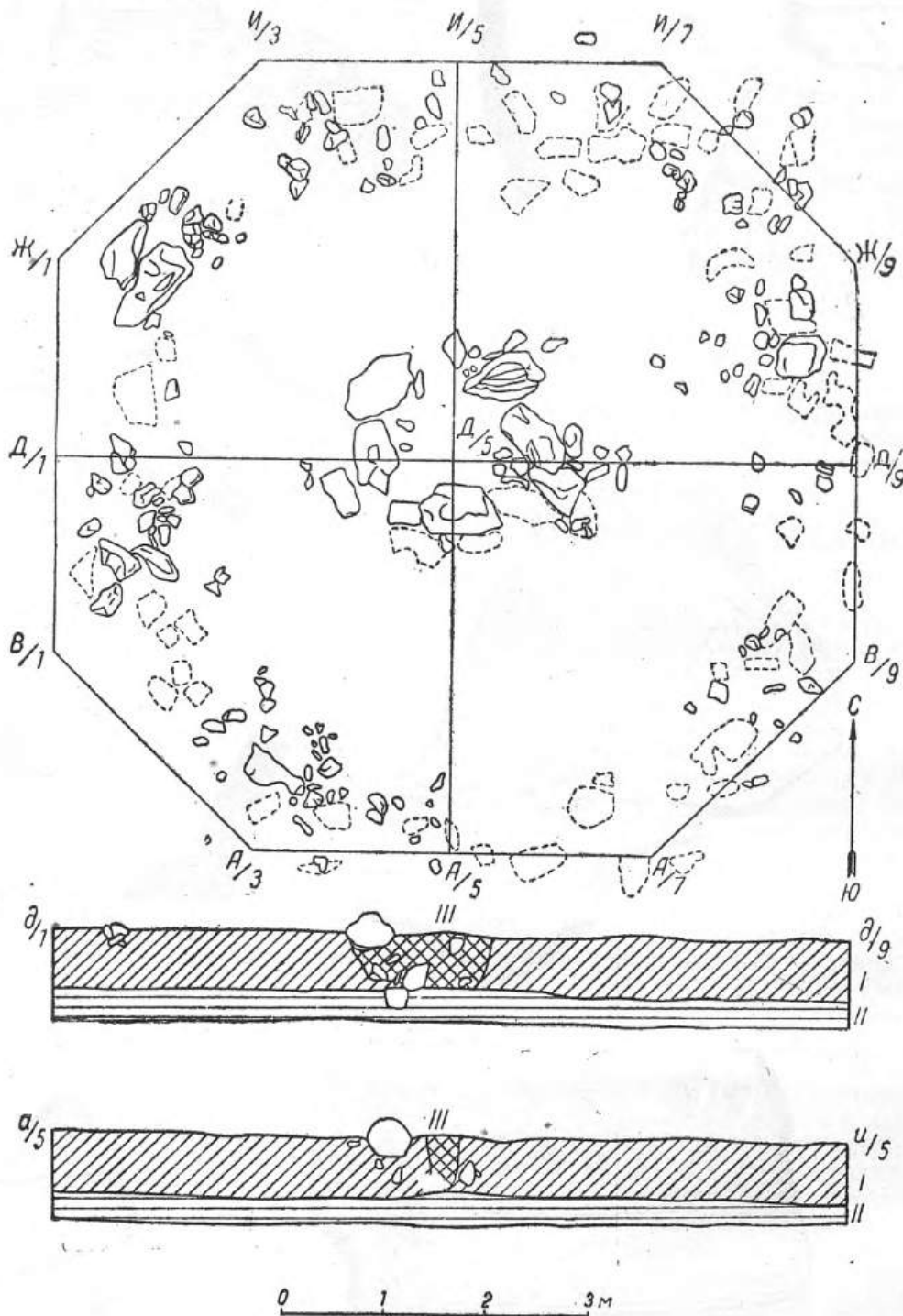

Рис. 10. План каменной выкладки и разрезы погребения № 6 (раскоп № 6); могильник у пос. Ново-Аккермановки.

Поверхность светлорыжевого цвета. Диаметр края 20 см.

Погребение № 7 (раскоп № 7, рис. 12). Никаких поверхностных признаков погребения не имело и обнаружилось случайно, попав в границы раскопа. Бывшая, вероятно, ранее кольцеобразная

Встречен детский костяк на левом боку, головой на запад, с подогнутыми (к лицу) ногами и руками. Сохранность костей чрезвычайно плохая; сохранились в фрагментированном состоянии лишь некоторые трубчатые кости, череп и несколько зубов (рис. 13). Общее положение

погребенного можно было проследить по костяной трухе. В головах костяка встречены два сосуда (*P* и *O*).

Сосуд *P* лепной, баночной формы с небольшим плечиком, оранжевого цвета, небольшого размера.

Сосуд *O* подобен вышеописанному.

Погребение № 8 (раскоп № 7, рис. 12). Положение камней кольцеобразной выкладки нарушено. Она, повидимому, состояла из одного ряда камней и имела внутренний диаметр около 2,5 м. Глубина погребения 0,60 м.

Обнаружены остатки двух костяков (*V* и *W*), лежащих головами на западо-северо-запад, лицом к лицу (костяк *V* на левом боку, костяк *W* — на правом), с подогнутыми ногами, перекрывающимися друг друга (рис. 14). Сохранились в фрагментированном состоянии лишь кости ног и часть тазовых костей, а также лежащие в беспорядке несколько зубов костяка *W*. Кости ног распо-

настолько плохо, что нельзя было определить ее размеры. Глубина погребения 0,60 м.

Встречены остатки костяка (детского), лежавшего на левом боку, головой на западо-юго-запад с подогнутыми ногами (рис. 15). Руки, повидимому, были также согнуты по направлению к лицу. Сохранились лишь фрагменты больших трубчатых костей и один зуб; от остальных костей заметна труха. В головах — два сосуда (*X* и *Y*).

Сосуд *X* лепной, баночной формы с небольшим плечиком, оранжевого цвета. Дно имеет небольшую закраинку. Диаметр дна 11 см.

Сосуд *Y* лепной с расширяющимся от дна туловом, суженным у горла. У края горла небольшая закраинка. Под ней ряд косых насечек, опоясывающих горло (табл. I, 1); такой же ряд насечек, но более длинных, находится под плечиком (табл. I, 2). Поверхность сосуда оранжевого цвета с серыми пятнами.

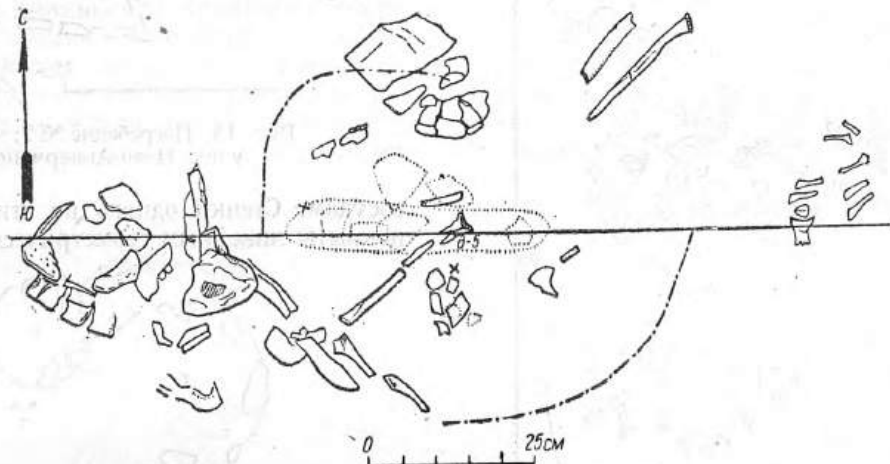

Рис. 11. Остатки погребения № 6; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

ложены в следующем порядке: сверху лежат кости левой ноги костяка *W*, под ними кости правой ноги костяка *V*, под ними кости правой ноги костяка *W*, перекрывающие кости левой ноги костяка *V*. На основании взятых, как наиболее сохранившихся, небольших осколков эпифизов длинных костей «можно предположить одинаковый возраст субъектов (повидимому, конец 2-го детства — *infans II* — возраст 11—13 лет). Кости скелета *V* несколько массивней и шероховатости (места прикрепления мышц) выражены на них резче». В головах погребенных находились два глиняных сосуда (*T* и *U*).

Сосуд *T* лепной, орнаментированный по венчику, тулову и дну врезанными линиями и насечками (табл. I, 5—7). Поверхность сосуда оранжевого цвета с темными пятнами. Диаметр края 20 см, дна 14 см.

Сосуд *U* лепной, баночной формы с небольшим плечиком, заглаженный до лощения, серо-желтого цвета. Диаметр дна 11 см.

Погребение № 9 (раскоп № 7, рис. 12). Кольцеобразная выкладка камня, находившаяся между выкладками погребений № 8 и № 10; сохранилась

Погребение № 10 (раскоп № 7, рис. 12). Положение камней кольцеобразной выкладки сильно нарушено. Выкладка, повидимому, состояла из одного ряда камней и имела внутренний диаметр около 2,40—2,60 м. Глубина погребения от поверхности — 0,60 м.

Найден костяк на правом боку, головой на западо-юго-запад с подогнутыми ногами и руками, так что кисти рук находились у лица (рис. 16). Кости плохой сохранности, причем первоначальное положение некоторых (мелких) нарушено. В грунте, окружавшем череп, мелкие угольки. В головах два глиняных сосуда (*Z* и *J*).

Сосуд *Z* лепной, баночной формы, с небольшим плечиком, палевого цвета с серыми пятнами. Диаметр края 0,20 м, дна 0,11 м.

Сосуд *J* лепной, с прямым, слегка загнутым наружу горлом, орнаментированным у края и у основания тремя рядами пунктирных вдавлений, пространство между которыми пересечено рядами из 3—4 вертикальных линий. На небольшом плечике три вдавленные линии, опоясывающие тулово. Под плечиком два ряда зигзагообразных линий (по 3 в каждом ряду), располо-

женных так, что нижние углы верхнего ряда находятся против верхних углов нижнего. У дна — небольшая закраинка. Поверхность сосуда палевого цвета. Диаметр края 20 см, дна 11 см.

Погребение № 11 (раскоп № 7, рис. 12). Каменная кладка не сохранилась. Между погребением № 10 и серединой южной стенки раскопа на глу-

Рис. 12. Каменные выкладки погребений №№ 7—12 (раскоп № 7); могильник у пос. Ново-Аккермановки.

бине 0.30 м встречены остатки детского погребения (рис. 12, точка с), представлявшие собой обломки черепа и ребер человека, и фрагменты гладкостенного глиняного сосуда с заглаженной до степени лощения поверхностью.

Погребение № 12 (раскоп № 7, рис. 12). Каменная кладка не сохранилась. На глубине 0.30—0.65 м у южной границы раскопа, близ ее середины обнаружены остатки погребения, залегавшие в беспорядке. Сохранились обломки черепа, ребер и длинные трубчатые кости человека, фрагменты глиняных сосудов и 16 астрагалов овцы (рис. 12, точка б). Судя по величине костей, погребение принадлежало подростку.

Керамические фрагменты, найденные в незначительном количестве, могли принадлежать двум

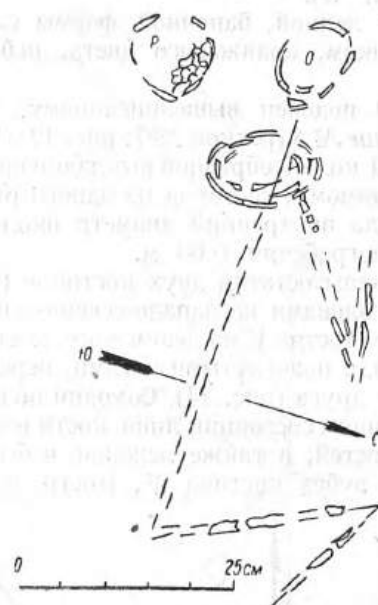

Рис. 13. Погребение № 7; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

сосудам. Стенки одного из этих сосудов были покрыты линейным геометрическим орнаментом.

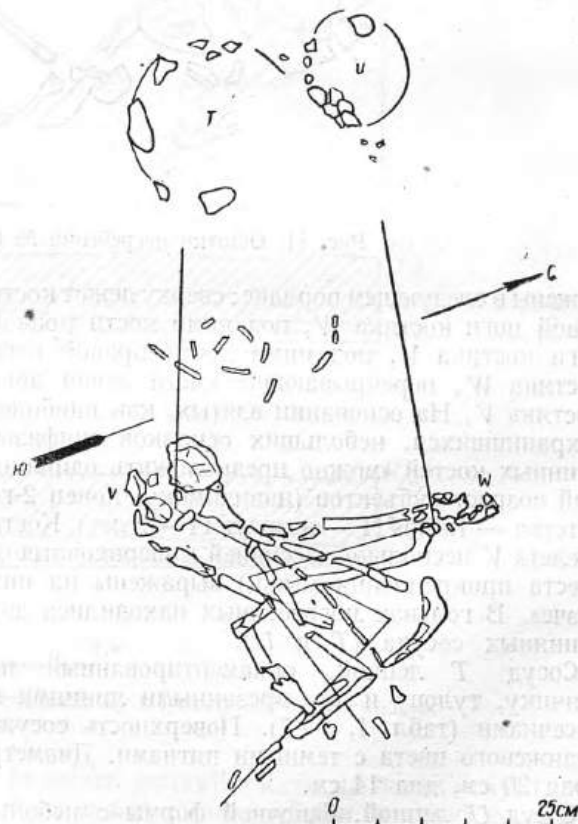

Рис. 14. Погребение № 8; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

Другой сосуд не имел орнамента и был, повидимому, баночной формы. Оба сосуда лепные.

Отдельные находки в раскопе № 7 (рис. 12). В процессе углубления раскопа, в различных его частях и на различной глубине (от 0.30 до 0.60 м), были встречены в пяти точках (а, d, e, f, g)

мелкие обломки глиняных сосудов. Находясь в каждой точке в количестве 1—2 экземпляров, эти керамические фрагменты, вероятно, принадлежали сосудам обнаруженным в раскопе погребений и были растащены грызунами.

Погребение № 13 (раскоп № 8). Кольцеобразная выкладка камня внешним диаметром около 8.50 м. Глубина погребения от поверхности — 0.40 — 0.50 м.

Погребение залегало в верхнем горизонте щебенистого слоя, благодаря чему удалось установить примерные очертания могильной ямы. Последняя имела форму овала, более широкого в северном конце, чем в южном. Приблизительные размеры могильной ямы — 1.30 × 1.80 м. На дне ее лежал костяк на левом боку, головой на

Рис. 15. Погребение № 9; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

последняя имела форму овала, более широкого в северном конце, чем в южном. Приблизительные размеры могильной ямы — 1.30 × 1.80 м. На дне ее лежал костяк на левом боку, головой на

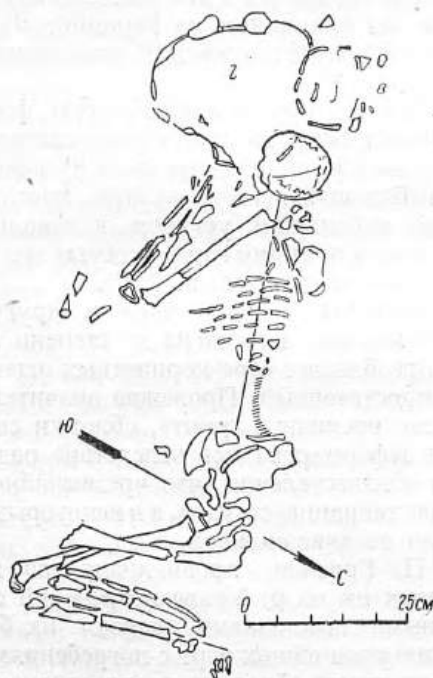

Рис. 16. Погребение № 10; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

запад с подогнутыми ногами и руками (кости кистей у черепа). Часть костей сдвинута, часть мелких костей отсутствует (рис. 17).

В головах погребенного два глиняных сосуда (L и B), перед лицевыми костями черепа — бабка лошади, а под ней — бабка барана. Перед луче-

выми костями левой руки — створка речной раковины и тонкий медный (бронзовый?) стерженек.

Сосуд L — лепной, баночной формы, с небольшим плечиком, светлорыжевого цвета.

Сосуд B — лепной, баночной формы, с расходящимися от дна стенками, имеющими небольшое плечико и слегка отогнутое наружу горло. Опиан вдавненной линией, под которой находится ряд треугольников, расположенных вершиной вниз и состоящих из пяти неглубоких овальных вдавлений (табл. I, 8). Поверхность сосуда оранжевого цвета с темными пятнами. Диаметр края 20 см, дна 9 см.

II

Вскрытые погребения дают достаточно четкое представление о характере погребального ритуала, что позволяет связать могильник с целым рядом подобных ему археологических памятников.

Захоронения производились на глубине от 0.30 м (погр. № 11) до 1 м (погр. № 1), чаще же на уровне материкового суглинка — 0.60 м. Для погребаемых выкапывались ямы, имевшие в плане форму овала. В двух погребениях, где контуры могильных ям можно было установить достаточно

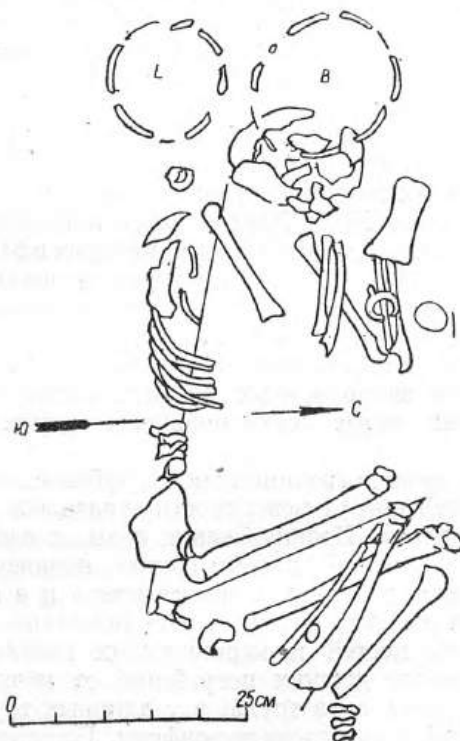

Рис. 17. Погребение № 13; могильник у пос. Ново-Аккермановки.

определенно, размеры их оказались равными: в одном случае 0.60 × 1.60 м (погр. № 4), в другом — 1.30 × 1.80 м (погр. № 13).

Умерших укладывали на левом или правом боку с подогнутыми ногами и руками, так что кисти находились у лица, ориентируя головой

на запад с небольшими отклонениями в ту или другую сторону (чаще к югу).

В головы погребаемым ставилось по одному, чаще по два глиняных сосуда. Возможно, что в некоторых случаях сосуды ставили на небольшой костер, остатки которого в виде мелких угольков были встречены в погр. № 1 и № 10. Возможно, что костер имитировался подсыпкой угля под сосуды.

Могильный инвентарь оказался чрезвычайно малочисленным. Это поделка из створки раковины (погр. № 4), необработанная створка речной раковины (погр. № 13), медный стерженек (там же), одна бабка лошади и одна бабка овцы (там же) и 16 овечьих астрагалов (погр. № 12). Возможно, что какое-то не сохранившееся до наших дней медное или бронзовое изделие находилось и в погр. № 3; подобное предположение вызывается тем, что у костяка в этом погребении эпифизы костей ног оказались окрашенными в зеленый цвет.

Помимо перечисленных предметов, в одном из погребений (№ 5) было встречено несколько костей лошади, являющихся остатками пищи, данной погребенному при захоронении.

Надо отметить, что сохранность погребений не везде оказалась одинаковой. Из 13 вскрытых погребений 5 оказались разрушенными полностью, так что многие кости и часть обломков глиняных сосудов отсутствовали; остатки погребений находились в беспорядке, залегая иногда на различных уровнях. В некоторых случаях подобное разрушение погребений произошло в результате хищнических раскопок, о чем с наибольшей вероятностью можно утверждать в отношении погр. № 6. Другая часть погребений была разрушена грызунами, норы которых в большом количестве замечались в грунте и остатки которых, в виде костей, были дважды встречены в процессе раскопок. Наличием грызунов объясняется и факт отсутствия или перемещения мелких костей захороненных во всех остальных более или менее сохранившихся погребениях.

В то же время и сравнительно неглубокое залегание погребений от поверхности отразилось на их сохранности. Проникновение воды, с одной стороны, а с другой, разрыв грунта, появление в нем трещин в холодное зимнее время и в период жаркого лета отрицательно повлияли на сохранность костей и керамических изделий. В большинстве детских погребений от мелких костей осталась одна труха, а у длинных трубчатых костей отсутствовали эпифизы. Естественное разрушение костей имеет место и в погребениях взрослых. Глиняные же сосуды, даже там, где они сохранили свое первоначальное положение, оказались растрескавшимися на мелкие фрагменты.

Ближайшей аналогией исследованному нами памятнику являются погребения с каменными кольцами, находящиеся в бассейне левых притоков Урала, к западу от г. Орска, открытые

и детально изученные в 1926 г. М. П. Грязновым.¹ Там представлены те же кольцообразные выкладки из камней на поверхности, погребенные имеют ту же ориентировку и такое же положение. Наконец, там встречена почти такая же керамика.

Сосуды могильника у Ново-Аккермановки по форме делятся на два типа.

Сосуды первого типа имеют сравнительно широко расходящиеся от дна стенки, с небольшим изгибом внутрь у самого дна, вследствие чего донная часть сосудов или совершенно прямая по вертикали, или имеет небольшую закраинку. Примерно на высоте $\frac{2}{3}$ туловище сосудов суживается, переходя в горло, имеющее большей частью слегка отогнутый наружу венчик. Образованное перегибом стенки сосуда к горлу плечико иногда подчеркнуто небольшим уступом или мягким ребром. Пропорции сосудов таковы, что высота их почти равна наибольшему диаметру тулова, а если и превосходит размер последнего, то весьма незначительно (рис. 5, 1, 5 и табл. I). Сосуды этого типа орнаментированы обычно геометрическими узорами, выполненными пунктирными или сплошными врезанными линиями и неглубокими вдавлениями удлиненной или треугольной формы. Расположением орнаментальных фриз, опоясывающих сосуд, подчеркнуты основные элементы его формы: венчик, горловина, плечико, стенки и иногда дно. Те же элементы орнамента и его расположение по телу сосуда мы находим и на керамике из отмечавшихся уже ранее погребений, раскопанных М. П. Грязновым.²

Второй тип представляют сосуды, форма которых может быть названа банкообразной. Вытянутые, со слегка расширенным туловом, имеющим небольшой перегиб внутрь, иногда обозначенный небольшим уступом, к довольно высокому, почти прямому горлу, сосуды этого типа не имеют орнамента (рис. 5, 2, 4).

Поверхность сосудов того и другого типа иногда местами заглажена до степени лощения. Цвет преобладает серо-коричневых оттенков. Обжиг недостаточный. Пролежав значительное количество времени в грунте, обломки сосудов по краям деформировались вследствие размыва водой и обизвествления, что чрезвычайно затрудняло реставрацию сосудов, а в некоторых случаях сделало ее невозможной.

М. П. Грязнов, проанализировав материал вскрытых им на р. Урале погребений с кольцообразными выкладками, связал их благодаря наличию ряда общих черт с погребениями андроновского типа, областью распространения которых в эпоху бронзы были степи от Енисея до Урала.³

¹ М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в западном Казахстане. Сб. «Казаки». Мат. Особого комитета по исслед. союз. и авт. респ., вып. II, Изд. Акад. Наук СССР, 1927, стр. 172 и сл.

² М. П. Грязнов, ук. соч., стр. 197, рис. 20, №№ 8—17.

³ М. П. Грязнов, ук. соч., стр. 194—195.

Дальнейшие исследования этого типа памятников в близлежащих районах лишь подтвердили выводы М. П. Грязнова. Так, например, раскопанные Южно-Уральской экспедицией ГАИМК в 1933 г. у аула Тулайкина, находящегося на левом берегу р. Урала (ниже г. Орска) против пос. Хабарного, две кольцообразные каменные выкладки дали инвентарь, который, как это отмечает руководитель экспедиции Б. Н. Граков, «вполне типичен для андроновских погребений».¹

Наиболее интересным для нас все же должен быть не столько факт увязки погребений, находящихся в районе г. Орска с андроновской культурой, сколько факт известного своеобразия этих погребений, что следует рассматривать как результат конкретных особенностей развития в данном крае. Уже М. П. Грязновым было отмечено, что, помимо черт андроновской культуры, в погребениях Орского района имеют место элементы и западных культур эпохи бронзы, так называемых хвалынской и срубной, занимавших степи от нижнего Поволжья до Днепра.² Подобными элементами, по М. П. Грязнову, являются: курганный насыпь³ и форма некоторых сосудов.⁴ Здесь, может быть, уместно отметить и встреченную в одном из погребений могильника у Ново-Аккермановки поделку из створки раковины. Будучи круглой в плане и имея большое круглое отверстие в центре и малое овальное в боковой части, эта поделка чрезвычайно напоминает костяные «пряжки», обычные для погребений в срубках и насыпях европейской части юга СССР. Они имеют такую же форму и те же два отверстия. Повидимому, банкообразные сосуды, имеющие выделенное уступом горло и этим отличающиеся от подобных им по форме сосудов типичных андроновских погребений, представляют особое местное явление. Своеобразие инвентаря Орского могильника особенно показательно в погр. № 4, сосуды которого явно выпадают из ряда аналогичных изделий андроновского типа западной Сибири (рис. 5, 2—4).

Такая деталь, как наличие углей в грунте, окружавшем сосуды погребений могильника у Ново-Аккермановки, также может быть одним из звеньев той цепи, которая связывает этот могильник с погребениями позднего этапа эпохи бронзы в степях северного Причерноморья.

Будучи рубежом между областями распространения синхроничных культур обитателей степей в эпоху бронзы, район Южного Урала в силу этого являлся местом взаимопроникновения различных культурных элементов, причем, несомненно, этот процесс культурного смешения был ограничен по своему существу, так

как культуры обеих сторон были не только синхроничными, но и синстадиальными. «Для этой эпохи характерно широкое применение бронзы и меди для изготовления оружия и украшений. Пастушеское скотоводство и земледелие характеризуют хозяйственный строй этой стадии».¹ Такая характеристика может быть приложима к обществу группировкам, населявшим в то время как западносибирские степи, так и степи Европейской части СССР. «Наблюдаемое типологическое сходство минусинских и западносибирских, так называемых андроновских памятников, как и их сходство с поволжско-причерноморскими срубными, объясняется скорее единством социально-хозяйственной базы и если и выравнивалось сношениями, то во всяком случае не нуждалось в сплошных необъяснимых передвижениях сравнительно мало подвижных, первобытных земледельческо-скотоводческих общин».²

Развивавшееся скотоводство, признаки которого были встречены и в могильнике близ Ново-Аккермановки, стимулировало становление патриархальных семей, показателем чего могут рассматриваться коллективные захоронения. Нестественное положение одного из костяков (В) в погребении № 4 как самого по себе, так и по отношению его к другому позволяет думать о насильственном умерщвлении и последовавшем затем сбросе этого субъекта в могилу. При данном предположении более понятными кажутся и полувытянутое положение этого костяка, лежащего навзничь, и вывернутые в противоположную от другого погребенного сторону кости его рук³ и ног, перекрывающих к тому же кости ног другого скелета. Все это вряд ли может быть объяснимо одной лишь незначительной величиной могильной ямы, размеры которой не позволили придать погребенному нормальное положение. Принадлежность этого костяка женщине лишь подтверждает наше предположение.

Заканчивая рассмотрение исследованных Орской экспедицией погребений могильника близ Ново-Аккермановки, относящихся к позднему этапу эпохи бронзы, нельзя не пожелать продолжения работ по исследованию данного рода памятников. Бедность погребений этого периода вещественным инвентарем и незначительные масштабы археологических изысканий, проведенных на южном Урале, не дали нам еще возможности до сего времени накопить достаточное количество исторических источников для всестороннего суждения об истории этого края в древности и, в частности, в период второй половины II тысячелетия до н. э., в пределы которого входит и время могильника у пос. Ново-Аккермановки.

¹ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 95. — Он же. Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, Казиздат, 1930, стр. 11.

² М. П. Грязнов, ук. соч., стр. 195 и сл., стр. 202.

³ Там же, стр. 195. Часть погребений, вскрытых М. П. Грязновым, будучи в основном аналогичными описанным, имели на поверхности земляную насыпь, обложенную камнями.

⁴ Там же, стр. 202.

¹ Б. Н. Граков, ук. соч., стр. 95.

² С. В. Киселев. Разложение рода и феодализма на Енисее. Изв. ГАИМК, вып. 65, 1933, стр. 11.

³ Г. В. Подгаецкий. Краткий отчет о работах Орской экспедиции. Сов. археол., № 4, 1937, стр. 333, рис. 1.

UN CIMETIÈRE DE L'ÉPOQUE DU BRONZE PRÈS DE LA VILLE D'ORSK

G. PÖDGAECKIJ

(Résumé)

La mission archéologique d'Orsk, organisée par l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle et le Musée d'Etudes régionales d'Orenbourg a exploré en 1936 un cimetière situé à 27 km à l'ouest de la ville d'Orsk (région d'Orenbourg), près du village de Novo-Akkermanovka.

Les tombes étaient indiquées à la surface par 19 bordures de pierres disposées en anneau appartenant à 13 sépultures qui se trouvaient à 0.30—1.00 m de profondeur. Dans deux cas on a réussi à fixer les limites des fosses funéraires, qui avaient une forme ovale (sépultures N° 4: 0.60×1.60 m et N° 13: 1.30×1.80 m). Les morts étaient couchés sur le flanc droit ou gauche, les jambes et les bras repliés, la tête à l'occident (avec légers écarts dans un sens ou dans l'autre, le plus souvent vers le sud). Deux sépultures étaient doubles (N° 4 et 8). La position non naturelle du squelette B, qui était celui d'une femme, placé à côté du squelette masculin A dans la sépulture N° 4, suggère l'idée de son immolation sur place.

Au chevet des morts étaient placés un ou deux vases d'argile. Le reste du mobilier funéraire

consistait en une petite baguette en cuivre, une valve de coquille sculptée, des phalanges de cheval et de mouton (sépulture N° 13), 16 astragales de mouton (sépulture N° 12) et un objet fait avec la valve d'une coquille (sépulture N° 4) rappelant les anneaux en os à deux orifices trouvés dans les sépultures de l'époque du bronze dans le nord de la région de la mer Noire. En outre, on a recueilli dans la sépulture N° 5 plusieurs os de cheval, restes de la nourriture apportée au mort lors des funérailles.

Le caractère du rituel funéraire et la forme des vases permettent de rattacher le cimetière étudié à ceux du type d'Andronovo, dont l'aire d'extension dans la seconde moitié du IIe millénaire avant notre ère étaient les steppes s'étendant de l'Iénisséï jusqu'à l'Oural. Dans l'Oural du sud, les cimetières de ce type, qui se trouvaient à la limite entre les aires d'extension des cultures synchroniques et synstadiales des habitants de la steppe, présentent toute une série de traits particuliers attestant l'interpénétration des éléments de culture occidentaux et orientaux.

А. В. ЗБРУЕВА

ГАЛКИНСКОЕ ГОРОДИЩЕ

I

Галкинское городище расположено близ дер. Галкино, Молотовской области, недалеко от устья р. Чусовой. Городище известно в литературе очень давно: оно упоминается в известном сочинении Георги, относящемся к 1772 г.¹ В 1878 г. городище было осмотрено проф. Штукенбергом во время геологических исследований по рекам Каме и Чусовой. В докладе, прочитанном на заседании Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете 31 октября 1878 г., проф. Штукенберг дал описание памятника и сообщил, что местные жители считают его чудским городищем. По мнению докладчика, на городище необходимо было произвести раскопки.²

В виду того что мнения присутствовавших на заседании членов общества по вопросу о датировке городища сильно разошлись (П. А. Пономарев, проф. Флоринский и некоторые другие выразили мысль, что оно может относиться ко времени колонизации края Строгановыми), П. И. Кротов в 1879 г. произвел дополнительное исследование памятника.³ Двумя «канавками» в 1 м ширины, расположенными «на некотором расстоянии одна от другой», П. И. Кротов пересек вал в поперечном направлении, «стараясь дойти до коренной земли, на которой он насыпан».

Кроме того, «во многих местах, как на склоне вала, так и в прилегающей к нему полосе с внутренней стороны городища, был снят дерн и подпочвенный слой был осматриваем самым внимательным образом». При раскопках были найдены обломки костей животных, кусочки угля и фрагменты глиняных сосудов. «Ни каменных орудий, ни бронзовых, ни железных предметов не было найдено. Но в прежнее время при распахках на этом городище находили некоторые бронзовые вещи... какие-то серебряные монеты. Железных вещей, по рассказам крестьян, никогда найдено не было».⁴

На основании находок, сделанных на городище, П. И. Кротов считает его чудским, не давая более точной датировки памятника.

В разное время городище повторно посещалось целым рядом исследователей, которые обычно производили сборы материала с поверхности, зачистку обнажений и т. п. Городище поэтому попало в некоторые работы сводного характера. А. М. Тальгрэн приводит план городища, правда весьма примитивный, в своей работе о коллекции Заусайлова.¹ Начиная с 1921 г., городище несколько раз осматривалось А. В. Шмидтом, который собрал небольшой подъемный материал и в 1923 г. сделал 7 разрезов на площадке городища. Материал из раскопок А. В. Шмидта состоит из некоторого количества фрагментов сосудов и костей животных.² В 1934 г. на городище были произведены исчерпывающие памятник раскопки, результаты которых и излагаются ниже.

Галкинское городище принадлежит к числу городищ, за которыми в специальной литературе установилось весьма неточное название «костеносных». Костеносные городища, широко распространенные на территории Приуралья, известны по Каме и ее притокам, а также по р. Ветлуге, бассейн которой, повидимому, является западной границей их распространения.

Эти памятники бытуют в течение большого отрезка времени, начиная примерно с середины I тысячелетия до н. э., и кончая последними столетиями I тысячелетия н. э.

Галкинское городище относится к числу ранних памятников данной группы, примыкая по характеру находок ближе всего к Свиногорскому городищу,³ лежащему в устье р. Вятки.

Городище расположено на стрелке высокой гряды коренного берега, отделяющей пойму р. Чусовой от поймы р. Камы (табл. 1, 7).

В настоящее время р. Кама протекает в расстоянии около 100 м к западу от основания городища, р. Чусовая — в расстоянии около 1,5 км к юго-востоку от него. Но в свое время городище находилось, повидимому, непосредственно при слиянии этих рек. Остатки стариц в виде неболь-

¹ J. G. Georgi *Bemerkungen einer Reise im russischen Reich in den Jahren 1772—1775*, Bd. II, S. 619.

² Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском ун-ве, т. I, стр. 95.

³ П. И. Кротов. О раскопках близ дер. Галкиной. Изв. Общ. археол., ист. и этногр., 1880—1882, т. III, Казань, 1884, стр. 180.

⁴ П. И. Кротов, ук. соч., стр. 181.

¹ А. М. Tallgren. *Collection Zaoussaïlov*, I, Helsingfors, 1915.

² А. В. Шмидт. Отчет о командировке в 1925 г. в Уральскую область. Сб. МАЭ, вып. VII.

³ Там же.

ших пойменных озер и заболоченных протоков, лежащих между р. Камой и городищем, очень наглядно иллюстрируют постепенное отступление Камы к западу. То же наблюдается и в сторону р. Чусовой.

ший вал дуговидной формы, который имеет около 3 м высоты и 15 м ширины и неглубокий ров.

Площадка сильно разрушена разработками известняка, пласты которого начинаются на глубине около 0.40—0.50 м. В настоящее время вал

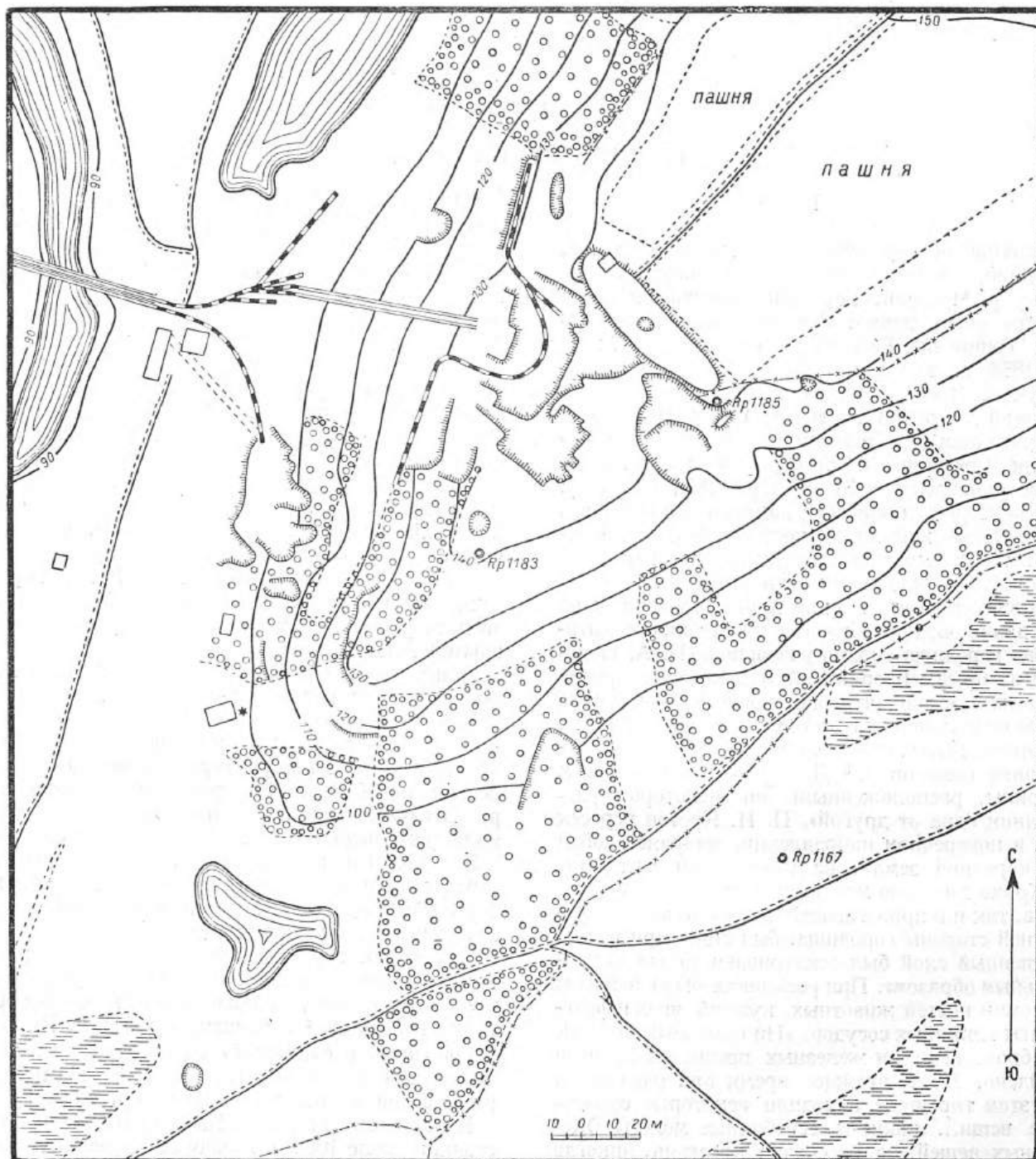

Рис. 1. План Галкинского городища.

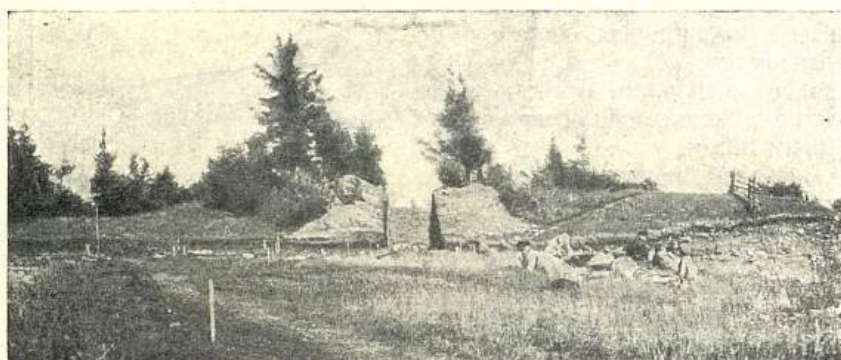
Площадка городища (рис. 1) имела подтреугольную форму. Длина ее около 120 м, наибольшая ширина около 88 м. С двух сторон она ограничена высокими каменистыми склонами, поросшими редким хвойным лесом и кое-где задернованными. С севера площадку окаймляет оплыв-

отделен от площади городища карьером шириною около 12 м. Края вала разрушены карьером. Площадка городища также сильно разрушена. Северо-западная часть ее, примыкающая к карьеру, снесена до глубины около 14—15 м. К восточному краю этой выемки примыкает неглубокая

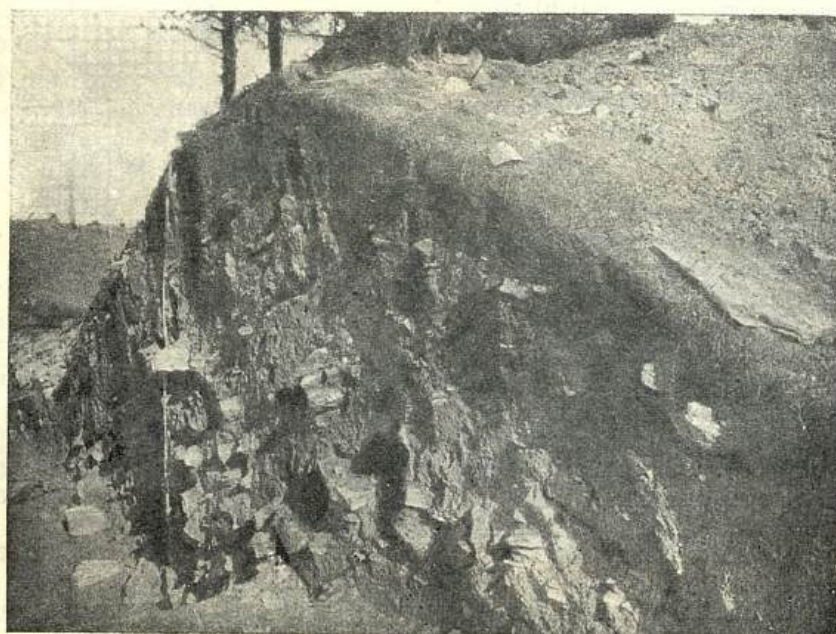
Таблица I

1

2

3

1 — вид Галкинского городища; 2 — исследование вала;
3 — профиль вала.

яма четырехугольной формы, длиною около 40, шириною в северной части около 15 м, в южной — около 25 м. Таким образом уничтожено почти $\frac{2}{3}$ поверхности западной части городища, обращенной к р. Каме. Выемкой такой же глубины разрушена северо-восточная часть площадки городища. К югу от этой выемки, вдоль восточного склона городища, лежит довольно значительная площадь, испорченная неглубокими ямами. Изрытая поверхность тянется по направлению к стрелке метров на 30, имея в ширину от 10 до 20 м. В общем, средняя часть площадки городища имеет вид узкой полосы неправильной формы, которая тянется к юго-юго-западу от края разреза на 50 м, занимая в ширину от 4 до 10 м. Неглубокими ямами неправильной формы испорчен восточный край ближайшей к стрелке части городища. Самая окончательность стрелки также изрыта ямами и лежит ниже общей поверхности площадки, она имеет вид узкой полосы неправильных очертаний, поросшей хвойным лесом.

Склоны городища по большей части представляют собою крутые каменистые обнажения, кое-где поросшие хвойным лесом.

По словам местных жителей, почти вся площадка городища около 50 лет назад распахивалась в течение нескольких лет, после чего была заброшена и в последнее время служила местом праздничного гулянья молодежи дер. Галкино. С городищем связаны фантастические рассказы о зарытом на нем кладе и предания о том, что здесь когда-то жил Ермак Тимофеевич.

Слой с культурными остатками на всей вскрытой площади был совершенно однороден. Мощность его в общем незначительная — от 0.10 до 0.40 м. В некоторых местах его подстилал непосредственно не известняковый плитняк, а глинистая прослойка незначительной толщины.

II

Раскопками на Галкинском городище была вскрыта площадь около 670 кв. м, причем раскоп I прорезал вал и ров городища в наиболее сохранившейся части; в раскоп II вошла вся уцелевшая часть площадки; раскоп III включил в себя юго-западную часть площадки, примыкающую к стрелке, за исключением участка в западной ее стороне, где под тонким слоем дерна сразу начинался слой камня. Наконец, шурфы 1 и 2 размером 2×2 м были заложены за валом городища в 20 и 40 м от него в направлении к дер. Галкино.

Раскоп I (рис. 2) был разделен на 10 участков размером 2×2 м.

Площади раскопов II и III были также разбиты на участки размером 2×2 м, причем одновременно вскрывался ряд участков (рис. 2).

Особого внимания потребовал разрез вала и рва (раскоп I). Работа здесь была очень тяжела из-за слоя известкового щебня, перемешанного с плитняком, который приходилось раз-

бивать кирками, снимая землю по возможности тонким слоем, чтобы не пропустить таких важных деталей устройства вала, как облицовка его наружной поверхности плитами известняка, и не потревожить сплошной кладки плит, которая могла встретиться и действительно была прослежена в плане и разрезе, о чем будет сказано ниже.

Слой с культурными остатками был более мощным в раскопе II, где он достигал 0.30—0.40 м

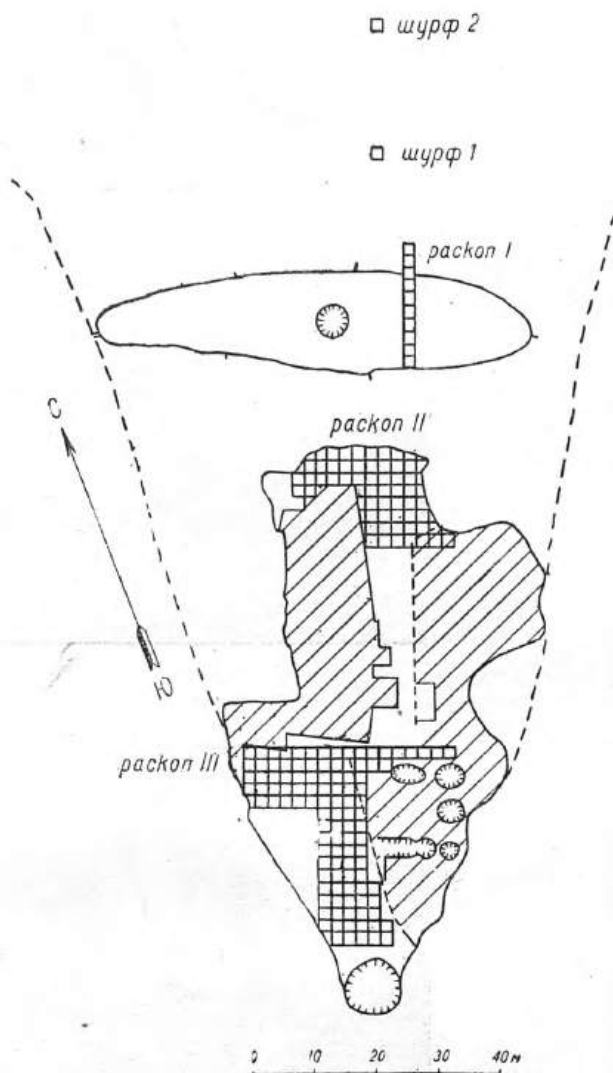

Рис. 2. План раскопов на Галкинском городище.

толщины, и более тонким в раскопе III, за исключением участков, прилегающих к восточному склону (рис. 2). За валом городища культурный слой отсутствовал. В пахотном слое, состоящем из плотного суглинка светлошоколадного цвета, никаких культурных остатков обнаружено не было, так же как и подъемного материала на поверхности пашни.

Несмотря на то, что раскопками была вскрыта значительная площадь, никаких следов жилищ или очагов обнаружить не удалось, хотя в слое с культурными остатками иногда встречались обожженные кости животных или растрескав-

шиеся от огня камни. Не встречалось также и углублений в слое, за исключением одной небольшой ямы, заполненной слоем того же характера, как и в окружающих ее участках.

То обстоятельство, что большая часть площадки городища распаивалась, было учтено при производстве раскопок. При разборке культурного слоя раскопа II он был разделен на два

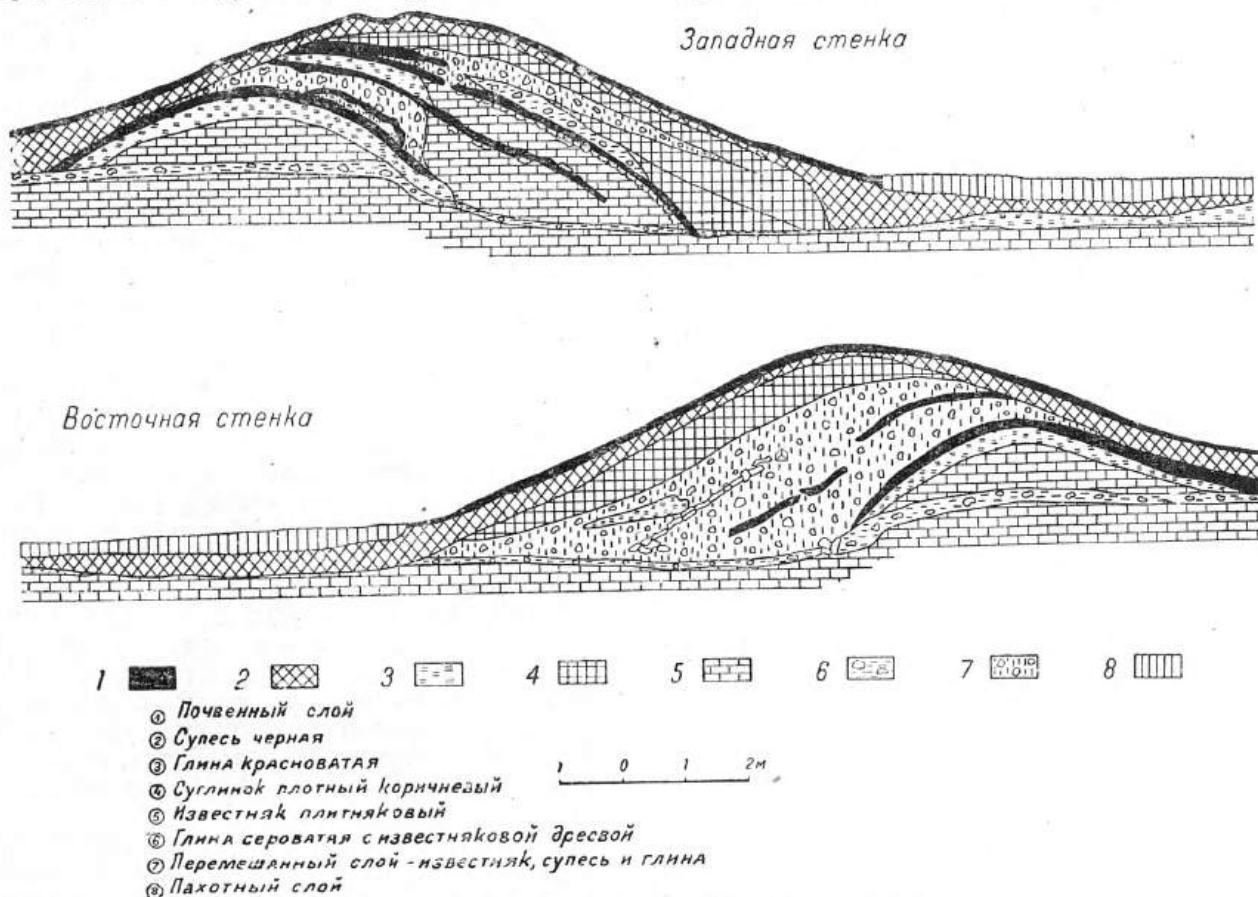

Рис. 3. Разрезы вала Галкинского городища.

Весь комплекс находок с несомненностью свидетельствует о том, что городище было обитаемо, но, повидимому, жилища были наземными. Это тем более вероятно, что делать углубления для

горизонта — верхний до глубины 0.20 м (примерная глубина распахки) и нижний — глубже 0.20 м. Мощность культурного слоя доходила до 0.40 м. Такое разделение имело целью выде-

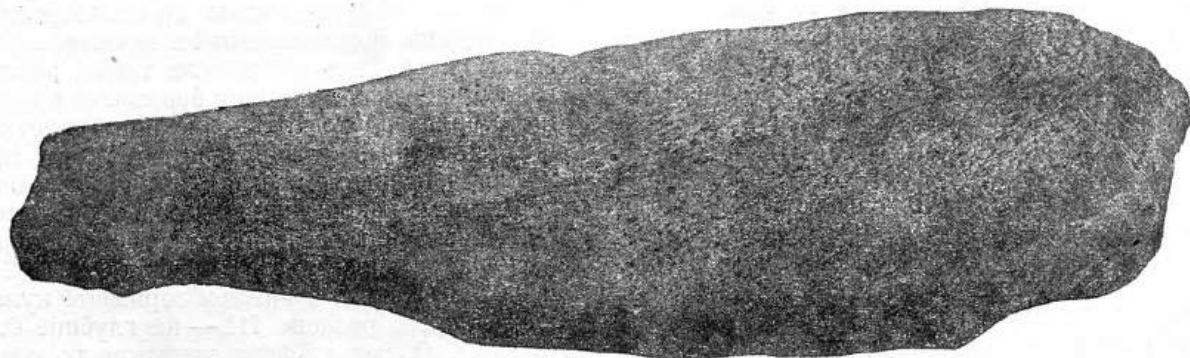

Рис. 4. Галкинское городище. Зернотерка.

землянок в слое сплошного плитнякового известняка при помощи тех орудий, которые имелись в распоряжении обитателей городища, было чрезвычайно трудно.

лить материал, потревоженный пахотой и залегающий в нижних горизонтах культурного слоя. При этом место орудий и предметов из камня, кости и металла по возможности тщательно фиксировалось.

В раскопе III слой с культурными остатками достигал мощности от 0.30 до 0.37 м лишь на участках I/10—17, II/9—12, III/8—10 и IV/10. На остальных участках мощность культурного слоя была от 0.10 до 0.30 м, в среднем около 0.20 м, что соответствует глубине пахотного слоя. Вследствие этого, на большинстве участков раскопа III культурный слой при разборке не делился на горизонты. При этом нужно заметить, что нижняя граница культурного слоя не представляла собой ровной линии, так как слой с культурными остатками засыпался между крупными обломками плитнякового известняка или смешивался с известняковым щебнем. Расчистка производилась до тех пор, пока на дне участков не появлялся чистый известняковый щебень или плитняк.

Слой с культурными остатками был сильно потревожен пахотой, что особенно ярко можно было видеть при подборке и склейке фрагментов сосудов. Обломки последних в громадном большинстве случаев находились на разных участках и даже раскопах, часто далеко один от другого.

Обычная картина залегания на одном или нескольких смежных участках фрагментов одного и того же сосуда наблюдалась при раскопках Галкинского городища лишь как исключение.

III

Обратимся теперь к рассмотрению расположения находок в культурном слое. Основным вопросом здесь является вопрос о залегании каменных орудий и осколков кремня, а затем уже металлических предметов. При этом решающим моментом является залегание находок в культурном слое II раскопа, где материал брался с верхнего и нижнего горизонтов отдельно и некоторых участков III раскопа.

Кремневый наконечник стрелы был найден на глубине 0.25 м. Орудие из сланца на глубине 0.25 м, отбойник (?) на глубине 0.20 м. Единственный скребок из раскопа II был найден в верхних 0.20 м слоях, в то время как в раскопе III скребки находились на глубине 0.20 м, около 0.20 м, 0.30 м. Каменный нож был найден (раскоп III) на глубине 0.20 м, топоры — на глубине 0.25—0.35 м (раскоп III), ударное орудие — на глубине 0.25 м. Что касается кремневых отщепов, то 4 отщепов из раскопа II были найдены на глубине 0—0.20 м, т. е. в верхней части слоя с культурными остатками. Наконечник, каменный пест из раскопа II находился в культурном слое на глубине 0.18 м.

При раскопках вала найден каменный скребок и 2 ножевидных пластинки на глубине 0.40 м и 0.40—0.60 м в слое комковой супеси, в растительном слое, покрывавшем вал после первого ремонта.

Подводя итоги, можно сказать, что кремневые орудия и отщепы кремня располагались как в верхних, так и в нижних горизонтах культурного слоя.

Бронзовые предметы располагались, главным образом, в среднем и нижних горизонтах культурного слоя, причем наконечники в раскопе II — на глубине 0.36 м, бляшки же в раскопе II — на глубине 0.38 м (4 экз.) и 0.25 м (1 экз.), в раскопе III — на глубине 0.15 м (1 экз.), 0.19 м (1 экз.) и 0.20 м (1 экз.). При этом надо заметить, что мощность культурного слоя на уч. II/4 раскопа III, где бляшка была найдена на глубине 0.15 м, едва достигала 0.20 м, а на уч. VII/10, где бляшка была встречена на глубине 0.18 м, — доходила до 0.25 м.

Что касается железных предметов, то они располагались как в верхних, так и в средних и нижних горизонтах слоя с культурными остатками. Так, ножи в раскопе II были найдены на глубине 0.15 м (1 экз.) и 0.20 м (2 экз.), в раскопе III — на глубине 0.18 м (общая глубина культурного слоя на участке — 0.20 м). Железное шило было найдено в раскопе II на глубине 0.28 м в нижнем горизонте культурного слоя. Железные наконечники стрел в раскопе III — на глубине 0.15 и 0.25 м. Железный наконечник копья был обнаружен на глубине 0.20 м (раскоп III, уч. VII/7).

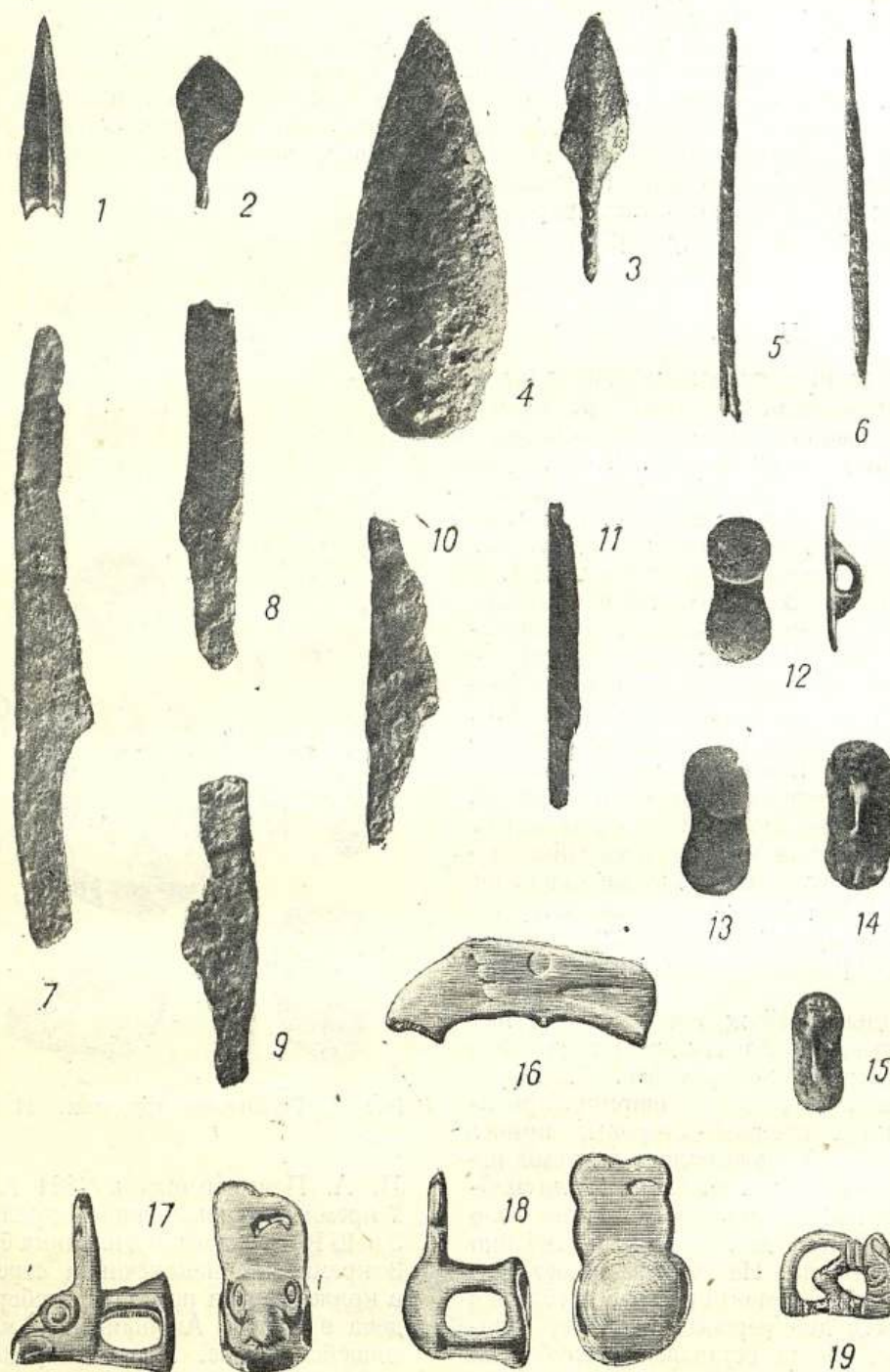
Таким образом приходим к выводу, что каменные, бронзовые и железные орудия и предметы располагались во всех горизонтах слоя с культурными остатками, что является еще одним доказательством однородности культурного слоя. Полученная картина не нарушается, если даже принять во внимание и смещение материала при пахоте.

При этом интересно еще одно обстоятельство: ни один каменный, бронзовый или железный, а также и костяной предмет, относящийся к древнему комплексу находок, не был обнаружен в культурном слое на глубине 0—0.15 м от поверхности почвы. Можно думать, что это произошло вследствие того, что вещи, попадавшие на глаза при распашке, были вынуты из земли. В статье П. И. Кротова о Галкинском городище говорится о том, что местные крестьяне находили на городище бронзовые вещи и какие-то серебряные монеты. Местные жители также рассказывают о находках в старину бронзовых предметов и серебряного блюда. В коллекции Теплоуховых имеется медный (или бронзовый) кельт, происходящий, повидимому, с Галкинского городища.¹

Костяные наконечники стрел и их фрагменты, найденные при разборке культурного слоя II раскопа, располагались на глубине 0.25 м (2 экз.) и 0.35 м (1 экз.), в нижнем горизонте культурного слоя, в раскопе III — на глубине 0.15 м (3 экз.). Общая глубина культурного слоя на уч. I/10 и XVI/12 раскопа III, где были обнаружены наконечники стрел, достигала 0.30—0.40 м. Таким образом костяной наконечник стрелы на уч. I/10 находился в верхнем горизонте слоя с культурными остатками. Костяная мотыга залега-

¹ Материалы по археологии России, № 26. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых, табл. XXXV, рис. 25.

Таблица II

Галкинское городище.

1—19—изделия из бронзы и железа. (1—15 — $\frac{2}{3}$ нат. вел.; 16—19 — нат. вел.)

ла на глубине 0.30 м, в нижнем горизонте культурного слоя (раскоп II, уч. III/8). Костяное четырехгранное орудие было обнаружено на глубине 0.20 м (раскоп III, уч. III/9) при общей глубине слоя с культурными остатками в 0.30 м. Костяной крючок был найден на глубине 0.15 м (раскоп III, уч. VII/8), тогда как культурный слой достигал мощности 0.20 м. Привеска в виде просверленного клыка медведя лежала на глубине 0.20 м (раскоп III, уч. IX/8) при общей глубине слоя с культурными остатками на участке в 0.20 м.

Из приведенных примеров видно, что костяные орудия, так же как каменные и металлические предметы, располагались как в верхних так и в нижних горизонтах культурного слоя городища.

IV

Галкинское городище, расположенное на высоком мысу у слияния р. Чусовой с р. Камой и защищенное земляным валом и рвом, было превосходной древней крепостью. Такая крепость, в условиях того времени, когда главным орудием нападения и защиты были лук и стрелы, могла господствовать над водными путями по верхней Каме и Чусовой и была издалека видна торговым караванам. За стенами такой крепости можно было с успехом обороняться от нападения. Необходимость вооруженной защиты в древние времена очень ярко и наглядно иллюстрирует структура вала (рис. 3 и табл. I, 3).

Первоначально вал имел сравнительно небольшие размеры (около 1.25 м высоты и около 6 м, ширины) и был сооружен, главным образом, из известкового щебня с камнем и покрыт сверху слоем глины. Довольно мощная прослойка погребенного растительного слоя, наросшая на слое глины (около 0.15–0.16 м), указывает, что в таком виде вал существовал довольно долго. Глубина древнего рва была незначительна — около 0.80 м.

В течение дальнейшей жизни поселения вал 3 раза ремонтировался, причем древний ров был засыпан при первом же ремонте. Подсыпка вала, увеличивая его высоту и ширину, производилась только с внешней стороны, причем подсыпаемая часть облицовывалась плитами известняка разной формы, которые образовали сплошную кладку. Такую облицовку можно было проследить в разрезе для первой и особенно второй подсыпки вала. На разрезе видно, что после 1-го, 2-го и 3-го ремонта ров не углублялся ниже поверхности дна первого, наиболее древнего рва, и все время оставался неглубоким. Последняя подсыпка состояла из слоя суглинка и не была облицована камнем.

Орудия войны и охоты, найденные при раскопках Галкинского городища, состоят из наконечников стрел и одного наконечника копья. По материалу они разделяются на каменные, бронзовые, железные и костяные.

Каменных наконечников стрел — один. Это

небольшое, побывавшее в огне орудие ланцетовидной формы с ромбическим поперечным сечением. Концы острия и черешка обломаны. Длина 6 см, наибольшая ширина 1.8 см (рис. 5, 4). Кроме того, среди коллекции с Галкинского городища имеется один обломок наконечника стрелы или копья из красноватого кремня (рис. 5, 5).

Кремневые наконечники стрел — не исключение среди ранних памятников ананьинской эпохи. При вскрытии могилы одного из древнейших погребений Ананьинского могильника

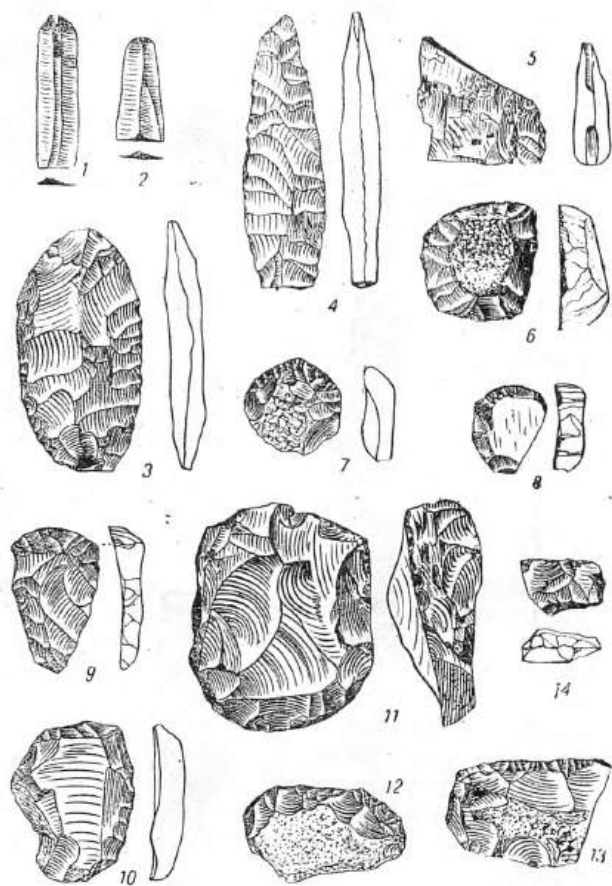
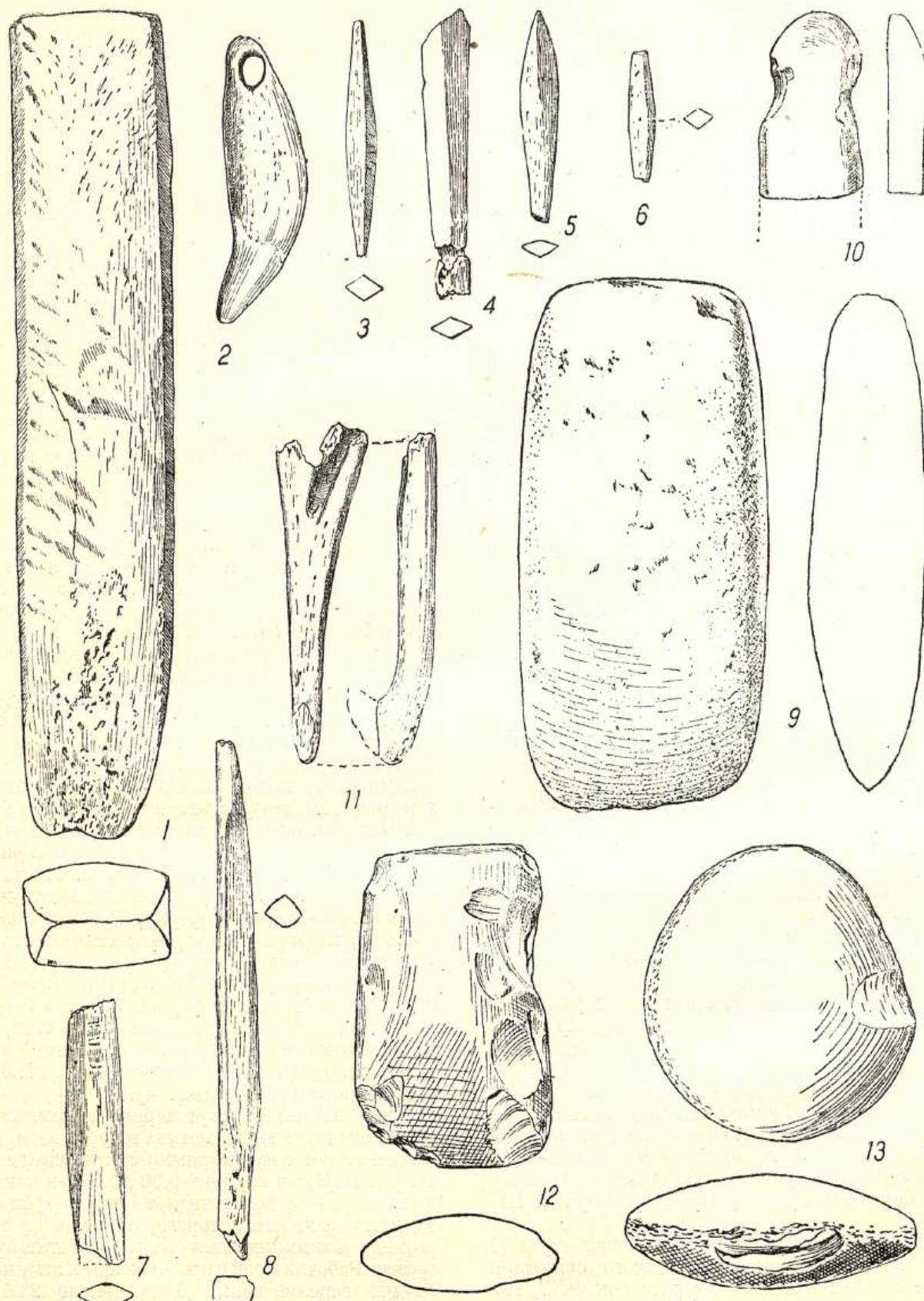

Рис. 5. Галкинское городище. Изделия из кремня.

П. А. Пономаревым в 1881 г. были найдены 2 кремневых наконечника стрел. В погребениях 3 и 16 Котловского могильника были обнаружены 3 кремневых наконечника стрел. Кроме того, в коллекции из раскопок и сборов Ф. Д. Нефедова в районе Ананьинского могильника, хранящейся в Гос. Музее антропологии, имеется еще несколько кремневых наконечников стрел и один наконечник копья.

Из вышеприведенных примеров следует, что кремневые орудия были обычны в Прикамье для ранних этапов ананьинской эпохи.

В слое с культурными остатками Галкинского городища найдено 2 бронзовых наконечника стрел с резко выдающимися гранями и неболь-

Галкинское городище.
1—13—изделия из кости и камня.

шими выступами у основания граней, так называемого скифского типа. На одной из граней имеется отверстие (табл. II, 7).

Подобные наконечники стрел также имеются среди погребального инвентаря Ананьинского и Котловского могильников. Бронзовый наконечник стрелы такого же типа был найден при раскопках Свиногорского городища в устье р. Вятки.

Кроме кремневых и бронзовых наконечников, в коллекции из раскопок Галкинского городища имеется 2 железных наконечника стрелы и 1 железный наконечник копья. Оба наконечника стрел по форме черешковые; один имеет листовидную форму; другой плоский неправильной формы (табл. II, 2—3). Плоское копье имеет листовидную форму. Кончик острия и нижняя часть (повидимому втулка) обломаны (табл. II, 4).

Железные наконечники копий — явление обычное для погребений Ананьинского могильника. В могиле С из раскопок П. А. Пономарева 1881 г. был найден железный наконечник копья. В коллекции из раскопок и сборов Ф. Д. Нефедова на Ананьинском могильнике также имеется железный наконечник дротики или копья. Железное копье было найдено в погребении при раскопках Ананьинского могильника экспедицией Антропологического института в 1930 г.

Железные наконечники стрел также имеются и среди старых находок с Ананьинского и Котловского могильников. В могиле С из раскопок П. А. Пономарева 1881 г., кроме бронзовых, был обнаружен также железный наконечник стрелы. В коллекции предметов из раскопок и сборов Ф. Д. Нефедова с Ананьинского могильника, хранящихся в Гос. Музее антропологии, имеется 11 железных наконечников стрел, из них 7 втульчатых и 4 черешковых.

Из вышеизложенного ясно, что одновременное сосуществование производственного инвентаря из камня, бронзы и железа типично как для Ананьинского могильника, так и для других ранних памятников ананьинской эпохи в Прикамье.

Последняя группа наконечников стрел с Галкинского городища — из кости. Всего, главным образом в фрагментах, найдено 8 наконечников стрел нескольких типов. Среди них 2 фрагмента трехгранных наконечников, 4 четырехгранных. Кроме того, имеется наконечник стрелы, в верхней части четырехгранный, с более плоской средней и нижней частями, суживающийся к черешку; конец черешка обломан; нижняя часть орудия в сечении овальная. Наконечник, имеется нижняя часть шестигранного наконечника с очень узкими средними гранями, срезанная к черешку на 2 плоскости. Край черешка обломан (табл. III, 3—8).

Трехгранные костяные наконечники стрел (3 экз.) имеются среди погребального инвентаря Котловского могильника из раскопок Ф. Д. Нефедова. Все вышеописанные типы наконечников стрел обычны для вятских костеносных городищ.

Анализ костей животных, произведенный В. И. Громовой, показал, что объектами охоты являлись лось (*Alces machlis*), северный олень (*Rangifer tarandus*), бобр (*Castor fiber*), медведь (*Ursus arctos*), заяц (*Lepus sp.?*) и барсук (*Meles meles*).

Охота на диких животных преследовала, повидимому, две цели: с одной стороны, добычу мяса, употреблявшегося в пищу, с другой — получение пушнины для целей обмена. Известно, что пушнина являлась главным продуктом обмена жителей лесных стран, притом таким продуктом, который высоко ценился на юге и востоке, начиная с глубокой древности. Нужно полагать, что запасы пушнины были одной из тех ценностей, которые имелись за стенами городища вместе с другими ценностями того времени — запасами зерна и домашними животными.

Среди находок с Галкинского городища мы имеем ряд предметов, характеризующих занятия его обитателей рыбной ловлей. Среди костного материала находится небольшое количество позвонков крупной рыбы. Кроме того, в слое с культурными остатками был найден костяной рыболовный крючок со сверлиной для привязывания в верхней части. Жало крючка, на которое насаживалась приманка, обломано (табл. III, 17). Кроме того, обнаружен обломок предмета из кости с выступами в виде зубцов по бокам, может быть обломок остроги, два костяные острия и костяное орудие с долотовидным рабочим краем. Последние могут свидетельствовать как о плетенье из лыка, так и о вязанье сетей для рыбной ловли.

Земледелие также было известно обитателям городища. На это указывает прежде всего большая совершенно цельная нижняя плита зернотерки, найденная в культурном слое (раскоп III, уч. VI/8) на глубине 0.15—0.20 м. Плита эта изготовлена из красноватого песчаника и имеет неправильно-овальную форму. Рабочая поверхность ее, слегка вогнутая, искусственно сделана шероховатой путем нанесения массы мелких выбоин. Края зернотерки оббиты, повидимому, для придания ей округлой формы. Нижняя поверхность также оббита в нескольких местах, так что в общем плита имеет более или менее одинаковую толщину. Длина плиты 0.61 м, наибольшая ширина 0.36 м (рис. 4).

Кроме плиты от зернотерки, о земледелии свидетельствует также мотыга из рога лося, найденная в слое с культурными остатками (раскоп II, уч. III/8) на глубине 0.30 м. Это массивное четырехгранное долотовидное орудие (табл. III, 1), на поверхности которого, особенно на боковых плоскостях, имеются следы обработки путем срезов. Рабочий край и прилегающие к нему части орудия заполированы. Длина около 23.5 см, ширина 4 см, толщина около 3 см.

Если наличие среди находок с Галкинского городища плиты от зернотерки свидетельствует

о знакомстве обитателей его с земледелием, то присутствие среди них мотыги определяет характер земледелия. Повидимому, земледелие было мотыжным, что является совершенно естественным в крае, который еще в недалеком прошлом был сплошь покрыт лесом, да и в настоящее время сохранил большие лесные массивы. Подсечное огневое мотыжное земледелие в лесных районах восточной Европы, как известно, бытовало чрезвычайно долго.

На основании изучения обломков костей животных из раскопок Галкинского городища выяснилось, что его обитатели имели следующих домашних животных: корову (*Bos taurus*), лошадь (*Equus caballus*), свинью (*Sus scrofa domestica*), и мелкий рогатый скот — овцу и козу (*Ovis aries* и *Capra hircus*).

Наиболее распространенным домашним животным являлась очень мелкая корова (396 костей от 16 особей, из них около $\frac{1}{3}$ молодые). На втором месте стоит лошадь (260 костей от 8 особей, из них около $\frac{1}{2}$ молодые). Кости лошади по большей части разбиты, что указывает на употребление ее в пищу. Затем идет свинья (18 костей от 2 особей) и мелкий рогатый скот (22 кости от 4 особей).

Таким образом обитатели Галкинского городища имели все основные виды домашних животных.

Соотношение костей домашних и диких животных ярко иллюстрирует большое развитие скотоводства и его роль в хозяйстве. Из 733 костей, найденных при разборке культурного слоя городища, 696 — кости домашних животных и 38 — диких. При этом следует сделать оговорку: повидимому, кости диких животных, не идущих в пищу, или не приносились на городище совсем, или приносились лишь те из них, которые трудно было отделить на месте охоты, не испортив шкуры. Это относится, главным образом, к пушным зверям. Во время обработки костного материала с ветлужских городищ было сделано наблюдение, что в культурном слое находятся, главным образом, кости головы и конечностей пушных зверей.

VI

Комплекс каменных орудий из раскопок Галкинского городища включает в себя все основные формы производственного инвентаря — топоры, наконечники стрел, ножи, скребки, песты и др. Следовательно, каменные орудия не являются единичными или случайными, их нельзя также рассматривать в качестве пережитков древних форм, сохранившихся в быту обитателей поселка или группы поселков, заброшенных в глухом углу.

Каменные орудия не только употреблялись, но также и изготавливались обитателями городища. Среди находок из слоя с культурными остатками, кроме вышеописанных орудий,

имеется целый ряд отщепов кремня (отбросы производства), ножевидных пластинок и ударное орудие, повидимому отбойник.

Для производства орудий, кроме песчаника, гранита и сланца, из которого сделаны крупные вещи, употреблялся валунный кремень в виде речной гальки, окатанной водой. Мы имеем целый ряд округлых с одной стороны отщепов с коркой, сбитую поверхность небольших галек. Видимо, кремневого материала было мало, и древние мастера старались использовать даже очень небольшие желваки-галки. В слое с культурными остатками имеются гальки очень незначительных размеров, разбитые пополам и неиспользованные в виду плохого качества кремня.

Количество кремневых орудий с Галкинского городища и их ассортимент ярко иллюстрируют их роль в производственном инвентаре. Мы имеем 2 топора, 1 нож, 1 целый наконечник стрелы и 1 обломок наконечника стрелы или копья, 9 скребков, 6 пестов, 1 ударное орудие, 1 орудие для растирания и др., всего, считая плиту от зернотерки, 26 предметов из камня и каменный отбойник. Техника изготовления каменных орудий указывает на большое искусство древних мастеров в обработке камня. В этом отношении обращают на себя внимание прекрасно заполированный топор-клин из зеленоватого сланца и скребок из серо-голубоватого кремня, обработанный кругом довольно крутой ретушью.

На ряду с производством кремневых орудий, у обитателей Галкинского городища существовала и металлургия. Следы обработки металла среди материала из раскопок памятника очень немногочисленны и непоказательны. Они представляют собой обломки 3—4 небольших глиняных тиглей и нескольких кусков шлаковидных образований. Некоторые куски сильно напоминают железный шлак, что и подтвердилось анализом. При анализе из 15 кусков 14 оказались содержащими железо и 1 — железо с медью.

Искусство обработки металла было хорошо известно уже на ранних этапах развития ананьинской культуры. В коллекциях из раскопок и сборов Ф. Д. Нефедова на Ананьинском и Котловском могильниках, хранящихся в Гос. Музее антропологии, имеются куски медной руды, причем Ф. Д. Нефедов описывает эти предметы в числе могильного инвентаря Котловского могильника. С целого ряда костеносных городищ известны литейные формы для кельтов и мелких украшений, а также тигли или льячки.

Таким образом местное производство медных и бронзовых предметов у обитателей костеносных городищ не возбуждает сомнений, тем более, что медная руда в некоторых пунктах Прикамья была известна, по словам местных жителей, «с незапамятных времен». Один из таких пунктов находится близ Котловского могильника.

Найденные на Галкинском городище тигли — это очень неглубокие толстостенные сосудики с уплощенным дном диаметром около 5 см,

VII

К предметам домашнего обихода, среди находок из раскопок Галкинского городища, относятся: топоры, ножи, шилья, скребки, песты для растирания, орудия, назначение которых не вполне ясно, и керамика.

Топоров имеется два и оба каменные. Один из них (топор или тесло?) из серо-зеленоватого сланца удлиненно-трапециевидной формы. Часть лезвия сработана, одна из широких плоскостей у обуха сбита. На одной из боковых граней — выемка со следами ударов. Вся поверхность орудия заполирована. Длина 9 см, ширина лезвия около 6 см, обуха около 5 см (табл. III, 9).

Второй экземпляр — массивный топор — клин из серого камня четырехугольной формы с округлыми боковыми сторонами. К лезвию и обуху орудие слегка суживается и утончается. Лезвие немного скошено и сработано в средней части. Вся поверхность топора заполирована. Длина 14.5 см, ширина лезвия около 6 см, ширина обуха 5.5 см, толщина около 3 см (табл. III, 12).

Находка каменных топоров среди производственного инвентаря костеносных городищ — явление исключительное, характеризующее, с одной стороны, древность памятника, с другой — сравнительную редкость и большую ценность бытовавших в те времена бронзовых топоров-кельтов, которые встречаются при погребениях и чрезвычайно редко в городищах. Об употреблении топоров-кельтов обитателями костеносных городищ мы знаем на основании единичных находок самих орудий и их литейных форм среди предметов из раскопок и сборов с Буйского городища, городища Сорочьи горы и Пижемского городища. Как было указано выше, с Галкинского городища также известен медный или бронзовый кельт.

Ножи Галкинского городища, главным образом, железные. Всего найдено 5 более или менее цельных экземпляров (табл. II, 7—11) и один обломок, повидимому, не относящийся к древнему комплексу находок с городища.

Все ножи однолезвийные. У двух из них слегка вогнутое лезвие, у одного немного выпуклое. У двух экземпляров лезвие сильно разрушено и судить об его форме трудно. Концы острия почти всех ножей обломаны. Исключение составляет самый большой нож, длина которого 13 см, наибольшая ширина 1.7 см. Размеры других экземпляров точно установить трудно, но все они меньше вышеописанного. Самый маленький нож достигает около 7.5 см, наибольшая ширина его около 0.7 см.

Кроме железных ножей в слое с культурными остатками Галкинского городища были найдены один каменный нож и обломки двух ножевидных пластинок. Нож из желтого кремня имеет овальную форму. Обе поверхности орудия обработаны плоской ретушью. Оба лезвия очень острые и имеют следы работы. Длина 5.5 см, ширина 2.9 см (рис. 5, 3).

Шильев найдено 2 экз. Оба они бронзовые

четырёхгранные. Одно из них заострено с обоих концов. Длина его 7.5 см, ширина около 0.70 см (табл. II, 5—6).

Рукоятка ножа или шила из небольшой трубчатой кости животного найдена только одна. Один конец рукоятки разрушен; поверхность украшена несимметрично и редко расположенными парными и тройными короткими насечками. Длина около 8 см, диаметр около 1.5 см.

Скребок среди находок с Галкинского городища всего 8 экз.; по форме они разделяются на два типа: округлые и подтреугольные (рис. 5, 6—13). К первому типу относятся 5 орудий на коротких широких отщепах. Обращают на себя внимание: массивный скребок с дуговидным рабочим краем из серо-желтого кремня (длина около 5 см, ширина около 4 см) и скребок из серо-голубоватого кремня, все края которого обработаны крутой ретушью. На спинке последнего находится большой участок корки.

Ко второй группе скребков относятся 3 экз. на отщепах желтого, серого и голубоватого кремня с прямым и слегка дуговидным рабочим краем, обработанным более отлогою ретушью. Из них правильностью очертаний и тщательностью обработки отличается один (длина 3.2 см, ширина рабочего края около 2 см).

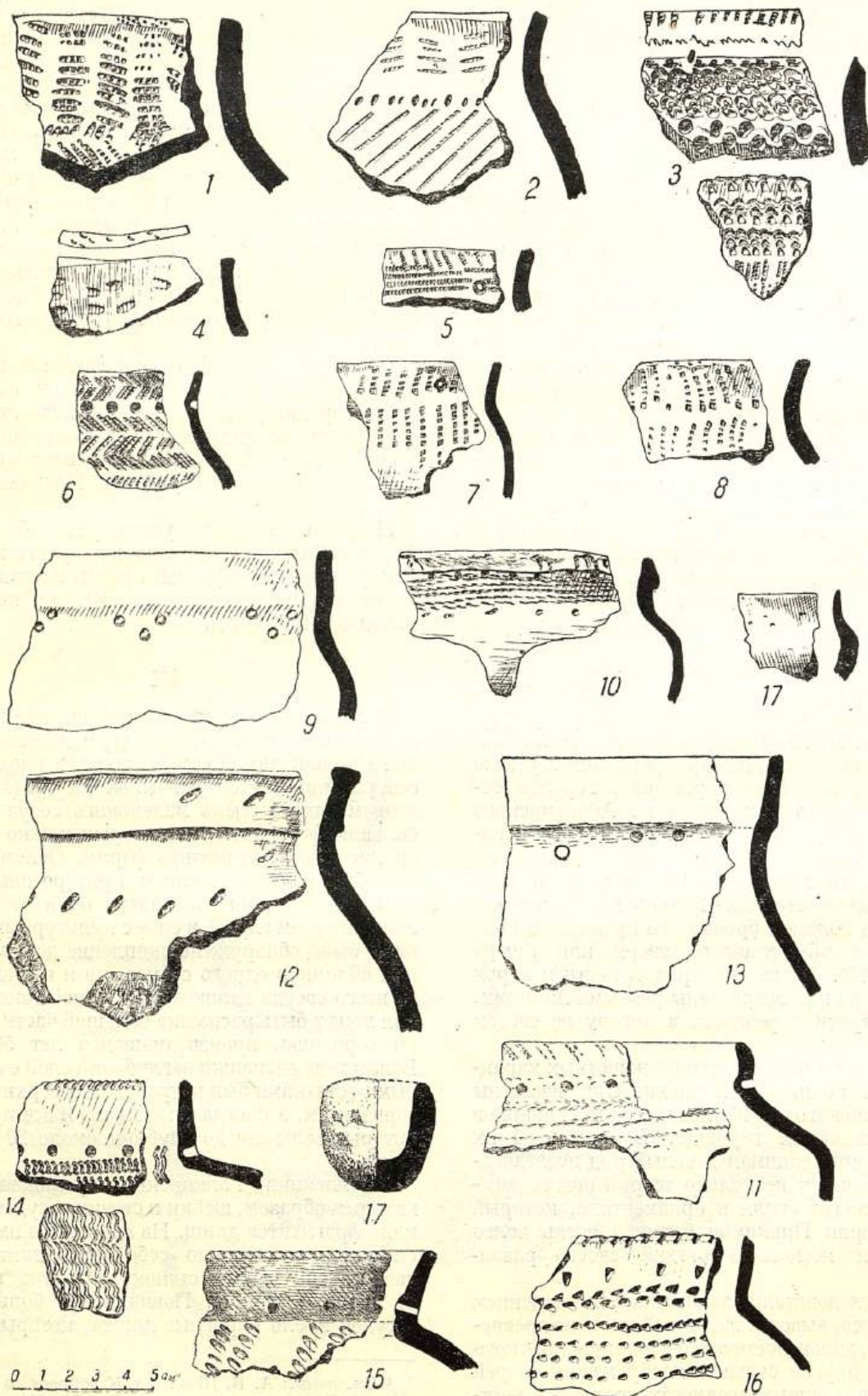
Пестов для растирания из красноватого и серого песчаника найдено на Галкинском городище 6 экз. (5 целых и 1 обломок). Все они представляют собой массивные гальки неправильно округлой формы с сильно окатанной очень гладкой поверхностью. Концы орудий сильно стертые от растирания каких-то твердых предметов, может быть толчения раковин для примеси к керамике. О твердости растираемых предметов свидетельствуют мелкие выбоины на рабочей поверхности орудий, особенно по краям ее, и иногда отколы прилегающих к ней частей поверхности. Размеры пестов: длина 13—10 см, ширина и толщина 8—6 см.

Кроме пестов, в коллекции из раскопок Галкинского городища имеются 2 орудия, назначение которых еще более неясно. Это плоские округлые гальки из красноватого песчаника диаметром от 7 до 8 см. Края одной из них покрыты мелкими выбоинами от ударов о твердые предметы и вместе с тем имеют следы трения. Удары, наносимые орудием, были настолько сильны, что в двух местах сбиты части поверхности, прилегающие к рабочему краю (табл. III, 13).

Второе орудие отличается от первого тем, что края его не оббиты, но сильно стертые. Интересно отметить, что в коллекции из раскопок Ананьинского могильника, произведенных экспедицией Антропологического института 1930 г., имеется орудие, повидимому, такого же назначения в виде трехгранной призмы со стертыми боковыми гранями.

VIII

Предметы украшения, найденные при раскопках Галкинского городища, также сближают его

Галкинское городище.

1—16—керамика.

с самыми древними памятниками ананьинской эпохи. Это, прежде всего, плоские бронзовые бляшки в виде восьмерки, состоящие из двух плоских кругов с более узкой перемычкой между ними. На обратной стороне бляшек имеется петля, повидимому, для продевания ремня. Их найдено 5 экз. (табл. II, 12—15). Такие бляшки типичны для погребений Ананьинского и Котловского могильников.

К числу украшений из раскопок Галкинского городища относится бляшка, состоящая из рельефного изображения головы хищной птицы, выступающей из вертикальной плоскости. В верхней части последней помещается контурный рисунок головы грифона в профиль. На обратной стороне находится плоское кольцо в вертикальном положении, скрепленное с плоскостью четырьмя горизонтальными стержнями. Глаза и разрез клюва рельефной птицы даны резными линиями (табл. II, 17).

Подобные украшения имеются среди находок Ф. Д. Нефедова из раскопок Ананьинского могильника (табл. II, 18), но в последних отсутствует выступающая рельефная голова хищной птицы, вместо которой находится слегка выпуклый круг. Одна из этих бляшек, повидимому, служивших для продевания ремня, с обломаным кольцом на обратной стороне, описана Ф. Д. Нефедовым под названием «фигурки жука».

Среди украшений Галкинского городища очень интересна маленькая бронзовая прорезная бляшка, изображающая сильно стилизованную фигуру зверя (табл. II, 19). На обратной стороне бляшки имеются 2 шпильки для прикрепления к ремню или ткани. Подобное украшение, гораздо более грубой работы, известно из Ананьинского могильника. Еще более близко к вышеописанному изображение зверя на каменном кружке с Пижемского городища. Кроме того, в слое с культурными остатками Галкинского городища был найден обломок бронзового предмета в виде плоской головки хищного зверя или ящера (табл. II, 16). Глаза, раскрытая пасть и перья или чешуя на шее зверя даны резными линиями, которые утратили резкость и потому не совсем ясны.

Изображения хищных птиц и животных характерны для ананьинской эпохи. Они известны из Ананьинского и Котловского могильников и из костеносных городищ. Вопросом об их происхождении занимался целый ряд исследователей, создавших несколько теорий возникновения «звериного» стиля в орнаментике, который на территории Прикамья бытовал очень долго и пережил несколько стадий своего развития.

Одни исследователи, занимавшиеся изучением этого вопроса, выводят звериный стиль из древневосточного, дальневосточного и эллино-скифского искусства, другие считают изображения зверей и птиц на различных предметах продуктом местного творчества исконного населения Прикамья

и ставят их в связь с шаманскими культами.¹ Последнее мнение заслуживает особого внимания, так как материал из раскопок Горбуновского торфяника Д. Н. Эдинга содержит в себе несколько деревянных скульптурных изображений зверей и птиц (лося, гуся, утки, лебедя) и деревянных идолов, связанных с жертвенным местом. Повидимому, изображения, связанные с культом, являются в основе своей местными, бытуя в древних стоянках Приуралья.

Во всяком случае, вопрос о происхождении звериного стиля требует специального исследования. Здесь же можно лишь опять-таки установить сходство изображений животных из материала раскопок Галкинского городища с подобными же изображениями Ананьинского могильника.

К числу украшений, вернее амулетов, имеющих магическое значение, среди находок с Галкинского городища относится клык медведя с просверленным отверстием, очевидно служивший подвеской. Такие подвески также встречаются на других костеносных городищах Прикамья (табл. III, 2).

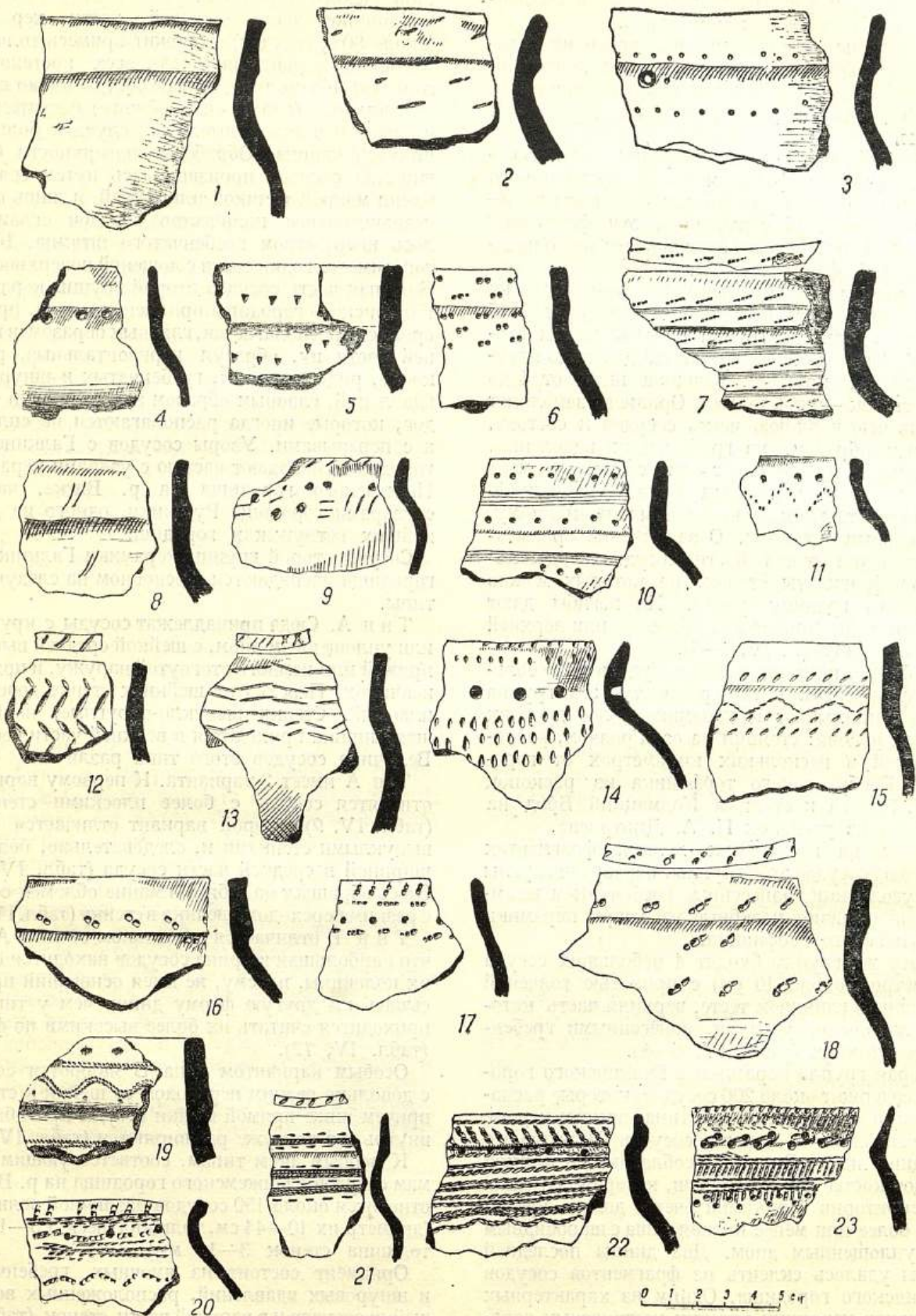
Наконец, следует упомянуть об обломке бронзовой бляшки и бусине из горного хрусталя бипирамидальной формы, причем последняя, повидимому, не относится к древнему комплексу находок с городища.

IX

Переходя к описанию керамики, прежде всего необходимо отметить, что среди довольно большого количества обломков сосудов (около 5000) совершенно отсутствуют целые сосуды (за исключением одного очень маленького сосудика) или большие фрагменты, по которым можно было бы вполне точно установить форму. Обломки сосудов обычно очень невелики и разбросаны по разным участкам, иногда далеко один от другого. Лишь в одном случае в слое с культурными остатками было обнаружено скопление довольно мелких обломков одного сосуда, но и в этом случае не всего сосуда целиком. Причиной такого явления может быть расписка большей части площадки городища, производившаяся лет 50 назад. Вследствие расписки неглубокий слой с культурными остатками был потревожен в верхних своих горизонтах, а иногда и целиком, и все предметы, которые залежали до глубины около 20 см, смещены.

В коллекции с Галкинского городища имеются, главным образом, шейки и стенки сосудов и очень мало фрагментов днищ. На основании имеющегося материала можно себе представить отгиб шейки, округлость стенок и линию перехода от шейки к стенке. Повидимому, большинство сосудов имело округлые днища, которые нельзя

¹ См. напр.: А. В. Шмидт. К вопросу о происхождении Пермского звериного стиля. Сб. Музея антроп. и этногр., VI, 1927.

Галкинское городище.

1—23—виды орнамента на керамике,

отличить от стенок, и выделялись лишь плоские и уплощенные формы днищ, которых в коллекции всего несколько экземпляров.

Все сосуды, принадлежавшие древнему населению городища, сделаны от руки ленточной техникой. Всего удалось установить наличие 216 сосудов, которые распадаются на 2 неравные группы.

К первой группе относятся фрагменты 13 сосудов, которые и по форме, и по составу глиняного теста, и по орнаменту резко отличаются от остальной керамики. К сожалению, эти фрагменты довольно малы и не дают возможности точно представить себе формы сосудов.

Все сосуды этой группы имеют примесь талька к глиняному тесту. Величина их варьирует от 17 до 36 см в диаметре. Шейки сосудов слегка отогнуты. Переход от шейки к стенке довольно плавный, стенки округлые. Толщина шеек от 4 до 8 мм, стенок — от 4 до 9 мм. Орнамент заполняет сплошь всю верхнюю часть сосудов и состоит, главным образом, из гребенчатых вдавлений. Исключение представляет один сосуд, орнамент которого состоит, главным образом, из рельефных волнистых линий, нанесенных, повидимому, треугольным штампом. О заполнении орнаментом только верхней части сосудов свидетельствуют фрагменты стенок, на которых можно наблюдать границу узора. Их изгибы дают представление примерно о половине или верхней трети сосуда (табл. IV, 7—5).

По форме, насколько можно судить по небольшим фрагментам и по орнаменту, эта группа сосудов примыкает к керамике более древних стоянок района: стоянки на оз. Грязном, расположенной в нескольких километрах от городища, Горбуновского торфяника из раскопок Д. Н. Эдинга и стоянки Колмацкий Брод на р. Исети из раскопок П. А. Дмитриева.

Узоры на нескольких мелких фрагментах одного из сосудов этой группы, образующие углы и треугольники, нанесенные гребенчатым штампом, напоминают подобные же узоры керамики Горбуновского торфяника.

В эту же группу входят 4 небольших сосуда (диаметром около 10 см) с примесью толченой раковины в глиняном тесте, верхняя часть которых заполнена узорами, нанесенными гребенчатым штампом (табл. IV, 6—8).

Вторая группа керамики с Галкинского городища содержит около 200 сосудов, которые распадаются в основном на три типа, причем первые два совпадают с типами сосудов Пижемского городища на р. Вятке. Преобладающей формой сосудов костеносных городищ, которая бытовала на территории Прикамья очень долгое время, была более или менее низкая чаша с шаровидным или уплощенным дном. Два днища последней формы удалось склеить из фрагментов сосудов Галкинского городища. Одним из характерных признаков керамики вятских костеносных городищ является присутствие на шейке сосудов выпуклого валика — «воротничка». Такой же

«воротничок» имеется почти у половины сосудов Галкинского городища.

Глиняное тесто большей части керамики (около 80% сосудов) содержит примесь толченой раковины, характерную для всех костеносных городищ. Кроме того, многие сосуды имеют следы исчезнувшей (видимо при обжиге) растительной примеси и в исключительных случаях большую примесь кварца. Обработка поверхности большинства сосудов производилась путем сглаживания мокрой тряпкой или кожей, и лишь очень незначительное количество сосудов сглаживалось посредством гребенчатого штампа. Кроме того, имеется один сосуд с лощеной поверхностью. Большая часть сосудов второй группы керамики Галкинского городища орнаментирована, причем орнамент располагается, главным образом, в верхней части их, образуя горизонтальные, редко косые, ряды ямочных, гребенчатых и шнуровых вдавлений, главным образом вокруг шейки сосудов, которые иногда располагаются не сплошь, а с перерывами. Узоры сосудов с Галкинского городища совпадают частью с узорами керамики Пижемского городища на р. Вятке, частью с узорами городища Русенихи, одного из древнейших ветлужских городищ.

Сосуды второй группы керамики Галкинского городища распадаются в основном на следующие типы.

Тип А. Сюда принадлежат сосуды с круглым или уплощенным дном, с шейкой средней высоты, прямой или немного отогнутой наружу, и прямым венчиком. Переход от шейки к стенке довольно плавный. Стенки выпукло-округлые, наибольшая ширина приходится в верхней части сосуда. Величина сосудов этого типа различна.

Тип А имеет 2 варианта. К первому варианту относятся сосуды с более плоскими стенками (табл. IV, 9), второй вариант отличается более выпуклыми стенками и, следовательно, большей шириной в средней части сосуда (табл. IV, 10). Здесь обращает на себя внимание обломок сосуда с резким переходом плечика в стенку (табл. IV, 11).

Тип Б отличается в основном от типа А тем, что наибольшая ширина сосудов находится около их половины, почему, не имея оснований приписывать им другую форму днищ, чем у типа А, приходится считать их более высокими по форме (табл. IV, 12).

Особым вариантом типа Б являются сосуды с довольно резким переходом от шейки к стенке, причем ниже прямой шейки сосуды прогибаются внутрь и затем уже расширяются (табл. IV, 13).

К первым двум типам, соответствующим формам сосудов с Пижемского городища на р. Вятке, относится около 150 сосудов различной величины (диаметр их 10—44 см, толщина шеек 3.5—10 мм, толщина стенок 3—11 мм).

Орнамент состоит из ямочных, гребенчатых и шнуровых вдавлений, расположенных вокруг шейки сосудов и в верхней части стенок (табл. V, 2, 9, 11—13, 15—22); 5 сосудов без орнамента (табл. V, 1).

Тип В. К этому типу относится около 20 сосудов с прямой или слегка отогнутой шейкой. Переход от шейки к стенке очень резкий. Стенки сразу сильно расширяются, образуя форму, близкую к шару. Днища сосудов этого типа, повидимому, округлые (табл. V, 14—16).

Большинство сосудов этого типа имеют орнамент из различных ямочных вдавлений, расположенный более или менее сплошь в верхней части сосуда.

Величина их различна (диаметр 10—24 см), толщина стенок 4—6 мм, толщина шеек 6—8 мм. Из сосудов этого типа особенно интересен один, верхняя часть которого покрыта сплошным узором, производящим впечатление ткани или плетения.

Такая форма сосудов встречается среди керамики городища Русенихи и в нижних слоях некоторых других ветлужских городищ.

В слое с культурными остатками Галкинского городища изредка находились фрагменты очень маленьких сосудов; один из таких сосудиков найден целиком. Это — чашечка яйцевидной формы грубой работы. В глиняном тесте ее имеется примесь крупных зерен кварца. На наружной поверхности находится трещина. Толщина шейки 7—8 мм, стенки 8—9 мм, днища 10—11 мм;

высота 3.8 см, диаметр около 4 см. Повидимому, этот сосудик предназначался для применения в качестве тигля, но не был в употреблении (табл. IV, 17).

X

Анализ находок с Галкинского городища дает возможность отнести его к числу ранних памятников ананьинской эпохи, восходящей, повидимому, ко времени существования известного Ананьинского могильника, и признать его одним из древних костеносных городищ. Одним из оснований для этого является комплекс каменных орудий вместе с комплексом древней керамики, которые имеются среди материала с городища. Это обстоятельство чрезвычайно важно, так как дает возможность проследить корни ананьинской культуры в более древних местных памятниках, на основе которых она развивалась в связи с развитием земледелия и скотоводства.

Сравнительная тонкость слоя с культурными остатками и небольшое количество находок в слое указывают на то, что поселение было обитано в течение сравнительно недолгого периода времени и поэтому иллюстрирует раннюю фазу костеносных городищ в более или менее чистом виде.

A. ZBRUEVA

LE GORODISTCHÉ DE GALKINO

(R é s u m é)

Le gorodistché de Galkino, situé sur le promontoire formé par la première terrasse sur la rive gauche de la Kama non loin de l'embouchure de la Čusovaja, est connu depuis longtemps dans la littérature archéologique. Il a été mis à découvert en 1934 par la mission archéologique de la Kama de l'Académie d'Histoire de la Culture matérielle, qui dégagait une surface de 650 m² environ. La levée de terre qui défendait le gorodistché du côté du nord-est fut recoupée par une tranchée afin de reconnaître sa structure; la partie subsistante du terre-plein fut déblayée presque en entier sur deux grandes surfaces.

La couche à restes archéologiques a une puissance de 0.10—0.40 m et se compose de sable argileux intensivement coloré d'humus. On n'a constaté aucun vestige d'habitations — ni cabanes souterraines, ni creux de foyers; apparemment, il y avait

ici des habitations bâties sur le sol dont les restes ne se sont pas conservés.

Les fouilles ont fourni une quantité considérable de matériaux consistant en objets en pierre, en métal et en os, ainsi qu'en tessons de poterie et fragments d'os d'animaux. L'ensemble de ces objets forme un complexe caractéristique de l'époque d'Ananino, certains objets métalliques ayant leurs analogues dans le cimetière d'Ananino.

L'analyse des trouvailles permet de reconstituer le tableau de la vie économique et sociale des habitants du lieu. Les branches principales de l'économie étaient la culture de la terre à la houe et l'élevage du bétail. La pêche et la chasse jouaient un rôle important, surtout la chasse aux bêtes à poil, dont les fourrures étaient le principal produit d'échange.

А. В. ЗБРУЕВА

СВИНОГОРСКОЕ ГОРОДИЩЕ

I

Свиногорское городище, близ с. Свиные Горы Челнинского кантона Татарской Республики, впервые упоминается в археологической литературе в статье Н. Савельева «Заметка о земляной насыпи на левом берегу р. Вятки неподалеку от впадения ее в р. Каму». ¹ Местный учитель Н. Савельев впервые обследовал вал городища в 1877 г. и произвел небольшие раскопки его юго-восточной части, там, где самый конец вала уже был разрушен. Раскопки Н. Савельева были очень интересны, так как они вскрыли структуру вала. Согласно описанию исследователя, строение вала было следующее. Верхний слой насыпи, толщиной до 0,22 м, сложен из однородного песчаного материала. Под этим слоем в перемешанной земле находились включения золы и дубового угля, толщиной в среднем около 3 см. Ниже шла каменная кладка, расположенная следующим образом: с северо-восточной стороны (с внешней стороны вала) «по три или четыре плиты уступами с прокладкой слоем глины толщиной до 1 дюйма» (2,5 см); далее, на вершине вала плиты камня положены одна возле другой горизонтально, в один ряд и «спущены в наклонном положении на внутреннюю сторону вала до его основания». Поверхность плит составляла 81—900 кв. см. Толщина 2,5—5 см. Все плиты необделанные. Под каменной кладкой до самого основания вала лежала насыпная земля, образовавшая внутренний вал меньших размеров. В самом низу насыпи, в той части, где производились раскопки Н. Савельева, лежал слой золы.

Наличие облицовки вала каменными плитами разной величины и формы наблюдалось также при раскопках Галкинского городища, на левом берегу р. Камы близ устья р. Чусовой. Исследования Галкинского городища позволили выяснить, что вал там три раза ремонтировался, причем подсыпка производилась с внешней стороны и подсыпаемая часть облицовывалась плитами известняка разной величины и формы, которые образовали сплошную кладку. ² Отметив интересный факт сходства в устройстве вала столь отдаленных территориально памятников, следует обратить внимание на то, что плитняковый

известняк на Галкинском городище залегал непосредственно под почвой, а для устройства вала Свиногорского городища камень был доставлен издалека. Н. Савельев в вышеупомянутой заметке пишет, что камень мог быть взят или с берега Камы или из-за Вятки, так как в окрестностях ближе 1,5 км известняки отсутствуют.

В 1887 г. памятник был обследован А. А. Спицыным, а в 1888 г. им же были произведены раскопки на правом склоне городища, который он считал единственным местом, пригодным для раскопок. Здесь была собрана коллекция, часть которой хранится в Гос. Историческом музее в Москве. Она состоит из костей животных (лошади, свиньи, бобра, куницы и медведя), обломков глиняной посуды и нескольких каменных, костяных и металлических предметов, среди которых имелся каменный наконечник стрелы, к сожалению утерянный. В раскопках А. А. Спицына особенно интересны следы кострищ «с довольно значительным, перемешанным с глиной зольным слоем». Находки следов кострищ на склоне городища представляются особенно интересными, но, к сожалению, в работе А. А. Спицына «Костеносные городища», ¹ при описании исследования Свиногорского городища, нет более подробных указаний на расположение и характер очагов, обнаруженных на правом склоне.

В 1894 г. Ф. Д. Нефедов во время археологического обследования в б. Елабужском уезде Вятской губ. произвел небольшие раскопки Свиногорского городища. ² Наиболее интересным моментом в раскопках Ф. Д. Нефедова на площади городища была находка больших ям, «из которых четыре оказались костямицами, и в них разные металлические вещи» (4 бронзовых и 1 железный наконечник стрелы, бронзовая пуговица и каменный молоток). Кроме того, «около вала в южной стороне, на глубине 1½ арш. встретился слой угля и золы на 4 вершка и множество костей животных». Ф. Д. Нефедовым при раскопках в разных местах городища было найдено несколько железных предметов, обломки глиняной посуды, кости животных. Часть коллекции из его раскопок хранится в Гос. Музее антропологии в Москве.

¹ Труды IV Археол. съезда, стр. 118—120.

² А. В. Збруева. Галкинское городище. (См. настоящий сборник, стр. 71).

¹ Материалы по археологии восточных губерний России, вып. I, стр. 48.

² Там же, вып. III, стр. 68—69.

В работе Л. И. Вараксиной «Костеносные городища Камско-Вятского края»¹ сообщается о последних неопубликованных раскопках Свиногорского городища, произведенных в 1915 г. П. А. Пономаревым по поручению Общества естествоиспытателей при Казанском университете. Планы городища, сделанные П. А. Пономаревым, 1 фотоснимок и небольшая коллекция, состоящая из нескольких костяных и каменных предметов, а также из обломков глиняной посуды и костей животных, хранятся в Географическом кабинете Казанского университета им. В. И. Ленина.

К сожалению, ни один из упомянутых исследователей не оставил ни планов своих раскопок, ни разрезов слоя с культурными остатками

от впадения последней в Каму. Площадка городища имеет неправильную форму и вытянута с северо-северо-востока на юго-юго-запад. С западо-северо-запада и востоко-юго-востока она ограничена крутыми склонами оврагов, которые, сливаясь вместе за мысом городища, спускаются к пойме р. Вятки, а с северо-северо-востока — земляным валом дуговидной формы, который достигает высоты 2.5 м. Длина площадки 160 м, наибольшая ширина 31 м, высота площадки над поймой Вятки 25—30 м (рис. 1). На месте рва городища в настоящее время образовались небольшие овражки, но в 1877 г. во время раскопок Н. Савельева остатки рва еще были видны. О действительной глубине рва на основании имеющихся данных судить трудно, так как обычно рвы

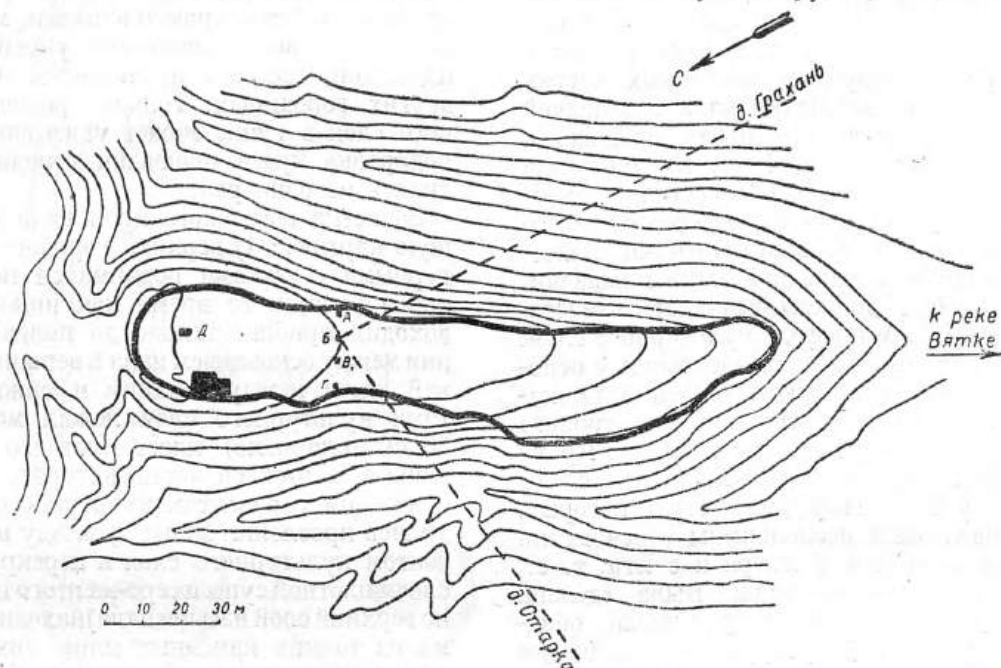

Рис. 1. План городища у дер. Свиные горы.

на площадке городища, поэтому большую часть материала из прежних раскопок изучаемого памятника приходится принимать во внимание лишь суммарно.

Последние раскопки Свиногорского городища были произведены Камско-Вятским отрядом экспедиции Московского антропологического института под руководством Б. С. Жукова в 1929 г.

Небольшая коллекция из этих рекогносцировочных раскопок, состоящая из металлических, костяных и каменных предметов, обломков глиняной посуды и костей животных, хранится в Гос. Музее антропологии в Москве (коллекция № 186 Археологического отдела).

II

Свиногорское городище расположено на высоком мысе левого берега р. Вятки, недалеко

древних городищ с течением времени сильно заплывают и правильное представление об их глубине можно получить лишь после учета данных профиля стенок раскопа, прорезающего ров в наиболее сохранившейся его части.

Склоны оврагов, ограничивающих площадку, очень круты и, поднимаясь на высоту около 30 м, делают городище неприступным с северо-запада и юго-востока. Правый склон порос травой, почти вся верхняя часть склона и скат против стрелки городища представляют собою обнаженную осыпь. Вешние воды, размывая площадку, разрушают ее края и вымывают из слоя с культурными остатками кости животных и обломки глиняной посуды. Площадка городища идет почти горизонтально от вала к оконечности на расстоянии около 100 м и затем сильно снижается к «стрелке». Более ровная часть площадки распаивается крестьянами с. Свиные Горы. В середине вала имеются небольшие ямы — следы старых раскопок.

¹ Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском унив., т. XXXIV, вып. 3—4, стр. 83—112.

При сравнении плана городища с планами, приведенными в работах А. А. Спицына и Л. И. Вараксиной, бросается в глаза большая разница в очертаниях площадки. А. А. Спицын в своей работе о костеносных городищах говорит, что, хотя Свиногорское городище в настоящем своем виде является самым большим из костеносных городищ, «можно предполагать, что оно оборвалось слева почти наполовину». На схематических планах, приведенных в обеих работах, площадка имеет треугольную форму. Очевидно, процесс разрушения памятника протекает очень интенсивно, и со времени раскопок А. А. Спицына площадка городища значительно изменилась и приобрела форму, зафиксированную на плане 1929 г. (рис. 1).

Раскопками 1929 г. была вскрыта небольшая площадь — всего около 60 кв. м. При этом были заложены ряды шурфов в различных частях городища, а около основания вала с западной стороны была вскрыта небольшая площадь в 52 кв. м (13 участков по 4 кв. м). Раскопки имели целью выяснить стратиграфию памятника. Уже при осмотре склонов городища было видно, что слой с культурными остатками является более мощным в западной части площадки. Шурфы А, Б, В, Г должны были дать представление о поперечном профиле культурного слоя. Шурф Д имел целью вскрыть наслоения у основания вала и, наконец, раскоп должен был показать расположение и содержание культурного слоя там, где он был наиболее мощным. Кроме того, в раскопе I была надежда обнаружить следы упомянутых у Ф. Д. Нефедова костыш, которые, по его словам, были расположены у основания треугольной площадки с севера и с юга, т. е., повидимому, у концов вала. Была сделана также зачистка восточного края вала, обнаженного в связи с общим разрушением площадки городища.

Стенки шурфов А—Д, заложенных поперек площадки городища на расстоянии 5 м один от другого, дали следующую картину расположения культурного слоя: под дерном толщиной в 4—5 см залегает слой плотной супеси серо-желтого цвета без культурных остатков толщиной от 5 до 29 см; ниже лежит слой с культурными остатками (единичные находки обломков глиняной посуды) — серая рыхлая супесь мощностью от 6 до 18 см; под ним лежит плотная желтая материковая глина. Повидимому, толщина слоя с культурными остатками на площадке городища вообще незначительна, как это можно было предполагать после осмотра обнажений, но прошурфовать площадку в продольном направлении не представлялось возможным, так как она была занята посевом.

В шурфе Д, около основания вала, наблюдалась более сложная картина чередования слоев. Под дерном лежал слой плотной серо-желтой супеси без культурных остатков; ниже шел культурный слой, который разделялся здесь на 2 ясно выраженных горизонта. Верхний горизонт

состоял из рыхлой супеси серого цвета, нижний — из более плотной супеси серо-коричневого цвета. Верхний горизонт слоя с культурными остатками непосредственно налегал на нижний. Последний подстилался материковой глиной. При этом следует отметить, что нижний горизонт слоя с культурными остатками был гораздо богаче находками, чем верхний. Такое же чередование слоев оказалось и в восточной части уч. 1—6 раскопа I, в то время как в западной части тех же участков, около склона городища, картина делалась еще более сложной. Между верхним и нижним горизонтами культурного слоя на склоне городища имеется довольно мощный слой плотной красной глины с тонкой прослойкой культурного слоя посередине. Слой плотной глины, утолщающийся к краю площадки, мог быть подсыпан для выравнивания и укрепления краев площадки, как это наблюдается на некоторых других городищах. Тонкая прослойка культурного слоя в глине может указывать на то, что подправка краев площадки городища производилась не один раз.

Зачистка восточного края вала дала следующую картину: 1) верхний горизонт слоя с культурными остатками поднимался почти до вершины вала, в то время как нижний горизонт доходил приблизительно до половины расстояния между основанием вала и вершиной; 2) в средней части между верхним и нижним горизонтами культурного слоя лежал мощный (около 50 см толщиной) пласт плотного желтого суглинка, в нижней части которого, на границе с нижним горизонтом культурного слоя, находились прослойки золы; 3) между верхним горизонтом культурного слоя и перекрывающим его слоем плотной супеси серо-желтого цвета (очевидно верхний слой насыпи вала) находилась прослойка из тонких каменных плит, доходящая примерно до половины внутреннего склона вала — повидимому, остатки каменной облицовки внутренней части вала, о которой писал Н. Савельев.

Во время раскопок не было обнаружено ни костыш, о которых писал Ф. Д. Нефедов, ни очагов, один из которых удалось открыть А. А. Спицыну на правом склоне городища, ни следов жилищ. Наиболее интересными моментами во время раскопок городища были следующие:

1. На уч. 9 раскопа I на глубине 0.70 м были обнаружены две небольшие ямы, наполненные раковинами; одна из них содержала створки раковины *Unio*, другая — створки сухопутной улитки. Первая яма имела неправильно-овальную форму и шла до глубины 0.80 м; длина ее около 0.48 м, наибольшая ширина 0.30 м. Эта яма находилась в северо-северо-восточной части участка. Вторая яма имела неправильно-округлую форму (диаметр ее около 0.30 м) и углублялась до 0.85 м. Эта яма была расположена у юго-западного угла участка, у края площадки городища, почти на склоне. Возможно, что раковины, найденные в этих ямах, были предназначены

для примеси в глину при изготовлении глиняной посуды. Думать, что здесь мы имеем дело только с кухонными отбросами, нет достаточных оснований, так как сухопутные улитки вряд ли употреблялись в пищу древним населением городища.

2. На уч. 11 раскопа I, ближе к западо-северо-западной стенке, на глубине 0.40 м было встречено скопление камней. Камни были самой разнообразной величины и формы и лежали довольно компактной массой неправильных очертаний, занимая в длину и ширину около 0.80—0.90 м. Среди них было два-три обломка от зернотерок; большинство имело следы шлифа. Вокруг этих камней не было зольных и углистых пятен,

то верхний горизонт был особенно беден содержанием, в том числе и обломками глиняной посуды. Поэтому в дальнейшем не будет дано отдельной характеристики находок из верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя, но при описании вещей будет отмечаться место их залегания.

В коллекции 1929 г. имеются 3 костяных наконечника стрел, 1 бронзовый и 2 железных. Костяные наконечники стрел принадлежат к двум типам.

* 1. Наконечник стрелы костяной, черешковый, в сечении ромбический, с выступающим с одной стороны зубцом, находящимся значительно выше начала уплощенного черешка. Конец острия

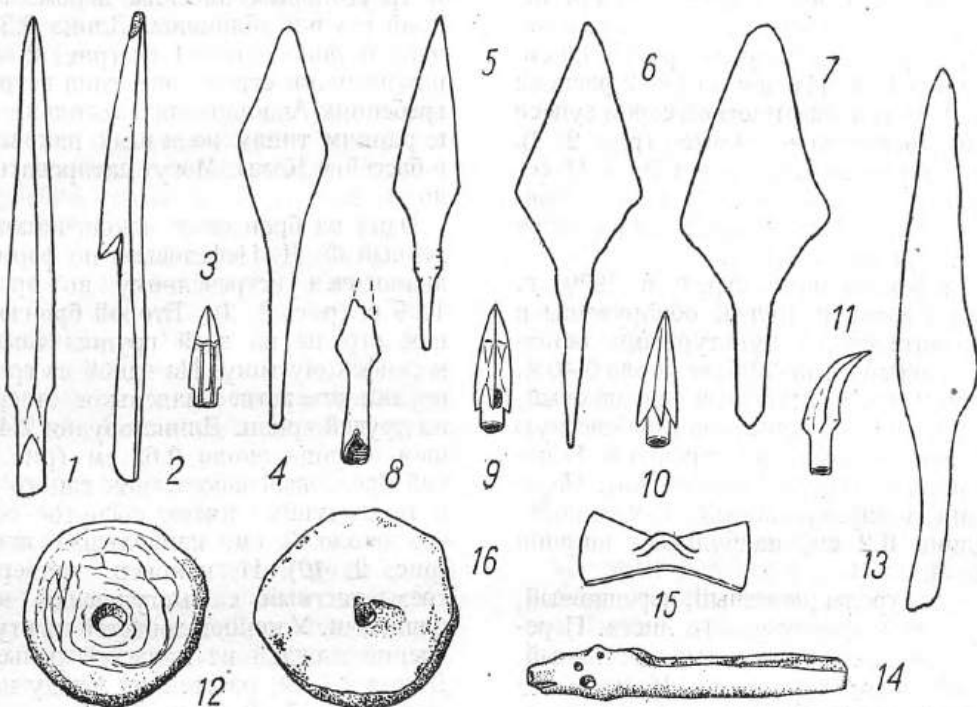

Рис. 2. Свиногорское городище.

1—16—изделия из кости, железа, бронзы и глины. ($\frac{2}{3}$ нат. вел.)

скоплений обломков глиняной посуды и костей животных — вообще никаких признаков очага. Возможно, что эти камни служили для обработки костяных орудий, но никаких ярких признаков этой работы в виде желобков от заточки острий наконечников стрел и игл не наблюдалось.

III

Переходя к характеристике коллекции, собранной во время раскопок 1929 г., прежде всего следует отметить, что она очень невелика и состоит, главным образом, из обломков глиняной посуды и костей животных. Благодаря такому сравнительно небольшому количеству материала трудно дать отдельное описание комплексов находок из верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя. Если в нижнем горизонте все же было сделано некоторое количество находок,

обломан. Орудие хорошо заполировано, но по всей поверхности покрыто небольшими трещинами и царапинами. Длина 9.5 см, наибольшая ширина 1.3 см. Найден в уч. 4 раскопа I, в нижнем горизонте культурного слоя (рис. 2, 1). Такого типа наконечник стрелы известен из нижнего культурного слоя Пижемского городища, относящегося к ананьинскому времени.

2. Наконечник стрелы костяной, черешковый. Поперечное сечение имеет вид треугольника. На месте одной из боковых граней имеется углубление в виде канавки (на месте губчатого вещества кости). Массивный черешок уплощен, нижний край его обломан. Длина 9.8 см, наибольшая ширина боковых граней 1.2 и 0.9 см. Найден в уч. 7 раскопа I, на глубине 0.30 м, в верхнем горизонте культурного слоя (рис. 2, 2).

Часть такого же наконечника стрелы найдена в уч. 4 раскопа I, на глубине около 0.60 м,

на границе верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя.

Такого типа наконечники широко распространены. Один из них найден Ф. Д. Нефедовым во время раскопок Котловского могильника, другой такой же найден А. А. Спицыным на Свиногорском городище.

Бронзовый наконечник стрелы относится к изделиям скифского типа. Это очень миниатюрный трехгранный наконечник с выступающей вниз широкой втулкой. На середине граней, начиная от края втулки и до половины высоты наконечника, идут рельефные полосы, суживающиеся кверху, где имеются рельефные поперечные полосы. На середине одной из граней находится довольно большое круглое отверстие, представляющее собой, повидимому, дефект литья. Длина 1.9 см, наибольшая ширина граней 0.6 см, диаметр втулки 0.4 см. Найден на уч. 2 раскопа I, на глубине 0.20 м, в слое плотной серой супеси без культурных остатков — в смыве (рис. 2, 3). Такой же наконечник стрелы найден Ф. Д. Нефедовым во время раскопок Свиногорского городища в яме-кострище. Наконечники таких типов относятся к V—II вв. до н. э.

Железных наконечников стрел в 1929 г. найдено 2 экз.; и тот и другой обнаружены в верхнем горизонте слоя с культурными остатками на уч. 12 раскопа I на глубине около 0.40 м.

1. Наконечник стрелы железный, черешковый, плоский. Перо имеет удлиненно-ромбическую форму и постепенно сливается с черешком. Боковые стороны пера не совсем симметричны. Черешок в сечении четырехугольный. Сохранность хорошая. Длина 8.2 см, наибольшая ширина 2 см (рис. 2, 4).

2. Наконечник стрелы железный, черешковый, плоский. Перо имеет форму узкого листа. Переход к черешку — массивный четырехугольный. Черешок также четырехугольный. Кончик острия пера чуть согнут. Сохранность хорошая. Длина 6.9 см, наибольшая ширина 2.5 см (рис. 2, 5).

Железные наконечники стрел обоих типов очень широко распространены. Они встречаются как в бассейне р. Камы, так и в других районах и бытуют в течение нескольких столетий. Но раньше середины I тысячелетия н. э. такие типы неизвестны.

В описании коллекции из раскопок Свиногорского городища А. А. Спицын упоминает о находке 6 костяных и одного кремневого наконечника стрел. Последний к сожалению утерян. Из костяных наконечников в фондах Гос. Исторического музея хранится 3 экз. Один из них — трехгранный, уже описан выше; второй — черешковый, имеет овальное в сечении плоское перо. Длина около 12 см, наибольшая ширина около 1.4 см. Третий наконечник того же типа, что и второй, имеет ромбическое сечение и несколько меньшие размеры.

Ф. Д. Нефедов, во время раскопок площадки городища, нашел 2 железных наконечника стрел

и в костяшках 1 железный и 4 бронзовых наконечника. Железные наконечники стрел, найденные на площадке городища, принадлежат к одному типу и относятся, повидимому, к верхнему горизонту слоя с культурными остатками. Оба они плоские, черешковые, ромбической формы с массивным черешком. У одного из них черешок более широкий, у другого к концу суживается. Длина их 8.6 и 8 см, наибольшая ширина около 3.5 и 4 см (рис. 2, 6—7).

Особый интерес представляют наконечники стрел, найденные Ф. Д. Нефедовым в «костяшках», принадлежащие, повидимому, к нижнему горизонту слоя с культурными остатками. Один из них железный втульчатый с длинной втулкой и треугольным плоским пером. Конеч пера и край втулки обломаны. Длина 3.3 см, наибольшая ширина около 1 см (рис. 2, 8). Железные наконечники стрел этого типа встречаются в погребениях Ананьинского могильника и относятся к ранним типам железных наконечников стрел в бассейне Камы. Могут датироваться IV—II вв. до н. э.

Один из бронзовых наконечников стрел, найденный Ф. Д. Нефедовым, по форме и размерам аналогичен встреченному во время раскопок 1929 г. (рис. 2, 3). Второй бронзовый наконечник стрелы из этой группы также относится к скифскому типу. На одной из граней у начала втулки отверстие; маленькое отверстие имеется на другой грани. Длина орудия 2.4 см, наибольшая ширина около 0.65 см (рис. 2, 9). Третий бронзовый наконечник такого же типа, как и предыдущие, имеет согнутое острие. Длина его около 3 см, наибольшая ширина 0.8 см (рис. 2, 10). И, наконец, четвертый — также трехлопастный с выступающей вниз втулкой и шипами. У концов лопастей на втулке и в углублении каждой из лопастей рельефные линии. Длина 2.4 см, расстояние между концами лопастей около 1 см (рис. 2, 11).

Все бронзовые наконечники стрел из раскопок Ф. Д. Нефедова могут сосуществовать и относиться к тому же времени, что и железный втульчатый наконечник стрелы, т. е. к IV—II вв. до н. э. Наконец, в коллекции из раскопок П. А. Пономарева имеется 1 костяной наконечник. Следовательно, всего со Свиногорского городища известно 10 костяных, 5 бронзовых, 3 железных и 1 кремневый наконечник стрелы.

В коллекции из раскопок 1929 г. имеется несколько предметов, характеризующих занятия древних обитателей городища земледелием. Это — 2 целых и 2 обломанных зернотерки, сделанные из известняка. Одна из них представляет собой небольшую, довольно массивную плиту неправильно-овальной формы. Длина около 20 см, ширина 12 см, толщина около 3 см. Вторая зернотерка — верхний камень подтрапцевидной формы с округлыми углами. Длина около 11 см, ширина около 10 см, толщина в середине около 3 см, у края тоньше. Один из обломков является частью большой зернотерки

из раковистого известняка с вогнутой внутренней поверхностью. Ширина целой зернотерки около 20 см. Второй обломок — небольшого размера, из того же материала. Ручные зернотерки часто встречаются среди находок на древних городищах бассейна Камы. А. А. Спицын, перечисляя предметы, найденные на Свиногорском городище, упоминает «большой жорнов». Л. И. Вараксина, описывая коллекцию, собранную там же П. А. Пономаревым, в числе других находок называет ручные жернова. Но и без этих предметов занятие древних обитателей городища земледелием не может вызывать сомнений. Самая форма оседлости этой эпохи — поселения, расположенные на высоких берегах рек, сменявшие поселения поздней бронзы, расположенные в пойме рек, чаще всего на дюнах, — дает нам указания на существование земледелия.

А. А. Спицын в вышеупомянутой работе о костеносных городищах пишет, что при исследовании правого склона Свиногорского городища было найдено много костей животных — лошади, кабана, бобра, куницы, а больше всего свиньи и медвежьи. В отчете Ф. Д. Нефедова о раскопках на Свиногорском городище говорится, что в северном и южном углах площадки были открыты большие ямы, четыре из которых оказались «костищами». Много ли было в этих ямах костей животных и каких именно — в отчете не указано. Известно также, что в коллекции из раскопок П. А. Пономарева имеются кости животных.

Костный материал имеется и в коллекции из раскопок 1929 г.¹ Он состоит из двух групп — костей домашних и диких животных. Соотношение этих групп позволяет судить о роли охоты и скотоводства в хозяйстве древнего населения городища и о характере их. При этом следует указать, что материал пришлось разделить на 3 части: 1) из нижнего горизонта слоя с культурными остатками, 2) из верхнего горизонта культурного слоя и 3) смешанный материал. Из домашних животных на первом месте по количеству костей стоит домашняя свинья примитивной (очевидно местной) породы (403 кости от 36 особей, преимущественно молодых животных), на втором — лошадь (135 костей от 15—17 особей), на третьем — крупный рогатый скот (38 костей от 9 особей) и, наконец, мелкий рогатый скот (всего 10 костей от 3 особей). Из диких животных были найдены кости лоса (6 костей от 2 особей), косули (1 кость), северного оленя (1 кость), медведя (3 кости от 2 особей), лисицы (29 костей от 10 особей), куницы (4 кости от 4 особей), выдры (5 костей от 2 особей), бобра (8 костей от 3 особей), зайца (2 кости от 1 особи), хомяка (5 костей от 3 особей) и крысы (1 кость). Из приведенных цифр видно, что костей диких животных значительно меньше и, следовательно, скотоводство превалировало над охотой в хозяй-

стве обитателей поселения. Посмотрим, как распределяются кости животных по горизонтам слоя с культурными остатками и при этом примем во внимание, что верхний горизонт культурного слоя был гораздо беднее находками и дал значительно меньше костного материала, чем нижний горизонт. Наиболее важны данные по нижнему горизонту культурного слоя, так как они характеризуют хозяйство наиболее древнего населения городища. Чтобы облегчить сравнение, цифры будут приводиться параллельно. По количеству домашних животных имеются следующие данные. Костей свиньи в нижнем горизонте культурного слоя 240 (от 20 особей), в верхнем — 117 (от 13 особей), костей лошади в нижнем горизонте 76 (от 12 особей), в верхнем — 35 (от 4 особей); костей крупного рогатого скота в нижнем горизонте 22 (от 7 особей), в верхнем — 10 (от 2 особей) и, наконец, костей мелкого рогатого скота в нижнем горизонте 3 (от 1 особи), в верхнем — 7 (от 2 особей). По количеству костей диких животных имеются следующие данные: в нижнем горизонте слоя с культурными остатками костей лоса 1 (от 1 особи), в верхнем — 2 (от 1 особи). Кости косули, северного оленя, выдры, зайца и медведя найдены в нижнем горизонте культурного слоя (кости медведя в смешанном материале). Костей лисицы в нижнем горизонте 22 (от 7 особей), в верхнем — 6 (от 2 особей). Костей куницы в нижнем горизонте 2 (от 2 особей), в верхнем то же количество. Костей бобра в нижнем горизонте 6 (от 2 особей), в верхнем — 2 (от 1 особи). Кости грызунов — хомяка и крысы — относятся, по видимому, к более позднему времени.

Из этих данных и нижеследующей таблицы можно сделать такие выводы. Скотоводство преобладало над охотой с самого начала существования поселения. Больше всего развито было свиноводство, на втором месте стояло коневодство, на третьем — разведение крупного рогатого скота. Количество мелкого рогатого скота увеличивается в более позднее время. Данные о видах и количестве костей диких животных очень ясно обрисовывают характер охоты и роль ее в хозяйстве древнего населения городища: охота с самого начала существования поселка и до конца имела главной целью не добывание мяса как продукта питания, а добычу пушнины — основного продукта обмена. Поэтому мы можем характеризовать хозяйство обитателей городища, в частности, как хозяйство с развитым обменом. Прямых указаний на занятие древних обитателей городища рыболовством в коллекции из раскопок 1929 г. не имеется, но А. А. Спицын, описывая свои находки, упоминает о наличии среди собранного им материала костяной вязальной иглы, которая служила, очевидно, для плетения рыболовных сетей, и костяной удочки. В коллекции из раскопок П. А. Пономарева имеется несколько заостренных костей, которые также могли употребляться для вязания рыболовных сетей. Костяные рыболов-

¹ Определение костного материала было сделано М. Н. Серебрянниковой.

Таблица 1

Сводка по костному материалу

Наименование животных	Общее количество костей	Нижний горизонт культурного слоя	Верхний горизонт культурного слоя	Смешанный слой
Свинья	403 кости (36 особей)	240 костей (20 особей)	117 костей (13 особей)	46 костей (3 особи)
Лошадь	135 костей (15—17 особей)	76 костей (12 особей)	35 костей (4 особи)	24 кости (1 особь)
Крупный рогатый скот	38 костей (9 особей)	22 кости (7 особей)	10 костей (2 особи)	6 костей
Мелкий рогатый скот	10 костей (3 особи)	3 кости (1 особь)	7 костей (2 особи)	—
Лось	6 костей (2 особи)	1 кость	2 кости (1 особь)	3 кости
Северный олень	1 кость	1 кость	—	—
Косуля	1 кость	1 кость	—	—
Медведь	3 кости (2 особи)	2 кости (2 особи)	—	1 кость
Лисица	29 костей (10 особей)	22 кости (7 особей)	6 костей (2 особи)	1 кость
Куница	4 кости (4 особи)	2 кости (2 особи)	2 кости (2 особи)	—
Выдра	5 костей (2 особи)	5 костей (2 особи)	—	—
Бобр	8 костей (3 особи)	6 костей (2 особи)	2 кости (1 особь)	—
Заяц	2 кости (1 особь)	2 кости (1 особь)	—	—

ные крючки, иглы для плетения сетей, костяные части острог — обычные находки при раскопках древних поселений, городищ и селищ бассейна Камы, которые дают неопровержимые свидетельства о том, что рыболовство, утратив значение одной из ведущих отраслей труда, все же сохранило значительную роль в хозяйстве древнего населения городищ.

Створки раковин *Unio*, наполнявшие небольшую яму на уч. 9 раскопа I, подробно описанную выше, могут указывать на один из видов собирательства, которое до сих пор широко развито у обитателей лесного края (собирают грибы, ягоды, орехи и пр.) и должно было занимать известное место в хозяйстве древних обитателей городища.

В коллекции из раскопок 1929 г. имеются очень скудные данные, свидетельствующие о местной обработке металла, именно меди или бронзы. При разборке нижнего горизонта слоя с культурными остатками на уч. 1 раскопа I на глубине 0.64 м был найден обломок глиняного массивного, сильно оплавленного плоскодонного тигля.

Об умении обрабатывать растительное волокно или шерсть, а может быть и то и другое, в материале из раскопок 1929 г. говорит лишь глиняное пряслице, найденное на уч. 13 раскопа I. Это — массивное, круглое прясло с отверстием в центре. С одной стороны оно украшено резным орнаментом из неправильных концентрических кругов и изогнутых линий, образующих узор, несколько напоминающий лепестки цветка. Обратная сторона гладкая, местами сбита, переход к боковым граням округлый. Диаметр

3.4 см, толщина 1.2 см, диаметр отверстия 0.8 см (рис. 2, 12).

Находки пряслиц из камня, кости и глины весьма обычны для многих городищ бассейна Камы. Иногда на них встречается очень интересный орнамент в виде головок животных или фигуры дракона. В упомянутой выше работе А. А. Спицына описаны 3 пряслища со Свиногорского городища — из глины, из мергеля и из мела, 2 последних орнаментированы. В коллекции из раскопок П. А. Пономарева имеются «кружки из глины» — вероятно пряслища.

Из предметов труда и быта среди материала раскопок 1929 г. имеются еще следующие вещи.

1. Нож железный однолезвийный со слегка дуговидным лезвием и длинным черешком, хорошей сохранности. Длина 11.2 см, наибольшая ширина лезвия 1.8 см. Найден на уч. 9 раскопа I в нижнем горизонте культурного слоя (рис. 2, 13). Один железный нож был найден А. А. Спицыным во время раскопок правого склона городища; 2 железных ножа имеются в коллекции, собранной Ф. Д. Нефедовым. Железные ножи такого типа встречаются в памятниках ананьинской эпохи, начиная с самых ранних и кончая более поздними.

2. Острие костяное, сделанное из небольшой кости животного. Нижняя часть обломана. Длина 7.6 см, наибольшая ширина 0.8 см. Найдено на уч. 13 раскопа I.

3. Проколка костяная тонкая из небольшой узкой, плоской на конце кости животного. Длина 8.5 см, ширина около 0.5 см.

4. Особый интерес представляет часть костяного предмета, повидимому небольшой ручки

от металлического орудия, с головкой животного, скорее всего медведя, на конце. Глаза животного даны двумя круглыми ямками, уши — двумя выступами с такими же ямками по бокам; раскрытая пасть показана двумя неглубокими треугольными углублениями с плоским дном; ноздри — двумя ямками, из которых одна едва заметна. Рельеф черепа выражен очень хорошо. На середине нижней челюсти находится сквозное круглое отверстие диаметром около 3,5 мм, видимо служившее для продевания шнура или ремня. Вся поверхность кости хорошо заполирована и лишь местами (под нижней челюстью) можно наблюдать следы срезов. Длина ручки 6,3 см, длина головки 1,6 см. Найдена на уч. 1 раскопа I на глубине 0,64 м в нижнем горизонте слоя с культурными остатками (рис. 2, 14).

Из коллекции, собранной А. А. Спицыным, имеются: 2 костяных шила, 1 костяной нож, 5 маленьких ножиц, несколько костяных лопаточек, обломок костяного молота, костяная рукоятка небольшого ножа, костяной свисток, птичья кость в виде свистка, гусиная кость с отверстием посередине и собачьей головкой на конце (эта вещь утеряна), медная пластинка, лопаточка со втулкой и фаланга медведя с просверленным отверстием. В коллекции, хранящейся в Гос. Историческом музее, имеются еще некоторые не описанные А. А. Спицыным предметы — небольшая каменная терка-пест, привеска из куска черепной кости, кремневое орудие и привеска из небольшой просверленной фаланги животного. Среди материала из раскопок Ф. Д. Нефедова имеются небольшие куски листовой бронзы и каменный молоток с желобком для привязывания. В коллекции, собранной П. А. Пономаревым, находятся одно костяное шило и клин из песчаника.

Среди материала из раскопок А. А. Спицына интересны привески из просверленных фаланг медведя и из черепной кости. Эти предметы имели магическое значение и употреблялись в качестве амулетов. Здесь мы имеем дело с одной из деталей, характеризующей религиозные представления населения древних поселений бассейна Камы. С этой точки зрения чрезвычайный интерес представляют костища, открытые Ф. Д. Нефедовым в северном и южном углах площади Свиногорского городища, так как этим именем называют в Прикамье жертвенные места, где находятся большие скопления костей животных, принесенных в жертву, и среди них различные предметы. Но известные до сих пор костища в бассейне Камы (Гляденовское, Усть-туйское, Гаревское и др.) относятся к более поздней эпохе, чем эпоха Свиногорского городища. К сожалению, в опубликованных отчете и дневнике Ф. Д. Нефедова нет никаких подробностей об открытых им костищах.

К предметам, связанным с одеждой, в коллекции из раскопок 1929 г. относятся следующие: бронзовая бляшка, 2 глиняных пуговицы и 1 обломок такой же пуговицы. Плоская бронзо-

вая бляшка имеет вид удлиненного четырехугольника с вогнутыми длинными сторонами. На обратной стороне петля для прикрепления. Углы слегка закруглены. Длина 2,4 см, ширина 1,8 см (рис. 2, 15). Найдена на уч. 1 раскопа I в нижнем горизонте слоя с культурными остатками.

Округлая глиняная пуговица сделана из слегка выпуклой стенки глиняного сосуда с примесью раковины в глине. Лицевая сторона, более гладкая, сохранила следы заглаживания при помощи мокрой тряпки или кожи, а также отдельные полосы лощения, на обратной стороне следы заглаживания зубчатым штампом. Диаметр около 4 см, толщина 0,4 см, диаметр отверстия 0,3 см (рис. 2, 16). Найдена на уч. 4 раскопа I в верхнем горизонте культурного слоя. Другая такая же пуговица из обломка стенки глиняного сосуда имеет несколько меньшие размеры и менее правильную форму. Диаметр около 3 см, толщина около 0,6 см.

Описывая коллекцию, собранную во время раскопок Свиногорского городища, Ф. Д. Нефедов упоминает, что им найдена в костищах бронзовая пуговица с петлей на обратной стороне. Но она отсутствует в коллекции, хранящейся в Гос. Музее антропологии, где вместо нее имеется бляшка, состоящая из трех бронзовых плоских колец с петлей наверху.

Остается упомянуть еще об одной находке экспедиции 1929 г. (из смешанного материала). Это — кусок обожженной глины овальной формы с выступом (следы облома) с одного бока. Одна из поверхностей плоская, другая слегка вогнутая. Край кругом (за исключением выступа) обрамлен полосой, напоминающей отпечаток плоского металлического предмета. Длина 5 см, ширина около 4 см, толщина около 1,5 см.

Обломки глиняной посуды имеются во всех трех коллекциях из раскопок Свиногорского городища, но материал П. А. Пономарева (39 обломков сосудов), находящийся в Казани, не был отдельно описан в работе Л. И. Вараксиной и поэтому не мог быть включен в настоящую статью. В коллекциях же, собранных А. А. Спицыным и Ф. Д. Нефедовым, хранящихся в Москве, имеется лишь по несколько обломков глиняных сосудов. Поэтому в дальнейшем изложении будет описан лишь керамический материал из раскопок 1929 г.

Удалось выделить всего 102 сосуда: 20 из верхнего горизонта слоя с культурными остатками, 53 из нижнего горизонта и 29 из смешанного материала. Следует отметить, что верхний горизонт культурного слоя был очень беден находками вообще, в том числе и обломками глиняной посуды, причем фрагменты сосудов, встречающиеся в нем, в большинстве случаев очень мелки и не дают возможности судить о форме и величине сосуда. Нижний горизонт культурного слоя более насыщен остатками материальной культуры, и среди фрагментов глиняной посуды иногда встречались довольно

крупные. Необходимо отметить также, что скопления обломков от одного сосуда не встречались, и хотя при склейке удалось восстановить довольно большие части сосудов, ни одного из них нельзя было реставрировать целиком.

Все сосуды были сделаны от руки, ленточной техникой (встречаются характерные для этой техники изломы) и, повидимому, все имели круглое или слегка уплощенное дно. Во всяком случае из всей массы обломков глиняной посуды из раскопок Свиногорского городища не уда-

Преобладающей формой сосудов древних городищ бассейна Камы является более или менее низкая чашка с шаровидным или уплощенным дном. Сосуды такой формы имеются среди инвентаря погребений Котловского и Ананьинского могильников, наиболее древних памятников эпохи раннего железа в Прикамье, и бытуют в этом районе в течение очень долгого периода времени.

Одним из характерных признаков глиняной посуды древних городищ бассейна Камы является присутствие на шейке сосудов выпуклого

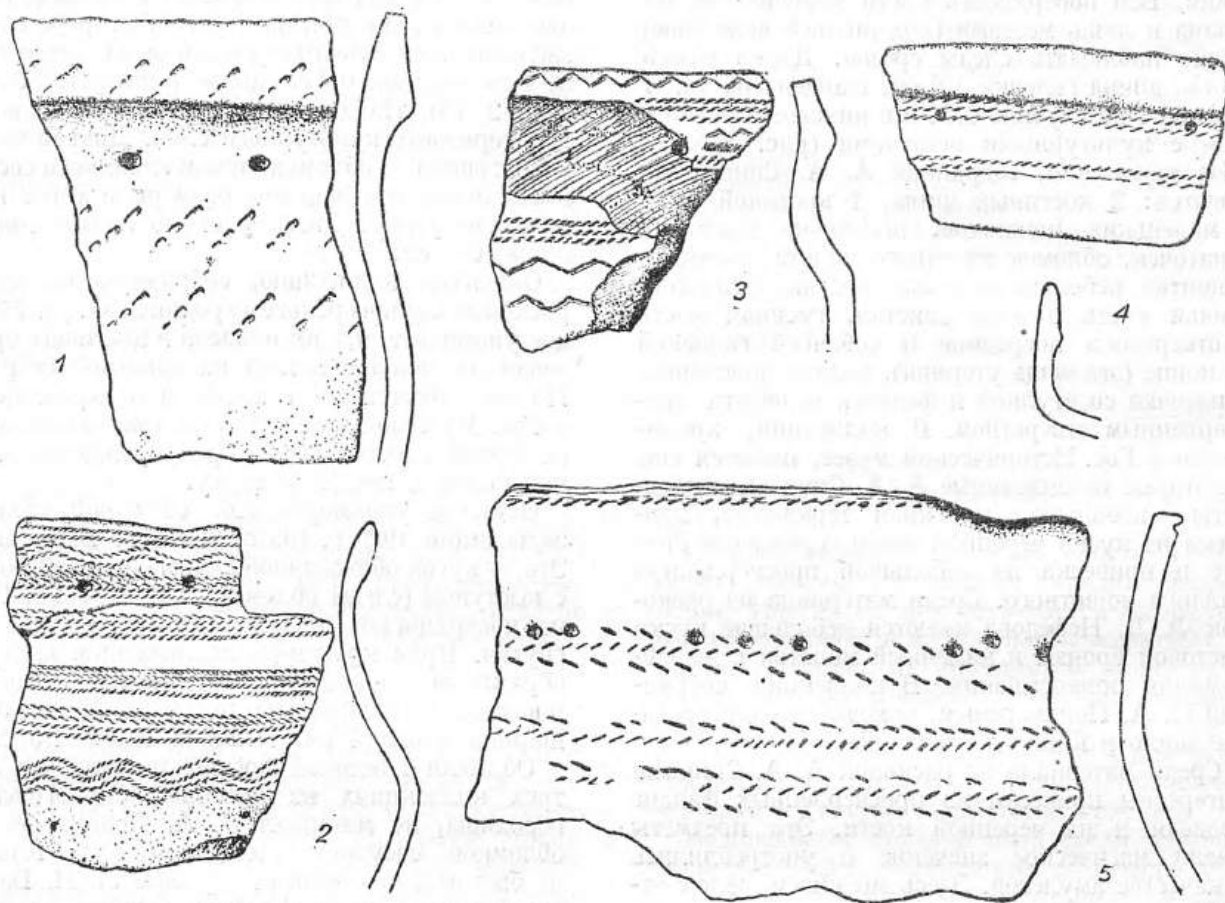

Рис. 3. Свиногорское городище.

1—5—керамика ($1\frac{1}{2}$ нат. вел.).

лось выделить ни одного фрагмента, который без сомнения можно было бы назвать дном сосуда; следовательно, днища имели тот же изгиб, как и боковые стенки, и отличались от них иногда может быть лишь большей толщиной. Среди обломков керамики встречаются изредка очень толстостенные. Вся глиняная посуда содержит примесь толченой раковины в глине. Обработка поверхности сосудов, как внутренней, так и внешней, производилась при помощи сглаживания мокрой тряпкой или кожей и лишь в одном случае внутренняя поверхность сосуда из нижнего горизонта культурного слоя была заглажена при помощи гребенчатого штампа (обломки этого сосуда имеют орнамент, нанесенный тем же штампом).

валика-воротничка. Около 65% сосудов из раскопок Свиногорского городища имеют такой «воротничок».

Из 102 сосудов 99 орнаментированы. Орнамент состоит из ямочных, гребенчатых и шнуровых вдавлений и в очень редких случаях (на 2 сосудах) прочерчен острым предметом. Кроме того, в нижнем горизонте слоя с культурными остатками найдены обломки сосуда с рельефным орнаментом. Орнамент расположен исключительно в верхних частях сосудов, образуя горизонтальные, изредка косые пояски вокруг шейки и в верхней части плечиков (лишь в одном случае на плечиках сосуда находились вертикальные полосы гребенчатых вдавлений). Преобладающим орнаментом является сочетание ямочных

и шнуровых вдавлений (ок. 37%), затем — сочетание ямочных, шнуровых и гребенчатых отпечатков (ок. 7%), еще реже — сочетания шнура и гребенки (ок. 5%) и совсем редко наблюдается орнамент, состоящий из отпечатков гребенчатого штампа (ок. 2%).

Узоры, нанесенные ямочным и гребенчатым штампом, а также при помощи шнуровых вдавлений, характерны для древних городищ Прикамья; иногда одинаковые узоры встречаются на довольно удаленных территориально местах древних поселений. Число узоров, нанесенных острым предметом, обычно значительно меньше других видов орнамента, а в некоторых случаях встречается почти как исключение.

Формы глиняных сосудов, которые можно установить в нижнем горизонте слоя с культурными остатками, следующие:

1. Сосуды с круглым или слегка уплощенным дном, прямой или слегка отогнутой шейкой средней высоты и прямым венчиком. Переход от шейки к стенке плавный, стенки округло-выпуклые. Наибольшая ширина приходится в верхней части сосудов (рис. 3, 1). Величина посуды этого типа различна. Для большинства сосудов этого типа характерен «воротничок». Посуда такой формы встречается в коллекции из раскопок Галкинского и Пижемского городищ.

2. Сосуды этого типа отличаются от первого в основном тем, что их наибольшая ширина находится примерно посередине, почему, не имея оснований говорить об иной форме дна, приходится считать их более высокими (рис. 3, 2). Особым вариантом этого типа являются сосуды с довольно резким переходом от шейки к стенке, причем ниже прямой шейки стенки прогибаются и затем уже расширяются (рис. 3, 3). Для большей части сосудов такой формы характерен «воротничок». Такая посуда также встречается в коллекциях с вышеупомянутых городищ.

3. К этому типу принадлежат сосуды с прямой или слегка отогнутой шейкой и круглым дном. Переход от шейки к стенке очень резкий, стенки сразу сильно расширяются, образуя форму, близкую к шару (рис. 3, 4). Посуда этого типа хорошо представлена в коллекции из раскопок Галкинского городища, более раннего, и совсем отсутствует среди материала с Пижемского городища, более позднего.

4. Сосуды без выпуклого валика на шейке с длинной прямой или слегка отогнутой шейкой и очень плавным переходом от шейки к стенке и округлым дном (рис. 3, 5). Такая форма посуды отсутствует в коллекции из раскопок Галкинского городища и очень неясно выражена в коллекции с Пижемского городища.

В верхнем горизонте слоя с культурными остатками встречаются те же формы, что и в нижнем горизонте за исключением шаровидной (форма 3). Кроме того, в верхнем горизонте имеется маленький обломок шейки небольшого сосуда без орнамента с загнутыми внутрь краями.

Попытаемся проследить различие между гли-

няной посудой из верхнего и нижнего горизонтов культурного слоя. По составу глины и обработке поверхности сосудов, так же как и по технике их изготовления, она совершенно не различается. Однако в верхнем горизонте, несмотря на то, что он содержит остатки лишь 20 сосудов, имеются обломки шеек 3 сосудов без орнамента (15%), тогда как среди фрагментов 53 сосудов из нижнего горизонта нет ни одного обломка шейки неорнаментированного сосуда. Второй чертой различия является отсутствие в верхнем горизонте культурного слоя сосудов шарообразной формы, которая в нижнем слое представлена обломками трех сосудов. Эта разница является весьма показательной. Круглодонные сосуды, по форме близкие к шару, имеются в коллекциях из раскопок некоторых ранних городищ (напр. Галкинского) и не встречаются в более поздние эпохи (они отсутствуют в коллекциях с Пижемского городища). Количество неорнаментированной посуды (не считая очень маленьких чашечек) в ранних городищах бассейна Камы и Ветлуги ничтожно, тогда как в более поздних оно дает значительный процент. Среди материала с ранних городищ не встречаются формы сосудов с загнутыми внутрь краями (такая посуда типична для гляденовской эпохи). Если мы продолжим сравнение и посмотрим, как распределяются сочетания элементов орнамента, то увидим, что из 20 сосудов, относящихся к верхнему горизонту культурного слоя, 10 (50%) орнаментировано ямочными и шнуровыми вдавлениями, тогда как сочетания ямки, гребенки и шнура имеются лишь на 2 сосудах (10%). В нижнем горизонте слоя с культурными остатками мы получим 17 сосудов, орнаментированных ямкой и шнуром (32%), а узорами, состоящими из сочетания ямки, гребенки и шнура, — 11 сосудов (20%). Узоры из различных комбинаций ямочных и гребенчатых вдавлений отсутствуют в верхнем горизонте культурного слоя, тогда как в нижнем горизонте они составляют 13% (встречаются на 7 сосудах). Таким образом мы можем констатировать, что узоры на посуде из нижнего горизонта слоя с культурными остатками более сложны.

Анализ комплекса глиняной посуды из раскопок 1929 г., главным образом изучение материала из нижнего горизонта культурного слоя, позволяет считать, что Свиногорское городище относится к более позднему периоду, чем Галкинское, и к более раннему, чем Пижемское, и что его нижний горизонт относится ко второй половине ананьинской эпохи. Для датировки верхнего горизонта культурного слоя достаточных оснований не имеется. Наличие обломка шейки сосуда, с загнутыми внутрь краями, не может служить достаточной основой для определения времени существования городища, так как такая посуда может встретиться в более поздние эпохи. Базой для датировки нижнего горизонта культурного слоя являются бронзовая бляшка и бронзовый наконечник стрелы из раскопок 1929 г. и брон-

зовые и железные наконечники стрел из раскопок Ф. Д. Нефедова, которые, как было указано выше, можно отнести к IV—II вв. до н. э., т. е. ко второй половине ананьинской эпохи. Гораздо меньше оснований для датировки верхнего горизонта культурного слоя. Здесь датирующими предметами могут служить лишь железные наконечники стрел из раскопок 1929 г. и железные наконечники стрел из раскопок Ф. Д. Нефедова на площадке городища. Но такие наконечники стрел имеют очень большое распространение во времени, так что возможно, взяв наиболее раннюю дату их существования (VII—VIII вв.), установить, что верхний горизонт слоя с культурными остатками относится ко времени не раньше VII—VIII вв. К этому же времени относится и конец существования городища.

Все эти выводы следует принять с той существенной оговоркой, что они построены на изучении небольшого материала, полученного из рекогносцировочных раскопок экспедиции Антропологического института 1929 г., из раскопок А. А. Спицына на склоне городища, где весь материал неизбежно был перемешан, и из раскопок Ф. Д. Нефедова, который выделил лишь комплексы находок из кострищ и с площадки городища. Для получения исчерпывающего материала необходимы более серьезные раскопки памятника.

Тем не менее выводы, полученные в настоящей статье, позволяют считать, что Свиногорское городище возникло около IV в. до н. э. и ранние фазы его существования относятся к ананьинской эпохе. Так как нижний горизонт слоя с культурными остатками является более мощным и более насыщенным находками, можно думать, что ананьинская эпоха — время наибольшего расцвета памятника. Правда, этот вывод следует также принять с оговоркой, так как площадка городища в течение долгого времени расхищается местным населением, и это могло наиболее сильно разрушить верхний горизонт культурного слоя.

Кроме того, полученные выводы позволяют поставить Свиногорское городище в хронологический ряд укрепленных поселений бассейна Камы. В этом ряду оно займет среднее место между более ранним Галкинским городищем и более поздним — Пижемским, относящимся, по видимому, уже к гляденовско-пьяноборской эпохе. Установление хронологической последовательности существования ряда определенной категории памятников чрезвычайно важно, так как оно должно дать картину развития общества на определенной территории в определенную эпоху — небольшой отрезок общего исторического процесса.

A. ZBRUEVA

LE GORODISTCHÉ DE SVINYE GORY

(Résumé)

Sur la rive gauche de la Viatka, près du village de Svinje Gory (canton de Celny de la République Tatare) se trouve un gorodistché de l'époque d'Ananino connu depuis 1877. Ce monument a été étudié par M. Saveljev et A. Spicyn, F. Nefedov et P. Ponomarev.

De petites fouilles y ont été effectuées en 1929 par une mission archéologique envoyée par l'Institut Anthropologique de la 1re Université de Moscou. On a exploré à l'aide de tranchées et de puits différentes parties du terre-plein sur lequel s'étend une couche archéologique d'une

puissance insignifiante. On n'a pas rencontré de restes d'habitations.

Outre la céramique caractéristique on a découvert des pointes de flèches diverses: en os, en fer et en bronze, entre autre de type scythique, un couteau en fer, une quenouille, une rondelle en bronze et un manche en os orné d'une tête d'ours sculptée. On a trouvé aussi des meules à main pour le grain qui témoignent de l'existence de l'agriculture et de nombreux ossements d'animaux qui indiquent que les habitants du gorodistché pratiquaient la chasse et l'élevage.

Н. А. ПРОКОШЕВ

СЕЛИЩЕ У ДЕР. ТУРБИНО

I

На берегу Камы против устья р. Чусовой в Молотовской обл. расположена небольшая деревня Турбино. Она известна в археологической литературе благодаря значительному числу древних предметов, обнаруженных в самой деревне и ее ближайших окрестностях в разное время, начиная с 1890 г. В 1924—1927 и 1934—1935 гг. здесь были произведены раскопки, которые дали находки, одновременно весьма заинтересовавшие исследователей и поставившие их в затруднение. На одном из мысов Турбинского оврага, называемом «Шустовой горой», залегал слой, содержащий культурные остатки из камня, меди, бронзы, глины (посуда) и других материалов. Здесь же были обнаружены медные и бронзовые орудия: кельты, ножи и вислобушные топоры, т. е. вещи, обычно несвойственные культурному слою поселения.

Еще в своей первой работе о Турбинском памятнике¹ А. В. Шмидт пришел к совершенно правильному заключению, что здесь на одном и том же месте расположены могильник и поселение. Однако слабая изученность древних памятников Прикамья, отсутствие хорошо изученных материалов, с которыми бы близко связывались турбинские находки, привели к совершенно неправильному взгляду об одновременности существования могильника и поселения. Эта гипотеза была высказана А. В. Шмидтом весьма нерешительно, и позднее он отказался от нее, оставив вопрос открытым. До раскопок 1934 г. Турбинский могильник и селище фигурировали в литературе, как «местонахождение».

Что мы имеем в виду, говоря о Турбинском селище и что из находок должно быть приурочено к этому памятнику? Прежде всего, конечно, мы имеем там характерный культурный слой, окрашенный перегноем, а не лесную почву, как это представлялось А. В. Шмидту на основании исследований 1923—1924 гг. Мощность культурного слоя на Шустовой горе колеблется от 0.05 до 0.50 м. Наиболее интенсивные участки слоя находятся вблизи очагов и кострищ. По стечению обстоятельств, вызванных, повидимому, некоторыми особенностями топографии Шустовой

горы, на небольшом пологом плато, опускавшемся к северо-востоку, на той поляне в лесу, о которой писал А. В. Шмидт, располагались наиболее интенсивно окрашенные перегноем участки и здесь же были сделаны наиболее интересные находки бронзовых, медных и каменных предметов, относящиеся к могильнику. Это объясняется, очевидно, тем обстоятельством, что для селища и для могильника ровная площадка была более удобной. Границы поселения значительно выходили за пределы поляны, хотя на последней и была представлена его центральная часть. Пробные раскопы А. В. Шмидта, усеявшие весь мыс Шустовой горы, и 7 пробных шурфов Камской экспедиции 1934—1935 гг. могут с достаточной определенностью указать границы и размеры селища. Оно занимало весь мыс Шустовой горы.

С 1935—1936 гг. мыс этот, освобожденный от леса, был застроен жилыми постройками, группировавшимися ближе к склонам. Разработанные новыми поселенцами огороды были осмотрены сотрудниками экспедиции, причем на поверхности гряд было собрано некоторое число обычной для Турбинского селища керамики и было найдено несколько каменных и кремневых поделок, в том числе два наконечника стрел, обычных для Турбинского могильника, и два песта-терочника из булыжников. Эти находки показали, что селище шло вплоть до самого северо-восточного конца мыса Шустовой горы. Вверх по склону горы последние находки были встречены в шурфе 2 (1935 г.), где сразу за почвенными наслоениями, уже лишенными признаков культурного слоя, начинается плотный красноватый суглинок. Восточной границей селища являлся естественный обрыв высокого камского правого берега. Западная граница идет довольно далеко от поляны, т. е. от места основных раскопок. Шурф, заложенный в 24 м к западу от раскопа 1934 г., дал еще 18 фрагментов керамики и 1 кремневый наконечник стрелы с усеченным насадом. Общая площадь Турбинского селища может быть исчислена в 2500 кв. м. Следует учесть при этом, что в виду залегания на склоне культурный слой, так же как и более ранние могильные комплексы, повидимому, несколько сместился.

Большая площадь Турбинского селища не представляет собою чего-либо исключительного.

¹ A. V. Schmidt. Die Ausgrabungen bei dem Dorfe Turbino an der Kama. Anz. d. Finnisch-Ugrischen Forschungen, Bd. XVIII, H. 1—3, S. 14.

Такие размеры весьма обычны для памятников этого рода. В 7 км от устья р. Чусовой на правом берегу находится известное Конецгорское селище конца ананьинской эпохи. По площади оно в несколько раз превосходит поселение на Шустовой горе. На Конецгорском селище культурный слой достигает мощности 0.50 м лишь ближе к оконечности мыса. В остальных местах он прослеживается отчетливо, но варьирует по толщине в среднем от 0.10 до 0.30 м, утолщаясь лишь на ограниченных участках, повидимому, в местах расположения очагов и остатков наземных жилищ. Участки с более интенсивным культурным слоем, повидимому места наземных соору-

нов и кусков известняка, вытянутых в один ряд, ориентированный с юго-востока на северо-запад. Юго-восточный конец ее упирался в стенку раскопа и уходил дальше. Возле этой выкладки встречены обычные бытовые остатки в виде фрагментов керамики, угольков и т. п. Как в 1934 г., так и в следующем 1935 г., раскопками было вскрыто еще несколько очагов и кострищ. Кострища, т. е. открытые очаги, были встречены на уч. 78, 79, 85 и др. Они имели вид несколько вытянутых пятен темного слоя и прожженного песка. Эти кострища были очень бедны находками. Небольшое количество кальцинированных косточек, несколько фрагментов кера-

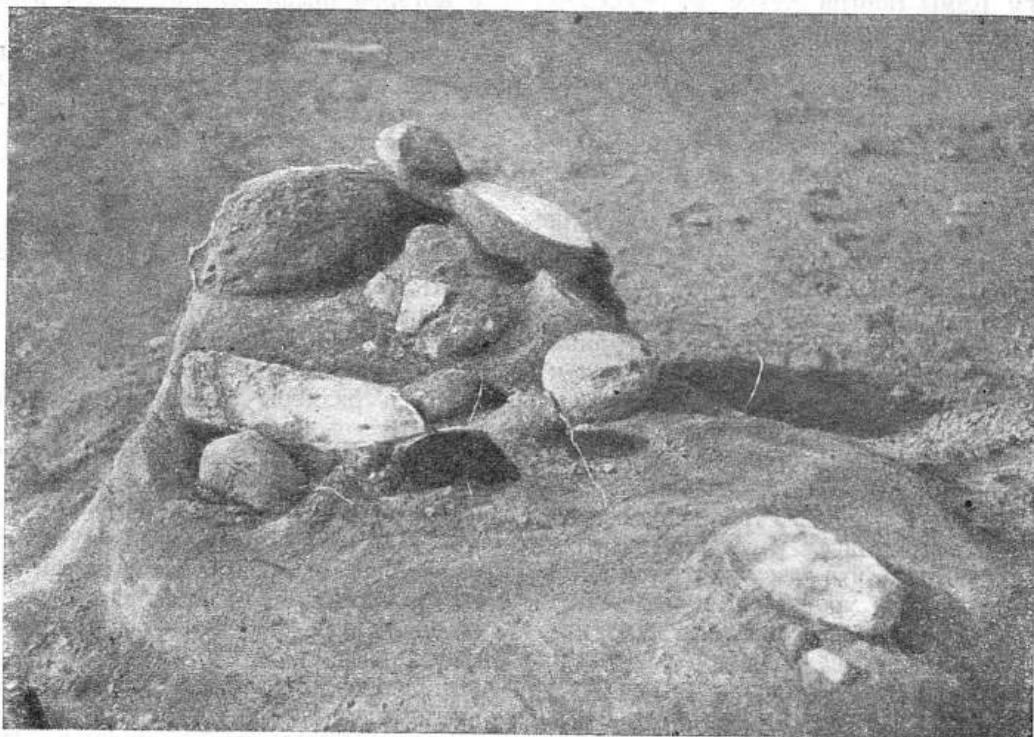
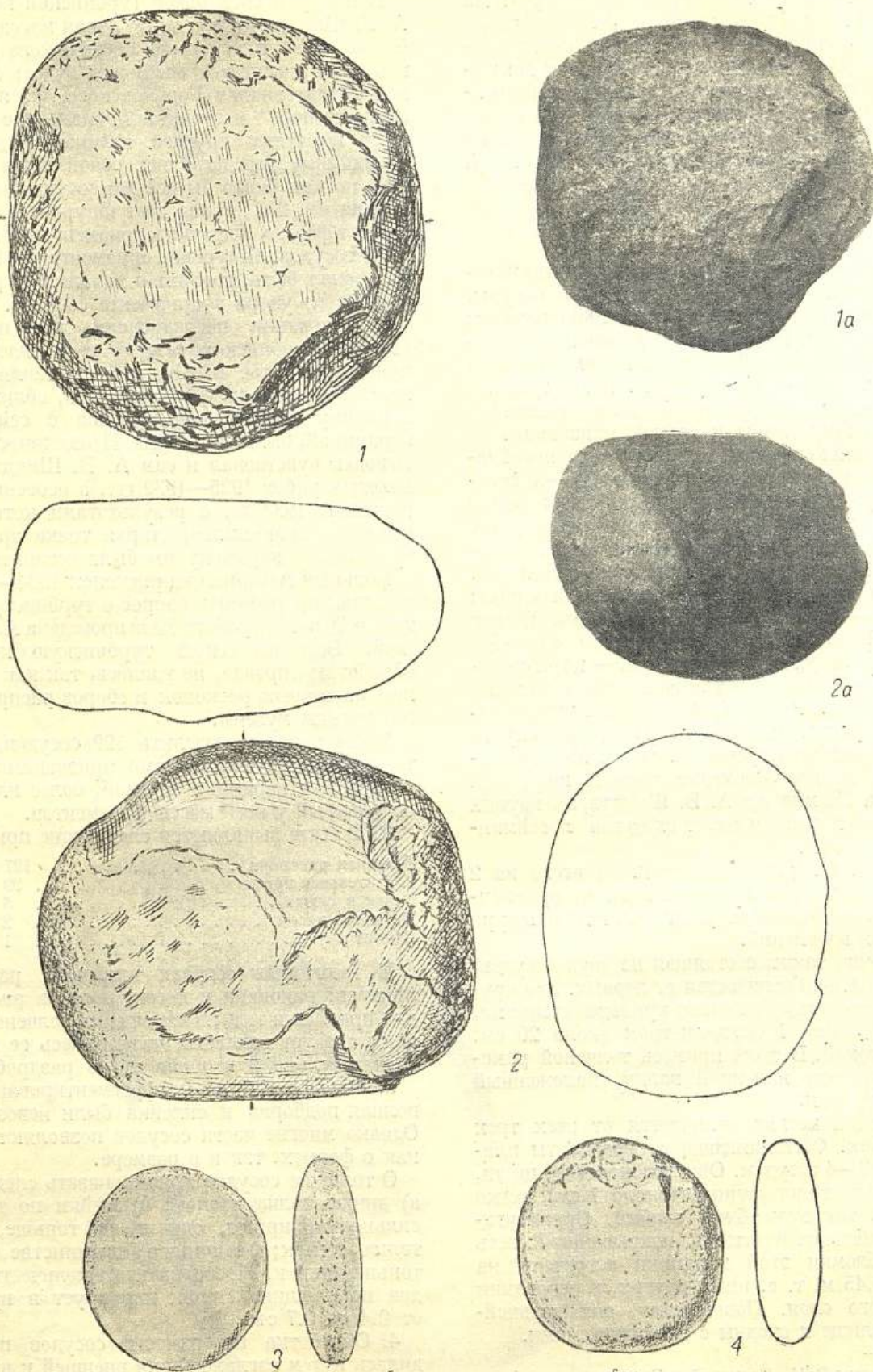

Рис. 1. Турбинское селище. Очаг на уч. 83—84.

ружений, были прослежены и на Турбинском селище. А. В. Шмидт отметил утолщение слоя с культурными остатками как раз в месте расположения основных раскопов «на поляне». В последующие годы им было признано, что утолщение слоя свидетельствует о наличии здесь остатков жилых сооружений. Раскопы 1934—1935 гг., заложенные по периферии селища, уже не дали удовлетворительно сохранившихся остатков жилых сооружений. В юго-восточном углу раскопа 1934 г. культурный слой был более мощным, чем на других участках. Очень вероятно, что здесь был открыт угол жилой постройки, частью совпавшей со старыми раскопами А. В. Шмидта. В углу указанного раскопа, на глубине 0.30 м, встретилась какая-то каменная выкладка, быть может, являющаяся остатками разрушенного очага или знаменующая границу жилого сооружения. Выкладка состояла из некрупных валу-

мики, угольки и упомянутый красный слой, — вот все, что здесь было обнаружено. Более интересным было открытие очага, сложенного из довольно крупных камней. Очаг этот, обнаруженный на глубине 0.30 м на границе уч. 83—84 (рис. 1), сравнительно хорошо сохранился. Камни очага лежали компактной массой. Пространство между камнями было заполнено культурными остатками: углями, золой и фрагментами керамики. В составе камней очага были найдены старая, обломанная, уже негодная к употреблению, небольшая круглая плита-зернотерка и пест-терочник (табл. I, 1, 2). Вероятно, очаг был связан с каким-то жилым сооружением, но его другие остатки не прослежены. Находка зернотерки и песта позволяет говорить об одной из сторон хозяйственной жизни обитателей поселения на Шустовой горе — о земледелии. Песты-терочки на селище встречены были уже и

Турбинское селище.

1—зернотерка; 2—4—каменные песты,

ранее в количестве более пяти экземпляров. На селище было найдено также небольшое число костей животных. При определении кости оказались принадлежащими основным видам домашних животных: домашнему быку и лошади.¹ Кроме того, удалось определить два вида диких животных. Таким образом выясняются основные хозяйственные формы поселения на Шустовой горе.

II

Основную массу находок на Турбинском селище составляют обломки глиняной посуды, которые в свое время были тщательно изучены А. В. Шмидтом. При сборах и раскопках 1923—1924 гг. им было найдено около 400 обломков, принадлежащих 48—50 сосудам. Всю керамику он разделил на 4 группы по стилю орнамента, форме, составу глины и другим признакам.

1-я группа керамики, количественно преобладающая над другими, представлена 35—40 сосудами в форме невысоких круглодонных чашек с округлым дном и несколько отогнутым наружу краем. Диаметр 6—10 см; толщина стенок 0.5—0.6 см. Поверхность покрыта выщербинками. В восьми случаях к глине примешана слюда; в одном — известь (мелкие зернышки). Обжиг слабый. Внутренность сосудов имеет черно-бурый цвет; наружная поверхность — коричневатая. Орнамент покрывает лишь венчик и состоит, обычно, из нескольких (1—8) рядов мелких неправильной формы вдавлений. В одном случае имеется орнамент в форме «елочки». Между вдавлениями иногда проходит тонкий шнуровой отпечаток. По мнению А. В. Шмидта, эта группа турбинской керамики имеет сходство с сейминской керамикой.

2-я группа керамики, состоящая всего из 2 сосудов, отличается от первой лишь по орнаментации, составленной из ряда отпечатков шнура и ямочных вдавлений.

3-я группа, также состоящая из двух сосудов, уже значительно отличается от первых. Это круглодонные сосуды с довольно прямыми стенками, толщиной около 1 см, диаметром около 20 см. Обжиг плохой. В тесте примесь толченой раковины. Встречен налестный валик, наложенный в 3 см от края.

4-я группа весьма отличается от всех трех предыдущих. Составляющие ее фрагменты принадлежат 3—4 сосудам. Они красноватого цвета, относительно толстостенные (около 1 см), легко ломаются, так как обжиг слабый. Орнаментация — гребенчатый штамп, покрывающий весь сосуд. Обломки этой керамики встречены на глубине 0.45 м, т. е. ниже других, в основании культурного слоя. Повидимому, они древнейшие на селище и сходны с неолитическими.

¹ Определено В. И. Громовой в Зоологическом институте АН СССР. Разновидности домашних животных близки формам, остатки которых обнаружены на Галинском городище.

Резюмируя свой обзор турбинской керамики, А. В. Шмидт считает, что главная масса ее стоит ближе всего к керамике Сейминского местонахождения, насколько мы можем судить о последней по материалам Горьковского музея. Галинская стоянка¹ и стоянки прикамского неолита дают керамику другого облика. 4-я группа, повидимому, представляет собой более ранний тип, но как будто бы все же сосуществовавший с первыми. 2-я группа дает шнуровую орнаментацию в формах, близких к орнаментации ананьинских сосудов. Шнуровая орнаментация 1-й группы, может быть, говорит о начале употребления шнурового узора в орнаменте сосудов.²

Исследования последующих лет, проведенные на Турбинском селище и в ряде других пунктов в устье р. Чусовой, заставляют признать, что выводы А. В. Шмидта, сблизившего керамику Турбинского селища с сейминской керамикой, были ошибочны. Ненадежность своих выводов чувствовал и сам А. В. Шмидт. После полевых работ 1925—1932 гг., а особенно после раскопок 1934 г., с результатами которых он подробно ознакомился, старая точка зрения на турбинскую керамику им была оставлена.

Большой материал из раскопок 1934—1935 гг. заставил проработать вопрос о турбинской керамике заново. Эта работа была проведена А. В. Збруевой. Всю известную турбинскую керамику обработать, правда, не удалось, так как коллекции из старых раскопок и сборов распределены по многим музеям.

Всего удалось выделить 199 сосудов, характеризующихся следующими признаками.

1. Обжиг керамики средний, более или менее одинаковый у всей массы фрагментов.

2. В тесте выявляются следующие примеси:

Толченая раковина	127	сосудов
Растительная примесь	99	"
Тальк и слюда	5	"
Крупный песок	2	сосуда
Шамот	1	сосуд

В некоторых сосудах встречена различная примесь: раковина и песок, песок и растительная примесь и т. д.; в отношении толченой раковины следует заметить, что примесь ее в глине незначительна и что она очень раздроблена.

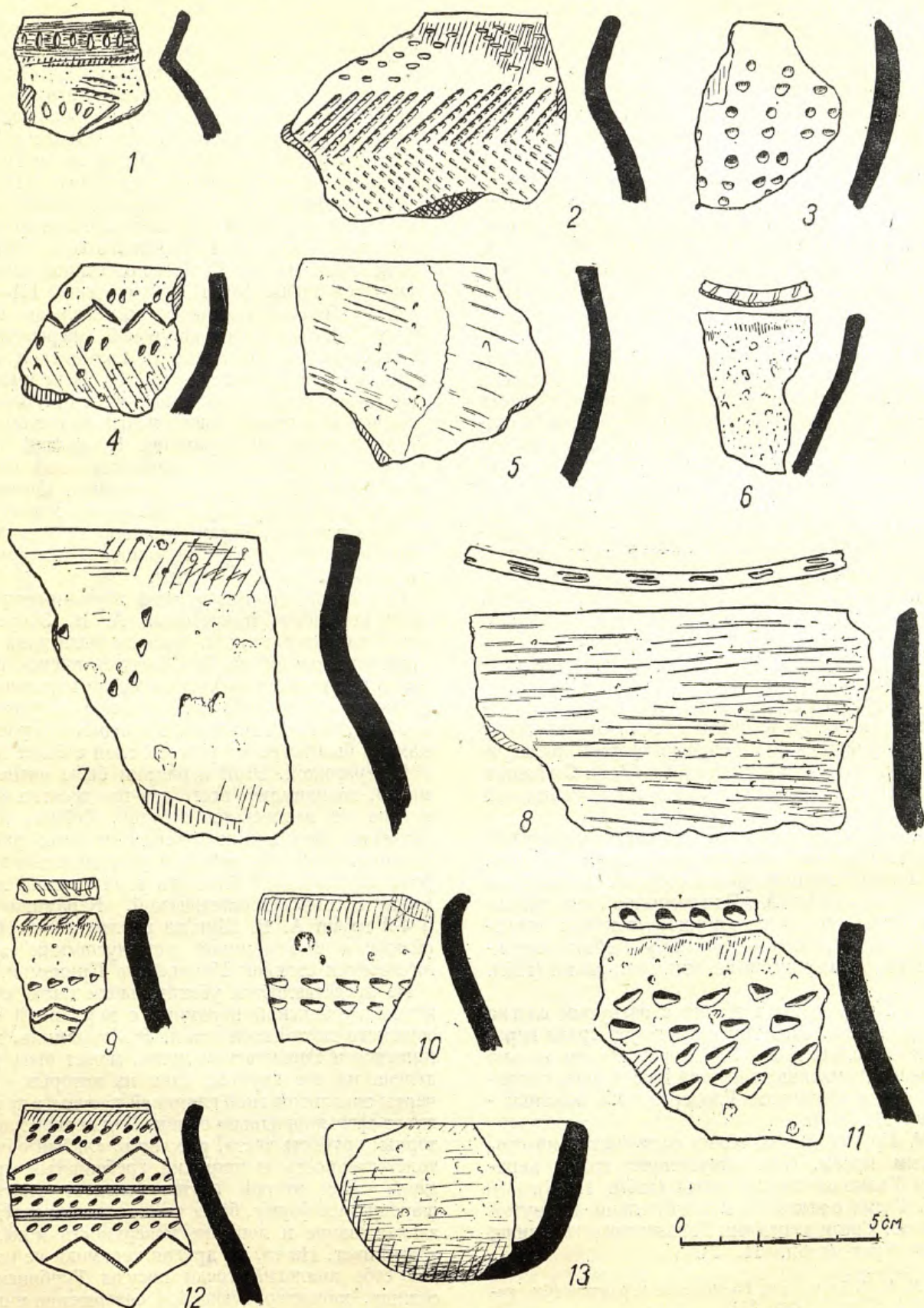
3. Все сосуды сильно фрагментированы и их полная подборка и склейка были невозможны. Однако многие части сосудов позволяют судить как о формах, так и о размере.

О толщине сосудов можно сказать следующее: а) днище толще стенок; б) шейки по толщине сильно варьируют, они иногда тоньше, иногда толще стенок; в) венчики в большинстве случаев тоньше стенок. Преобладающее количество сосудов по толщине стенок варьирует в пределах от 0.4 до 0.7 см.

4. Обработка поверхности сосудов производилась путем заглаживания внешней и внутрен-

¹ В. А. Городцов. Галинские клад и стоянка. Труды секции археол. РАНИОН, т. III, 1928.

² А. В. Шмидт. Op. cit., SS. 7—10.

Турбинское селище.
1—13—керамика.

ней сторон. Это заглаживание, как можно установить, производилось при помощи тряпки или кожи (123 сосуда внутри и 103— снаружи). Некоторое количество сосудов обработано более грубо, повидимому, при помощи пучка травы или щепки (30 сосудов внутри и 26 снаружи). В нескольких случаях зарегистрировано лощение поверхностей (2 сосуда внутри и 4 снаружи). Гребенчатый штамп как орудие для заглаживания поверхностей сосудов, повидимому, не употреблялся. Указанные приемы обработки поверхностей в отдельных случаях дублировались, т. е. для обработки одного и того же сосуда, например, употреблялись и тряпка и щепка. Повидимому, сначала поверхность обрабатывалась вчерне, потом уже другим предметом окончательно.

5. После заглаживания наносился орнамент. Узор встречен исключительно на верхних частях сосудов, по обрезу венчика и по верхней части шейки. Он состоит из ямочных вдавлений, гребенчатых и шнуровых отпечатков. Преобладает орнамент из вдавлений: ногтевых, угловых и овальных ямок. Шнуровой и гребенчатый орнаменты редки. Отпечатки веревочки (шнура) встречаются в виде волнистой линии. Отпечатки гребенчатого штампа — в виде зигзага (табл. II—III).

6. Способ лепки сосудов проследить трудно, но вряд ли он чем-либо отличался от хорошо известного ленточно-жгутового приема.

7. Возможно было проследить следующие формы сосудов.

I. Сосуды со слегка отогнутой шейкой, с резким переходом от шейки к стенке. Стенки сразу сильно расширяются, образуя форму, близкую к шару. Днища округлые (табл. II, 7). Совпадает с типом В Галкинского городища ананьинской эпохи.¹

II. Круглодонная чашка со слегка отогнутым краем и круглым или слегка уплощенным дном. Это преобладающая форма сосудов. В основном совпадает с типом А и Б керамики с Галкинского городища, но имеет крупное отличие: отсутствие «воротничка» — уступа у шейки, характерного для керамики ананьинской эпохи (табл. II, 2).

III. Круглодонная чашка с загнутым слегка внутрь краем. Этот тип отсутствует среди керамики с Галкинского городища. Но он весьма обычен в памятниках начала нашей эры, например среди керамики Гляденовского костища² (табл. II, 3—5).

IV. Круглодонная чашка со значительно отогнутым краем. Тип отсутствует среди керамики Галкинского городища (табл. II, 6).

V. Сосуд с высокой, незначительно отогнутой шейкой. Среди керамики Галкинского городища отсутствует (табл. II, 7).

VI. Сосуд с высокой прямой шейкой. Тип близок к форме I (табл. II, 8).

А. В. Збруевой, прорабатывавшей керамику Турбинского селища, при сравнении ее с посудой Галкинского городища удалось установить следующие различия между керамикой этих двух памятников: 1) в турбинской керамике наблюдается более раздробленная примесь раковины и небольшое количество этой примеси; 2) среди турбинской керамики отсутствует заглаживание гребенчатым штампом; 3) в турбинской керамике отсутствуют «воротнички», обычные для ананьинской керамики, в посуде Галкинского городища они также обычны; 4) в Турбинском селище имеются некоторые новые формы сосудов (типы III—VI); 5) в Турбинском селище очень небольшое количество сосудов имеет шнуровой («веревочный») и гребенчатый орнамент; на Галкинском городище эти орнаменты обычны; 6) среди ямочных вдавлений в турбинской керамике преобладают угловые и ногтевые ямки, почти отсутствующие среди галкинской керамики. Но общий облик и характер турбинской керамики очень близок к керамике Галкинского городища. Очевидно, между той и другой нет большого хронологического разрыва. Территориально же эти памятники расположены рядом, один против другого на обоих берегах р. Камы.

При сравнении результатов изучения турбинской керамики, полученных А. В. Збруевой, с той характеристикой, которая была дана турбинской керамике А. В. Шмидтом, прежде всего бросается в глаза отсутствие среди керамики из раскопок 1934—1935 гг. обломков сосудов 3-й и 4-й групп А. В. Шмидта. Очевидно, при раскопках им был встречен участок слоя с более древней керамикой. Этой керамикой было очень немного, повидимому, всего два-три десятка фрагментов от нескольких сосудов. Сейчас, после изучения ряда энеолитических стоянок района устья р. Чусовой, можно с уверенностью говорить об известной близости этой группы керамики с поздненеолитической. Керамика 3-й и 4-й групп А. В. Шмидта вполне может быть сближена с керамикой усть-чусовских энеолитических стоянок Уральского Прикамья.

Не представляется убедительным также сближение турбинской керамики с керамикой Сейминского местонахождения. Эта керамика, хранящаяся в Горьковском музее, может быть разделена на две группы, одна из которых несет черты энеолитической глиняной посуды, а другая имеет «фатьяновидный» облик. Для первой характерны: грубость теста, рыхлость, слабый обжиг, толстенность и широкий гребенчатый орнамент. Для второй группы следует отметить шаровидную форму, более тонкие стенки сосудов, заглаживание и лощение поверхности и желтоватый цвет. Ни та, ни другая керамика не находят себе аналогий среди посуды Турбинского селища, характеризующейся совершенно иными признаками.

Керамику 1-й и 2-й групп А. В. Шмидт счи-

¹ А. В. Збруева. Галкинское городище (См. настоящий сборник, стр. 81).

² А. А. Спицын. Гляденовское костище. Зап. Русск. археол. общ., XII, вып. 1—2, 1901.

тал возможным сопоставить с ананьинской посудой. Это сходство было подмечено совершенно правильно, так как, действительно, совпадают форма, орнамент, общий облик керамики, цвет, примеси, обжиг и состав глины. Но, как указывалось выше, есть и некоторые различия, заставляющие искать более ярких аналогий. Таковые были найдены в том же районе устья р. Чусовой среди материалов Конецгорского селища. Произведенные здесь в 1935—1937 гг. раскопки дали громадный материал, показывающий, что селище это, повидимому, несколько позднее Галкинского городища и относится, таким образом, к концу ананьинской эпохи. Сравнивая керамику Турбинского и керамику Конецгорского селищ, легко заметить, что количество черт сходства между той и другой очень значительно. Это касается орнамента, примесей к тесту, обработки поверхности и формы сосудов (рис. 2).

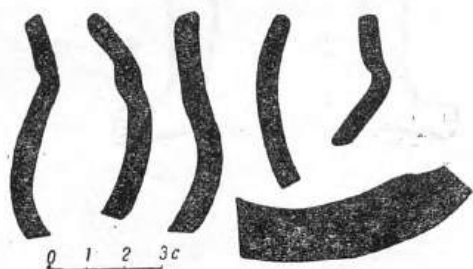

Рис. 2. Профили сосудов Конецгорского селища.

В том же районе, в 40 км ниже по р. Каме, находится широко известное в археологической литературе Гляденовское жертвенное костыще.¹ Керамика этого памятника плохо издана и почти не изучена. С ней можно познакомиться по коллекциям Молотовского областного музея. Изучение гляденовской посуды легко осуществить вследствие того, что на этом жертвенном месте было найдено большое число целых сосудов, главным образом чашек различных типов, встречающих себе аналогии в турбинской посуде третьего типа по классификации А. В. Збруевой. Не поднимая заново вопроса о времени Гляденовского костыща, укажем, что по всем данным оно относится к последним векам до н. э. и первым векам н. э. Эту эпоху А. В. Шмидт называл «гляденовской» по имени этого, чрезвычайно обильного находками, жертвенного места. Она совпадает с концом ананьинской эпохи и синхронична эпохе пьяноборских могильников средней и нижней Камы.

Итак, исходя из анализа турбинской керамики, мы должны признать, что селище на Шустовой горе относится ко времени гляденовского жертвенного места.

III

Вначале упоминалось о встреченных на селище очагах из камней. Найденные в одном из них

обломок зернотерки и пест-терочник аналогичны таким же орудиям, найденным на Галкинском городище, Конецгорском и других памятниках ананьинской эпохи района устья р. Чусовой. А. В. Шмидт упоминает о находке на Шустовой горе небольшого железного ножа. Среди материалов 1935 г. также имеется небольшой железный нож, обычный для ранних городищ Прикамья.

Вполне выяснено, что культурные остатки Турбинского селища распространялись и на соседний мыс берега, где расположена дер. Турбино. Во время своих исследований А. В. Шмидт заложил несколько раскопов на краях деревенских улиц и встретил небольшое количество культурных остатков, аналогичных находкам на Шустовой горе. Жители деревни также делали здесь некоторые находки. Так, например, в 1935 г. один из местных жителей сообщил, что им на своем огороде, на глубине 0.5 м, был найден сильно окисленный железный нож или кинжал, судя по описанию — древний. Но среди случайных находок на деревенском мысу наиболее интересной является клад бронзовых вещей. Точно место находки этого клада выяснить не удалось. Он был найден в 1926 г. на северо-восточном склоне деревенского мыса, обращенном к р. Каме, или в огороде, на склоне, обращенном к Шустовой горе.

Клад был найден в плохо сохранившейся небольшой шкатулке из тонкой листовой бронзы или меди, а быть может, в деревянной, обложенной пластинками из этого металла, и состоял из 483 бронзовых и стеклянных изделий.¹

Инвентарная опись клада содержит несколько дополнительных сведений об условиях находки. В записке А. В. Шмидта, приложенной к описи, сообщается, что клад найден «при случайных работах на глубине $\frac{1}{2}$ аршина на хрящу». В составе клада находятся:

1. Четыре медные (желтой бронзы) пластины от обкладки коробки. Следов проковки на их поверхности совершенно не заметно, но в то же время, судя по их незначительной толщине, они вряд ли литые. Поверхность хорошо отполирована. На одной из пластинок сохранились три пары мелких дырочек, очевидно, для скрепления с другой пластинкой или для прикрепления к коробке. Все пластины согнуты, как будто они огибали цилиндр. Не были ли пластины обкладками сосуда, вроде современного берестяного туяса-бурака? Три пластины более целы и одна в фрагментах. Размеры наилучше сохранившейся: длина 12 см, ширина 9.5 см, толщина 0.1 см.

2. Медная (светложелтой бронзы) литая привеска в виде полого внутри скульптурного изображения медведя. В спине пробито отверстие для прикрепления ремешка. Глаза, когти, лапы, складки шерсти и кожи трактованы глубокими нарезками. Длина 5.5 см, высота 4.5 см (рис. 3, 7).

¹ А. А. Спицын, ук. соч.

¹ Клад хранится в МАЭ АН СССР, инв. № 3329.

3. Две медные (светложелтой бронзы) плоские литые привески в форме пары голых четырехпалых человеческих ног (одна левая, другая правая). Пальцы ног трактованы тремя нарезками. На концах, у колен, имеются отверстия для привешивания, полученные при отливке. В подвеске, изображающей правую ногу, имеется дефект отливки в виде лишнего отверстия. Обратная сторона привесок корытообразно углублена и дополнительно не обработана. Длина 5.5 см, длина ступни 2.5 см (рис. 3, 3, 4).

4. Плоская литая привеска (желтая бронза) в форме свернувшегося хищника. Изображение зверя рельефно, но очень неясно.

Диаметр 2 см. В записке А. В. Шмидта есть указание, что одна такая же буса из клада была находчиком кому-то подарена (рис. 3, 2).

7. Сорок три бронзовые бусы, боченкообразные, с широким отверстием и тонкими стенками. Диаметр 0.7—0.8 см.

8. Сорок шесть бронзовых бус в виде узких колечек. Диаметр 0.6—0.7 см.

9. Сто семьдесят пять стеклянных округлых, темно- и светлосиних голубоватых и зеленоватых бус. Диаметр 0.5—0.8 см.

10. Сто сорок одна буса, аналогичная предыдущим по расцветке и материалу, но более мелких размеров.

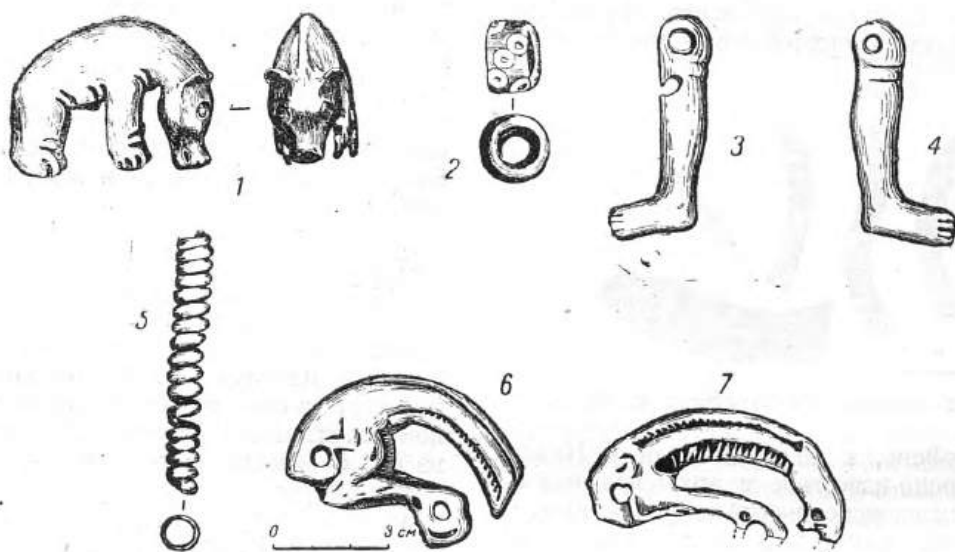

Рис. 3. Турбинский клад 1926 г.

1 — бронзовая фигурка медведя; 2 — буса синяя глазчатая; 3—4 — бронзовые привески; 5 — проволока бронзовая; 6—7 — фрагменты бронзовой бляхи в форме свернувшегося зверя.

Общая трактовка привески, однако, напоминает старые традиции «скифо-ананьинского» звериного стиля. Морда зверя, изображенного на подвеске, особенно характерна для ананьинского звериного стиля. В модели привески, на ее оборотной стороне, когда-то существовали ушки, от которых сейчас сохранились лишь бугорки. Для привешивания служили также круглые отверстия, полученные при отливке. Длина привески 12.5 см. Привеска сильно фрагментирована; оборотная сторона ее не обработана (рис. 3, 6—7).

5. Девять медных проволочек в виде спиралек из уплощенной проволоки. Покрываются густой темнозеленой патиной. Длина 5—7 см, диаметр до 1 см (рис. 3, 5).

6. Буса синяя стеклянная круглая с широким отверстием и белыми слегка рельефными глазками. В центре белых глазков синие «зрачки».

11. Сорок бус бисерных из темносинего стекла.

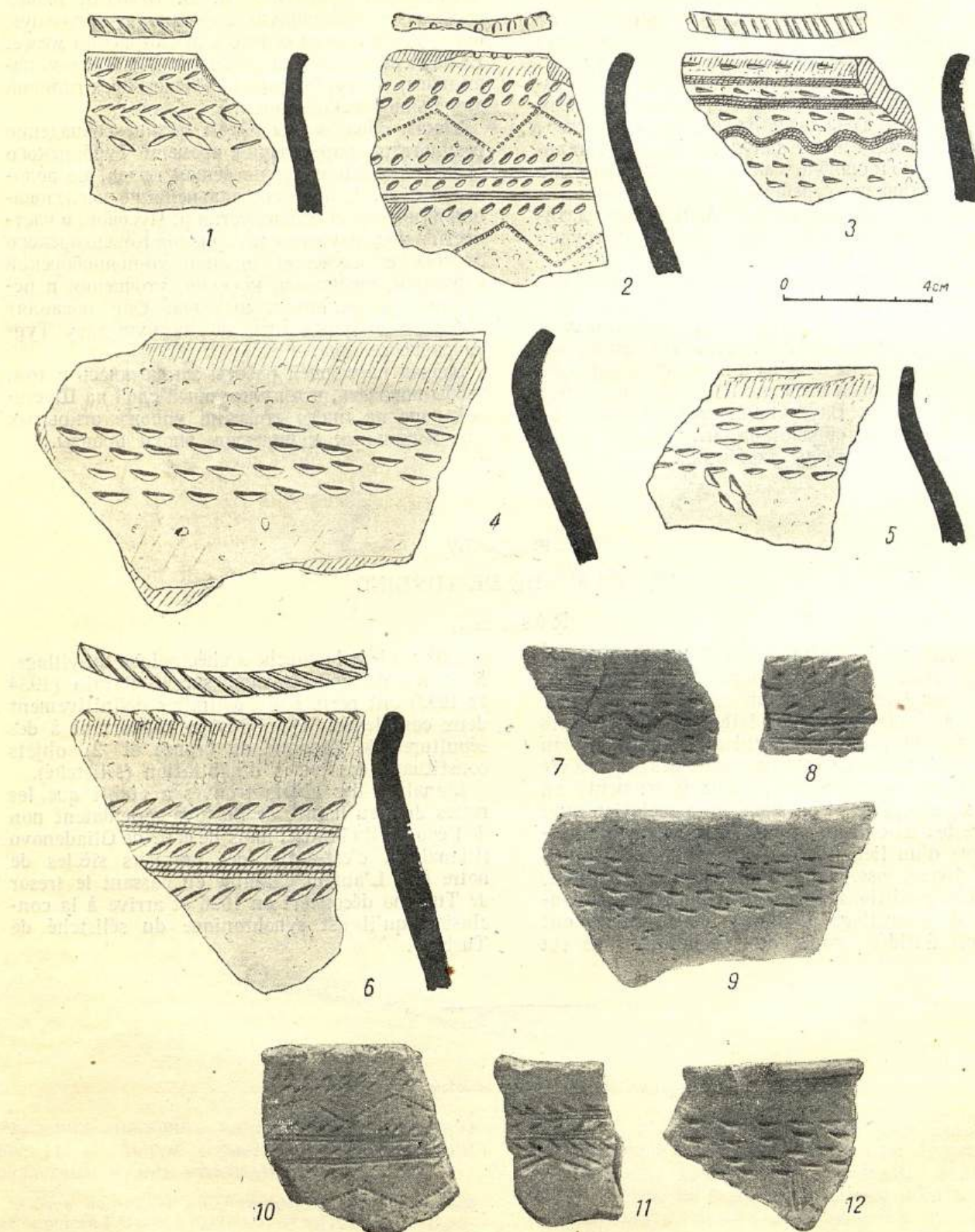
12. Десять стеклянных позолоченных мелких бус.

13. Три бусы стеклянные желтые, мелкие.

Кроме того, имеется небольшое количество мелких фрагментов бронзовых и стеклянных бус вышеописанных типов.

При анализе состава клада прежде всего останем наше внимание на звериных привесках. Вряд ли можно ошибиться, указав, что здесь в сюжетах бляхи-привески мы имеем еще живые традиции ананьинского звериного стиля. Но турбинская бляха является, несомненно, уже поздним образцом изделий этого стиля. Синяя крупная стеклянная буса с глазками также может быть древней и хронологически увязываться с комплексами ананьинских могильников. Но остальной набор бус, так богато представленных в кладах, говорит о более позднем

Таблица III

Турбинское селище.
7—12—керамика.

времени. По составу бус клад ближе всего подходит к эпохе Гляденовского костища. Именно там мы имеем все перечисленные выше типы стеклянных бус. Пронизки-спирали и фигурка медведя могли бы быть отнесены к более позднему, ранне-ломоватовскому времени, т. е. к V—VI вв. н. э. Следы оловянной полуды, кое-где сохранившейся на фигурке медведя, говорят об этом же. Вспомним здесь хотя бы Подчеремский клад, где много вещей имеет полуду.¹ Это обстоятельство привело к ошибке в описи МАЭ, где фигурка медведя записана серебряной.

В своих последних работах А. В. Шмидт датировал Турбинский клад III в. н. э., с чем трудно не согласиться.²

Очень характерными вещами клада являются изображения ног. Эти привески нам живо напоминают votivные изображения и привески гляденовского жертвенного места. Подвески-ноги также несут следы полуды и некоторой дополнительной обработки внешней поверхности, в виде ее заполировки. Внутренняя сторона, как уже указывалось, не обработана, и лишь по краям имеются слабые следы скобления.

В 1891 г. археолог-любитель И. Н. Глушков при осмотре поля на Шустовой горе, близ места последующих раскопок А. В. Шмидта, нашел черепки и обломанную стеклянную золоченую бусу, хранящуюся сейчас в Молотовском музее. Ее изучение было произведено А. В. Шмидтом, нашедшим, что турбинская золоченая буса типична для пьяноборской эпохи.¹

Таким образом мы имеем полное совпадение результатов определения времени Турбинского селища по керамике, по вещам клада, по золоченой бусе. В процессе дальнейшего исследования памятников района устья р. Чусовой, в частности в ходе изучения материалов Конецгорского селища и изучения ананьинско-пьяноборской керамики, возможны, конечно, уточнения и исправления сделанных выводов. Они позволят более точно определить абсолютную дату Турбинского селища.

Задача настоящей работы заключалась в том, чтобы показать, что культурный слой на Шустовой горе на много столетий моложе открытых там могильных комплексов эпохи бронзы.

N. PROKOŠEV

LE SÉLISTCHÉ DE TURBINO

(Résumé)

Le village de Turbino, situé au bord de la Kama vis-à-vis l'embouchure de la Čusovaja, est connu dans la littérature archéologique grâce à une série de trouvailles faites en temps divers dans ses alentours, soit accidentellement, soit au cours de fouilles. La majeure partie des objets a été découverte au cap Šustova-gora: instruments en bronze, en cuivre et en silex, en association avec des restes de culture propres à la couche archéologique d'un lieu habité — fragments de céramique, foyers, ossements d'animaux domestiques, etc. Les conditions de gisement quelque peu confuses de l'outillage de bronze et de cuivre ont conduit à l'idée erronée du synchronisme de cet

outillage et de la couche archéologique du village. Mais les derniers travaux sur le terrain (1934 et 1935) ont permis d'y délimiter définitivement deux complexes: 1) objets se rapportant à des sépultures de l'époque du bronze et 2) objets constituant des restes d'habitation (sélistché).

L'analyse des objets trouvés a établi que les restes du lieu habité de Šustova-gora datent non de l'époque du bronze, mais de celle de Gliadenovo (Pianabor), c'est-à-dire des premiers siècles de notre ère. L'auteur examine en passant le trésor de Turbino découvert en 1926 et arrive à la conclusion qu'il est synchronique du sélistché de Turbino.

¹ А. В. Шмидт и А. А. Иессен. Олово на севере Европейской части СССР. ГАИМК, вып. 110, стр. 205. — В. А. Городцов. Подчеремский клад. Сов. археол., т. II, 1937.

² А. В. Шмидт. Работы по истории материальной

культуры Урала за 15 лет. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 9—10, стр. 23—24. — Он же. Археологические изыскания МАЭ АН СССР на Урале. (Рукопись хранится в Археологическом отделе МАЭ.)

¹ A. W. Schmidt, op. cit., SS. 1—3.

К. В. С А Л Ь Н И К О В

САРМАТСКИЕ КУРГАНЫ БЛИЗ Г. ОРСКА

В 1936 г. около г. Орск были исследованы пять курганов. Раскопки были проведены в курганном могильнике у аула Джанатан, где вскрыты четыре насыпи,¹ и вблизи 14-го километра железнодорожной линии Орск — Ново-Аккермановка, где был раскопан один курган. Раскопки производились Орской экспедицией Гос.

I. ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ У АУЛА ДЖАНАТАН

Курганная группа, состоящая из 39 насыпей и 2 каменных площадок, находится между аулом Джанатан и Орским конным заводом, приблизительно в расстоянии 7 км от того и другого

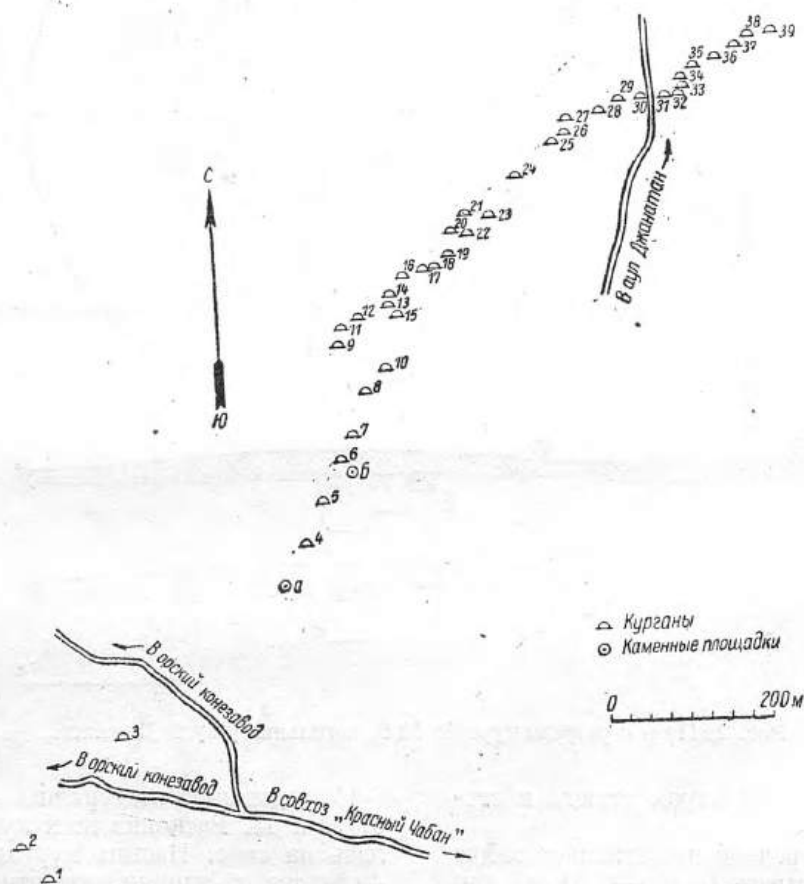

Рис. 1. План могильника у аула Джанатан.

Академии истории материальной культуры им. Н. Я. Марра совместно с Оренбургским областным музеем краеведения.²

¹ Этот могильник зарегистрирован Южноуральской экспедицией ГАИМК в 1933 г. под № XVIII. — Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археол. работы Академии на новостройках в 1932—1933 гг., II. Изв. ГАИМК, вып. 110, М.—Л., 1935, стр. 97—98.

² О работе Орской экспедиции см. стр. 57 настоящего сборника.

пункта. Она занимает участок ковыльной степи, примыкающий к левому берегу р. Ори. Курганы расположены правильной цепочкой, длиной около 1400 м, на вершине и склоне небольшой возвышенности, полого спускающейся к пойме реки (рис. 1).

На высшей точке расположены самые крупные курганы, резко выделяющиеся из общей массы; их высота от 0.60 до 2.00 м при диаметре 16—48 м. Обращает на себя внимание красивая,

почти правильно-сферическая форма насыпей этих курганов. Северная пола их всегда круче остальных. Насыпи окружены или рвом с перемычкой на юго-востоке или рядом отдельных выемок. Ров вокруг самого крупного кургана № 3 достигает 10 м ширины и 0.90 м глубины.

В полах кургана № 4 выступают отдельные камни, образуя род кольца вокруг основания, а в центре и по восточному и западному склонам группируясь в виде площадок. Размер камней достигает 0.20—0.30 м в поперечнике. Порода — красная яшма, месторождение которой нахо-

в ширине (10 и 14 м). Весьма вероятно, что эти удлиненные насыпи образовались путем последующей неоднократной присыпки. Второй вид — это курганы диаметром 22—30 м, высотой 0.30—0.40 м (№№ 12, 16 и 24), характеризующиеся наличием в центре насыпи больших круглых впадин глубиной 0.10—0.15 м и диаметром 8—12 м. Эти впадины придают курганам вид кольцеобразных валов. Если у всех остальных курганов северная пола наиболее крутая, у кольцеобразных насыпей эта пола, наоборот, самая низкая.

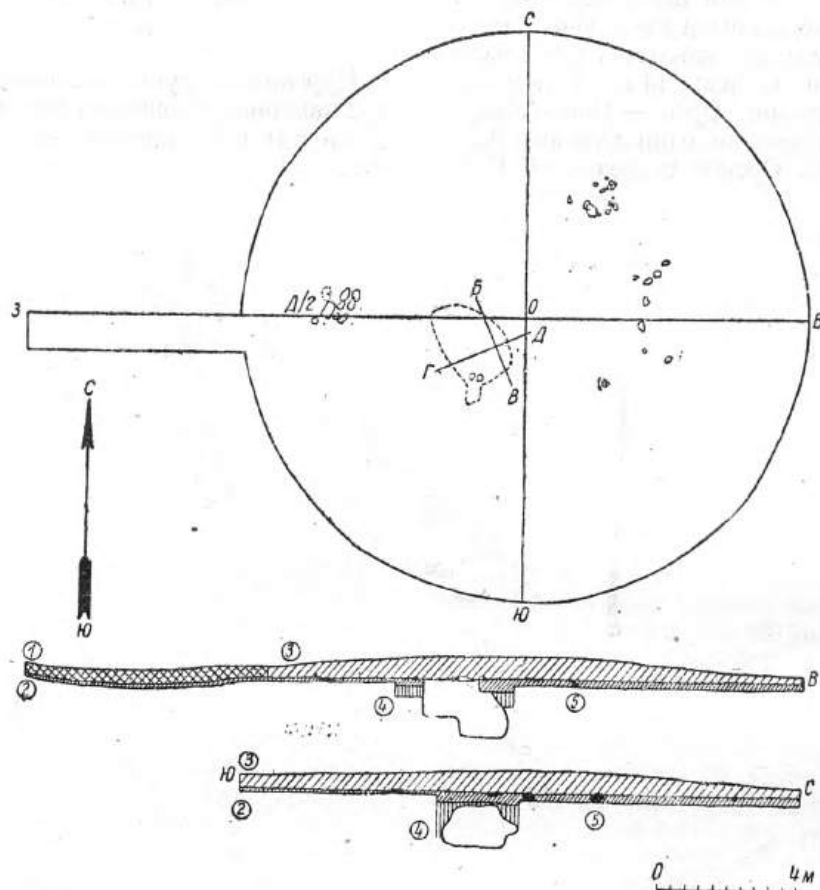

Рис. 2. План и разрезы кургана № 8; могильник у аула Джанатан.

дится в нескольких километрах отсюда в сторону г. Орска.

Основная масса курганов представляет собою небольшие насыпи высотой 0.10—0.40 м, при диаметре 8—18 м, реже до 25 м. Вокруг некоторых из них прослеживается едва заметный ровик или выемка с одной стороны, чаще с запада.

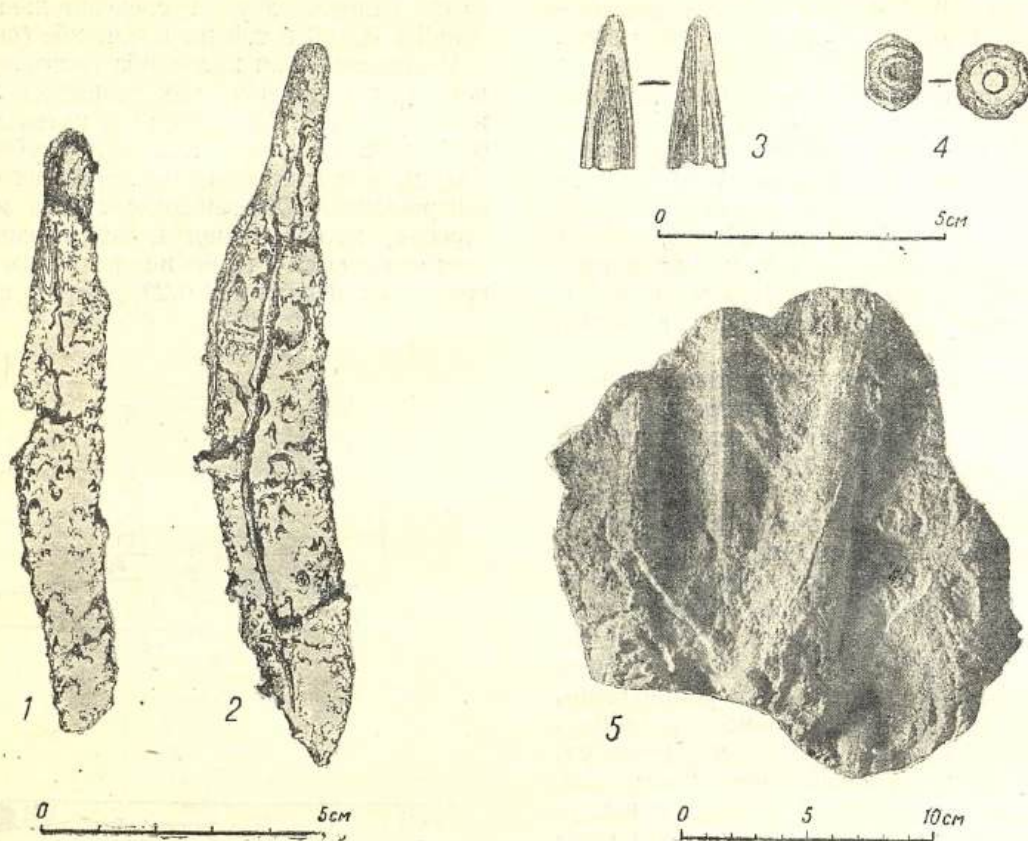
В насыпях курганов №№ 8 и 14 видны отдельные камни. Особо нужно отметить два вида курганов, выделяющихся из общей массы. Первый вид с удлиненными насыпями (№№ 11, 13, 19, 20, 23 и 26). Длина их 18—36 м, ширина 10—14 м. У одного из них с севера видна присыпка диаметром 8 м и высотой 0.10 м. О присыпке также говорит и форма кургана № 13, так как восточная и западная половины его резко разнятся

Исследованию подверглись 4 кургана: №№ 8, 9, 10 и 14. Раскопка всех курганов производилась на снос. Насыпь кургана разбивалась на 4 сектора по линиям, ориентированным по странам Света. Секторы сносились в шахматном порядке так, что после удаления двух первых получались два разреза насыпи по основным направлениям, позволяющие изучить ее строение. Для выяснения устройства выемок у подошвы кургана поперек их закладывались траншеи.

Насыпь курганов сложена из чернозема, иногда с примесью глины. Для образования насыпи земля бралась тут же на месте.

К у р г а н № 8 (рис. 2). Насыпь земляная, высота 0.38 м, диаметр 16 м. Из-под дерна в восточной поле выступают три камня. С запада

Таблица 1

Курган № 8; могильник у аула Джанатан.

1 — железный нож, погребение № 1; 2—4 — железный нож, бронзовый наконечник стрелы и стеклянная буса, погребение № 2; 5—6 — следы орудий на стенках катакомбы (5 — гипсовый слепок).

у подножья насыпи видна выемка шириной 6.75 м, глубиной 0.25 м. Под насыпью, в западной и северной частях кургана, на горизонте, а частично в самой насыпи, иногда выступая на поверхность, идут полукругом камни величиной до 0.35 м. Камни расположены несколькими группами. На границе северо-восточного и юго-западного секторов в 3.20 м от центра они составляют полукольцо диаметром 2.80 м, с вогнутой стороной, обращенной к востоку. Почти в центре северо-восточного сектора камни сгруппированы в площадку диаметром 1.30 м. В 4.4 м к северо-западу от нее встречен отдельный камень.

В толще древней почвы и грунтовой глины, в 5 м от центра, на границе северо-западного и юго-западного секторов обнаружена площадка из камней размером 0.15—0.35 м. Длина площадки 1.5 м, ширина 0.75 м. В слое древнего чернозема, в центральной части северо-восточного сектора, обнаружены обломки тазовой кости ребенка и одной из трубчатых костей взрослого. В 2.8 м к юго-востоку от центра, также в толще древнего чернозема, находились череп и кости передних ног коровы. Череп был обращен к востоку, положение костей ног не установлено, так как они были сдвинуты в процессе раскопок.

На глубине 0.75 м,¹ непосредственно у центра, к юго-западу от него, обнаружилось могильное пятно неправильно-овальной формы, с выступающим к югу узким (0.40 м) «языком». По длинной оси пятно ориентировано с юго-востока на северо-запад. Возле «языка» над пятном, на глубине 0.60—0.70 м, обнаружены лежащими в беспорядке два человеческих черепа, ключица и обломок длинной кости.

В засыпке могильной ямы, в юго-западной ее части, на глубине 0.83—1.15 м встречены 4 крупные камня, а несколько ниже их — позвонок крупного млекопитающего. Под восточной стенкой, возле ее середины, на глубине 0.98—1.26 м попадались незначительные обломки гнилого дерева с волокнами, направленными в разные стороны. Здесь же было маленькое пятно тлена диаметром 3 см и толщиной 0.3—0.5 см. На глубине 1.4 м по всей площади восточной половины ямы черная засыпка сменилась сплошной массой глины с белыми вкраплениями. Естественное залегание слоя этой глины заканчивается на глубине 0.90 м от вершины кургана, что было видно по имевшемуся вблизи старому геологическому шурфу и по всем стенкам могильной ямы. Под восточную стенку уходила полоса черного слоя.

Предполагая на основании этих данных наличие здесь катакомбы, частично обвалившейся, через центр обвала были заложены перпендикулярно друг к другу две траншеи. При помощи этих траншей, при дальнейшей расчистке могилы удалось разобраться в очень сложных

наслоениях засыпки могильной ямы и установить здесь наличие двух последовательных погребений в одной и той же катакомбе (рис. 3).

Первоначальная катакомба состояла из входной ямы и подбоя, находившегося к северо-востоку от нее. Входная яма, имевшая ширину 0.75—0.95 м, длину 1.75 м и глубину 1.50—1.60 м, ориентирована по линии юго-восток — северо-запад. Юго-западная стенка ямы почти отвесна, юго-восточная и северо-западная наклонно вдаются в грунт по сравнению с верхней границей: первая на 0.20, вторая на 0.10 м.

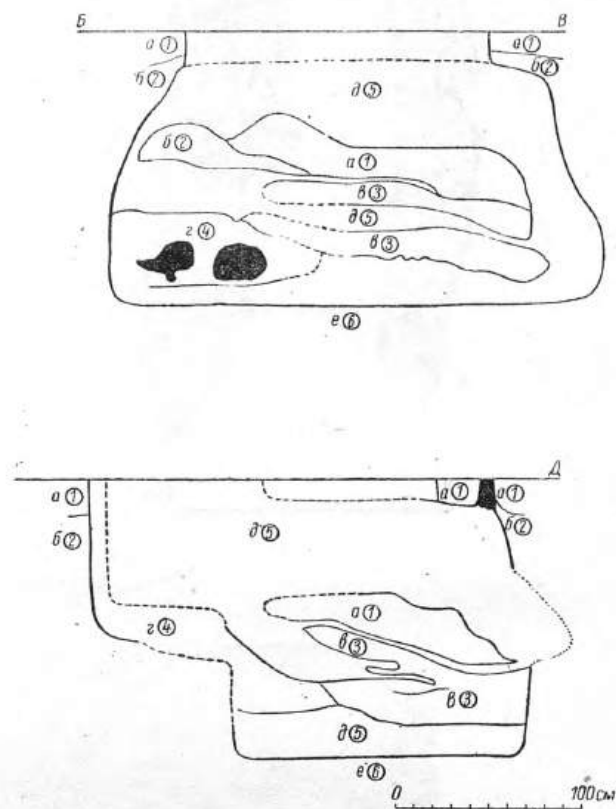

Рис. 3. Разрезы катакомбы в кургане № 8; могильник у аула Джанатан.

С северо-востока входная яма отвесно переходит в подбой глубиной 2.25 м. В плане подбой имеет неправильно-овальную форму. Ориентирован он так же, как и входная яма, длина его по дну 2.85 м, максимальная ширина 1.60 м. Верхние границы подбоя точно установить не удалось, так как юго-западная часть свода оказалась обвалившейся.

Возле середины северо-восточной стенки подбоя, на глубине 1.30—1.40 м, обнаружены в беспорядке кости ребенка лет семи: ребра, позвонки, фаланги, лопатка, а также берцовая кость взрослого субъекта. Тут же встречены 3 стеклянные бисеринки синего цвета и обломок обоймицы, состоящей из двух спаянных частей — медной и серебряной. На дне входной ямы, в северо-западном ее конце, обнаружены кости плюсны, предплюсны и фаланги, находившихся в есте-

¹ Здесь и в дальнейшем изложении обозначение глубины дается от вершины описываемого кургана.

ственном сочленении, а на 0.27 см к юго-юго-востоку от них лежала лучевая кость.

На границе со спуском в подбой в центре найдена стеклянная рубчатая бусина желтого цвета (табл. I, 4) и в юго-восточном конце на глубине 1.75 м бронзовый трехгранный наконечник стрелы скифо-сарматского типа (табл. I, 3). В засыпке южной части входной ямы, на глубине 1.15 м, обнаружен небольшой кусочек угля.

В северо-западной части подбоя, у границы с входной ямой, на глубине 1.32 м встречены идущие наклонно в подбой кости кисти и предплечья в естественном сочленении.

Под костями, в углублении, сделанном в грунтовой глине на 0.08 м ниже уровня дна, открыт длинный железный меч с прямым перекрестием и серповидным навершием (рис. 5). Сверху его покрывала красная глина такого же цвета и твердости, как окружающая грунтовая, что совершенно маскировало присутствие здесь указанного углубления. Эта маскировка, повидимому, и была причиной того, что меч остался незамеченным грабителями, разрушившими погребение. Меч лежал вдоль северо-восточной стенки подбоя, почти касаясь рукояткой юго-восточной стенки.

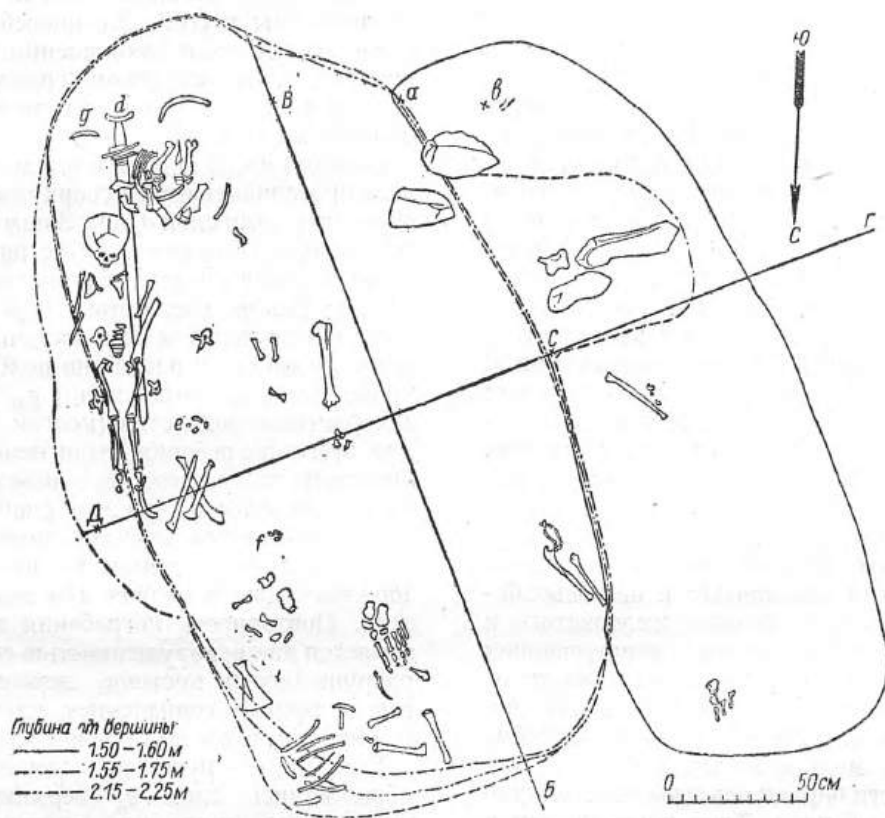

Рис. 4. План катакомбы в кургане № 8; могильник у аула Джанатан.

По всему дну подбоя были разбросаны в беспорядке отдельные кости человека (костяк № 2): позвонки, ребра, кости конечностей (рис. 4). Отдельные кости человека и барана встречались также и в засыпи, начиная с глубины 2 м. Лишь в северной части дна подбоя сохранились ненарушенными в естественном сочленении кости стоп. Непосредственно рядом с сохранившимися костями ног костяка в северо-восточном углу находились кости барана: трубчатые, ребра и лопатка. Между костями барана лежал железный, слегка изогнутый нож, на черенке которого были следы дерева от рукоятки (табл. I, 2). В южной части дна подбоя среди разбросанных человеческих костей найдены обломки какого-то железного стерженька и железное колечко. Все дно подбоя было покрыто белым налетом,

Выше костей, в заполнявшей нижнюю часть подбоя засыпи (рис. 3, слои δ_5 и g_4), на различных уровнях встречались пятна густого черного глина с отпечатками стеблей чилиги, а иногда с самими стеблями. Эти стебли или шли параллельно друг другу, или перекрещивались.

Сложные наложения засыпи могильной ямы (подбоя) чередуются в следующем порядке (рис. 3). Поверх черного слоя (δ_5), а в северной части слоя буроватой глины (g_4), шел слой желтой комковатой глины (e_3), причем некоторые комки имели следы орудий. Вся масса комков пронизывалась тонкими прослойками белого или синего цвета; по этим прослойкам масса легко распадалась. Выше снова шла прослойка черного цвета (δ_6). Она отделялась от следующего аналогичного слоя слоем комковатой глины (e_3).

совершенно подобным ранее описанному (ϵ_3). Поверх прослойки d_5 расположен слой глины с белыми вкраплениями (a_1), а в северной части слой чистожелтой глины (ϵ_2). Самая же верхняя часть подбоя заполнена обычной засышкой черного цвета, которая проникает почти повсюду по стенкам до самого дна, так что все описанные пестрые наслоения располагаются, преимущественно, в средней части подбоя.

В прослойке d_5 , на глубине 1.82 м, вдоль северо-восточной стенки подбоя лежал на желтой комковатой глине (ϵ_3 — нижний) костяк (№ 1) подростка (около семи лет) на спине, ориентированного головой к югу (рис. 4). Ноги вытянуты; руки, судя по сохранившейся части костей, были, повидимому, также вытянуты вдоль туловища. Из костей недостает обеих кистей, левого предплечья, части правого предплечья, части мелких костей стоп, верхней части позвоночника. Нижняя челюсть обнаружена южнее черепа. Кости были покрыты белым тленом. Такой же, но более густой тлен залегал под костями. На правой лучевой кости, несколько выше ее середины, найдено около 20 штук мелких стеклянных и пастовых бисеринок белого, желтоватого и черного цвета, охватывавших кость сверху. К юго-западу от черепа находились кости барана: 2 лопатки, плечевые ребра и мелкие кости. Трубочатые кости барана покрывал густой черный тлен. Тлен продолжался и дальше, на глине к востоку от костей, узкой полоской длиной 0.08—0.10 м. Возле этих костей к востоку лежал железный, слабо изогнутый нож (табл. I, 7). На черенке ножа сохранились остатки дерева.

Нижние части правых конечностей костяка заходили на уступ, образованный на глубине 1.75 м небольшим подбоем, повидимому, сделанным позднее (при захоронении этого подростка) в северо-восточной стенке первоначальной катакомбы. Этот подбой имеет ширину 0.25 м и длину по стенке 1.70 м. К югу он совершенно выклинивается,

сливаясь с основным подбоем, а к северу переходит в последний уступ (рис. 4).

Против этого небольшого подбоя в северной половине юго-восточной части дна входной ямы, на одном с ним уровне (1.75 м), в грунтовой глине имеется неправильных очертаний углубление с неясными границами, но с явными следами тех же орудий, что и на стенках катакомбы (табл. I, 5—6).

Анализируя порядок и состав слоев могильной засыпи и расположение находок, мы приходим к выводу, что здесь имеется два последовательных захоронения. Для первого по времени была сооружена обширная катакомба глубиной 1.15—1.25 м с входной ямой. На дне катакомбы был положен один умерший (костяк № 2), а на дне входной ямы другой. Это погребение было ограблено вскоре после захоронения. Грабители проникли с юга. Остатком грабительского хода является «язык», возле которого оказались выброшенные черепа.

Нижняя часть подбоя и входной ямы заполнилась просачивавшимися сверху частицами грунта, образовавшими слой d_5 и g_4 . Затем часть свода, может быть, отчасти в результате повреждений, сделанных грабителями, обрушилась и образовала слой ϵ_3 . Вскоре после этого, через ту же входную яму, вернее через ее юго-восточный конец, отчасти углубив его и расширив подбой к востоку на уровне слоя d_5 — прослойки g_5 , было совершено захоронение подростка (костяк № 1). Как дно для этого погребения были использованы обвалившиеся части свода (ϵ_3 — нижний). Не исключена возможность, что этот слой обвалившегося свода пополнился кусками грунтовой глины из северо-восточной стенки во время сооружения дополнительного подбоя для погребения подростка. Повторность погребения подростка доказывается как ненарушенностью его костяка, при разрушенности костяка, лежащего ниже его, так и точным совпадением глубин маленького подбоя и выемки во входной яме.

Еще позднее путем последовательных обвалов образовались слои ϵ_3 (верхний) и a_1 , а получившаяся выше них пустота была заполнена осевшей насыпью кургана.

Под каменной площадкой в западной части курганной насыпи был вскрыт второй слой из трех крупных камней, доходивших до глубины 1.03 м. Под этим рядом камней и между ними узкой грядкой лежали на глубине 1—0.50 м кости лошади: 4 лопатки, 6 трубчатых костей и часть таза. К западу от конских костей, на глубине 1.25 м, найдены остатки сильно истлевшего костяка трехлетнего ребенка. Благодаря плохой сохранности остатков установить положение костяка с точностью не удалось. Фрагменты черепа были найдены в южной части расположения костей. От нижних конечностей не сохранилось никаких следов. Кости имели черный цвет, под ними встречен белый тлен. Не удалось проследить и форму могильной ямы, так как кости залегали в слое очень твердой грунтовой глины, причем засыпь ни цветом, ни твердостью не отличалась от ненарушенного грунта,

Рис. 5. Железный меч. Погребение № 2; курган № 8; могильник у аула Джанатан.

Курган № 9 (рис. 6). Земляной, высота 26 см, диаметр с севера на юг — 14 м, с востока на запад — 15 м. Вершина кургана расположена несколько к северо-востоку от центра. С запада у подножия насыпи имеется выемка шириной 6.25 м, глубиной до 0.45 м. Так как при трассировке насыпи за центр была взята вершина кургана, то размеры секторов оказались неодинаковыми. В насыпи южной части юго-западного сектора и близ середины северо-восточного сектора, в первом случае непосредственно у поверхности, а во втором — на глубине 0.35 м найдено 3 фрагмента (части днища,

кельта. Длина отдельных следов достигает 0.20 м, глубина в стенку до 0.005 м.

Начиная с глубины 0.95 м, в могиле у продольных стенок стали попадаться куски гнилого дерева, идущие вертикально или несколько наклонно к середине. Это были более или менее крупные фрагменты досок 0.02 м толщиной. Дальнейшей расчисткой по всей площади могильной ямы обнаружены остатки обвалившегося деревянного покрытия могилы (рис. 7). Насколько удалось проследить по более сохранившейся части покрытия в южной стороне могилы, оно состояло из нескольких слоев. Самый ниж-

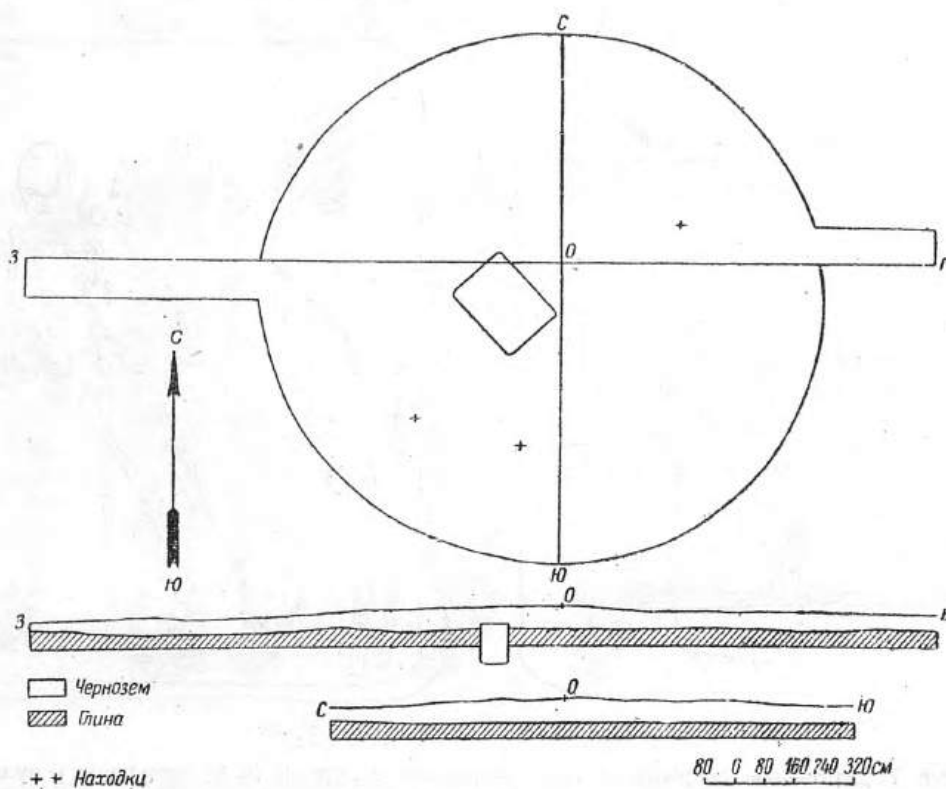

Рис. 6. План и разрезы кургана № 9; могильник у аула Джанатан.

горлышка и тулова) кувшина красного цвета из хорошо отмученной глины, хорошего обжига, сделанного на гончарном круге.

В северо-восточном углу юго-западного сектора обнаружена могильная яма прямоугольной формы с округленными углами, ориентированная длинной осью по линии северо-запад — юго-восток. Размеры могильной ямы по верху: длина 2.35 м, ширина 1.70 м, по дну соответственно 2.40 и 1.75 м (сужение произошло за счет юго-западной и юго-восточной стенок; остальные стенки отвесные). Дно ровное. Глубина ямы 1.57 м. На стенках местами прослеживаются отчетливые следы орудий, которыми была выкопана яма, идущие в различных направлениях — вертикально, наклонно и горизонтально. Следы оставлены орудием 0.04 м шириной, являвшимся, видимо, плоской лопаточкой или орудием типа

ний слой на глубине около 1.4 м состоял из идущих поперек могилы плах толщиной до 0.025 м, шириной до 0.10 м. Концы этих плах к стенкам могильной ямы не прослежены. Поверх плах шел слой красной глины большой твердости толщиной до 0.06 м, затем следовало плетение из тонких досок и драни толщиной от нескольких миллиметров до 0.02 м, шириной 0.04—0.11 м.

Более толстые поперечные доски доходили до стенок. Под ними вдоль юго-западной стенки прослежена жердь толщиной 0.04 м, остатки других таких же жердей шли в том же участке параллельно продольным стенкам могильной ямы.

Доски и дрань, располагаясь вдоль и поперек могилы, были переплетены друг с другом под прямым углом. Поверх плетения почти по всей

площади могилы шел снова слой глины до 0.03 м толщиной, а на нем слежавшейся сплошной массой слой чилижника и прутьев тальника, набросанных в беспорядке; местами его придавливали набросанные сверху жерди, идущие продольно могильной яме.

В могильной засыпке найдено: в западном углу 3 сильно закопченных черепка, небольшая сильно окислившаяся бронзовая пластинка и несколько незначительных крупинки медной окиси, возле средней части юго-западной стенки — бронзовый пластинчатый наконечник ремня, суживающийся к одному концу и расщепленный с другого конца, имеющий небольшое круглое

ниже покоятся на двух жердях, лежащих вдоль могильной ямы в центральной ее части, в 0.40 м друг от друга. Очень вероятно, что все это вместе представляло собой носилки. Но костяк лежал не вдоль их, а несколько наискось, отчасти перекрывая северо-восточную жердь.

На правой ступне хорошо сохранился большой кусок (0.10×0.07 м) кожи от обуви. По всей правой голени вплоть до коленного сустава местами также встречены мелкие остатки кожи.

Возле наружной стороны верхней части левого предплечья найдены железный нож (табл. II, 7) и большой каменный точильный брусок (табл. II, 10). Нож лежал ближе к костяку.

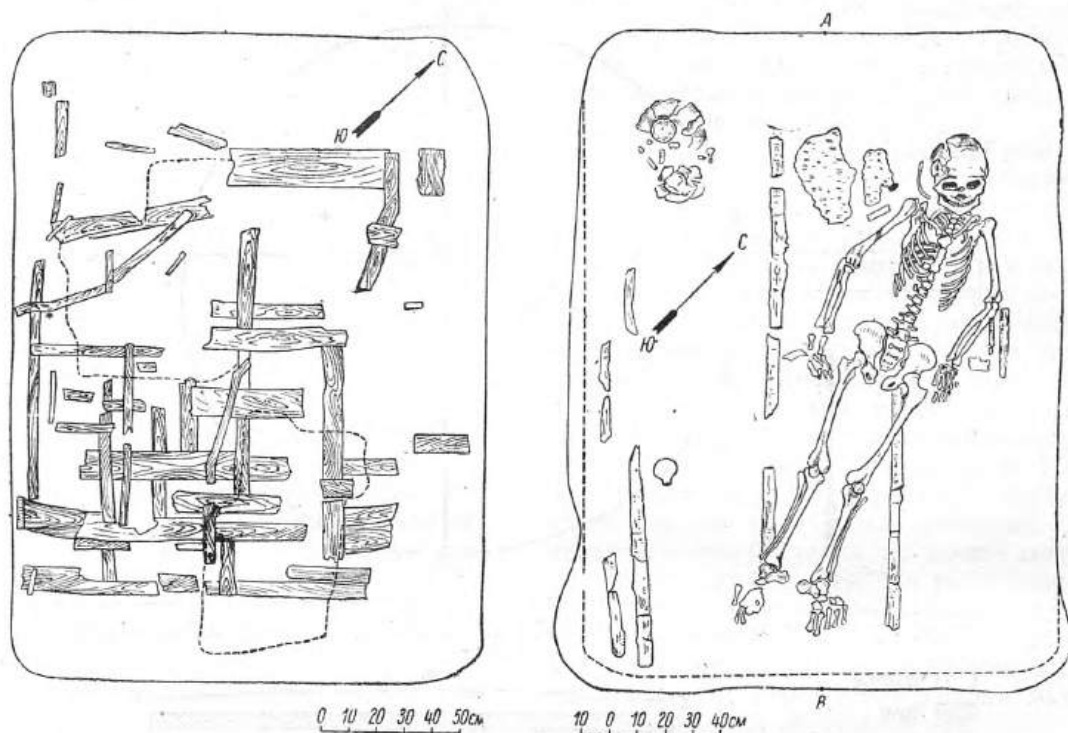

Рис. 7. Деревянное покрытие и план погребения в кургане № 9; могильник у аула Джанатан.

отверстие для гвоздика или заклепки (табл. II, 5), в восточном углу — обломок железного кольца (видимо, пряжки).

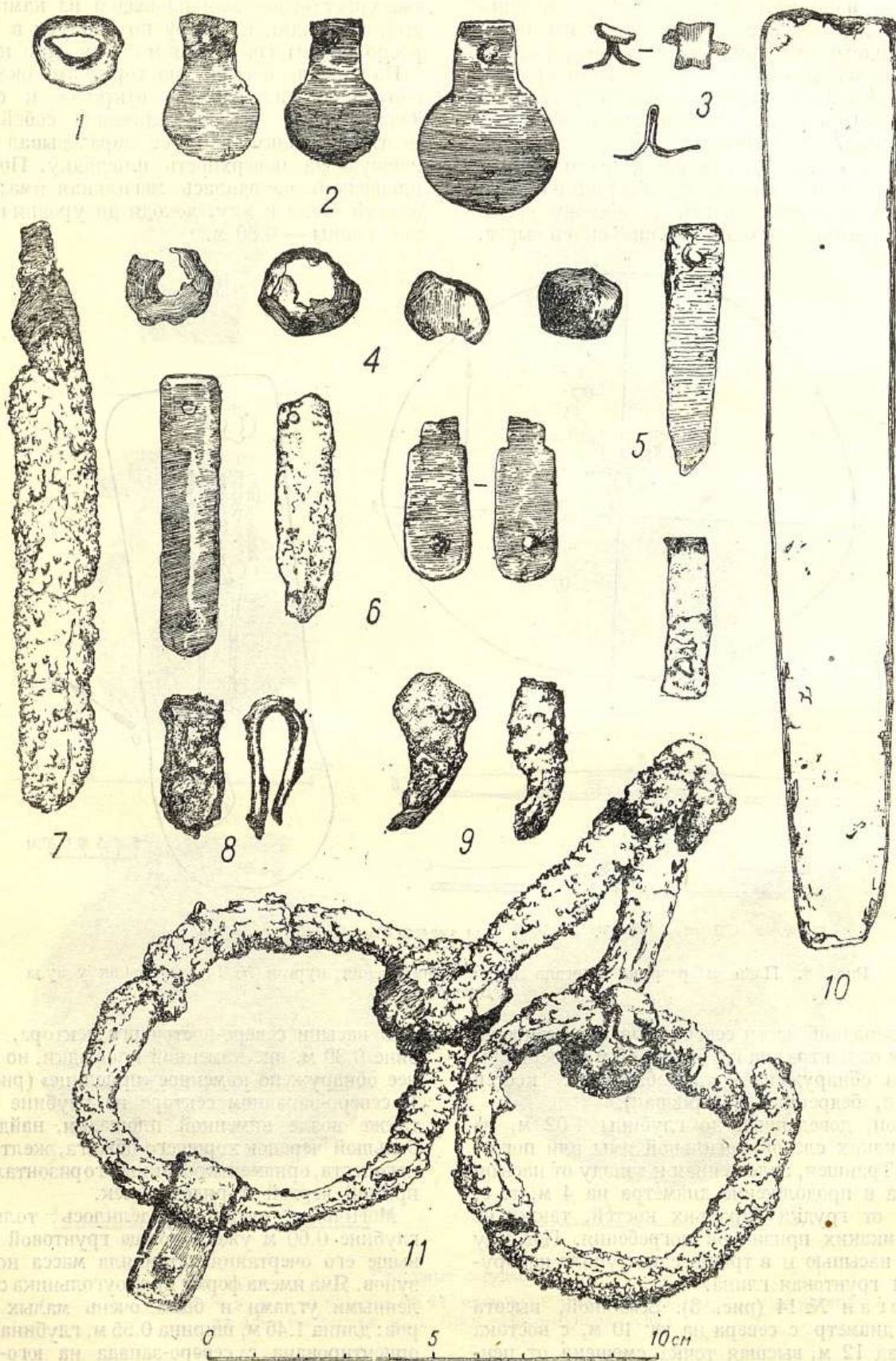
На дне могильной ямы лежал костяк в вытянутом положении, на спине, ориентированный к северо-западу (на 345°), т. е. почти по диагонали могилы (рис. 7). Череп сильно деформирован (лицо обращено к юго-востоку), в швах расселся. Руки слегка согнуты в локтях, кисти у таза, ноги вытянуты, ступни свалились кнаружи. Кости очень хорошей сохранности и за небольшим исключением все налицо. Недостаёт только нескольких фаланг, а одно ребро было затащено грызунами к правой височной кости.

Поверх костяка, непосредственно на костях, местами прослеживаются остатки досок. Почти весь костяк покрыт черным тленом дерева или луба. Под костяком — береста, лежащая на тонких, идущих поперек могилы, досках. Послед-

Между серединой левой голени и северо-восточным брусом носилок обнаружена часть небольшого железного сильно окислившегося кольца.

В 0.20 м от средней части северо-западной стенки лежал на боку устьем к стенке маленький глиняный сосудик, имеющий форму опрокинутой усеченной четырехгранной пирамиды с двумя отверстиями в противоположных стенках (табл. III, 7). Вместимость сосудика чуть побольше наперстка. В западном углу могильной ямы стояли два глиняных сосуда (табл. III, 3—4). Один в форме кувшина с невысоким горлышком и ручкой, второй в виде горшка с сильным перехватом в шейке и почти горизонтальными плечиками. На сосудах, возле и между ними, грудой лежали медные и низкопробного серебра бляшки, мелкие кусочки от уздечки и фрагменты железных кольчатых удил (табл. II, 1—4,

Таблица II

Погребение в кургане № 9; могильник у аула Джанатан.

1—6, 8—9, 11 — удила и набор уздечки; 7 — железный нож; 10 — каменный точильный брусок.

6, 8—9, 11). В 0.43 м к западу от правого колена лежал на боку устьем к юго-востоку маленький круглодонный сосуд бело-розового цвета с бомбовидным туловом и узким цилиндрическим горлом (табл. III, 2). У верхней части правого бедра найдены остатки деревянной долбленной маленькой чашечки. Правая кисть непосредственно касалась чашечки.

Курган № 10. Земляной, высота 17 м, диаметр с севера на юг 12 м, с востока на запад 10 м; сильно уплощенный. К востоку склон насыпи кургана переходит в общий склон сырта.

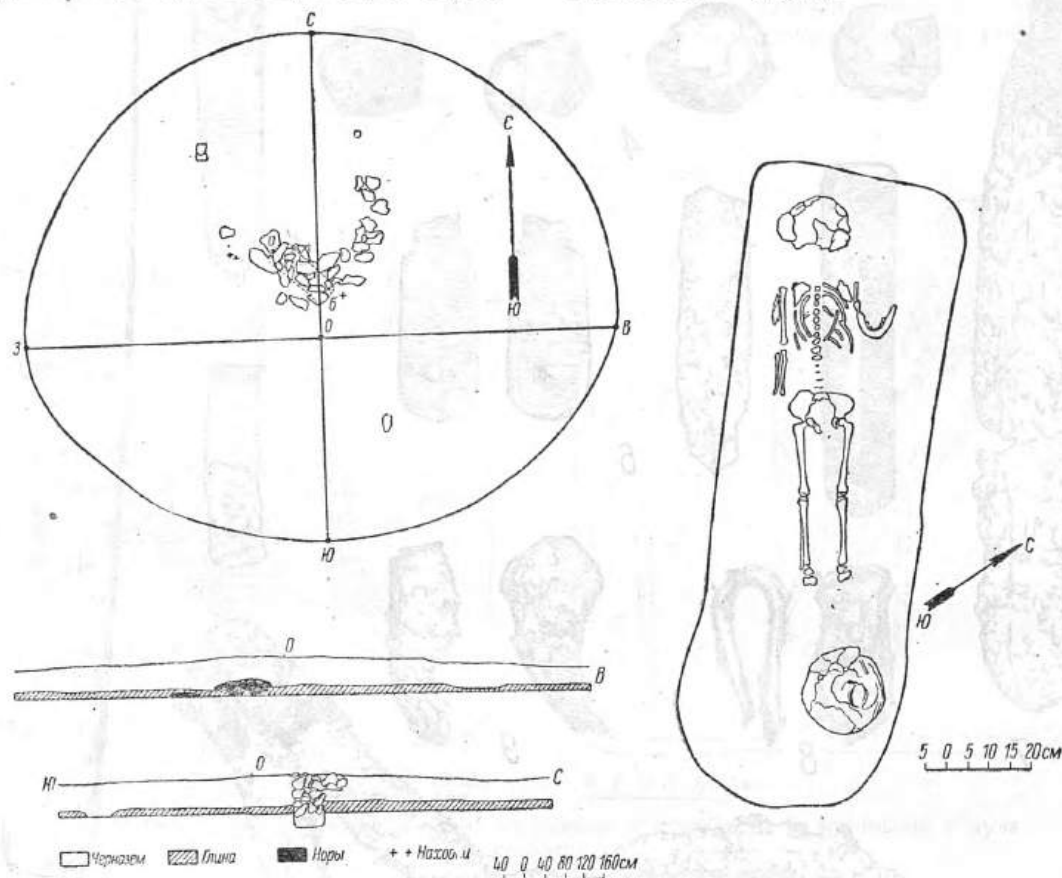

Рис. 8. План и разрезы кургана и план погребения; курган № 14, могильник у аула Джанатан.

В юго-западной части северо-западного сектора, в 4.45 м от центра, на глубине 0.40 м от вершины кургана обнаружена грудка бараньих костей (тазовая, бедренная и берцовая).

Раскоп, доведенный до глубины 1.02 м, не дал никаких следов могильной ямы или погребения. Траншея, заложенная к западу от насыпи кургана в продолжение диаметра на 4 м, т. е. вблизи от грудки бараньих костей, также не дала никаких признаков погребения. Повсюду и под насыпью и в траншее выступила ненарушенная грунтовая глина.

Курган № 14 (рис. 8). Земляной, высота 27 см, диаметр с севера на юг 10 м, с востока на запад 12 м, высшая точка смещена от центра к югу. При разбивке на секторы за центр взята вершина кургана.

К северу от вершины на поверхность насыпи выступает небольшая площадка из камней. От этой площадки к северу по радиусу в 2.80 м расположены три камня и к югу один камень.

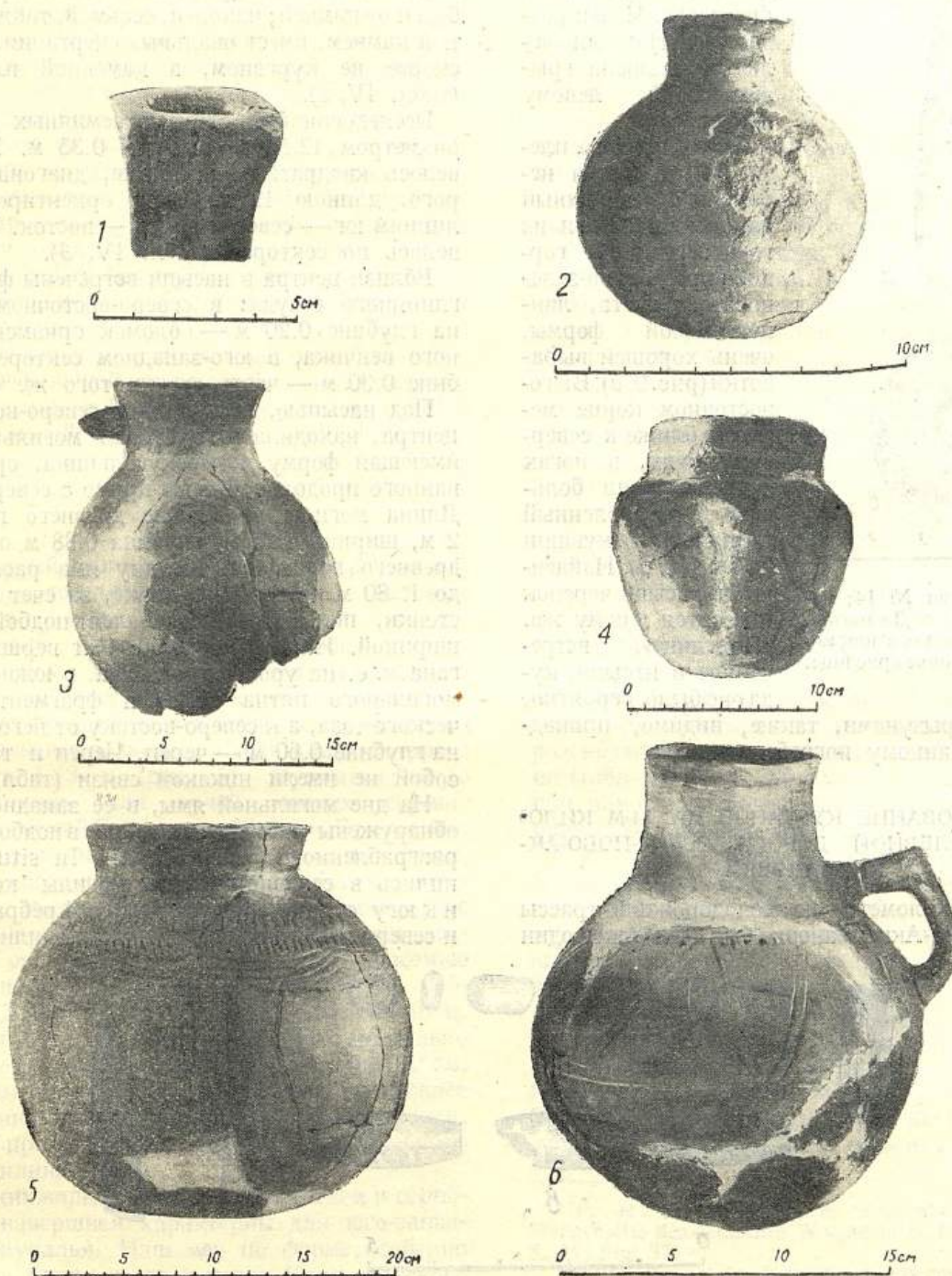
По снятии насыпи, на горизонте оказалось полукольцо из камней, открытое к северу. Южная часть его представляла собой более плотную кладку, верх ее образовывал выступавшую на поверхность площадку. Под этой площадкой находилась могильная яма; часть камней осела в яму, доходя до уровня грунтовой глины — 0.80 м.

В насыпи северо-восточного сектора, на глубине 0.30 м, вне каменной площадки, но вблизи нее обнаружено каменное «пряслице» (рис. 9, б). В северо-западном секторе на глубине 0.15 м, также возле каменной площадки, найден небольшой черепок хорошего обжига, желто-красного теста, орнаментированный горизонтальными прямой чертой и рядом точек.

Могильное пятно определилось только на глубине 0.60 м уже в толще грунтовой глины; выше его очертания затемняла масса нор грызунов. Яма имела форму прямоугольника с округленными углами и была очень малых размеров: длина 1.46 м, ширина 0.55 м, глубина 1.05 м, ориентирована с северо-запада на юго-восток.

На дне могилы находился сильно истлевший костяк ребенка, положенного на спину и ориен-

Таблица III

Глиняные сосуды.

1—4 — из кургана № 9; 6 — из кургана № 14, могильник у аула Джанатан; 5 — из кургана на 14-м километре ж. д. Орск—Ново-Аккермановка.

тированного на северо-запад (300°); ноги и руки вытянуты (рис. 8).^{*} От костей левой руки сохранилась только часть

плечевой. Отсутствует много ребер, все фаланги и другие мелкие кости. Череп раздавлен. Нижняя челюсть затащена грызунами к левому локтю.

Вдоль правого плеча был положен небольшой каменный наконечник копья из тонкозернистой горной породы серо-зеленоватого цвета, ланцетовидной формы, очень хорошей выработки (рис. 9, а). В юго-восточном конце могилы, ближе к северному углу, в ногах костяка стоял большой раздавленный глиняный кувшин (табл. III, б). Найдённый в насыпи черепок относится к нему же. «Пряслице», встреченное в насыпи, куда оно было, вероятно,

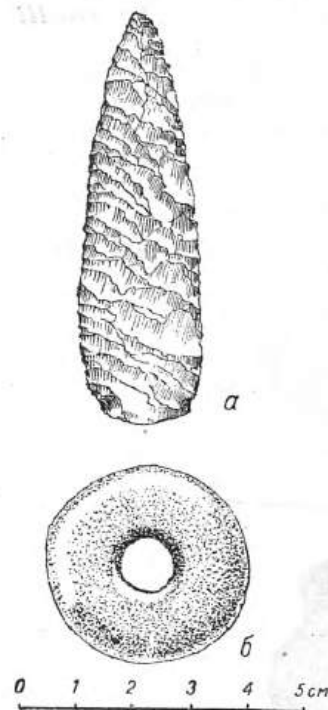

Рис. 9. Курган № 14; могильник у аула Джанатан. а — каменный наконечник копья; б — каменное пряслице.

затащено грызунами, также, видимо, принадлежит описанному погребению.

II. ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ НА 14-М КИЛОМЕТРЕ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ОРСК—НОВО-АККЕРМАНОВКА

На 14-м километре железнодорожной трассы Орск — Ново-Аккермановка был исследован один

в пределах от 4.50 до 14 м, по высоте от 0.10 до 0.60 м. Внешний вид курганов различен. Насыпи трех из них чисто земляные; у четвертого полы обложены камнем, пятый обложен камнем полностью; такой же вид имеет шестой курган с той лишь разницей, что центр его свободен от камней; наконец, седьмой, также покрытый камнем, имеет овальные очертания, являясь скорее не курганом, а каменной площадкой (табл. IV, 2).

Исследован был один из земляных курганов диаметром 12.50 м, высотой 0.35 м. Вскрытие велось квадратным раскопом, диагонали которого, длиной 12 м, были ориентированы по линиям юг — север и запад — восток. Раскопка велась по секторам (табл. IV, 3).

Вблизи центра в насыпи встречены фрагменты глиняного сосуда: в северо-восточном секторе на глубине 0.20 м — обломок орнаментированного венчика, в юго-западном секторе на глубине 0.30 м — часть стенки того же сосуда.

Под насыпью, несколько к северо-востоку от центра, находилась грунтовая могильная яма, имеющая форму четырехугольника, ориентированного продольной осью прямо с севера на юг. Длина могилы на уровне древнего горизонта 2 м, ширина 1.25 м, глубина 0.88 м от уровня древнего горизонта. Ко дну яма расширяется до 1.80 м при той же длине, за счет западной стенки, под которой оказался подбой 0.55 м шириной. На глубине 0.50 м от вершины кургана, т. е. на уровне горизонта, в южной части могильного пятна встречен фрагмент человеческого таза, а к северо-востоку от него, в 0.60 м на глубине 0.60 м — череп. Череп и таз между собой не имели никакой связи (табл. IV, 4).

На дне могильной ямы, в ее западной части, обнаружены частично заходящие в подбой остатки разграбленного погребения. In situ сохранились в северном конце могилы кости ног и к югу от них 6 позвонков и 4 ребра. Южнее и северо-восточнее последних находились на дне

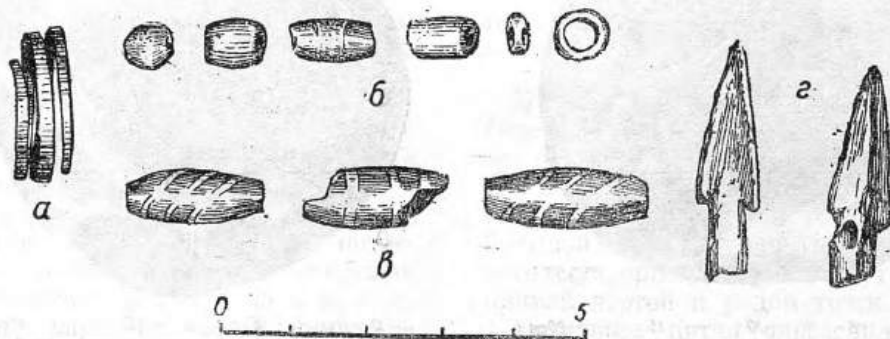

Рис. 10. Курган на 14-м километре ж. д. Орск—Ново-Аккермановка. а — бронзовое колечко; б — стеклянные и пастовые бусы; в — сердоликовые бусы; г — бронзовые наконечники стрел.

курган, входящий в состав группы из 7 насыпей. Эта группа расположена на краю небольшой возвышенности коренного берега р. Урала (табл. IV, 1). Размеры насыпей колеблются по диаметру

ямы или несколько выше дна (на 0.10—0.15 м) другие кости человеческого скелета, лежавшие в беспорядке: плечевая, 2 ключицы, 2 лопатки, позвонки, фаланги и обломки ребер (табл. IV, 4).

Между разбросанными костями найдены 3 сердоликовые бусины удлинено-бочковидной формы с тремя белыми полосками (рис. 10, а) и 7 мелких из белой и голубоватого цвета стеклянной пасты (рис. 10, б). Здесь же, на одной из пальцевых фаланг, было спиральное кольцо из свернутой в 2,5 оборота плоской в сечении медной проволоки (рис. 10 а). Другое подобное кольцо, но круглое в сечении, найдено в обломках возле двух позеленевших от медной окиси фаланг. В области ребер обнаружены два трехгранных бронзовых наконечника стрел, находившихся на 0,15 м выше дна (рис. 10, г).

К северу от ступней ног, под самой стенкой, *in situ* находился раздавленный глиняный сосуд с широким округлым туловом, украшенный линейным орнаментом (табл. III, 5).

По сохранившейся части костяка устанавливается, что умерший был положен вытянуто на спине, головой к югу.

При зачистке дна могильной ямы был обнаружен небольшой кусочек бурого железа с шлако- или туфообразным наростом блестящей свинцовой окраски.

III

Найденный при раскопках погребальный инвентарь, состоящий из оружия и бытовых предметов, дает возможность не только отнести все исследованные курганы к сарматской эпохе, но и расположить их в известной хронологической последовательности.

Оружие представлено прежде всего железным мечом больших размеров, общая длина которого равняется 1,13 м (рис. 5). Рукоятка этого меча типична для мечей многих сарматских погребений Заволжья и Южного Приуралья. Она имеет «серповидное», утолщенное на концах, плоское навершие и прямое короткое перекрестие с закругленными концами. Перекрестие надето на рукоятку; стержень рукоятки массивный, овальный в разрезе, покрыт восемью продольными бороздками, что делает его ребристым. Длинный прямой клинок, длиной 0,97 м, сужается книзу, но в самом низу снова несколько расширяется (ширина сверху 4,5 см, внизу 2 см, а в самом низу 2,5 см). Возможно, что нижнее расширение произошло от наконечника ножен, который при окислении железа слился в общую массу с клинком.

Меч и кинжалы с прямым перекрестием и серповидным навершием характерны для юго-западного Приуралья. Наш меч по форме, особенно рукоятки, ближе всего к мечам Красногорского кургана¹ и 3-го Прохоровского.² Реже такая

форма встречается в Нижнем Поволжье.¹ Особенностью нашего меча является очень большая его длина и ребристость массивного стержня рукоятки.

Подробно останавливаются на мечах этого типа, приводя и перечень пунктов их находок, М. И. Ростовцев и Б. Н. Граков.² Чтобы не повторяться, мы упомянем только еще один пункт — Кишинский курган близ г. Уфы, раскопанный в 1934 г. Уфимской экспедицией ГАИМК, работавшей под руководством П. А. Дмитриева. Длинный меч и некоторые кинжалы из этого кургана (не опубликованы) очень близки к нашему.

Положение меча справа от погребенного в кургане № 8 указывает на способ ношения мечей и кинжалов этого типа. Такой способ применялся антикапейскими воинами, судя по изображениям керченских надгробных стел I—II вв. н. э., и зауральцами, судя по найденным в Пермской губернии бронзовым фигуркам.³

Столь обычные в скифо-сарматских погребениях бронзовые трехгранные наконечники стрел представлены среди инвентаря курганов близ аула Джанатан только одним экземпляром наконечника со втулкой, не выступающей за пределы головки (табл. I, 3), да в кургане на 14-м километре обнаружено 2 наконечника с выступающей втулкой (рис. 10, г).

Железные кольчатые удила (табл. II, 11) встречены вместе с набором уздечки из медных и низкопробного серебра бляшек (табл. II, 2, 4, б), которые прикреплялись к уздечке при посредстве круглых отверстий железными заклепками или при помощи двойных стерженьков, разгибавшихся на противоположной стороне ремня (табл. II, 3). С удилами уздечка соединялась при помощи скобочек: на одном кольце серебряной, на другом — железной (табл. II, 8, 11). От уздечного набора сохранилось также одно деревянное усеченно-бипирамидальной формы колечко диаметром 18 мм (табл. II, 7). Длина мундштука 16 см, диаметр 1 см. Концы мундштука кольцеобразно загнуты и охватывают большие кольца-псалии диаметром 8—9 см.

Кольчатые удила существовали очень продолжительное время. Самые ранние встречаются еще в памятниках первых веков до н. э.; поздние в римских памятниках. Но удила разновидности, близкой к нашим (из кургана близ с. Замаараевского Шадринского у. и из раскопок Перовского

¹ P. Rau. *Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des deutschen Wolgagebiets*. Pokrowsk, 1927, S. 45, Fig. 37.

² Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г. Труды Секции археол., РАНИОН, IV, 1928, стр. 153.

³ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, стр. 41 и 56. Местом находки этих бронзовых фигурок Ростовцев называет дер. Сапогову Шадринского у., в то время как в отчете Археологической комиссии за 1911 г. на стр. 86, где опубликованы и изображения фигурок, местом их находки называется дер. Большая Кизылова б. Екатеринбургского у.

¹ Труды Оренбургск. учен. архивн. комисси, вып. XVI, стр. 85—87.

² М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области. Матер. по археол. России, № 37, табл. 5, рис. 11.

близ Керчи), Bela-Pósta датирует III в. н. э.¹ Ко времени II—III вв. н. э. относятся и кольчатые удила из раскопок Р. Рау,² причем и набор уздечки при таких удилах из кургана D-14 у Alt-Weimar в Республике немцев Поволжья аналогичен нашему набору. М. И. Ростовцев кольчатые удила считает типичными для римского времени.³

Керамика представлена рядом разнообразных сосудов, происходящих из курганов №№ 9 и 14 у аула Джанатан и из кургана с 14-го километра железной дороги Орск—Ново-Аккермановка. Погребение в кургане № 9 дало 4 сосуда, в двух остальных курганах обнаружено только по одному сосуду.

Сосуд из кургана № 9 имеет горизонтальные широкие плечики и широкое низкое горло (табл. III, 4). Бока сосуда книзу сужаются и мягко переходят в плоское небольшое дно. Высота 13.5 см, диаметр устья горла 9 см, максимальный поперечник тулова 11.7 см, дна 4 см. Толщина стенок 5—8 мм. Стенки книзу утолщаются. Цвет в изломе черный. Сосуд леплен от руки. Поверхность сильно закопчена. Внутри на стенке одного бока черный тлен.

Сосуды этого типа мы видим в курганах II—IV вв. на Нижней Волге.⁴

Кувшин из кургана № 9 с широким и высоким, слегка отогнутым наружу горлом и широким дном (табл. III, 3), имеет высоту 20.5 см, диаметр устья горла 9.5 см, максимальный тулова 16 см, дна 9 см. Цвет в изломе серо-черный, поверхность желтая. Внутри на стенках и дне толстый (на дне до 0.5 см) слой черного тлена. Подобные кувшины также встречаются в курганах II—IV вв. Нижнего Поволжья.

В тех же курганах обычны миниатюрные четырехгранные, иногда в виде усеченной пирамиды, глиняные сосудики с отверстиями в боках,⁵ сходные с обнаруженным в кургане № 9 (табл. III, 7) и трактуемые как туалетная принадлежность. Формой этого сосуда является усеченная четырехгранная опрокинутая пирамида. В верхней трети двух противоположных граней имеется по одному круглому маленькому отверстию друг против друга. Устье вместилища овальное по диагонали. На дне отпечатки травы. Обжиг хороший. Цвет желтый, в изломе кирпичный. Высота 4 см, ширина вверху 4.5×4.3 см, внизу 3×2.7 см, глубина вместилища 2.2 см.

Маленький шаровидный круглодонный сосуд с высоким, узким и несколько расширяющимся кверху горлом встречен в кургане № 9 (табл. III, 2). Леплен от руки, грубо, несимметрично (в особенности горло) из хорошо отмученной

глины розово-желтого цвета. По поверхности белый налет (как бы выбеленный). Высота 9.5 см, диаметр 8.2 см, диаметр горла наружный 3.8 см, внутренний 2 см.

Большой кувшин, найденный в кургане №14, имеет яйцевидную форму с высоким сужающимся кверху горлом (табл. III, 6). Венчик горла слегка отогнут кнаружи. Дно узкое, под тупым углом мягко переходит в стенки. Нижняя часть сосуда полностью не реставрируется. По сохранившейся части установлено одно круглое отверстие в центре и 3 отверстия в самой нижней части стенок. Отверстия круглые, просверленные в сосуде в обожженном виде извне, имеют диаметр в 6 мм. Ручка плоская, расширяющаяся книзу. Сосуд украшен резным орнаментом: вокруг верхней части горла 4 очень неровных пояска, по два таких же пояска на плечиках и чуть ниже наиболее широкой части сосуда. Площадь между этими двумя парами поясков заполнена зигзагом из двойных резных линий, состоящим из 14 двойных наклонных линий, образующих 7 треугольников с вершиной книзу. Пониже резных поясков на плечиках идет поясок из наклонных точек-вдавлений. Окраска поверхности сосуда неровная, пятнами: желтого и серо-черного цвета. Изнутри красновато-желтого цвета, в изломе черного. Леплен от руки. Обжиг хороший. Стенки изнутри к одному боку покрыты черным тленом, который местами лежит скоплениями до 2 мм толщиной. Высота 25 см, диаметр горла 8.5 см, максимальный диаметр тулова 19 см.

Наиболее близкую аналогию этому сосуду мы находим опять на Нижней Волге.

Фрагменты сделанного на круге сосуда красного цвета, встреченные в насыпи кургана № 9, никакого отношения к погребению не имеют. Повидимому, это случайно попавшие сюда осколки позднего кувшина, относящегося ко времени не ранее Золотой Орды.

Сосуд из кургана на 14-м километре железнодорожной линии Орск—Ново-Аккермановка представляет собой совершенно особый и неизвестный в курганах близ аула Джанатан тип керамики (табл. III, 5). Это крупный сосуд (высота 22 см, наибольшая ширина 22.5 см, ширина устья 12.5 см, дна 12.5 см) с сильно раздутыми округлыми боками и плоским дном, напоминающий формой своего тулова репу, с невысоким несколько расширяющимся кверху горлом. По плечикам сосуда, начиная почти от основания горла, расположен орнамент: сверху тройной поясок из вдавленных линий, ниже два ряда овальных ямок, а между ними снова поясок из вдавленной линии, и, наконец, нижняя часть орнаментированной зоны представляет собою 5 рядов гирляндобразных вдавленных линий. Один бок сосуда был поврежден в древности и, видимо, «сшит», так как в двух местах вокруг трещин имеются группы небольших просверленных отверстий. В первой группе — две пары расположенных друг против друга отверстий,

¹ Bela-Pósta. Archaeologische Studien auf russischem Boden. Budapest—Leipzig, 1905.

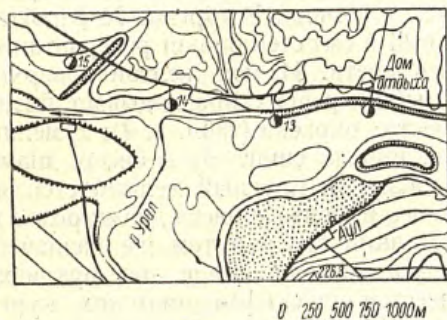
² P. Rau, op. cit., S. 31; курган D-14. — Idem. Die Hügelgräber Römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, S. 20; курган A-9.

³ М. И. Ростовцев. Скифия и Боспор. Лгр., 1925, стр. 567.

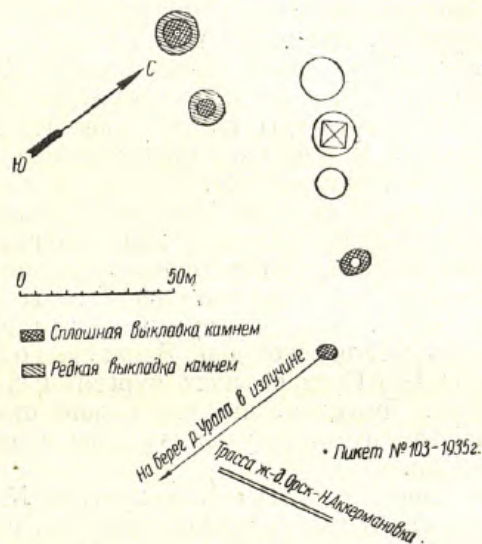
⁴ P. Rau, op. cit., S. 50, Fig. 79 и S. 57, Fig. 87.

⁵ Ibidem, S. 41, Fig. 62.

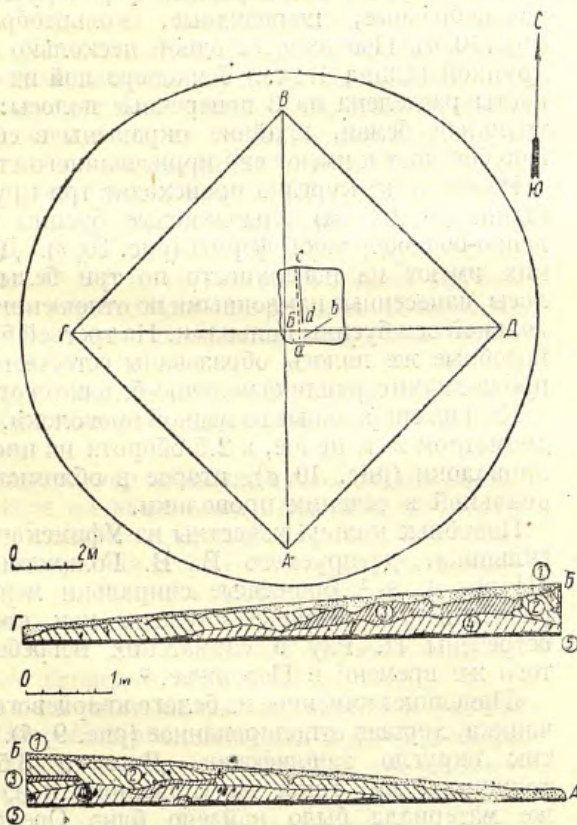
Таблица IV

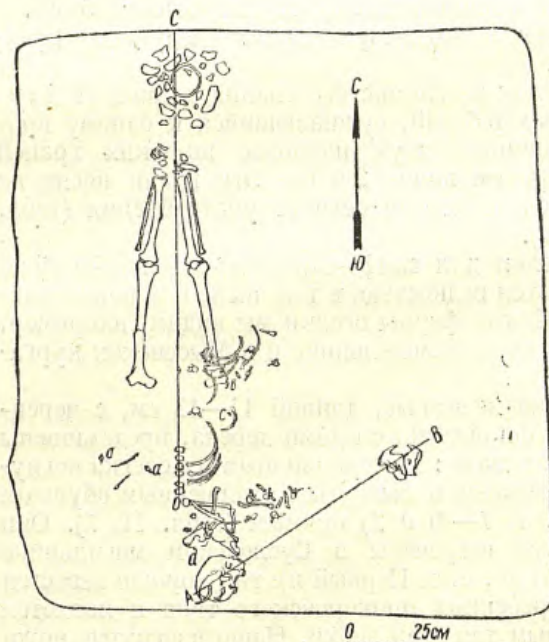
1

2

3

4

Моги́льник на 14-м километре ж. д. Орск—Ново-Аккермановка.

1 — местоположение могильника; 2 — план могильника; 3 — план и разрезы кургана; 4 — план погребения.

во второй — три отверстия, расположенных так же, причем, без сомнения, было и четвертое, но на его месте сейчас большая пробоина.

Точные аналогии этому сосуду в археологической литературе неизвестны. Наиболее близкими по форме к нему нужно признать сосуды, широко известные из сарматских курганов южного Приуралья. Мы имеем в виду сосуды из Прохоровских курганов¹ и из кургана № 6 на Бердинской горе близ г. Оренбурга,² а также некоторые сосуды из раскопок Н. К. Минко близ г. Челябинска, происходящие из курганов у пос. Исаковского.³

Общими чертами всех этих сосудов с нашим являются форма горлышка в виде стоячего, расширяющегося кверху воротничка, раздутость боков, локализация орнаментальной зоны по плечикам сосуда. Но наш сосуд менее вытянут в высоту и имеет плоское дно. Ближе всего он к сосуду из 4-го Прохоровского кургана и 6-го Бердинского. Думается, что его нужно относить к той же группе сосудов курганов прохоровского типа.

Помимо глиняных сосудов, в кургане № 9 найдены также остатки небольшой чашечки, долбленной из целого дерева с прямыми стенками, вверху закругленными и несколько отогнутыми кнаружи. По сохранившимся фрагментам трудно восстановить форму; нельзя с уверенностью определить, была ли чашечка круглой или овальной. Если она была круглой, то диаметр ее равнялся приблизительно 10 см; высота 5 см.

Затем в инвентарь входят следующие предметы.

Оселок из глинистого сланца длиной 20,5 см, четырехгранный, суживающийся к одному концу; ширина двух наиболее широких граней в широком конце 2,9 см. Эти грани несут на себе следы сточенности от употребления (табл. II, 10).

Оселки для скифо-сарматских погребений не являются редкостью, в том числе и четырехгранные. Такой формы оселки мы видим, например, в Суловском могильнике и в Мысовских курганах.⁴

Ножи железные, длиной 11—13 см, с черенками, покрытыми следами дерева, представлены двумя типами: 1) «серповидным» со слегка вогнутым лезвием и выгнутым утолщенным обушком (табл. I, 1—2) и 2) прямым (табл. II, 7). Они в массе встречаются в Суловском могильнике II—III вв. н. э. Первый же тип хорошо известен в погребениях прохоровского типа и является обычным для этой эпохи. Наши изогнутые ножи

также происходят из кургана № 8, наиболее раннего по облику своего инвентаря. Надо впрочем оговориться, что «серповидные» ножи не являются отличительной особенностью курганов только прохоровского типа, они встречаются и в более позднее время.

Из предметов украшения встречаются только бусы и кольца. В кургане № 8 найдены: 1) крупная (1,5 см) стеклянная реберчатая бусина желтого цвета. Из-под желтой поверхности (позолоты) на ребрах проглядывает блестящая серебристая окраска (табл. I, 4); 2) мелкие рубленные стеклянные синие бусы-бисер диаметром 2 мм (3 экз.); 3) круглый мелкий стеклянный бисер белого и желтого цвета диаметром 3 мм (22 экз.).

Мелкий бисер в том же назначении — украшения одежды (чаще на рукавах) — хорошо известен из скифо-сарматских курганов Нижнего Поволжья и Приуралья первых веков до н. э. и н. э.

В кургане на 14-м километре железной дороги Орск—Ново-Аккермановка встречаются бусы другого рода. Здесь было найдено 7 экз. мелких (длина 0,2—0,8 см, диаметр 0,2—0,8 см) стеклянных и пастовых бусинок белого, светложелтого и голубого цвета разных форм: рубленные, бочкообразные, шаровидные, кольцообразные (рис. 10, б). Поверхность одной несколько более крупной (длина 1,1 см) бочкообразной из белой пасты разделена на 3 поперечные полосы: центральная белая, крайние окрашены в светлоголубой цвет и имеют вид иризированного стекла.

Из этого же кургана происходят три крупные (длина до 2,1 см) сердоликовые бусины удлиненно-бочкообразной формы (рис. 10, в). Две из них имеют на поверхности по три белые полосы, нанесенные наклонными по отношению к продольной оси бусины кольцами. На третьей бусине подобные же полосы образованы естественными прожилками сердолика молочно-беловатого цвета.

Кольца спиральные из медной проволоки. Одно диаметром 2 см целое, в 2,5 оборота из плоской проволоки (рис. 10, а), второе в обломках из овальной в сечении проволоки.

Подобные кольца известны из Уфимского могильника, датированного В. В. Гольмстен I—III вв. н. э.¹ Бронзовые спиральки меньших размеров (не могущие служить как кольца) встречаются П. Рау в сарматских погребениях того же времени в Поволжье.²

«Пряслице» каменное из белого кварцевого песчаника, хорошо отполированное (рис. 9, б). Бортик округло зашлифован. Диаметр 3,5 см, толщина 7 мм. Такое же «пряслице» и из того же материала было найдено близ Оренбурга в кургане, датированном Б. Н. Граковым VI—IV вв. до н. э.³

¹ В. В. Гольмстен. Могильник близ г. Уфы. Отчет Моск. археол. инст. за 1911—1912 гг., 1913.

² Р. Рау, *op. cit.*, S. 39, Fig. 37.

³ В. Н. Граков. Deux tombeaux de l'époque Scythique aux environs de la ville d'Orenbourg. *Eurasia septentrionalis Antiqua*, IV, 1929, p. 177, fig. 12.

¹ М. И. Ростовцев. Курганные находки Оренбургской области, табл. V, рис. 13.

² Н. Е. Макаренко. Продолжение раскопки кургана около пос. Красногорского Оренб. уезда. Труды Оренбургск. учен. архивн. комиссии, вып. XVI, стр. 90, рис. 8.

³ Челябинский музей, инв. № 191/46.

⁴ П. А. Дмитриев. Мысовские стоянки и курганы. Труды Секции археол., РАНИОН, IV, М., 1928, стр. 186.

Наконечник копья из тонкозернистой горной породы серо-зеленоватого цвета длиной 7 см, толщиной 0.5 см, при максимальной ширине 2.5 см, великолепной работы, сплошь покрытый ретушью (рис. 9, а). Аналогий в памятниках скифо-сарматской эпохи мы указать не можем. Весь облик наконечника говорит о переживаниях в технике обработки камня традиций эпохи неолита.¹

Необходимо сказать несколько слов об орудиях, от которых мы имеем лишь негативные изображения в виде следов в глине на стенках могильных ям. Изучение самих следов и гипсовых слепков, сделанных с них, дают возможность ясно представить форму орудий, употреблявшихся для земляных работ в эту эпоху. Устанавливается два типа орудий: 1) круглые или овальные в разрезе, шириной 2—2.5 см в виде лома и 2) небольшие узкие лопаточки шириной 4.5 см. И те и другие оставили на стенках могил следы свыше 15 см длиной. Зафиксирован еще третий тип следов: узкие двугранные борозды глубиной 0.5—1 см, как бы оставленные орудием типа клевца (табл. I, 5—6), но мы склонны видеть в этих бороздах скорее следы ребра той же узкой лопаточки, о которой говорилось выше. К такому заключению нас склоняет то обстоятельство, что двугранные следы обнаружены в таких пунктах катакомбы, где работать можно было лопаточкой, ставя ее лишь ребром. Следы обоих устанавливаемых нами типов землекопных орудий отмечались и ранее в могильных сооружениях Поволжья и юго-западного Приуралья скифо-сарматской эпохи.² В Республике немцев Поволжья П. Рау в 1924 г. в кургане № В-5 на р. Торгуе в составе прочего инвентаря сарматского погребения обнаружил железное орудие типа пещни с лезвием шириной 42 мм.³

Нам думается, что орудие этого типа и служило для сооружения могилы в кургане № 9 у аула Джанатан.

Общий характер описанных памятников широко известен на юго-востоке Европейской части СССР, в Поволжье и Приуралье, отчасти и в Зауралье. Памятники этого типа относятся к скифо-сарматской эпохе. Но скифо-сарматские курганы имеют несколько стадийных наслоений. Исследованные нами курганы относятся также к разным периодам этой эпохи.

Курган на 14-м километре железной дороги Орск—Ново-Аккермановка хотя и дал довольно ограниченное количество находок, оказавшись

разрушенным, все же может быть с уверенностью отнесен к прохоровскому типу сарматских погребений Южного Приуралья, т. е. к последним векам до н. э. Об этом говорит сосуд, очень близкий к сосудам, известным из прохоровско-сарматских погребений юго-западного Приуралья. Бронзовые трехгранные наконечники стрел, найденные в кургане, характерны для III—II вв. до н. э. и, следовательно, также не противоречат нашей датировке, как и южная ориентировка покойника, обычная для погребений этого типа.

К тому же времени нужно отнести и курган № 8 близ аула Джанатан, судя по инвентарю и ритуалу. Форма рукоятки меча из этого кургана характерна для погребения прохоровского типа. Поэтому основное погребение (№ 2, разграбленное) нужно отнести к последним векам до н. э. Этой датировке не противоречит характер и второго погребения (№ 1) подростка. Общая ориентировка с основным костяком, наличие бараньих костей с ножом типичной формы среди них, заставляет относить оба погребения катакомбы к одной эпохе. Правда, наличие бисера на руке связывает погребение подростка с некоторыми нижневолжскими позднесарматскими погребениями II в. н. э., но такой же обычай украшения рукавов, пояса и других частей одежды установлен и для кургана у с. Кишки, близ г. Уфы, который П. А. Дмитриевым относится к группе прохоровских.¹

Не вызывает сомнений принадлежность погребения кургана № 9 к той же группе позднесарматских погребений, которые П. Д. Рау объединяет под именем позднееримской стадии и которую он датирует III—IV вв. н. э.² Общими чертами с этой группой у нашего погребения являются: северная ориентировка, деформация черепа, форма керамики, миниатюрные сосудики кубической формы с отверстиями на боках. Отсутствие в нашем погребении подбоя, характерного для описываемой группы, не является решающим, так как в том же Нижнем Поволжье мы видим погребения того же времени и с тем же инвентарем и в открытых, близких по форме к нашей, ямах. Таковы многие могилы в Сусловском могильнике, в особенности группа III. Этот могильник датируется II—III вв. н. э. Такая сравнительно редкая находка, как железные кольчатые удила и набор уздечки наших форм, датируется тем же временем.

Сложнее вопрос о датировке кургана № 14. Найденный там сосуд — кувшин по форме очень близок сосуду № 49 из кургана № 12 Сусловского могильника, что заставляет рассматривать детское погребение, в котором он найден, как одновременное с предыдущим курганом. Но вместе с тем в том же кургане обнаружены при костяке каменный наконечник копья, а в насыпи плоское каменное «пряслице». Последнее совершенно ана-

¹ Ср. наконечники стрел неолитических стоянок Б и Г на р. Суундук (Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. Археол. работы Академии на новостройках, II. Изв. ГАИМК, вып. 110, М. — Л., 1935, стр. 110, рис. 82 и стр. 115, рис. 89).

² Б. Н. Граков. Курганы в окрестностях поселка Нежинского Оренбургского уезда по раскопкам 1927 г., стр. 146. Погребение № 5 в кургане на Алебастровой горе.

³ Р. Рау, *op. cit.*, S. 37, Fig. 52. За сообщение более совершенного рисунка этого орудия приношу глубокую благодарность И. В. Синицыну.

¹ П. А. Дмитриев и К. В. Сальников. Отчет о работах Уфимской экспедиции ГАИМК 1934 г. (Рукопись.)

² Р. Рау, *op. cit.*, SS. 68—69.

логично «пряслицу» из-под Оренбурга, найденному в типично скифском погребении VI—IV вв. до н. э.¹ Каменные же наконечники копья нам вообще неизвестны среди скифо-сарматских памятников. Между тем принадлежность наконечника к данному погребению не вызывает сомнения, ибо найдено оно *in situ*.

Раскопанные курганы у аула Джанатан дают возможность установить, что этот могильник образовался на протяжении нескольких столетий. Инвентарь указывает на непрерывность существования здесь одного и того же населения. Все погребения, при всем своеобразии каждого из них, имеют общие черты.

Эти курганы интересны в том отношении, что знакомят нас с памятниками довольно редкими и не характерными для юго-западного Приуралья. Более ранние памятники прохоровской стадии² широко известны в оренбургских степях и Юж-

ном Приуралье и единичны в Южном Поволжье. Наоборот, позднесарматские погребения типа кургана № 9 обычны для Нижнего Поволжья¹ и редки в юго-западном Приуралье. В бассейне оренбургского течения р. Урала нам известны лишь 2 погребения этого типа, вскрытые в 1929 г. Б. Н. Граковым на возвышенности Би-оба на р. Бердянке близ пос. Благословенка под Оренбургом. Курган № 9 у аула Джанатан является самым восточным памятником этого типа.

Наличие погребений прохоровской стадии (курган № 8) в одной курганной группе с таким редким для этого района памятником, как курган № 9, и странное сосуществование древних форм с поздними в одном погребении (курган № 14) делают курганную группу у аула Джанатан исключительно интересной и ценной для дела изучения скифо-сарматской эпохи в Оренбургской области.

K. SALNIKOV

LES TUMULUS SARMATES DES ENVIRONS D'ORSK

(Résumé)

En 1936, la mission archéologique d'Orsk de l'Académie N. Marr d'Histoire de la Culture matérielle et du Musée d'Etudes régionales d'Orenbourg a fouillé cinq tumulus de l'époque sarmate: quatre compris dans un groupe de 39 tertres se trouvant près du village de Džanatan (tumulus 8—10 et 14) et un cinquième situé à 14 km à l'ouest de la ville d'Orsk.

Dans le premier tumulus on a découvert une catacombe qui fut utilisée deux fois comme lieu de sépulture. Les restes de deux squelettes couchés au fond de la fosse d'entrée et dans la catacombe même appartiennent à la première sépulture. S'y rapportent une épée et un couteau en fer, une pointe de flèche en bronze et des perles en verre. Cette sépulture a été pillée peu de temps après les funérailles. Plus tard, on a élargi quelque peu la catacombe et déposé sur la partie écroulée de la voûte un cadavre d'enfant avec un couteau en fer. Le tumulus doit avoir été édifié au III—II-e siècle avant notre ère.

Le deuxième tumulus renfermait une tombe creusée dans le sol avec restes de recouvrement en bois. Le squelette était couché sur de l'écorce étendue sur des planches, qui reposaient sur deux perches. Le pied droit conservait un morceau de cuir d'une chaussure. A côté du squelette se trouvaient: des mors en fer avec garniture de bride, un couteau en fer, une pierre à aiguiser (pl. III), quatre vases d'argile (pl. IV, 1—4) et des fragments d'une écuelle en bois. Le rituel et le mobilier de cette sépulture offrent plusieurs traits communs avec ceux des cimetières de la Basse Volga des II—IV-e siècles.

Le troisième tumulus n'a rien livré, sauf un petit tas d'ossements de mouton.

Dans le quatrième tumulus la tombe creusée dans le sol était recouverte de pierres. Au fond de la tombe gisait un squelette d'enfant avec une pointe de lance en silex et un vase d'argile. Dans le tertre même on a trouvé non loin de la maçonnerie, une quenouille en pierre.

Le cinquième tumulus renfermait une fosse où subsistaient les restes d'une sépulture pillée: deux pointes de flèche en bronze, des perles de pâte, de verre et de cornaline, deux anneaux de bronze en spirale et un vase d'argile. Cette sépulture peut être rapportée au type de Prochorovo des sépultures sarmates du sud de la région subouraliennne, c'est-à-dire aux derniers siècles d'avant notre ère.

Les parois de la catacombe du tumulus № 9 laissaient voir des empreintes des outils utilisés pour le creusement des tombes.

Les tumulus étudiés à sépultures sarmates tardives sont intéressants en tant que monuments assez rares et non caractéristiques pour la région d'Orenbourg.

Les résultats fournis par les fouilles du cimetière des environs de Džanatan montrent que le mobilier funéraire, malgré toute sa diversité suivant les sépultures, présente des traits communs à toutes, ce qui permet d'établir que ce cimetière s'est formé au cours de plusieurs siècles et que la population du pays est restée la même durant cette période.

¹ В. Н. Граков, *op. cit.*, p. 177, fig. 12.

² М. И. Ростовцев, *ук. соч.*

¹ В. В. Гольмстен. Археологические памятники Самарской губернии. Труды Секции археол., РАНИОН, 1928, стр. 134—135.

Л. А. МАЦУЛЕВИЧ

ВИЗАНТИЙСКИЙ АНТИК И ПРИКАМЬЕ

I

Проблема притока в Прикамье значительного числа серебряных сосудов, сделанных в константинопольских и провинциальных византийских мастерских VI—VII вв., полностью еще не освещена,¹ — можно сказать, она только затронута. Правда, наличие в этом районе византийских изделий неоднократно отмечалось при упоминании торговых связей Приуралья с югом. Однако конкретных данных о непосредственных сношениях Прикамья именно с Византией или о прямом экспорте изделий из Константинополя или из других византийских центров в Прикамье, а тем более об изготовлении таковых специально с расчетом на сбыт именно здесь в источниках до сих пор не выявлено. В то же время наличие в Прикамье значительного количества византийских сосудов нельзя считать случайным, ничтожным явлением, не заслуживающим специального внимания.

Из разных находок в Прикамье известно 25 византийских сосудов. Чтобы правильно оценить это количество, нужно учесть, что в музеи поступало не все найденное, что находимые предметы часто, даже, быть может, чаще, чем это можно предполагать, терялись. О некоторых византийских находках сохранились лишь кое-какие сведения. Так, Аспелин видел в свое время в частном собрании Оболенского три блюда, найденные под Молотовом; одно из них было украшено изображением креста в венке,² повидимому, выполненного чернью, что весьма типично для подобных предметов византийского производства. Есть данные о серебряном кувшине в Пешнигортском кладе 1853 г., на дне которого, по одной версии, «были видны какие-то фигуры, вероятно письмена», а по другой — «узоры, состоявшие из черточек, расположенных в разных напра-

влениях». ¹ Возможно, что в этих версиях сохранилось нечеткое воспоминание о бывших на кувшине византийских клеймах. Говорили, будто бы близ с. Тахты, Сольвычегодского района, перед самой империалистической войной были найдены в бору у р. Яренги два блюда. На одном будто бы был изображен крылатый конь.

Уже по этим отрывочным, но все же в какой-то мере конкретным данным число найденных в Прикамье византийских сосудов может быть значительно увеличено. Их, несомненно, было бы неизмеримо больше, если бы производилось систематическое наблюдение за находками. Но организация охраны отдельных находок и их регистрации была далеко несовершенна даже со времени учреждения Археологической комиссии. В этом легко можно убедиться из того, что за время существования советской власти выявлено 7 византийских памятников из 25, т. е. около трети всех известных. Выявлением их мы обязаны росту общей культуры населения нашей страны.

Показательно сравнение числа сосудов, найденных в Прикамье, с числом аналогичных находок на остальной территории СССР. ² Таковых всего 12, включая оставшуюся до последнего времени не опубликованной чашечку из клада

¹ Записки Русского археологического общества, XII 1—2, стр. 307.

² Список византийских сосудов, найденных в пределах СССР, исключая Прикамье: 1) Кувшин с изображением муз. Верховье Суджи (Л. А. М а ц у л е в и ч. Погребение варварского князя в Восточной Европе. М.—Л., 1934, стр. 15—38). 2) Тазик с горохатым бортом. Сулин (Древности. Труды МАО, XIX, 1901—1902, стр. 70—72, протоколы, рис. 4). 3) Блюдо Патерна. Малая Перещепина на Полтавщине (L. M a t z u l e w i t s c h. Byzantinische Antike. Berlin, 1929, S. 5, № 6). 4) Блюдо с орнаментальной розеткой. Дер. Ордоклу Новобаязетского р. Арм. ССР (там же, стр. 11, рис. 29—30). 5) Амфора. Малая Перещепина на Полтавщине (там же, стр. 7, № 13). 6) Мошехранительница. Херсонес (ОАК, 1897, рис. 87). 7) Лампада. Херсонес (ИАК, 20, П 1906, стр. 33, № 3). 8) Чашечка. Мартыновцы на Киевщине. Не опубликована (донишко см. ниже, рис. 16). 9—10) Кувшин и ковш. Малая Перещепина на Полтавщине (L. M a t z u l e w i t s c h, op. cit., S. 6—7, №№ 9 и 12). 11) Блюдо с крестом в венке. Та же находка (L. M a c u l e v i c h. Argenterie byzantine en Russie, Orient et Byzance, V, Paris, p. 294, № 6). 12) Фрагменты блюда. Келерейские хутора на Херсонщине (Літопис музею, вып. 8, Херсон, 1927, стр. 16). 13) Два фрагмента. Нескребовка на Днепропетровщине (см. ниже, рис. 1). 14) Фрагмент блюда. Мартыновцы на Киевщине (см. ниже, рис. 2).

¹ А. В. Ш м и д т. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет. Проблемы истории материальной культуры, 1933, № 9—10, стр. 25. — И. И. Т о л с т о й и Н. П. К о н д а к о в. Русские древности в памятниках искусства, III. СПб., 1890, стр. 73—75. — Ф. А. Т е п л о у х о в. Древности пермской чуди из серебра и золота и ее торговые пути. Пермь, 1895, стр. 31, 33.

² J. R. A s p e l i n. De la civilisation préhistorique des peuples permians et de leur commerce avec l'Orient. Travaux de la III session du Congrès international des orientalistes, Leyde, 1878, pp. 405, 407.

в Мартыновцах и мелкие фрагменты большого блюда, найденные в 1927 г. в дельте Днепра у Келегейских хуторов.

Вероятно, византийскому сосуду принадлежат несколько мелких серебряных фрагментов из большого коллективного погребения с сожжением, открытого Днепростройской экспедицией в 1930 г. в районе Запорожья у с. Нескребовки, впервые издаваемых здесь по моим зарисовкам (рис. 1). На одном фрагменте среди сложного кораллообразного сгустка серебра, вскипевшего на погребальном костре, можно различить часть

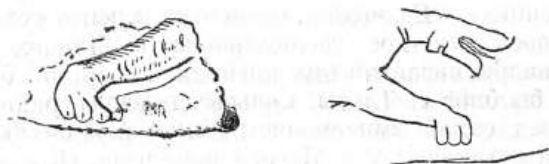

Рис. 1. Два фрагмента серебряного сосуда. Византия VI—VII вв. Нескребовка на Днепропетровщине. Краеведческий музей, Днепропетровск (2/3 н. в.).

морды собаки, бегущей с разинутой пастью, грудь и переднюю лапу (длина лапы 2.8 см). На другом фрагменте, с загнутым на оборотную сторону краем, сохранились обе задние ноги, возможно той же собаки (длина лап 3.2 см). Постановка ног вместе и их вытянутое положение назад указывает на сильный бросок. Изображение дано в живописном рельефе: нога на переднем плане выступает округло, а более отдаленная намечена плоско. В самой трактовке рельефа легко усмотреть характерные черты византийского антика. Можно выделить среди сгустков еще небольшое круглое донышко диа-

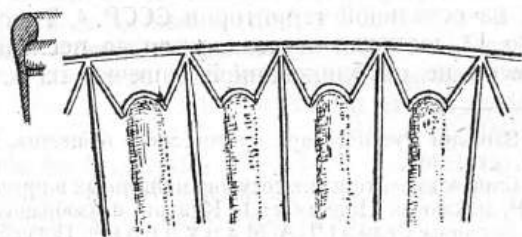

Рис. 2. Фрагмент серебряного блюда. Византия, VI в. Мартыновцы на Киевщине. Археологический музей, Киев (2/3 н. в.).

метром в 6 см, с углублением в центре от штифта токарного станка, и небольшой дугобразный фрагмент с рельефным изображением акантового листа, сохранившего остатки позолоты. Края этого фрагмента расплавлены (ширина его 4.8 см). Эти находки позволяют увеличить число византийских сосудов, найденных на Украине, еще на один или даже на два.

Среди предметов из Мартыновцев на Киевщине имеется еще не опубликованный обломок края большого блюда с орнаментацией, позволяющей отнести его к числу византийских VI в. (рис. 2). Край обработан как обычно — в виде валика. На внутренней стороне блюда он отделен от сте-

нок при помощи выемки, проведенной на токарном станке. На фрагменте сохранилась часть орнаментации в виде многоконечной звезды. Она состоит из радиальных линий, заканчивающихся стрелками. Нижние концы стрелок соединены между собой выпуклыми дугами. Соответственно каждой дуге чеканено ложчатое углубление, направленное к центру. Аналогичную звездчатую фигуру встречаем на византийском блюде второй четверти VI в. из Усть-кишертского клада¹ и на блюде того же времени с именем вандалского и аланского рекса Геламира (530—534), найденном в 1875 г. в венецианской провинции Беллуно.²

Таким образом общее число византийских сосудов, найденных на юге СССР, может быть увеличено до 14—15.

Историческая жизнь южных районов резко отличалась от жизни Прикамья. Количество найденных здесь сосудов ни в коей мере не отражает тех непосредственных и тесных связей южных районов с Византией, какие засвидетельствованы исторически. Учитывая это, нельзя не признать, что количество обнаруженных в Прикамье византийских серебряных сосудов все же позволяет говорить о значительном притоке их в этот район.

II

О времени, к которому нужно отнести приток византийских изделий в Прикамье, дают указания сами находки. Старейшим представителем рассматриваемой группы памятников является большой ковш с изображением ниломера, найденный, по некоторым данным, в районе Чердыни около 1859 г.³ На основании клейм время изготовления его в Константинополе точно датируется царствованием Анастасия I (491—518).⁴ Тем самым определяется для прикамских находок верхняя хронологическая граница — первая четверть VI в., *terminus post quem*. Этому памятнику хронологически противостоит серебряное блюдо из большого клада, открытого в 1927 г. близ дер. Турушевой Омутнинского района Кировской обл., публикуемое здесь впервые (рис. 3). Оно по времени изготовления самое позднее из всех найденных в Прикамье византийских серебряных сосудов.

Блюдо обычной формы — круглое неглубокое, с валиком по краю на невысокой кольцевой ножке, ординарное с толстыми стенками (размеры его: диаметр 27.5 см, диаметр медальона 4.2 см, ширина валика 1.1 см, диаметр ножки 11.8 см, высота ножки 1.6 см). Валик получен

¹ L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike, Taf. 29.

² Le Cabinet des Médailles, I, Paris, 1924, p. 209. — A. Longprérier. Oeuvres, VI. Paris, 1884, pp. 255—263, pl. III.

³ Д. Смышляев. Источники и пособия для изучения Пермского края. Пермь, 1876, стр. 19.

⁴ L. Matzulewitsch, op. cit., SS. 6—7, № 11, S. 75.

загибом края. С оборотной стороны он выражен негативно в виде желобка, очерченного по краю линией, проведенной на токарном станке. Лицевая сторона его обработана посредством чеканки мелкими гранями, посредине ромбическими, углубляющимися округло; по сторонам — треугольными, тоже округло углубляющимися. Такая огранка валика, придающая ему столь декоративную нарядность, выделяет блюдо среди других. С ним далеко не может сравниться по пышности обработка борта блюда, найденного в 1890 г. близ с. Карасевой б. Глазовского у. б. Вятской губ.¹ Верх и внутренняя сторона массивного валика Карасевского блюда косо срезаны на две грани к середине блюда. Округлые неглубокие выемки диаметром в 13 мм

придают верхней грани мягкую волнистую поверхность. Каждый волнистый изгиб подчеркнут на нижней грани гравированными дугами. Остальная поверхность Карасевского блюда гладкая. На Турушевском блюде монотонность круглого диска нарушена лучистым пучком линий, соединенных у валика дугами, так что образуется многоколенная звезда со сравнительно широкими лопастями. Размеры каждой из лопастей и расстояние между отдельными линиями найдены с большим декоративным тактом. Они не бороздят беспокойно поверхность, не измельчают формы. Линии и дуги получены путем чеканки с лицевой стороны небольших ложчатых углублений с оставлением между ними узких разделительных граней (табл. I, 1). Благодаря такой технике, грани эти выступают в виде очень мягких радиальных линий и дуг и, обогащая обработку поверхности стенок, не нарушают спокойствия общей формы.

Строго декоративно выдержаны и размеры небольшого круглого медальона с розеткой, помещенного в центре. Он не подавляет собой всего предмета, не выделяется самодовлеюще на нем. Такая стройность общей декорации характерна для этой группы византийских блюд. Аналогичные пропорции медальона видим, напр., на блюде в Гос. Историческом музее в Москве.² Медальон издаваемого здесь Турушевского блюда обрамлен двумя концентрическими окружностями,

очерченными на токарном станке (табл. I, 1). Полоса между ними покрыта насечками наискось и имитирует жгут. Розетка линейная, чеканная. Она состоит из четырех широких листов, расположенных взаимно перпендикулярно вокруг круга с точкой в центре, обведенного линией на токарном станке. Характерна сама форма этих листов: прямолинейно ограниченные с боков, они в верхней широкой части очерчены полукругом. Полукруг этот не является концом листа, а только контуром его загиба. Собственно же конец округло нависает на середину листа, и его края показаны двумя дугами, чеканенными глубоко, как и весь абрис листа. Сливающаяся с ними средняя жилка листа чеканена менее глубоко. В промежутках между этими основными

в композиции розетки листьями высвываются концы еще четырех листьев другой формы — гладких, заостряющихся, без зубчиков по краям, с резко выделенной одной средней жилкой. Все орнаментальные элементы розетки повторяют мотивы, получившие широкое распространение с очень давнего времени. Розетки, аналогично образованные из подобных характерных листьев, известны и в варварских изделиях северного Причерноморья начала н. э., напр. на сарматских фаларах Старобельской находки, на сосуде из станицы Сиверской и еще раньше в изделиях греческих причерноморских колоний, напр. на

обеих серебряных вазочках и на глиняной вазочке Артюховского кургана, в Иране и в Греции даже на таком массовом товаре, как так называемые мегарские или делосские чаши.¹ В виду столь широкого распространения этого орнамента рассматриваемую розетку нельзя считать обязательно копией какого-то особого памятника или подражанием ему. Она воспроизводит мотив, издавна ставший своим, обычным в античном искусстве. Тем самым Турушевское блюдо по своей орнаментации всецело входит в группу византийских блюд с античными мотивами.

Оборотная сторона блюда сглажена при шлифовке. Негативный рельеф дуг отражается на ней только местами и то очень слабо. Концентрические бороздки ретуши на токарном станке покрывают стенки и часть доньшка, за исклю-

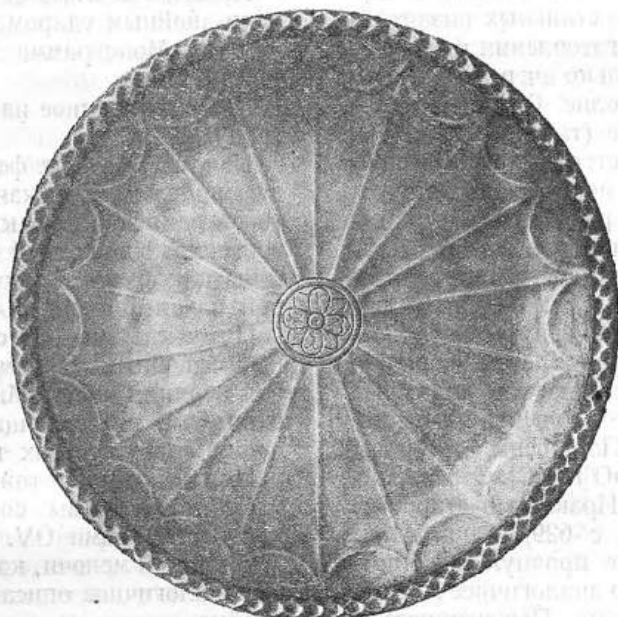

Рис. 3. Серебряное блюдо. Константинопольские мастерские, между 629 и 641 гг. Дер. Турушева в Прикамье. Эрмитаж.

¹ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, II. 1909, табл. XII, 104.

² L. Matzulewitsch, op. cit., Fig. 29.

¹ F. Courby. Les vases grecs à reliefs. Paris, 1922, fig. 81—82, tab. XII—XIII.

чением его средней части, выделенной двумя линиями, проведенными при помощи токарного станка. Ножка кольцевая, немного выгнутого профиля, книзу слегка расширяется. С наружной стороны у нижнего края ее две концентрических бороздки, сделанные на токарном станке, а на внутренней ее стороне одна. Место припайки ножки тщательно сглажено на токарном станке. От штифта его образовалась небольшая вдавленность в центре доньшка. В виду некоторой осадки стенок от времени или под тяжестью земли очертание ножки немного пропечаталось на лицевую сторону.

Средняя часть доньшка не сглажена ретушью на токарном станке, чтобы не были повреждены выбитые на ней клейма. Всего клейм пять. Они имели значение пробирных, контрольных. Выбиты они так же, как и на остальных византийских сосудах, в процессе изготовления предмета, когда блюдо было готово только внешне. Поэтому клейма точно датируют изделие. Среди них наиболее показательно круглое (табл. I, 2). Хотя оно в нижней части сильно стерто, а сверху правый край срезан выбитым по соседству другим клеймом, можно отчетливо разобрать изображение, а недостающие буквы надписи легко восстановить. Очень хорошо виден бюст крупных размеров в императорской диадеме. Голова в фас с характерными длинными торчащими в стороны усами. Длинная широкая борода, спускающаяся на грудь. У диадемы возвышается над лбом киотец с полукруглым верхом, увенчанный крестом. Отсутствует нимб. По обеим сторонам бюста надпись [X]P[Ι]C[Τ]O[Υ] [Φ]O[Ρ]O[Υ]C[Ι]. Это характерный монетный тип имп. Ираклия в старости. На монетах он помещался с 629/30 по 641 г. Таким образом клеймо дает прочную абсолютную датировку. До сих пор аналогичное клеймо было обнаружено только на Перещепинском блюде с черневым крестом в венке.¹ Надпись на обоих клеймах одна и та же. Хотя сохранность клейм различна и они выбиты не с одинаковой силой, они настолько тождественны на обоих памятниках, что может быть поставлен вопрос о том, что они выбиты одним и тем же пунцоном.

От квадратного клейма сохранилась лишь одна средняя часть с буквенной монограммой Ираклия, построенной на двух взаимно перпендикулярных линиях. Обращает на себя внимание, что на верхнем конце монограммы буква V помещена не над O и последняя не увенчивает конец монограммы, а примкнута к линии справа, так что для неискушенного глаза походит на букву P. Характерно, что такое же расположение буквы O находим на квадратном же клейме того же Перещепинского блюда. Вопрос о том, что клейма на обоих памятниках выбиты одним и тем же пунцоном, снова настойчиво выступает, несмотря на различие их сохранности: на Турушевском блюде не сохранилось вовсе имени по сторонам

от монограммы. Клеймо, срезающее верхний край круглого клейма, сохранилось лишь в нижней части. Оно удлиненной формы с полукруглым верхом. В полукруге помещен бюст, от которого видна лишь линия нижнего обреза.

Ниже бюста буквенная монограмма, построенная на двух взаимно перпендикулярных линиях: M H N A (на верхнем конце M, на правом H, на левом N, на нижнем A).

По сторонам имя C E P [Γ] I C. Клеймо тождественно с перещепинским. Необходимо отметить совпадение на обоих памятниках таких мелочей, как в имени немного косое положение третьей буквы P. Подобные совпадения указывают скорее всего на пользование одним и тем же пунцоном.

Крестное клеймо сильно смещено по горизонтали двойным ударом, но восстанавливается без усилий. Монограмма аналогична с предыдущей M H N A.

Имя, вырезанное на концах клейма, — [+][Π] A [TPI][KIC].

На клейме той же формы Перещепинского блюда монограмма такая же; имя, повидимому, тоже одинаковое — клеймо сохранилось лишь частично. На верхней лопасти его помещен крестик как будто между двумя точками, на правой начало имени Π A [TPI] K I C.

Пятое клеймо — шестиугольное — сильно смещено двойным ударом. Сохранилась лишь правая верхняя часть. Маленький бюст императора с нимбом, окружающим голову, одинаков на обоих сравниваемых памятниках.

Имя совпадает тоже: [Π A T P] [I K I] C.

От монограммы сохранился лишь верхний конец с буквами O V. Опять-таки важно совпадение такой мелочи, как смещение буквы O вправо, аналогичное описанному выше в квадратном клейме.

Сравнительное рассмотрение в совокупности всех клейм Турушевского и Перещепинского блюд приводит к выводу, что оба эти памятника, меченные одними и теми же пунционами, вышли в одно и то же время из одной и той же константинопольской мастерской. Вероятно, и отправлены они были на север приблизительно в одно и то же время, быть может даже с одним и тем же транспортом, только одно из них осело на Полтавщине, другое достигло Прикамья. В какое же время оно могло достигнуть его и бытовать там?

Позднейших, сделанных уже жителями Прикамья изображений, личин, столь часто наносившихся на импортные предметы поверх рельефов, на данном блюде нет. Только возле окружностей, очерчивающих часть доньшка с клеймами, нацарапан в позднейшее время небольшой четырехугольник, пересеченный двумя линиями. От него книзу тянется столбец 6—7 нацарапанных знаков; из них некоторые близки по начертанию к греческим буквам. На лицевой стороне у края с одной стороны такие же 6—7 букв, расположенные также по вертикали. Они пересекают одну из дуг и прилегающую линию радиуса.

¹ L. Maculevič. *Argenterie byzantine en Russie, Orient et Byzance*, V, p. 298.

Блюдо, видимо, подвешивалось, на что указывает отверстие, грубо пробитое четырехгранным гвоздем возле валика.

Возможность датировки издаваемого здесь блюда с точностью до 11—12 лет очень важна для изучения Прикамья: благодаря ему устанавливается вторая хронологическая вежа — 629—641 гг. Раньше этого времени приток византийских сосудов в Прикамье не мог прекратиться, так как наше блюдо было изготовлено именно в эти годы. Оно было найдено, как уже отмечено выше, в большом кладе сасанидских серебряных сосудов и шейных гривен. Вместе с ним было найдено еще византийское серебряное блюдо (табл. II, 1) (диаметр блюда 14,2 см, диаметр медальона 4,9 см, ширина валика 0,8 см, диаметр ножки 6,6 см, высота ножки 1 см). Оно обычной круглой формы, неглубокое, на невысокой кольцевой ножке, выкованное из массивного куска серебра. Края загнуты вовнутрь, спаяны и образуют глубокий валик, с оборотной стороны выраженный негативно в виде небольшого желобка. Правка валика, как и вообще окончательная отделка блюда, производилась на токарном станке. На лицевой стороне посредине помещен характерный для большой группы византийской церковной утвари круглый медальон с изображением креста в венке из плюща. Ветка плюща, извиваясь, образует четыре выступа, как и на блюде, найденном близ с. Пятигорье Чердынского района.¹ Типична удлиненная форма креста с расширяющимися лопастями, заканчивающимися кружками на углах. Все изображение было выполнено чернью, как и на всех остальных памятниках этой группы. Для черни все линии врезаны глубоко, а у листьев и креста сделаны глубокие выемки. Дно этих выемок, как обычно, было специально покрыто насечками ради достижения большей связи черни со стенками. Но в настоящее время чернь почти не сохранилась, и поэтому обнаженная подготовка выемок для нее вся отчетливо видна.

Обрамление медальона состоит из невысокого валика, выдавленного на токарном станке. С внутренней стороны он ограничен одной, с наружной двумя concentрическими линиями. Линии прочерчены на токарном станке. Такая же линия окружает крест. Обрамление медальона было позолочено через огонь.

Оборотная сторона почти не шлифована. Ножка кольцевая, немного коническая. Места спайки сглажены чеканкой, а не на токарном станке. На доньшке в виде негативного рельефа пропечатаны с лицевой стороны некоторые лопасти креста (табл. II, 3).

На участке, ограниченном ножкой, выбито пять клейм, причем одно повторено дважды. Любопытно, что все они являются вариантами клейм на кувшине с нереидами² и на ковше со сценами рыбной ловли.³ На всех трех памят-

никах в клеймах соответствующей формы повторяются те же монограммы, имена и изображение императора.

Крестное клеймо, выбитое, как и на ковше, дважды, имеет на перекрестье буквенную монограмму, построенную на двух взаимно перпендикулярных линиях Κωνσταντίνου .

На концах лопастей имя +C|EPΓ|IC .

Чтение начинается с верхней лопасти. На клеймах кувшина и ковша буквы были распределены по лопастям немного иначе, но характерно, что чтение обоих открывалось с крестика. В квадратном клейме буквенная монограмма Παύλου аналогична монограмме в таком же клейме эрмитажного ковша. На нем повторяется даже несимметричное положение буквы λ — она в обоих случаях сдвинута к середине. Имя по сторонам монограммы одно и то же — ΘΕΟΦ|ΑΝΙC , но конец на ковше дан иначе — θεοφ|άνου[ς] . Кроме того, на блюде нет цифры ϵ официны.

В круглом клейме помещен бюст Ираклия с короткой бородой в монетном типе 610—629 гг. В виду плохой сохранности клейма надписи почти не видно.

Сохранилась ничтожная часть пятого клейма. На нем, по видимому, та же монограмма, что и в крестном клейме: Κωνσταντίνου . Левее верхнего ω вырезан крестик. Изображение Ираклия в раннем типе и совпадение клейм с памятниками 10-х или 20-х годов VII в. определяет абсолютную дату Турушевского блюда. Оно было сделано между 610 и 629 гг.

Личин или каких-нибудь изображений, нанесенных местными жителями, на блюде нет. Только на доньшке, частично пересекая клейма, и на стенке около ножки нанесены легкими штрихами какие-то надписи. Один знак напоминает букву Θ .

Поверх клейм, перерезая крестное и круглое, помещена надпись с обозначением веса: литра $\frac{1}{2}$, унций 2, граммов 7. В переводе на наш вес это составит 226,265 г.¹ Обычно такие надписи делались самими мастерами и выполнялись очень тщательно пунктиром. Доказательством того, что такие надписи делались самими мастерами, служит, напр., надпись на блюде Патерна, сообщающая такие данные, которые могли быть известны лишь мастеру. Она сообщает не только общий вес предмета, а отдельно вес серебра, вес золота, употребленного на позолоту, вес накладных медальонов.² Что же касается надписи на Турушевском блюде, то уже по одному тому, что она повредила клейма, что она сделана грубо и небрежно, можно считать, что она нанесена в позднейшее время. При чтении ее необходимо дать мотивировку к переводу второго знака — половины. Обычно половина обозначается знаком $<$, т. е. двумя косо расходящимися вправо под острым углом линиями. Здесь

¹ F. Hultsch. Griechische und römische Metrologie. Berlin, 1882, S. 76.

² L. Matzulewitsch. Byzantinische Antike, S. 105.

¹ ОАК, 1913—1915, стр. 215, рис. 264.

² L. Matzulewitsch, Byzantinische Antike, S. 90.

³ L. Matzulewitsch. Argenterie..., p. 300, tab. XLIV.

ему придана форма буквы гаммы, т. е. знак состоит из вертикальной и горизонтальной линий, расходящихся под прямым углом. По фотографии можно предположить, что второй знак имеет и внизу горизонтальную линию вправо, иными словами, что это не гамма, а сигма, т. е. цифра 6. Но на оригинале видно, что эта линия принадлежит крестному клейму, что она не резаная, как надпись, а состоит из ряда штампованных выпуклых точек зернового обрамления клейма. Чтение этого знака как γ , т. е. как цифры 3, а не как знака половины, невозможно, в виду недопустимого расхождения, получившегося бы в этом случае обозначения веса в надписи с действительным. По надписи блюдец должно было бы весить, при чтении «3», — 1034.885 г, а на самом деле оно весит 241.5 г, т. е. в $4\frac{1}{2}$ раза меньше. Расхождение получается даже при чтении второго знака как половины. В этом случае действительный вес превышает показанный в надписи на 15.585 г. Но вообще некоторое расхождение действительного веса с показанным даже в тщательно выполненных надписях самих мастеров явление обычное. На кувшине в берлинском антиквариуме расхождение в 15 г на литр,¹ на ведре из Концешт — приблизительно на 6.5 г на литр, на умывальном приборе Перещепинского клада — около 6 г на литр; у чаш с бюстом Констанция, найденных в Керчи в склепах 24 VI 1904 г. и № 145 1904 г., расхождение на литр приблизительно в 8 г на одной и в 4 г на другой.² На блюде из Хаслебена расхождение около 10 г на литр.³ Во всех случаях действительный вес ниже обозначенного в надписи, т. е. в действительности предмет легче, чем гласит надпись. Турушевское блюдо дает расхождение в обратном направлении, при этом очень значительное — 31 г на литр.

Итак, превышение веса, показанного в надписях, над действительным обычно. Принято объяснять это неточностью взвешивания в древности. Расхождение на Турушевском блюде, более значительное, чем обычно, вероятно, вызвано тем, что взвешивание и обозначение веса произведено не в условиях мастерской самим мастером, а кем-то позднее, правда, еще в пределах византийского мира, но в обстановке, менее обеспечивавшей точность взвешивания. При этом нужно сразу же отвести предположение, что перед нами не первичное изделие, а предмет, переделанный из другого более тяжелого. Прежде всего, нет никаких следов переделок, ножка на прежнем месте, размеры ее не изменены, она пропорциональна величине блюда. Но и независимо от этого расположение и весь характер надписи, как и размещение клейм, зависят от размера доньшка. Таким образом перед нами памятник, отнюдь не переделанный,

а именно такой, каким он вышел из константинопольской мастерской в первые два десятилетия царствования Ираклия, т. е. между 610 и 629 гг. На это время указывают бюст в круглом клейме и общая аналогия клейм с клеймами кувшина с нереидами и ковша со сценами рыбной ловли.

Блюдо с граненым валиком и розеткой было, как показано выше, изготовлено в Константинополе в одной и той же мастерской, в одно и то же время, и клеймено одними и теми же пунцонами с Перещепинским. Оба они были экспортированы на север. Одно из них вскоре же по изготовлении — в середине VII в. — было погребено на Полтавщине.¹ При этом нужно обратить внимание на то, что перещепинская находка не является собранием каких-то разрозненных разновременных вещей. Умывальный прибор константинопольской работы, состоящий из предметов, ничем не связанных друг с другом, представлен в нем комплексно: отдельные предметы не разобщены. Основная часть клада изготовлена в середине VII в., и только ограниченное число предметов более старые. Блюдо с клеймами, тождественными турушевским, органически входит в его состав. Время Ираклия было временем интенсивных сношений с Византией, свидетелем которых является хотя бы ряд богатейших находок на Украине: Малая Перещепина и Ново-Санджары на Полтавщине, Нескребовка на Днепропетровщине, Келегейские хутора на Херсонщине. Во всех находках, кроме нескребовской, наличествуют византийские монеты, главным образом различные солиды Ираклия с изображением одного Ираклия, или Ираклия с Ираклием-Константином или Ираклия с двумя сыновьями. Значительное число этих монет имеет на реверсе знаки BOXX или BOXX+ или OBXX вместо обычных CONOB. Распространение их преимущественно в определенном районе позволило Н. П. Бауеру высказать предположение о существовании где-то поблизости или в самом северном Причерноморье центра, чеканившего монеты.² Существование такого центра, каковым мог быть и Херсонес, свидетельствовало бы о больших связях причерноморского степного района с византийским югом. Наибольшая интенсивность этих связей совпадает для ранневизантийского периода с временем Ираклия.

При наличии в Причерноморье большого количества монет Ираклия, значительнее становится тот факт, что в Прикамье из византийских монет вообще были обнаружены только монеты Ираклия. Они в числе десяти входили в состав клада, обнаруженного во время весенней пахоты на берегу р. Иргени близ дер. Шестаковой б. Красноуфимского у. б. Пермской губ. К сожалению, более подробных сведений об этих монетах и описания их не сохранилось. Из-

¹ R. Zahn. Spätantike Silbergefäße. Amtliche Berichte, XXXVIII, 1917, SS. 270, 290—291.

² L. Matzulewitsch, op. cit., SS. 82—83, 134.

³ W. Schulz u. R. Zahn. Das Fürstengrab von Hassleben. Berlin—Leipzig, 1933, S. 60, Tab. 27.

¹ N. Bauer. Zur byzantinischen Münzkunde des VII Jahrhunderts. Frankfurter Münzzeitung, 1931, S. 228.

² Там же, стр. 228.

вестно, что они принадлежали «к царствованию Ираклия и сына его Ираклия-Константина», т. е. к 613—641 гг.¹ Среди них была «одна неизданная», т. е. какой-то необычный вариант. Не состояла ли ее необычность в том, что она являлась монетой чеканки причерноморского монетного двора, подобного тому, в котором чеканились солиды со знаками BOXX или OBXX? Тогда более прямая связь этой находки с северным Причерноморьем, а также и датировка самой находки серединой VII в. наметились бы еще явственнее, несмотря на то, что наличие в кладе иранских монет и вещей могло бы указывать и на окружный путь. В комплекс находки, кроме местных изделий, входил «серебряный кувшин высотой ок. 6 вершк., вес 2 $\frac{1}{2}$ фунта», имевший «ту самую форму, в какой и доселе лепятся на Востоке глиняные сосуды для воды и вина», и десять сасанидских монет V и VI вв. Позднейшая принадлежала Варахрану VI в., т. е. может быть отнесена к 590—591 гг.² Ни одной более поздней монеты в кладе не оказалось, хотя различных восточных монет VIII—X вв. было обнаружено в разное время в Прикамье значительное число. Таким образом иранская часть комплекса не противоречит датировке времени захоронения его VII веком. К тому же, следующий VIII в. был каким-то глухим в смысле притока восточных монет. Кладов куфических монет, зарытых в VIII в., до сих пор не найдено, а найдены только монеты VIII в. в кладах, зарытых в IX в.³ Едва ли, поэтому, можно считать случайным, что из византийских монет именно монеты Ираклия оказались в Прикамье, и только они.

Можно ли объяснять также случайностью, что Турушевское блюдо оказалось в земле вместе с блюдцем, время изготовления которого относится к тому же царствованию Ираклия. Во всяком случае, блюдо не могло быть старше блюда более чем на 20—30 лет. Совместное, не разобщенное временем бытование в Прикамье хронологически столь близких памятников свидетельствует о том, что они пришли сюда каким-то прямым путем сравнительно скоро после их изготовления в Константинополе. В сасанидской части Турушевского клада, повидимому, тоже нет ни одного предмета, который указывал бы на более позднее происхождение вещей, некогда зарытых близ дер. Турушевой.

Таким образом как будто все говорит о том, что византийские сосуды приходили в Прикамье вскоре же по их изготовлении. Однако в некоторых находках встречаются предметы не одновременные. Таков, напр., комплекс сосудов, открытых в 1907 г. у дер. Климовой.

Поскольку востоковедение еще не достигло возможности абсолютной, с точностью до десятилетий, датировки сасанидских изделий из серебра,¹ как это достигнуто теперь в отношении памятников византийских, остановимся только на византийской части клада. Из трех византийских блюд, найденных тогда, два датируются второй четвертью VI в., а третье первым десятилетием VII в. — царствованием Фоки (602—610). Это показывает, что более ранние памятники бытовали сравнительно длительно, что при этом происходило последовательное накопление предметов, импортированных позднее. Это могло бы указывать и на то, что некоторые памятники VI в. попали в Прикамье вместе с изделиями VII в. Но лишить приток византийских сосудов в Прикамье вообще четких хронологических рамок было бы неверно и неисторично. Уже один Усть-кишертьский клад дает четкие указания по этому вопросу. Он свидетельствует, что византийские сосуды попадали в Прикамье действительно не в позднейшие века, не со случайным запаздыванием, но что они бытовали там уже в первую половину ломоватовского времени, т. е. в VI—VII вв., а во второй половине или в конце VII в. уже могли быть зарыты в землю.

Усть-кишертьский клад был обнаружен около 1916 г. Он состоял из пышно орнаментированного византийского серебряного блюда второй четверти VI в.² с клеймами на дне (табл. II, 2), серебряной чашечки без украшений, возможно, иранского происхождения, частей бронзового поясного набора, бронзовых украшений (рис. 4—5). Среди последних особенно характерна пара двусторонних пронизок в виде хищной птицы, схватившей когтями какое-то животное и клюющей его в голову. Обе пронизки состоят из двух половинок, пригнанных одна к другой. Из остальных предметов отметим: подвесной футлярчик, две половинки которого соединены при помощи четырех шипов; рожок; длинную трубчатую пронизку с десятью привесками; пять экземпляров пронизок в виде баясин с просветами; фрагмент круглой шестилучевой ажурной подвески. Кроме этого, были найдены две серебряных круглых шейных гривны (длина цельной — около 56 см, диаметр 5 мм) с петлями на концах, из которых одна загнута под прямым углом; три куса четырехгранного серебряного дрота толщиной в 6 мм; два трехперых железных наконечника стрел, железные ножи. Особенно интересно присутствие восьми свинцовых слитков-пластин и пяти бронзовых слитков разной длины.

Подобные вещи известны в других прикамских находках.³ В последнее время они обнаружены

¹ ЖМНП, XXV, 1862, отд. VII, стр. 25.—ЗАО, V, 1853, стр. 59 (протоколы). — Sawyer McA Mosser, A bibliography of Byzantine coin hoards. Numismatic notes and monographs, № 67. New-York, 1935, p. 65.

² А. К. Марков. Топография кладов восточных монет. Пгр., 1911, стр. 30.

³ Известия АН СССР, 1933, стр. 476.

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. М.—Л., 1935, стр. XXII.

² L. Matzulewitsch, op. cit., S. 114—115.

³ А. А. Спицын. Древности Камской земли. МАР, № 26, Пгр., 1902, табл. III, № 20; IV, №№ 13—15; IX, №№ 2, 14; X, №№ 20—21; XIII, № 15; XVII, № 44; XXII, № 4; XXXII, № 23; XXXVIII, № 6; XXXIX, №№ 3, 15.

в более ранних погребениях могильника в с. Неволине, раскопанного А. В. Шмидтом в 1926 г. Все они относятся к первой половине так называемой ломоватовской культуры, т. е. к VI и VII вв.¹

Усть-кишертский клад подтверждает, что византийские сосуды бытовали в Прикамье в VII в., поскольку они были уже захоронены во второй половине или в конце VII в.

Тем самым время притока византийских серебряных сосудов в Прикамье не может быть далеко отодвинуто от времени изготовления их в Константинополе. Найденные сосуды образуют по времени производства их такой непрерывный

При выяснении торговых путей в Прикамье, которые были не единственными и не оставались неизменными, должны быть приняты во внимание также и более ранние находки — такие, как Сулинская, Судженская, Обоянская, а также вся совокупность археологических данных о Придонье и Прикубанье. При выяснении других путей, по которым могли попасть в Прикамье отдельные предметы, должны быть учтены также и все частные показания памятников. Так, на блюде второй четверти VI в., с изображением Венеры в шатре Анхиза, вырезана позднейшая надпись хорезмским и согдийским шрифтом.¹

Пути для константинопольского импорта в

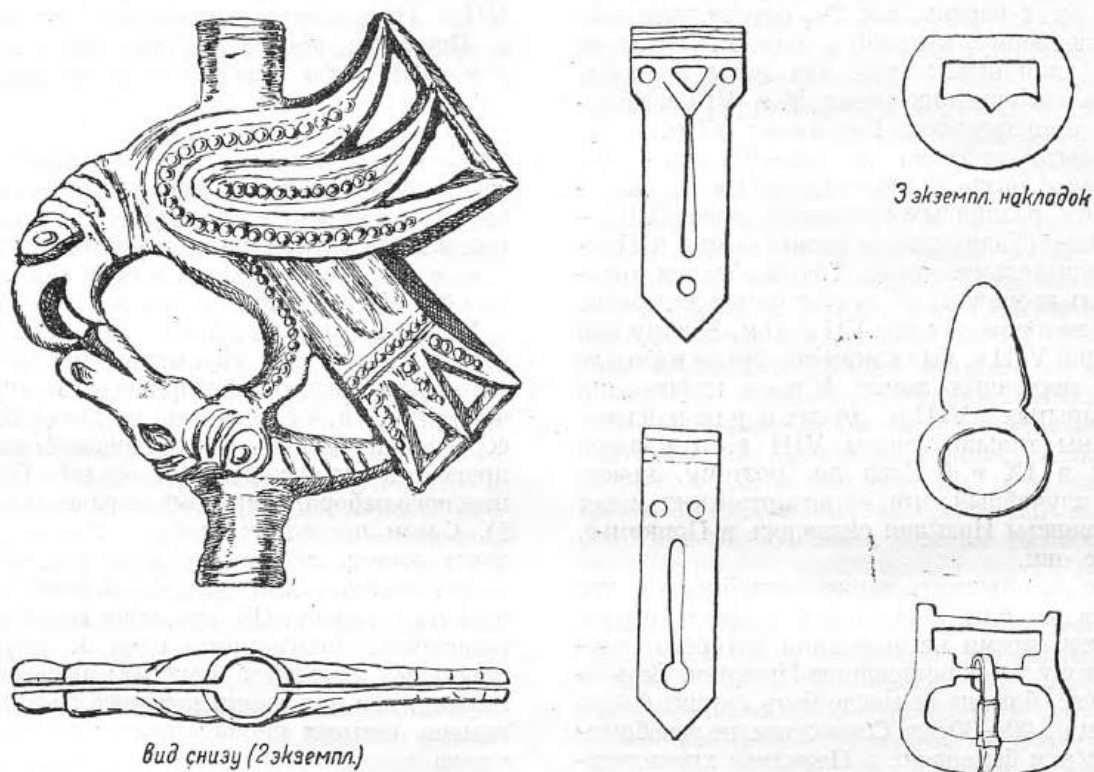

Рис. 4. Пронизка, наконечники ремней, накладки, пряжки. Бронза. VII в. Село Усть-Кишерт в Прикамье. Краеведческий музей, Кунгур. (Нат. вел.)

хронологический ряд с первой четверти VI в. до середины VII в., который не допускает мысли о нерегулярности и случайности притока их в Прикамье. Количество найденных предметов скорее указывает на то, что на месте была потребность в импорте византийских изделий. Все это в целом позволяет высказывать предположение, что для константинопольского импорта в Прикамье в VII в. имелись прямые пути. Они должны были идти степью через степные реки и волоки. Недаром даже позднее Константин Багрянородный, явно следуя прочным заветам исконной византийской политики, считал, что связь империи с причерноморским кочевническим югом являлась ключом ко всей стране.

Прикамье открылись не вдруг. Византийский импорт, как показывают многочисленные более ранние находки в Приуралье, был дальнейшим развитием ранее определявшихся связей с причерноморским югом, хотя пути сношений не оставались все время неизменными. Любопытно, что древнейшие куфические клады найдены не в Прикамье, а на Донце, позднейшие же клады совершенно не встречаются в бассейне Донца. Это указывает на интенсивность донского пути в более раннее время.

III

Найденные в Прикамье византийские серебряные сосуды могут быть классифицированы по следующим группам.

¹ А. В. Ш м и д т. О кладе из Подчерема. Сообщения ГАИМК, 1931, № 11—12, стр. 51.

¹ L. Matzulewitsch, op. cit., S. 3.

Первая группа, в которую войдет издаваемое здесь Турушевское блюдо с граненым валиком, объединяет памятники, украшенные только орнаментальными мотивами. Так, на Турушевском блюде — растительная розетка в центре и лучистая разработка стенок; на Усть-кишертьском — круглая звездчатая розетка и доминирующий над ней пышно развитой большой венчик; на Томызском — розетка с плетением, выполненная в черни.¹ Характерно, что все орнаментальные мотивы продолжают античные образцы.

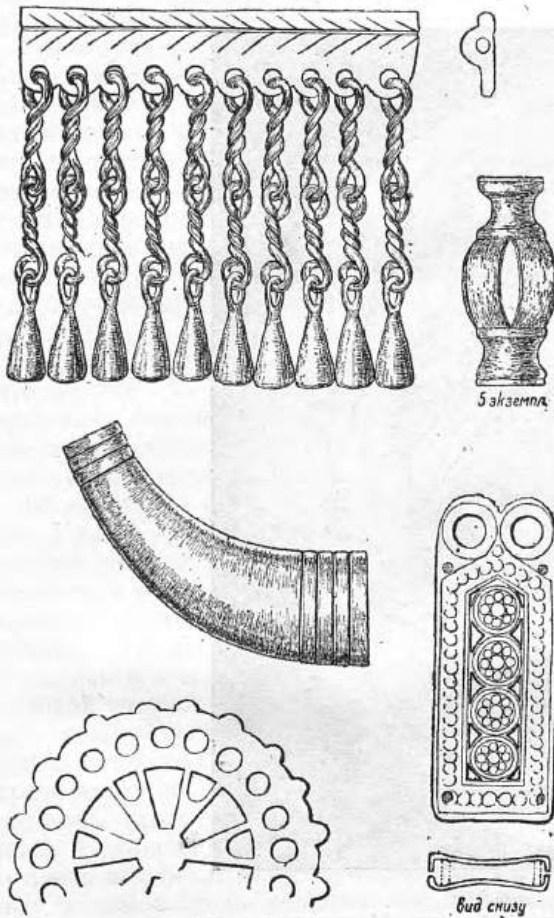

Рис. 5. Пронизки, рожок, подвески. Бронза. VII в. Село Усть-Кишерть. Краеведческий музей, Кунгур. (Нат. вел.)

Однако в деталях, в трактовке листьев, в передаче завитка, в самом восприятии формы отчетливо проявляется новое, вступающее в противоречие с античной основой и подрывающее ее.

К этой же группе может быть отнесено описанное выше блюдо из с. Карасевой, орнаментация которого ограничивается волнистым бортом, подчеркнутым гравированными дугами. В отличие от трех первых у него нет клейм.

Вторую, довольно многочисленную и компактную группу составляют евхаристические церковные сосуды — диски, украшенные выполнен-

ным чернью изображением креста в центре, окруженного венком. На доннышке у всех выбиты византийские клейма. Относительно средневекового, византийского происхождения их не было высказано сомнений, так как наличие христианского символа — креста — давало определенные указания. В настоящее время группа эта представлена в Прикамье семью экземплярами; восьмой, теперь неизвестно где находящийся, отметил в свое время Аспелин. Время изготовления в Константинополе большинства из них — первая половина VII в.¹

Несмотря, казалось бы, на чисто церковную христианскую орнаментацию блюд, они тоже, как и памятники первой группы, следуют античным образцам и в форме венков, и в общей композиции, и в разработке плоскости стенок.

К этой группе церковных сосудов примыкает следующая, тоже церковная, с священными изображениями, выполненными в рельефе. В нее входит знаменитое блюдо VI в. с группой поклонения кресту.² «Березовые острова» — место его находки. Но нельзя считать установленным, о каких «Березовых островах» идет речь. Есть основание полагать, что блюдо найдено в одном из мест с соответствующим названием Чердынского или Соликамского района, а не в Березовском округе б. Тобольской губ.³ В виду этого оно в настоящей работе причислено к находкам в Прикамье. Второе, относимое также к VI в., блюдо с евангельскими сценами и одной ветхозаветной найдено в с. Григоровском Соликамского района.⁴ Рельефы на обоих этих памятниках стилистически резко отличаются от произведений, исполненных в мастерских Константинополя. Не случайно, поэтому, что на доннышках их не выбито клейм, обычных на константинопольских изделиях. Они были сделаны в восточных провинциях византийского мира, быть может в Палестине или Сирии; не исключена возможность чеканки их в Закавказье. Они стоят особняком от общего потока константинопольского импорта в Прикамье. По всей вероятности, они и попали-то на север не через посредство Константинополя и не через северное Причерноморье.

В настоящее время к церковной группе сосудов, правда, с некоторыми оговорками, может быть присоединено и третье, еще неизвестное блюдо, несмотря на то, что стилистически оно резко отличается от двух предыдущих. Оно происходит, вероятно, из мастерских Константинополя.

¹ Перечень их см. у Л. Мацулевича (Argenterie...), где приведены данные о всех сосудах, кроме издаваемого здесь Турушевского блюда, тогда еще только что найденного и потому лишь упомянутого в конце статьи в виде приложения.

² Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XV.

³ Ф. А. Теплоухов. Древности Пермской чудии..., стр. 10.

⁴ Д. А. Хвольсон, Н. В. Покровский и Я. И. Смирнов. Серебряное сирийское блюдо. МАР, № 22, СПб., 1899. — Я. И. Смирнов. Восточное серебро, табл. XV.

¹ Я. И. Смирнов. О сасанидских блюдах. Изв. Общ. археол., ист. и этногр. при Казанском унив., XII, 1894, стр. 2 (отд. отт.).

Вопрос, были ли выбиты у него на доньшке клейма или нет, остается открытым. Данные о размерах сосуда отсутствуют. Обстоятельства и место находки, местонахождение в настоящее время и даже вообще судьба самого оригинала, к сожалению, неизвестны. Сохранился лишь фотографический снимок с одной лицевой стороны. Снимок был обнаружен в архиве Я. И. Смирнова и несколько лет тому назад передан мне для издания И. А. Орбели. Согласно пометке Я. И. Смирнова, оригинал находился в собра-

Давида напряжено и готово для нанесения сокрушительного удара. Тяжесть корпуса перенесена на правую согнутую в колене ногу, а левая вынесена вперед и уперта носком в землю. Голова повернута к врагу, поднятая и согнутая в локте правая рука заносит над ним меч. Однако рисунок ракурса кисти настолько скомкан, что кажется, будто она сломана в запястье или тяжесть меча не по ней, и он оттягивает ее книзу. Этот недостаток сребродела-ремесленника, чеканившего рельеф, на ряду с общей близостью

Рис. 6. Блюдо серебряное. Давид отражает нападение льва. Константинопольские мастерские, 10-е или 20-е годы VII в. Кипр. Собр. Пирпонта Моргана, Нью-Йорк.

нии Алина, а снимок с него был прислан Смирнову Б. Л. Богаевским, тогда работавшим в Молотове. Дальнейшая судьба блюда неизвестна.

Как видно из фотографического снимка, внутренняя поверхность блюда заполнена рельефом, изображающим библейскую схватку Давида со львом, напавшим на его стадо (табл. III, 7). Лев, точнее лвица, поднявшись на задние лапы, бросается на Давида. Но последний, твердо упершись в землю, сделал резкий поворот и удачно выставил щит — в него уперлись когти напряженных львиных лап и оскаленная пасть. Давид высоко заносит для удара меч в правой руке. На земле перед Давидом лежит уцелевшая половина растерзанной лвицей овцы. Все тело

фигуры к изображению Давида на миниатюре (табл. III, 2) знаменитой псалтири Марцианы, написанной для имп. Василия II Македонянина (976—1025),¹ может быть использован как аргумент против подлинности нашего блюда.

Постановка фигуры на блюде, действительно, аналогична с миниатюрой: та же расстановка ног, та же поднятая для удара рука. Но динамика фигур совершенно иная, так как самая композиция резко отлична на блюде и в рукописи. На миниатюре справа у ног Давида припадающий к земле медведь, на рельефе взвившийся на дыбы разъяренный зверь, ростом

¹ N. Kondakoff. *Histoire de l'art byzantin*, II. Paris, 1886, pp. 54—55. — G. Schlumberger. *L'épopée byzantine*, II. Paris, 1900, p. 309.

с Давида. Поэтому на блюде напряжение борьбы сосредоточено на уровне груди Давида, а не направлено книзу, как на миниатюре. На миниатюре левая рука Давида свободно покоится у пояса. Поднятое левое плечо Давида на блюде показывает, что рука поднята и напряженно держит щит. Весь корпус его, в отличие от миниатюры, с силой отброшен назад и голова опущена книзу не так, как в рукописи. Вынесенные в сторону линии плаща ритмически связаны с направлением ног и корпуса. Они подчеркивают динамичность фигуры и ее движение. Плащ здесь не пустое дополнение.

Некоторая общность фигуры на блюде и в рукописи свидетельствует о том, что обе ремесленных реплики восходят к античным образцам одной эпохи, к образцам, одинаковым по художественному подходу к натуре. Оба эти античных образца не повторяли друг друга, а разрабатывали совершенно различные моменты схватки человека со зверем. Только при узко формалистском подходе к совпадению отдельных элементов нельзя заметить разницы изображений на рельефе и на миниатюре. Миниатюра псалтири Марцианы столь отлична от Уральского блюда, что нет никаких оснований считать, что издаваемый здесь снимок мог быть сделан с поддельного предмета, благоразумно спрятанного от неизбежных разоблачений.

Изображения борца в позе, аналогичной рельефу Уральского блюда, т. е. с одинаковой постановкой ног и корпуса, с поднятым щитом, были настолько распространены в позднеермском искусстве, что мы встречаем их даже на заурядных тканях. Такова, напр., схватка с медведем, поднявшимся на задние лапы, а передними и головой упершимся в противопоставленный щит, на ткани IV—V вв., в Берлинском музее.¹ Сцена включена в фриз других изображений; среди них еще схватка со зверем, поднявшимся на дыбы (другая редакция). Боец на ней без щита. Поднявшийся лев готов вонзиться когтями в плечо человека, который всаживает смертельным ударом в грудь хищника кол.² Обычность группы, помещенной на рассматриваемом блюде, распространенность ее отнюдь не говорит о поддельности рельефа. О подлинности свидетельствуют и чистота стиля, и характерные для VI—VII вв. приемы выполнения рельефа и способы передачи различных частностей.

Вместе с тем, уже с первого взгляда поражает общая близость Уральского блюда с соответствующим блюдом знаменитого кипрского сервиза с изображением событий из жизни Давида, изготовленного в 10-х или 20-х годах VII в. (рис. 6).³ То же построение композиции, те же

приемы заполнения пространства, очень близкая композиция фигуры с подчеркиванием ее динамичности при помощи плаща, почти тождественные одежды. Такая близость, конечно, вовсе не говорит о том, что Уральское или Кипрское блюдо является фальсификацией.

Близость объясняется не тем, что одно из них послужило образцом для другого. Их общность обусловлена тем, что они оба восходят к античной композиции живописного рельефа, вписанного в круг, что они оба следуют близким по задачам, хотя и не тождественным композициям.

Группа Давида со львом дана на рельефе Уральского блюда не изолированно, а включена в характерный ландшафт. Сегмент холмистой почвы разработан в двух планах. На первом почти у края блюда невысокие волнистые извилины. По их левому гребню ползет, извиваясь, змея. На среднем лежит уцелевший остаток овцы. Характерен кустик с широко раскинутым пучком пунктирных веток, заканчивающихся городком из точек. Справа растение вроде аканта с большими листьями и пунктирными усиками между ними. На линии холмов второго плана помещена сцена схватки и сбоку дерево, замыкающее композицию в круг. Типична самая форма сучковатого изогнутого ствола с отдельными пучками зубчатых листьев. На гребне поднимаются два пунктирных кустика с многорядными городками точек на некоторых ветках. Таким образом обычный эллинистический ландшафт сохранен на рельефе в типичной схеме, которая повторена и на известном византийском блюде в Эрмитаже с Мелеагром и Аталантой. Обращает на себя внимание пластическая разработка морды львицы и частично задних лап. На груди показаны проступившие от напряжения ребра. Рядом с этим на одном из ответственных участков рельефа расплывчатая масса плеч, суммарная трактовка лап с неразработанными выпуклостями пальцев, схематическое обозначение ушей — все это показывает, что цельность пластического восприятия формы на рельефе нарушена. К тому же тело, лапы, даже хвост сплошь покрыты кружками с точкой в центре. Они расположены чисто орнаментально без учета форм тела и ракурсов, рядами, что еще больше подчеркивает разрушение пластического единства. Эти кружки могут быть сопоставлены с подобным размещением коротких парных черточек у львов на нижней пластинке императорского византийского пятичастного диптиха Анастасия I в Лувре.¹ Изображение кружков на шерсти хищников, как, напр., у леопарда, закаливаемого Шапуrom III, на блюде из дер. Климовой, не типично для сасанидской тореитики.² Обычно трактовка шерсти передается иначе. Но если бы даже и видеть в кружках на шерсти

¹ O. Wulff u. W. Volbach. Spätantike und koptische Stoffe. Berlin, 1926, Tab. 19 — Tab. 95.

² Ср. саркофаг с подвигами Геркулеса. — P. Gushman. L'art décoratif de Rome, I, Paris, tab. 10. — R. Pfister. Tissus coptes du Musée du Louvre. Paris, 1932, tab. 47.

³ Воспроизводится по старой фотографии, снятой вскоре после находки клада.

¹ R. Delbrück. Die Consulardiptychen. Berlin—Leipzig, 1929, № 48.

² Я. И. Смирнов, ук. соч., табл. CXXII, Ср. табл. XXVI, XXXII—XXXIV, XLVIII, LXIII, CXIV, CXXVI.

львицы, набросившейся на Давида, воздействие извне, факт разрушения пластического понимания формы все-таки оставался бы неизменным. Однако на изображении пантеры на одной из ложек Кипрского клада византийской работы тело, лапы, хвост сплошь покрыты подобными же кружками и городками из трех точек между ними. Такое сочетание кружков и городков само по себе подчеркивает чисто орнаментальный характер разделки шерсти, что должно быть учтено при определении рельефа издаваемого Уральского блюда.¹

Еще отчетливее новое отношение к пластической форме выступает на центральной фигуре. Черты лица не выработаны в рельефе, а намечены графически на общей округлой выпуклости, как на эрмитажных блюдах с Венерой и Анхизом и с Мелеагром и Аталантой. Они не воспроизводят форму, а только суммарно обозначают размещение глаз, носа, рта. То же можно сказать и про тяжелую шапку волос. Их пряди расчленены не живописно игрой света и рефлексов, а их общая суммарно намеченная выпуклость покрыта углубленными дугами и завитками, придающими поверхности некоторую рябь. Схематически выделены отдельные, выбившиеся внизу волосы, показанные тонкими мелкими черточками. Тот же изменившийся подход к передаче особенностей изображаемого объекта виден в трактовке руки, пальцев, одежды, под которой совершенно не чувствуется напряжение груди. И на ряду с этим мелочная орнаментация лора, ткани, каймы плаща, поножей при помощи точек различной величины и разнородно нанесенных.

Весь стиль рельефа и совокупность всех технических приемов свидетельствуют, что перед нами один из типичных представителей византийского антика. Время его изготовления возможно отнести к VI в. Но пример рельефа с развитым пейзажем и с сохранением многих приемов передачи глубинности живописного рельефа на блюде 10-х—20-х годов VII в. с изображением Мелеагра и Аталанты показывает, что в византийском антике может быть намечена лишь общая линия развития в пределах V—VII вв. Но строить по типологии отдельных элементов единый последовательный хронологический ряд невозможно, так как скачки и отставание одних элементов и забегание других делали бы такую типологию неконкретной и исторически произвольной. Должна быть предложена другая классификация, учитывающая одновременное сосуществование противоположных формальных признаков. Противоречивость этих признаков может быть объяснена и они могут быть поставлены в систематический ряд, если учесть, что среда, художественные чаяния которой они выражали, не была монолитной. Одни больше придерживались старых образцов, держались их буквы;

других удовлетворяла сюжетика сама по себе, и их меньше связывали традиционные шаблоны.

Описанное блюдо включено в группу церковных сосудов лишь условно и только на том основании, что мы определяем помещенную на нем группу как изображение известного библейского эпизода. Доводом в пользу такого объяснения сюжета служит наличие растерзанной львом овцы, помещенной посредине сегмента почвы, где обычно помещаются атрибуты изображаемой сцены. Если бы не этот атрибут, возникла бы мысль, что перед нами обычное, распространенное в античном искусстве изображение охотничьей или цирковой сцены.¹ К тому же нимб отсутствует совершенно. Все это дает основание сблизить памятник с последней группой византийских сосудов в Прикамье — группой, самой значительной по количеству, охватывающей половину всех наличных византийских сосудов. Эти сосуды украшены рельефами на мифологические, религиозные или бытовые античные темы или отдельными мифологическими фигурами. Большая часть их столичного производства и снабжена клеймами, и только два, без клейма, изготовлены в других центрах.

Вот их тематика. Приход Венеры в образе фригийской пастушки в шатер Анхиза. Сюжет связан с мифом о божественном происхождении римского императорского рода, воспеванию которого посвящена Энеида. К троянскому же кругу принадлежит рельеф с изображением суда Афины по поводу тяжбы Аякса и Одиссея из-за доспехов Ахилла. Мелеагр и прославленная легендарная девушка-стрелок Аталанта представлены после охоты на зайцев. Идиллическая сцена отдыха среди стада на фоне пейзажа — тематика рельефа следующего блюда. Вакхическая пляска менады и силена, держащего на плечах мех с вином. Культовая сцена кормления менадой змеи, поднимающейся из цисты. Голова морского божества и группы морского льва, морского быка, кита и гиппокампа. Нептун на ручках двух ковшей. Смотрящаяся в зеркало nereida, несущаяся по морю на спине морского льва, или nereida с раковиной, сидящая на спине плывущего дракона. Характерные на многих сосудах сцены нильской природы, столь излюбленные в римском искусстве и широко распространенные за пределами Египта. Даже в орнаменте блюда с изображением пасущейся лошади включены чашечки нильского лотоса, в которых птицы свили гнезда, что так часто изображается на памятниках Египта.

Особенно интересным для сохранения в столице египетской тематики и ее живучести является помещенное на большом ковше гротескное изображение ниломера. От высоты разлива Нила зависело благоденствие Египта. Недостаточный подъем оставлял без орошения более высоко расположенные засушливые районы. Подъем

¹ O. M. Dalton. Catalogue of early christian antiquities of the British Museum. London, 1901, tab. XXV, № 416.

¹ Cp. H. Peirce et R. Tyler. L'art byzantin, II. Paris, 1934. Пояснения к табл. 183.

выше нормального приносил всеобщее бедствие. Понятно, что сооружения, позволявшие наблюдать за уровнем реки, играли видную роль в египетском хозяйстве. Первоначально это были футовые ступеньки, спускавшиеся до нормального уровня воды, позднее постройки типа башенного маяка с определенной шкалой. На этой шкале особое значение имели в нижнем Египте цифры 16, 17, 18, показывавшие наиболее благоприятный уровень разлива, выше которого наступало уже стихийное бедствие. Как раз цифры 17 и 18 вытканы на замечательной ткани с ниломером из раскопок в Антиное, хранящейся в Лувре.¹ На эрмитажном ковше вместо этих цифр шкала ограничивается только первыми цифрами. За цифрой 5 башня ниломера кончается.² Это свидетельствует о том, что константинопольским мастерам, да и столичным потребителям этого рода изделий, было чуждо хозяйственное значение определенных цифр далекой провинции. Они, явно, принимали только чисто жанровую сторону данного египетского мотива.

Ниломер на отмеченной луврской ткани сопровождается изображением Нила в виде бородастого человека, держащего в левой руке большой рог изобилия, а в поднятой правой цисту. Рядом с ним восседает богиня изобилия Евтении, высоко поднимая левой рукой раковину. Спадающий с этой руки конец плаща образует на коленях широкую складку, поддерживаемую приподнятой правой рукой. Складка заполнена плодами и фруктами, в изобилии созревшими в результате плодотворного разлива.

Изображения плодотворной, оплодотворенной разливом Нила земли встречаются постоянно.³ Одним из наиболее известных примеров являются медальоны с олицетворениями Земли и Нила с одной египетской туники, хранящиеся в Эрмитаже и в Музее изобразительных искусств. Вместе с тем погрудное изображение Евтении-Абонданцы получило самостоятельное значение и вошло в цикл календарных олицетворений месяцев и времен года. При этом она всегда сохраняет свои иконографические черты: погрудное изображение почти строго в фас; прическу, убранный плодами, листьями и цветами; поддерживаемую перед грудью обеими приподнятыми руками складку плаща, наполненную плодами и фруктами. Такую богиню месяца сентября мы встречаем прежде всего в Александрийской хронике.⁴ Типично изображение Евтении в виде богини осени на египетской ткани из б. венского собрания Теодора Графа.⁵ Она составляла, по-

видимому, часть полной серии времен года, от которой сохранились лишь три — весна, лето и осень. Последняя представлена в виде женской фигуры по грудь. Голова, окруженная нимбом, немного склонена к правому плечу. В волосы вплетены листья и плоды. У шеи высоко вырывается ворот хитона, отороченный каймой. Приподняв до уровня плеч согнутые в локте руки, она держит перед собой плащ, зажимая его концы, торчащие кверху петлями. В складке плаща плоды и гроздья, окруженные листьями. Схематизованная реплика, сохраняющая типичные черты изображений Евтении, помещена в медальоне на египетской узорчатой ткани IV—V вв. в Берлинском музее.¹ Характерные иконографические формы передает и рельеф из известняка на карнизе двери, хранящейся в Каирском музее.² На рельефе в Ahnas богиня дана опять в типичных формах: изображение погрудное в фас, пышная прическа, на шее гривна, в согнутых в локте и приподнятых руках плащ с плодами, складки которого, зажатые пальцами, торчат кверху на уровне головы двумя симметричными петлями.³ О том, как была задумана наполненная плодами глубокая складка плаща, дает ясное представление изображение Земли на луврском пятичастном диптихе Анастасия I.⁴

В настоящее время в Прикамье может быть указан еще один рельеф с Евтенией на фрагменте одного неизвестного византийского серебряного блюда (табл. IV, 1). На нем типично переданы все черты ее образа. Таким образом Прикамье видело не только изображение ниломера на Чердынском ковше, но и обычно сопровождавшая его в египетском искусстве Евтения нашла приют в приуральской почве.

Фрагмент находился в том же собрании Алина, как и блюдо с Давидом в схватке со львом. Судьба его также неизвестна. В свое время Б. Л. Богаевский прислал из Молотова Я. И. Смирнову два снимка с обеих сторон его. Наличие фотографии с обеих сторон позволяет высчитать технику, изучить клейма и все характерные черты стиля. Сомнений в подлинности памятника не возникает никаких. Блюдо было сделано из одного листа серебра, т. е. так же, как блюдо со сценой прихода Венеры в шатер Анхиза и некоторые другие памятники. На это указывает характер негативного рельефа на донышке, четкость его и заметные места даже на снимке следы чеканки. Ножка была кольцевая припаянная. В виду относительной тонкости однослойных стенок сосуда и большей крепости и упругости ножки, блюдо под влиянием тяжести могло сильно оседать, было продавлено по кольцевой линии ножки, оказывавшей сильное сопроти-

¹ R. Pfister. Nil, nilomètres et l'orientalisation du paysage hellénistique. Revue des arts asiatiques, VII, 1932, p. 121, sq., tab. XLI. — Idem. Tissus coptes du Musée du Louvre, tab. 14.

² L. Matzulewitsch, op. cit., Tab. 16.

³ R. Pfister, Nil..., p. 124, sq., tab. XLIII—XLIV.

⁴ A. Bauer u. J. Strzygowski. Eine Alexandrinische Weltchronik. Wien, 1905, SS. 21, 119.

⁵ Illustrierte Zeitung, Leipzig—Berlin, 7 XII 1889, № 2423, S. 612—613.

¹ C. Wulff u. W. Volbach, op. cit., Tab. 72, № 6240.

² G. Duthuit. La sculpture copte. Paris, 1931, tab. XXIII.

³ R. Bernheimer. Romanische Tierplastik und Ursprünge ihrer Motive. München, 1931, Tab. XLIV, № 137.

⁴ R. Delbrück, op. cit., № 48.

вление вертикальному прогибу, дало по этой кольцевой линии трещины и сломалось. Сохранилась лишь центральная часть, защищенная ножкой. Ее занимает чеканеный рельеф в круглом медальоне, обрамление которого орнаментировано овами и нитью псевдофилиграни.

Евтения дана в шаблонных формах. Она представлена погрудно в строгом фасе. Туника обрамляет шею свободной складкой. В пышную прическу вплетены ветки растений и листья лозы. Посредине над широкой лентой укреплен гранат, увенчивающий всю прическу. Две пары четырехлепестковых цветков подвязаны по сторонам ленты и у ушей. Эти цветы тождественны цветам, приколотым к волосам на эрмитажной египетской ткани с изображением ГН «Земли», по смыслу той же Евтении. К плечам свисают грозди винограда и листья лозы. Обеими поднятыми почти до уровня плеч руками она поддерживает край плаща, концы которого, зажатые пальцами, характерно торчат кверху петлями. Образовавшаяся при этом свободная складка наполнена гранатами, грушами и другими плодами, среди них также и два колоса. За край плаща свисают пышные грозди, лежащие на листьях лозы.

Блюдо это, украшенное изображением Евтении, вероятно, входило в состав сервиза с изображением времен года или даже месяцев. На нем, скорее всего, не просто персонификация благоденствия и изобилия, а либо богиня осени, либо богиня месяца сентября.

Над головой, возле обрамления пробита круглая дырочка для подвешивания, выходящая на противоположную сторону (табл. IV, 2) возле самой кольцевой ножки, с внутренней ее стороны. Она показывает, что блюдо продолжало бытовать в Прикамье уже в фрагментированном состоянии, когда значительная часть его была утрачена.

На доньшке выбито в процессе производства сосуда пять обычных контрольных клейм (табл. IV, 2). Они выбиты до чеканки рельефа. Хотя клейма явно были охраняемы от повреждений, чеканка рельефа сильно изогнула их и частично расплющила. Особенно сильно пострадало клеймо на правом плече и на левой груди, где на его месте как раз пришлось глубокие негативные впадины рельефа груш. Такое состояние клейм может получиться только в результате деформации их при выполнении рельефа. После того как рельеф был готов, они не могли уже больше быть выбиты в таком виде.

Описанное искривление клейм, характерное и для остальных памятников этого рода, подтверждает, что новое, впервые публикуемое блюдо ничем не отличалось по приемам производства, напр., от блюда с Венерой и Анхизом.

Наилучше сохранилось крестное клеймо на левом плече. В центре его буквенная монограмма, построенная на двух взаимно перпендикулярных линиях. На пересечении их буква Θ, на левом конце Δ, на правом Ε, на нижнем Ω, на верх-

нем ΟΥ. Такая монограмма обычно расшифровывается как имя Θεόδωρου.

По концам клейма вокруг монограммы помещено имя ΕΥ[ΓΕ]ΝΙΟΥ.

Клеймо на правом плече неразборчиво. Ниже его шестигранное клеймо с характерной монограммой, построенной на основе латинской буквы N.¹ Обычно она читается как имя имп. Юстиниана I или Анастасия I. Надпись вокруг монограммы пока остается неразборчивой. На двух последних клеймах различимы окруженные нимбами силуэты безбородого императора с характерным головным убором с тремя поднимающимися над лбом драгоценными камнями. Повидимому, мы имеем здесь дело с бюстом Юстиниана I.

Обе монограммы описанных клейм, на ряду с изображением Юстиниана I, встречаются на рипидах из Stûmâ в Стамбульском музее² и на патене из Riha в собрании R. W. Bliss.³ Кроме того, монограмма Θεόδωρου несколько раз повторяется на небольшом невысоком серебряном сосуде с выпуклыми стенками на низкой кольцевой ножке (табл. V, 2) (размеры сосуда: диаметр 8.4 см, высота около 4.4 см, диаметр ножки 5.6 см), происходящем из замечательной находки у с. Мартыновцы на Киевщине.⁴ Форма неглубокой чашечки придана сосуду путемковки, следы которой покрывают доньшко отчетливыми впадинами. Стенки сглажены шлифовкой на вращающемся станке. От зажима его при вращении внутри образовалась небольшая круглая площадка. Кроме того, на стенке врезана орнаментальная линия у края. Кольцевая ножка из тонкой согнутой в кольцо серебряной ленты припаяна. Клейма на доньшке выбиты после придания сосуду общей формы, так как они лежат поверх впадинок, образовавшихся при ковке. При окончательной обработке часть их пострадала — они местами расплющены. Нечеткость некоторых клейм получилась и от двойного удара при клеймении. При этом, в виду небольших размеров сосуда, они выбиты так скученно, что частью находят одно на другое.

В крещатом клейме помещена та же, что и у Евтении, монограмма Θεόδωρου и имя ΙΩ[ΑΝ]ΝΟΥ. В соседнем четырехугольном клейме, вероятно, та же монограмма, от которой отчетливо видно правое Ε и верхнее ΟΥ.

По сторонам от нее имя [CΥ]ΜΕ||ΩΝ||[C].

На двух фрагментах оттисков аркообразного клейма силуэт головы, сбитый при чеканке, и

¹ Cp.: L. Matzulewitsch., op. cit., S. 30, 75, 111, 113, 115, Fig. 21.

² J. Ebersolt. Le trésor de Stûmâ au Musée de Constantinople. RA, XVII, 1911, p. 407, sq. — M. Rosenberg. Der Goldschmiede Merkzeichen³. Berlin, 1928, №№ 9854—9868.

³ L. Bréhier. Les trésors d'argenterie syrienne et l'école artistique d'Antioche. Gaz. BA, I. 1920. — Rosenberg, op. cit., №№ 9870—9876.

⁴ В. Козловська. Провідник по археологічному відділу Всеукр. історич. музею ім. Т. Шевченка. Київ, 1928, стр. 32.

очертание нимба. Деталей не разобрать. В небольшом куске прямоугольного клейма, срезанного другим клеймом, та же монограмма Θεοδόρου.

Сохранилось центральное Θ, правое Ε и нижнее Ω. Справа от нее конец надписи: [CΥΜΕΩ]ΝΙC.

Для установления датировки с точностью до десятилетий клейма дают мало. Общий характер их типичен для VI и первой половины VII в. Бюст императора расплюсчен и представляет лишь самый суммарный силуэт. Имена Иоанна и Симеона сами по себе не дают, при нынешнем состоянии наших знаний, данных различать какие-то определенные исторические личности. Поэтому в данном случае приходится придавать основное значение монограмме.

В виду того, что монограмма повторяется на обеих рипидах из Stîmă и на патене из Riha, т. е. на памятниках, относящихся ко второй четверти VI в., и только на этих памятниках, Мартыновская чашечка и фрагмент блюда с Евтением могут быть датированы тоже второй четвертью VI в. Дата эта находит на блюде с Евтением подтверждение во второй монограмме и в бюсте императора. Чашечка была завезена в Приднестровье, а блюдо достигло Прикамья.

Клейма на фрагменте из собрания Алина не только уточняют датировку, но и свидетельствуют о том, что перед нами изображение Евтении, выполненное в европейских мастерских, не в Египте. Изображение Евтении, сохраняющее, подобно рассматриваемому фрагменту, египетские иконографические черты, вообще не единично на почве Европы. Можно указать рельеф на одной романской капители в Ломбардии, представляющий реплику той же богини в типичных формах.¹

В трактовке лица и драпировок, в передаче листьев лозы под свисающими гроздьями, в изображении плодов — во всем стиле рельефа Евтении на Уральском фрагменте отчетливо выражены противоречивые черты византийского антика. Без раскрытия полностью исторического содержания последнего вопрос о месте византийских изделий в культуре Прикамья VI—VII вв. не может быть освещен надлежащим образом. Для этого необходимо учесть показания не только тех памятников, которые найдены в данном районе, а исчерпывающе всех, независимо от мест их бытования и находки.

IV

Один, еще неизвестный в литературе, выдающийся образец чеканного серебряного рельефа из частного западноевропейского собрания (табл. V, 7) происходит из какой-то очень старой коллекции и был найден в очень давнее время. Две фотографии с лицевой и с оборотной сторон позволяют сделать заключение, что предмет этот подлинный, действительно византий-

ской столичной работы. Рельеф составляет середину очень большого блюда на невысокой кольцевой ножке (размеры его: диаметр 28.5 см, высота 2 см, вес 1675 г.), фрагментированного как раз возле этой ножки, подобно только что описанному фрагменту с Евтением. О первоначальных размерах блюда позволяет судить величина диаметра ножки около 26 см. На самом большом из известных византийских блюдов — на церковном блюде с изображением креста в венке, найденном в дер. Климовой в Прикамье, — диаметр ножки составляет 23 см, а самого блюда 53 см.¹ У второго по величине Климовского блюда диаметр ножки 19.8 см при общей величине блюда в 45 см.² При изготовлении блюдов вообще соблюдалась строгая пропорциональность между размерами каждого блюда и его ножкой. Поэтому можно считать, что издаваемый фрагмент принадлежал блюду, превосходившему размерами даже климовские. Это было, таким образом, самое большое из известных византийских блюдов, дополняющее наши представления о роскоши византийской дворцовой сервировки. Оно приближалось по величине к знаменитому блюду 388 г. Феодосия I в Real Academia de la Historia в Мадриде, которое имеет 74 см в диаметре при ножке около 26 см.³ Окончательная обработка сосуда и пригонка по центру припаянной кольцевой ножки были выполнены на токарном станке, углубление от штифта которого видно в центре оборотной стороны фрагмента. На доннышке были выбиты контрольные византийские клейма. Они настолько стерты, что по имеющейся у меня фотографии не поддаются прочтению.⁴ Отчетливо вырисовывается лишь форма шестигранного клейма, четырехугольного, круглого и угол треугольного. Наличие последнего, хотя бы даже не разборчивого, может дать существенные указания на абсолютную дату сосуда. Клеймо такой формы встречается всего три раза, не считая одного сомнительного: на блюде Патерна и на ковше с ниломером они даны вместе с именным клеймом Анастасия I (491—518); в третий раз — на тазике (в Рижском музее), найденном в 1895 г. в селе Воронья на Псковском озере.⁵ Оба первых памятника точно датируются временем до 518 г., и тазик может быть отнесен к тому же времени.⁶ Поскольку треугольное клеймо не встречается на других памятниках, — а византийских клейм VI и VII вв. мы знаем значительное количество, — можно считать, что клеймо такой формы употреблялось очень недолго и только в начале VI в.

¹ L. Maculevič. *Argenterie...*, p. 293, № 4.

² Там же, № 5.

³ R. Delbrück, *op. cit.*, p. 236, № 62.

⁴ Снимок в виду недостаточной четкости здесь не воспроизводится.

⁵ R. Hausmann. *Katalog d. Ausstellung zum 10. archaeol. Kongress in Riga. 1896, № 1351.* — M. Ebert. *Führer durch d. vor- u. frühgeschichtliche Sammlung im Dommuseum zu Riga. Riga, 1914, S. 29, Fig. 45.*

⁶ L. Matzulewitsch, *op. cit.*, S. 75—76.

¹ R. Bernheimer, *op. cit.*, Tab. XLIV, № 138.

Поэтому и рассматриваемый здесь фрагмент допустимо датировать также началом VI в., самое позднее 518 г.

На рельефе изображен в полулежачей позе пьяный силен. Правая рука закинута за голову, левая, согнутая в локте, высоко положена на выступ скалы: кисть при этом свободно свисает вниз. Левая нога подогнута. Отброшенный в сторону плащ обнажил тело до живота. Слева приплясывающий второй силен играет на флейте. По вакхической тематике блюдо родственно найденному на Калгановке в Прикамье с изображением пляшущих менады и силена с бурдюком. Трактовка же груди и правой руки силена, передача заплывшего от пьянства старческого лица, сбившиеся пряди бороды, а также мягкие складки одежды — все указывает на близкую связь мастера с пластическими образцами античного рельефа, но схематизованная передача мускулатуры ног и ребер на груди пляшущего силена напоминает скорее татуировку. На ряду с такой вычурностью — совершенно аморфная выпуклость свисающей кисти руки и ее пальцев, казалось бы, несоместимая на одном и том же рельефе. Вздущийся живот сдвинут влево и поворот корпуса в груди не передан. Наличие таких фактов изобличает, что рельеф пластически не един, что в нем уже наличествуют противоречивые черты византийского антика.

Характерным и основным признаком византийского антика является прежде всего сама античная тематика изображений. Мы видели на сосудах мифологические, религиозные и бытовые сцены, а также отдельные мифологические фигуры, то объединяемые во фризы или группы, то даваемые изолированно, в одиночку. Если стенки сосудов украшены только орнаментом, то все орнаментальные мотивы являются повторением, продолжением или развитием опять-таки античных образцов. Античной тематике соответствует самый способ разработки ее в шаблонах позднеантичного живописного рельефа с архитектурным или сельским ландшафтом. Таким образом как будто и вправду сохраняется даже самый античный язык форм. Но на самом деле на каждом шагу во всех изобразительных приемах отчетливо проступают новые элементы, вступающие в противоречие с античной основой и подрывающие ее, свидетельствующие о решительном отходе от самого существа этих форм. Пластическое единство живописного рельефа разрушается в результате изменившегося до противоположности отношения к реальному предмету и к задачам его изображения. Совершается переход от пластической моделировки к моделировке графической, т. е. вместо передачи форм при помощи рельефа прибегают к графическому обозначению их поверх аморфной, не расчлененной выпуклости, иными словами: формы, в частности черты лица, не разрабатываются, а только суммарно обозначаются линиями и нарубками.

Псказательным примером может служить чеканка головы Мелеагра на блюде, сделанном в константинопольских мастерских в 10-х или 20-х годах VII в. (табл. VI).¹ Форма подбородка не противопоставлена в рельефе шее. Он просто отсечен от нее глубокой линией. Линией же отрезан от фона и весь ракурс лица, причем линия эта не обрисовывает в своем движении ни склона виска, ни глазной впадины, ни скулы, ни ракурса щеки, ни рта, ни подбородка. Она не имеет никакого пластического движения. Две глубоких, широких вертикальных впадины на щеках и одна поперечная под ними оставляют незатронутой небольшую площадку между ними. Она-то и должна обозначать нос. Чеканка рта ограничена тоже только общим обозначением его. На месте глаз длинные поперечные борозды вплоть до ушей. Над ними линии, изображающие не то бровь, не то веко. Обозначенные рельефом формы груди покрыты группами крупных впадинок вместо пластической разработки ребер. Кисть правой руки вырезана на теле одними контурными линиями.

Общая наметка, суммарное обозначение предмета вместо пластической разработки его формы подчас доходят до того, что какая-нибудь отдельная деталь фигуры, если ее рассматривать изолированно, совершенно не может быть опознана. Такова, напр., рука Венеры, держащая яблоко, на рельефе серебряного ведра в Историко-художественном музее в Вене.² Действительно, здесь отчетливо выявляется изменившееся отношение к изобразительной форме и к предмету изображения. Разложение пластических свойств живописного рельефа сопровождается мелочной орнаментацией деталей при помощи черточек и точек, то очень мелких, то более крупных и нанесенных более глубоко. Пространственные соотношения между частями картины нарушаются. Происходит полный разрыв между изображаемой фигурой и почвой. Ландшафтные элементы на многих памятниках совершенно исчезают. Исчезает не только ландшафт, полностью подчас отсутствует хотя бы ровная условная полоса почвы, хотя бы простая линия. Фигура и необходимые атрибуты или даже целая сцена повисают на гладком фоне. Изображение делается отвлеченным.

При формалистическом подходе к памятникам искусства казалось бы невероятным, что, напр., фрагмент с Евтением или блюдо с Венерой в шатре Анхиза сделаны одновременно в стольких константинопольских мастерских с известным блюдом, найденным в Климовой.³ На нем, в противоположность Евтению и Анхизу, утраченная экспрессия сосредоточенной в глубоком размышлении фигуры, подчеркнутая трактовка форм тела, сдержанная цельность

¹ Фотография снята со значительным увеличением непосредственно с оригинала.

² L. Matzulewitsch, op. cit., S. 41, Tab. 7.

³ OAK, 1907, стр. 120, рис. 123. — L. Matzulewitsch, op. cit., Tab. 31.

ландшафта с мягкими площадками скал, тщательное изображение коз. Ссылка на различие художественных индивидуальностей мастеров не объяснила бы такого противоречия по существу.

С другой стороны, на рельефе второй четверти VI в. с изображением прихода Венеры в шатер Анхиза решительно выражен разрыв между фигурой, архитектурной декорацией и почвой.¹ Здание, трон, подножие — все повисло на фоне. Самая арка превратилась в своей центральной части в орнаментальный шныркуль. Неуравновешенность пространственных соотношений внутри картины может быть указана задолго до этого — на блюде Феодосия 388 г. в Мадриде,² а в 10-х или 20-х годах VII в., т. е. спустя более двухсот лет, на блюде с Мелеагром и Аталантой полностью сохраняется ландшафт, разработанный в трех планах; да и в самом рельефе применены приемы, предназначенные для передачи максимальной глубины изображаемого пространства. И рядом опять можно поставить как противоположность одновременные с ним рельефы Венского ведра, которое родственно блюду с Мелеагром и Аталантой даже по клеймам.

Такое сочетание, казалось бы, несочетаемого, такие как бы скачки, не обоснованные хронологически, могут быть объяснены только тем, что среда, питавшая производство подобных сосудов и других художественных изделий этого переходного времени, была, как отмечено выше, не монолитна. Византийский феодализм слагался при наличии остатка сильного античного рабовладельческого уклада. Византия, как крупнейший политический центр, вобрала в себя и бежавшую с территории западноримской империи родовитую знать. Однако первоначальная замкнутость сенаторской знати, которой способствовали высокий имущественный ценз, потомственное звание сенатора и сосредоточение всех высших государственных должностей в ее руках, была разрушена. Влились новые элементы, частью варварские, выдвинувшиеся в длительных войнах и накопившие при этом крупные земельные состояния. Еще Синезий давал яркую картину изменения состава самого сената.³ Но и в VI в. античный рабовладельческий уклад остается еще настолько мощным, что накладывает свой отпечаток на процесс становления византийского феодализма. В свой черед и класс рабовладельцев не остается неизменным. И у него все полнее и полнее начинают проявляться черты феодальной идеологии. В памятниках искусств документальным свидетелем становления нового на фоне пережитков античного и является византийский антик. От античности остаются сюжеты и общая схема построения композиции и фигуры, тогда как идеологическое содержание

становится противоположным, тогда как самый подход к изображению человека, его лица, а следовательно и подход к человеку как таковому, ко всему внешнему миру, к живой форме, оказывается родственным выраженному в феодальной иконе, в мозаике с наиболее присущим ей отвлеченным фоном, родственным всему мистическому культу феодальной религии.

Авторы новейшей многотомной французской истории византийского искусства Пирс и Тайлер не заметили, что большая или меньшая насыщенность памятников византийского антика новыми стилистическими элементами не совпадает с их абсолютной датой, что часть рельефов, в которых наиболее полно выражены черты византийского антика, принадлежат раннему периоду, что одновременные произведения типологически не тождественны. Они не усмотрели определенного процесса становления, а отнесли к ним как к аморфной массе, вследствие чего историческая значимость памятников была понята ими превратно. По их мнению, «между предметами VI и VII вв. слишком мало различия в стиле: этот факт, учитывая к тому же, что большинство сосудов было найдено в России, позволяет считать, что они были изготовлены специально для экспорта».¹ При такой постановке византийский антик утрачивает свою сущность, а ранне-средневековое Прикамье решительно модернизируется. Уже тем неправы Пирс и Тайлер, что связывают рельефы с «языческими» «мифологическими сюжетами» с одними только серебряными сосудами, экспортированными на территорию восточной Европы, хотя они и сами признают, что византийский антик — явление, охватывающее и другие виды искусства.

Да невероятно и само по себе, чтобы сложное и дорогое производство в Константинополе серебряных сосудов именно с античной тематикой или именно христианских церковных с изображением креста в венке, выполненным чернью, могло в течение свыше полутора столетий стимулироваться только потребностями варваров извне.

Как бы ни склоняться к мысли о систематических сношениях Византии с Прикамьем, мотивы в пользу чего были приведены выше, все-таки сношения и связи были не столь тесны, чтобы в местном обществе, представлявшем собой разлагающиеся родовые земледельческие общины, могли быть полностью восприняты и освоены идеологически столь сложные продукты античного уклада в феодализирующемся обществе, бывшие к тому же и в самой Византии достоянием узкого круга. Это же может быть отнесено в полной мере и к иранским импортным сосудам. Тем самым нельзя преувеличивать потребности местного населения в византийской продукции этого рода. Правда, напр., у скифов, относившихся по стадийному раз-

¹ Там же, стр. 41.

² Л. А. Мацулевич. Погребение варварского князя, стр. 36.

³ Migne. *Patrologia graeca*, LXVI. 1859, p. 1093. Ср.: Л. А. Мацулевич, ук. соч., стр. 90.

¹ H. Peirce et R. Tyler. *L'art byzantin*, II. Paris, 1934, p. 39—40.

витию уже не к «ломоватовскому этапу», имеется среди импортных предметов некоторая часть, изготовленная греческими мастерами в причерноморских колониях со специальным расчетом на потребности и вкусы местной знати. Памятники византийского антика никак не могут быть причислены к такого рода специально приносившимся изделиям.

В искусстве Прикамья этого времени ярко выражено культово-космическое мировоззрение разлагающегося родового общества, связанное с замкнутым кругом явлений природы, с которыми человек соприкасался в своем трудовом акте и устранение или изменение которых или, напротив, удержание которых не зависело от его воли. Расчленение имеющихся в нашем распоряжении памятников должно стать очередной исследовательской задачей. Это не аморфная масса. Из нее можно выделить действительно массовую продукцию, затем продукцию для ограниченного круга племенной знати и, наконец, продукцию узко культового назначения, специально связанную с шаманством.

Обычными художественными мотивами является хищная птица, напавшая на лося, или какое-то другое копытное животное (рис. 4) или птица, клюющая рыбу.¹ В некоторые изделия этого рода врезается струя реализма. Так, на одной пронизке животное, крепко сжатое в когтях птицы, пытается оттолкнуть передними лапами ее голову и готовый вонзиться уже раскрытый клюв.² В Подчеремском кладе расщепление осознанных противоположностей единого космического образа выражено дублированием. На подвесках объединены в одно целое два крылатых диска, поддерживаемые двумя противопоставленными птицами.³ Звери, частью восходящие к тотемным и сохраняющие неприкосновенными освоенные типы священного изображения; животные, наделенные чертами птиц, или птицы, наделенные чертами животных; животные дублирующиеся; животные, образующие ряды; животные, группирующиеся с другими; звери, животные, птицы, объемлющие других зверей, животных или птиц — все подобные изображения культово-космического типа характерны для основной массы прикамских прорезных бронзовых пластинок. На некоторых поделках реалистически переданы любовно подмеченные черты повадки того или иного животного. Часто в группах магически-охотничьего содержания появляется фигура человека. В человеческой фигуре на других пластинках имеем, быть может, своеобразный прикамский вариант матриархального божества — владычицы животного мира, окруженной зверями и птицами и держащей или поднимающей их

руками.⁴ В связи с этим любопытно бы проанализировать по оригиналу рельеф с колесницей на одной двусторонней подвеске и установить, что она изделие местное — прикамское. По рисунку в издании Спицына,⁵ возница, подобно владычице зверей, как будто поднимает в руке какое-то животное. Если это действительно так, то заимствованная с юга композиция получила у прикамского мастера осмысление, имеющее глубокие местные корни. Сочетание человеческой фигуры, коня и птицы с распростертыми крыльями, на груди которой помещено изображение человека и коня,⁶ может быть понято как местный вариант представлений о конептице, о раши грузинских сказок, помогающем царевичу и выручающем его из беды; или из круга представлений о птице подземного мира Паскудже, выносящей молодца-удальца на дневной свет.

Во всех случаях изображение человеческой фигуры остается в пределах общей человеческой личины. Любопытно, что на лице, обращенном в фас, не всегда дается изображение рта. Уровень культуры ломоватовского общества не давал основания для подхода к человеку как к индивидууму, для изображения индивидуального человека с определенной анатомией и с индивидуальным своеобразием лица, мужского и женского, как не было и потребностей в алфавите. Поэтому византийский антик — столь сложный продукт антично-феодалной среды — не мог быть полностью воспринят даже выделившимся в Прикамье высшим слоем, прибравшим к своим рукам обмен местных продуктов на импортные изделия. Правда, художественные мотивы на отдельных сосудах могли оказываться очень близкими идеологии и прикамского общества. Такие предметы могли не только вызывать подражания, но и служить импульсом для переоформления сложившихся местных композиций. К числу таких импортных изделий, могущих иметь прямое активное воздействие, возможно отнести оба блюда из с. Укан с изображением схватки грифона, змеи и собаки — на одном, или нападение змеи на бегущего оленя и собаку — на другом.⁴ Я. И. Смирнов допускал их византийское происхождение и поэтому считал даже целесообразным исключение их из атласа, посвященного восточному серебру.⁵ Возможно, что они были сделаны действительно в одном из провинциальных центров Византии — напр. в Херсонесе. К числу импортных восточных памятников с сюжетами, близкими идеологии прикамского общества, можно причислить блюда с изображением орла, несущего в когтях газель, или льва, терзающего лань, или льва,

¹ А. А. Спицын. Древности камской чуди. Табл. IV, № 15.

² Там же, табл. XXII, № 4.

³ А. В. Шмидт. О кладе из Подчерема, стр. 53. — В. А. Городцов. Подчеремский клад. Сов. археол., 1937, № 2, стр. 129, табл. III, 2—3.

⁴ А. А. Спицын, ук. соч., табл. V, № 8, XXXI, № 5.

⁵ Там же, табл. VIII, № 2.

⁶ Там же, табл. V, № 11, XXII, № 7.

⁴ Я. И. Смирнов. Восточное серебро, стр. 132—133, табл. XXIV.

⁵ Там же, стр. 6.

напавшего на быка,¹ независимо от того, какую семантику они имели на месте их изготовления. Но это только отдельные памятники, частью восточного происхождения, — исключения, а не вся масса византийского антика.

Однако было бы неисторично считать, что импорт в Прикамье византийских сосудов проходил бесследно, что даже верхушка общества относилась к художественной стороне их безразлично. Нанесение своих местных изображений и знаков поверх чеканных византийских рельефов говорит отнюдь не о безразличии. Этими апотропеическими знаками или идиографическими формулами и композициями не погашались чужестранные изображения, а, напротив, этим путем они осваивались, включались в круг местных представлений. Это включение в свой круг было тем возможным, что самые взаимоотношения Прикамья с Византией не носили характера военной экспансии со стороны последней. Прямых повторений византийского антика не могло быть, так как высший слой еще не мог выдвинуть ремесленников, уже перешедших от личины к индивидууму, и в самом обществе еще не было реальных оснований для значительного притока и оседания византий-

ских ремесленников. Не мог византийский антик и послужить толчком для создания в Прикамье целой местной школы. Но искать его отражений в местных изделиях, в частности на круглых бляшках, необходимо, так как в противном случае пришлось бы думать о застойности развития местных племен и неподвижности их культуры.

Но если византийский антик не создал местной прикамской школы, он все-таки не мог пройти бесследно. Приток византийских сосудов был стимулирован развивающимся торговым обменом, что способствовало ускорению процесса разложения родового общества. Торговля велась путем обмена не только на серебряные драгоценные сосуды. В Прикамье во множестве вливались и другие изделия. Многочисленные пояса, пряжки, псевдопряжки, бляшки и подобные местные изделия по южным образцам — все, что выходило за пределы восприятия индивидуальной человеческой фигуры, получило широкое распространение в местной продукции, свидетельствуя, что в процессе стадийного развития племени Прикамья были в то время уже достаточно подготовлены к освоению образцов более высоких культур.

L. MATZOULÉVITCH

L'ANTIQUÉ BYZANTIN ET LA RÉGION DE LA KAMA

(Résumé)

Le nombre considérable de trouvailles d'argenterie byzantine (à peu près 25—28 pièces) faites dans la région de la Kama n'est pas dû au hasard. Ces objets y ont été importés presque aussitôt après avoir été faits dans les ateliers de Constantinople. Il est bien certain que c'est aussi à la même époque que ces pièces, au moins pour une grande part, y ont été ensevelies. L'importation de ces objets dans la région de la Kama fut régulière, ce qui explique le fait que toutes les pièces ayant des poinçons à date certaine forment comme une suite continue, allant du début du VIe siècle jusqu'au milieu du VIIe. On les faisait importer de Constantinople par voies directes le long des rivières dans les steppes du Sud de l'Europe orientale. Il ne faut pas oublier que les trésors les plus anciens de monnaies cufiques ont été trouvés dans la région du Donetz et qu'au contraire on n'y rencontre guère de trésors de monnaies plus récentes. L'importation byzantine dans la région de la Kama devient surtout intense au VIIe siècle, à l'époque d'Héraclius, ce qu'atteste non seulement le nombre des pièces datant de cette époque, mais aussi la manière dont elles étaient groupées dans les trouvailles, ainsi que les monnaies d'Héraclius, tandis que d'autres

monnaies n'y ont pas été constatées. La quantité des pièces byzantines trouvées dans la région de la Kama démontre qu'il y existait une certaine demande pour des objets byzantins à importer, mais on ne doit pas exagérer l'importance de cette demande. La société de la région de la Kama formée de tribus gentiles territoriales était aux VI—VIIe siècles en état de décomposition, son art exprime aussi la conception religieuse et cosmique du monde. Le niveau de la culture de cette société ne lui permettait pas encore d'avoir une conception de l'individu, de représenter l'être humain comme un homme individuel et non comme un simple masque; de même, qu'à cette époque on n'éprouvait pas encore aucun besoin d'avoir un alphabet et une écriture pour fixer la parole — l'écriture restait encore idéographique. C'est pourquoi l'antique byzantin — produit fort compliqué — reste de l'antiquité, survivant à Byzance, qui était en train de devenir une société féodale, il ne pouvait pas être complètement compris et perçu même par la couche supérieure de la société de la région de la Kama, qui avait mis la main sur l'échange des produits indigènes pour des objets importés. Des copies indigènes, toutes analogues, reproduisant l'antique byzantin, ainsi que la formation d'une école indigène du style antique byzantin — y étaient impossibles, car la couche supérieure de la société de la

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер, ук. соч., табл. 26, 30, 31.

région de la Kama n'était pas encore en état de promouvoir d'artisans capables à passer du masque abstrait à la représentation de l'homme individuel. Cette société n'avait pas encore de motifs réels pour faire arriver les artisans byzantins dans cette contrée. Néanmoins l'importation de produits byzantins ne passa pas sans trace. Les modèles venus du Sud, qui ne portaient pas de figures d'êtres humains, de l'homme individuel, furent fort répandus dans l'industrie d'art indigène.

Notre publication offre des monuments nouveaux de l'antique byzantin. Entre autres deux fragments de moyenne grandeur d'un vase (fig. 1), provenant d'une sépulture collective du VIIe siècle, découverte pendant la construction du Dnjeprostroj.

Le plat de Tourouševa (fig. 3 et pl. I, 1 et 2), orné d'une rosace, daté d'après le poinçon de 629—641. Il fut exécuté à la même époque et dans le même atelier que le plat orné d'une croix niellée, entourée d'une couronne, trouvé à Malaja Pereščepina. Tous les deux furent exportés de Constantinople vers le nord: l'un resta près de Poltava, l'autre atteint la région de la Kama. La trouvaille dans deux régions de l'Europe orientale, éloignées l'une de l'autre, de deux objets si rares, mais exécutés à une même époque et dans un même atelier de Constantinople, permet d'éclaircir d'importants problèmes historiques.

Petit plat en argent (pl. II, 1 et 3) daté de 610—629, trouvé avec le plat de Tourouševa. Sur le fond se trouve une inscription qui indique son poids; cette inscription n'avait pas été faite par le maître même dans son atelier, mais seulement plus tard et dans des circonstances qui ne permettaient pas de garantir l'exactitude du pesage, c'est ce qui explique la différence — ici plus grande que dans des cas semblables — entre le poids réel (241.5 g) et le poids indiqué sur le fond de notre plat (226.265 g).

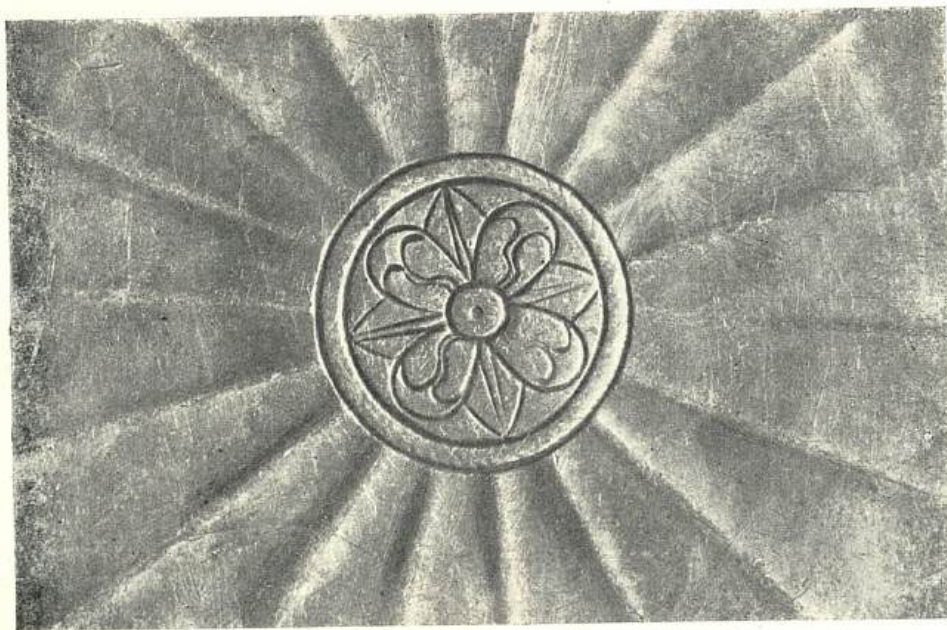
Plat en argent à figure de David tuant un lion (pl. III, 7). La ressemblance visible avec l'image de David sur une miniature du fameux Psautier de la Marciana (pl. III, 2) aussi que la proximité de l'ensemble de la composition avec le plat en argent du trésor de Kerynia (fig. 6) ne doit

pas faire douter de l'authenticité de notre pièce. La pureté du style, ainsi que les particularités techniques prouvent que c'est une pièce authentique, tandis que leur communauté s'explique par le fait, que tous les deux remontent à des compositions antiques bien proches, quoique non identiques, différentes dans leur détails.

Fragment d'un plat en argent, au buste d'Euthenia du style typique de l'antique byzantin (pl. IV, 1 et 2), appartenant probablement à une série de plats à figuration des quatre saisons ou des douze mois. Ce fragment représente peut-être l'une des quatre saisons — l'automne ou le mois de septembre. Le plat a été fait au repoussé; on y trouve sur le fond un relief négatif qui déforma les poinçons. Ces derniers se rapprochent des poinçons des éventails sacramentaux de Stûma, de la patène de Riha et d'une petite coupe en argent, jusqu'à présent restée inédite (pl. V, 2), provenant de la trouvaille de Martynovcy (région de Kiev).

Fragment à figuration d'une scène bacchique (pl. V, 7) appartenant à un plat en argent, le plus grand de tous les plats connus jusqu'à présent. Il date du début du VIe siècle (terminus ante quem — 518).

Tous les monuments que nous publions sont des représentants typiques de l'antique byzantin. Leur suite typologique, formée d'après les données stylistiques ne pourrait nullement coïncider avec leur ordre chronologique. Les traits semble-t-il déjà disparus sur les monuments de la première moitié du VIe siècle se retrouvent encore tous vivants sur certains monuments du VIIe siècle. De même on trouve aussi sur des pièces synchroniques des traits incompatibles du point de vue typologique. Comment pourrait-on expliquer ces contradictions? Ils s'expliquent par le fait, que le milieu, les aspirations artistiques duquel expriment ces monuments n'était pas monolithique et ne restait pas immuable et intangible — l'idéologie déjà féodale se manifestait dans ce milieu de plus en plus. L'antique byzantin, c'est l'art de la société antique survivant à Byzance dans les conditions où cette dernière se formait comme une société féodale.

1. Центральная часть серебряного блюда (см. рис. 3). (Нат. вел.)

2. Доннышко серебряного блюда с византийскими клеймами (см. рис. 3).
(Нат. вел.)

1. Блюдец серебряное. Константинопольские мастерские, 10-е или 20-е годы VII в. Дер. Турушева в Прикамье. Эрмитаж.

2. Блюдец серебряное. Константинопольские мастерские, 2-я четверть VI в. Село Усть-Кишерть в Прикамье. Эрмитаж.

3. Доннышко с византийскими клеймами. Обратная сторона серебряного блюда (см. табл. II, 1). (Нат. вел.)

Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье.

1. Блюдо серебряное. Давид отражает нападение льва. Константинопольские мастерские, VI—VII вв. Прикамье.

2. Миниатюра псалтири Марциана имп. Василия II Македонянина (976—1025). Давид отражает нападение медведя.

Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье.

1. Фрагмент серебряного блюда. Евтения — Сентябрь. Константинопольские мастерские, 2-я четв. VI в. Прикамье. (Ок. нат. вел.)

2. Доньшко серебряного блюда с византийскими клеймами (см. наверху). (Ок. нат. вел.)

1. Фрагмент большого серебряного блюда. Вакхическая сцена. Константинопольские мастерские, VI в. до 518 г.

2. Серебряная чашечка. Дношко с византийскими клеймами. Константинопольские мастерские, VI в. Мартыновцы на Киевщине. Археологический музей, Киев. (Нат. вел.)

Л. А. Мацулевич. Византийский антик и Прикамье.

Мелеагр. Деталь серебряного блюда. Константинопольские мастерские, 10-е или 20-е годы VII в. Приуралье. Эрмитаж. (Сильное увеличение с оригинала.)

М. В. ТАЛИЦКИЙ

КОЧЕРГИНСКИЙ МОГИЛЬНИК

Около дер. Кочергино или Дуброво, Советского района Кировской области на р. Немде, на восток от деревни, по так называемой «Сосенной дороге» находится древний могильник. Еще на памяти стариков здесь были остатки соснового леса, в настоящее же время здесь пашня, поверхность которой сильно разрушается овражками, возникающими благодаря некоторой покатости местности по направлению к реке. Находки

здесь были проведены небольшие раскопки для выяснения точного местонахождения могильника. На вскрытой площади найдены четыре погребения, и так как они представляли известный интерес, то в следующем 1930 г. раскопки были продолжены; они дали еще одно погребение. На приводимых планах и в описании для более удобного пользования материалом последний не расчленен по годам.

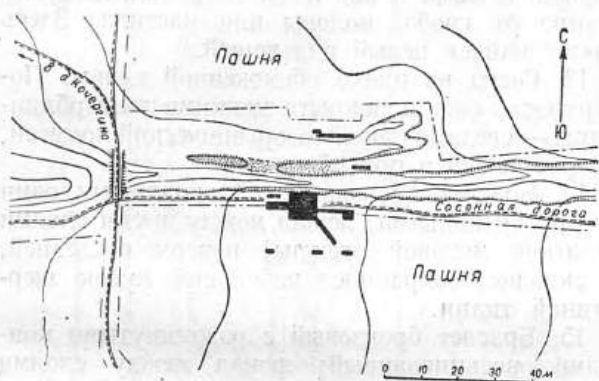

Рис. 1. План могильника у дер. Кочергино.

Рис. 2. Профиль раскопа на могильнике у дер. Кочергино.

у дер. Кочергино впервые стали известны А. А. Спицыну, от которого нами были получены сведения о месте могильника.

Еще лет 30 назад крестьянином А. А. Ванчуговым и другими при починке дороги были найдены несколько бронзовых вещей и человеческие кости. Последние довольно часто и раньше находили в овраге. В 1928 г. сотрудниками Вятского отряда экспедиции Антропологического института было произведено рекогносцировочное обследование и приблизительно выяснены пункты находок вещей. В 1929 г.

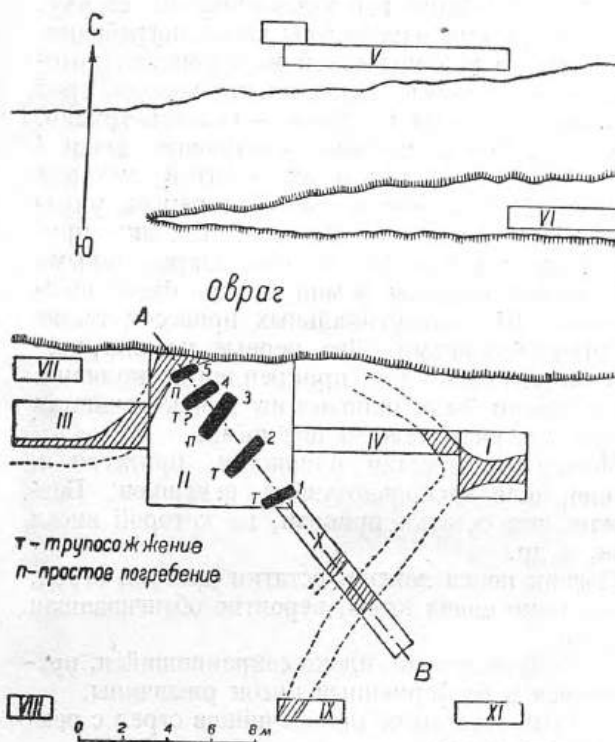

Рис. 3. План раскопа на могильнике у дер. Кочергино.

Раскопка велась первоначально площадью, а затем в поисках погребений было проведено несколько метровых траншей и небольшие траншеи заложены в различных местах, вокруг первого раскопа. При вскрытии площади довольно ясно обрисовывались темные могильные пятна на фоне белого мергелистого выкида со дна могил (погребения 2, 3, 4). Эти пятна в дальнейшем окапывались канавками, а затем производилась расчистка погребения мелкими инструментами. Расчищенное погребение, предварительно сфотографированное и зарисованное, разбиралось и

упаковывалось. Жесткий мергелистый подпочвенный слой, как это видно на рис. 2, залегает на разной глубине. Копать в нем могилу было, вероятно, трудно и, повидимому, благодаря этому погребения №№ 2, 3 и 4 лежали на глубине всего лишь 20 см. Погребения 1 и 5 лежали в глине несколько глубже.

Погребение № 1 (табл. I). Трупосоужение. На сером фоне могильного пятна выступает окрашенный тлен одежды. Остатки последней хорошо сохранялись около бронзовых вещей. Большие куски меховой одежды сохранились в области пояса, около браслетов и подвески из спиральных пронизок. Около пояса сохранился также большой кусок шерстяной грубой ткани, лежавшей над меховой одеждой, а над одной из бляшек пояса — небольшой кусок более тонкой ткани.

Над одеждой лежала грудa обожженных костей, перемешанных с углями и золой.

Местами сохранились куски сосновых строганых топоров досок (?), видимо, подстилавших все погребение и покрывавших его сверху. Почти везде они направлены вдоль погребения, кроме куска над подвеской из пронизок, который лежит поперек. Была ли это колода, гроб или просто настил из досок — сказать трудно. При погребении найдены следующие вещи.¹

1. Пояс огибал кругом остатки меховой одежды. Хорошо сохранившийся ремень украшен рядом бронзовых бляшек. Бляшки прикреплены к ремню шпеньками, закрепленными с обратной стороны ремня квадратными шайбочками. Шесть вертикальных привесок также покрыты бляшками. Две первые из них, возможно, служили для прикрепления колчана, так как они были направлены к наконечникам стрел, а первая лежала под ними.

Между некоторыми бляшками, прилегая к ремню, шло несколько узких ремешков. Возможно, это остатки привязи, на которой висел нож, и др.

Поверх пояса лежали остатки древков стрел, а над ними снова кожа, вероятно обтягивавшая колчан.

2. Нож железный, плохо сохранившийся, превратился в бесформенный кусок ржавчины.

3. Семь железных наконечников стрел с ромбовидным пером.

4. Два железных наконечника стрел с листовидным пером. Как те, так и другие имеют черенковое прикрепление; на некоторых экземплярах видно, что наконечник был вставлен в расщеп древка и туго закручен тонкой бечевкой.

5. Около наконечников найден деревянный предмет неизвестного назначения; здесь же найден небольшой кусок дерева с двумя медными шпеньками, вероятно часть колчана.

6. Остатки бронзовой цепочки лежали под небольшим куском дерева.

¹ Нумерация в тексте соответствует нумерации в таблицах.

7. Конец какого-то деревянного предмета с расщепом.

8. Подвеска из шести ремешков, прикрепленных к двум рамочкам белой бронзы, с насаженными на них бронзовыми спиральными пронизками, колокольчиками и костяными фигурками животных. На голове костяной лошади тонкий линейный орнамент. Возможно, что следы бронзы, показанные на рисунке погребения, относятся также к этому предмету, являясь седьмым ремешком с пронизками. Украшение лежало между слоями остатков меховой одежды.

9, 10, 11. Три браслета бронзовые, с разомкнутыми концами, округло-восьмигранные в разрезе лежали между слоями остатков меховой одежды, отделенные один от другого слоем меха.

12. Браслет бронзовый, такой же формы, как предыдущие, лежал под грудой жженных костей; орнамент из круглых вдавлений, идущих в три ряда по трем наружным граням.

Погребение № 2 (табл. II). Заштрихованное пятно на рисунке представляет собой грудy жженных костей с угольками и золой. Под некоторыми вещами и над ними сохранились куски дерева от гроба, колоды или настила. Здесь также найден целый ряд вещей.

13. Сосуд из плохо обожженной глины. Поверхность сосуда покрыта мелкими выперблинками — следами какой-то органической примеси, разрушившейся при обжиге.

14. Браслет бронзовый, с заходящими один за другой концами; лежал между двумя слоями остатков меховой одежды; поверх последней, в складке, сохранился небольшой кусок шерстяной ткани.

15. Браслет бронзовый с разомкнутыми концами, восьмигранный; лежал между слоями остатков меховой одежды и шерстяной ткани, причем шерстяная ткань была сверху и снизу меха, а последний с двух сторон прилегал к браслету.

16. Пряжка бронзовая. Ремень прикреплен непосредственно к стержню, на котором вращается язычок. Внутри пряжки сохранился небольшой кусок ремня.

17. Наконечники стрел с черенковым прикреплением; четыре из них с ромбическим пером (табл. I, 3) и один с листовидным (табл. I, 4).

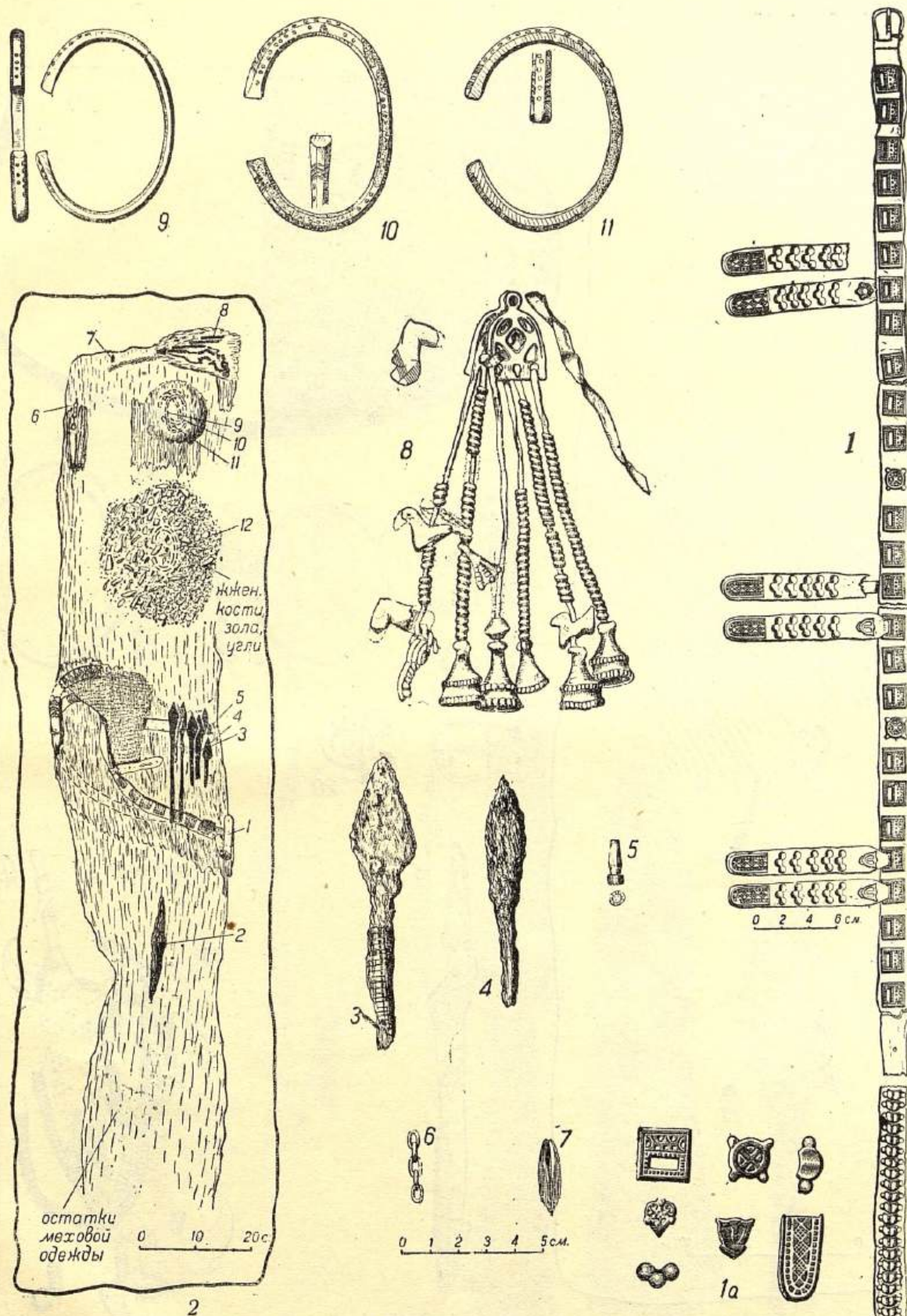
18. Огниво железное. Форма не совсем ясна из-за плохой сохранности. Около него лежали кремь и железное кольцо, разрушившееся при раскопках.

19. Нож железный. Частично сохранилась деревянная рукоятка.

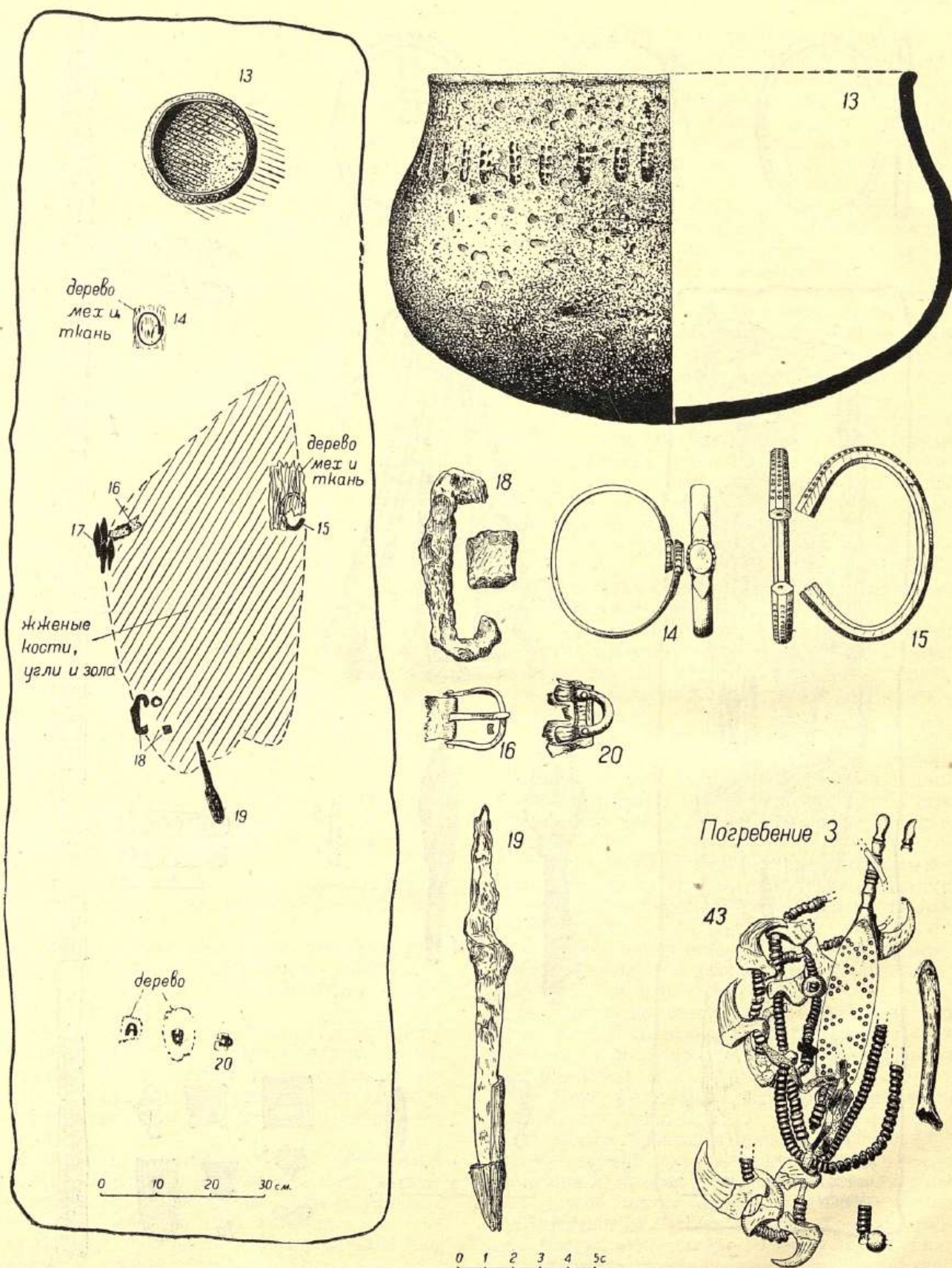
20. Четыре бронзовые пряжки от обуви. Под крайней правой сохранился кусок кожи с ровно обрезанным краем. Две средних лежали одна над другой между остатками дерева.

Погребение № 3 (табл. II—III). Труположение. Костяк мужчины 25—30 лет лежал на спине в вытянутом положении; кости довольно плохой сохранности. Весь костяк, кроме черепа и стоп, покрыт слоем тлена от меховой одежды, пре-

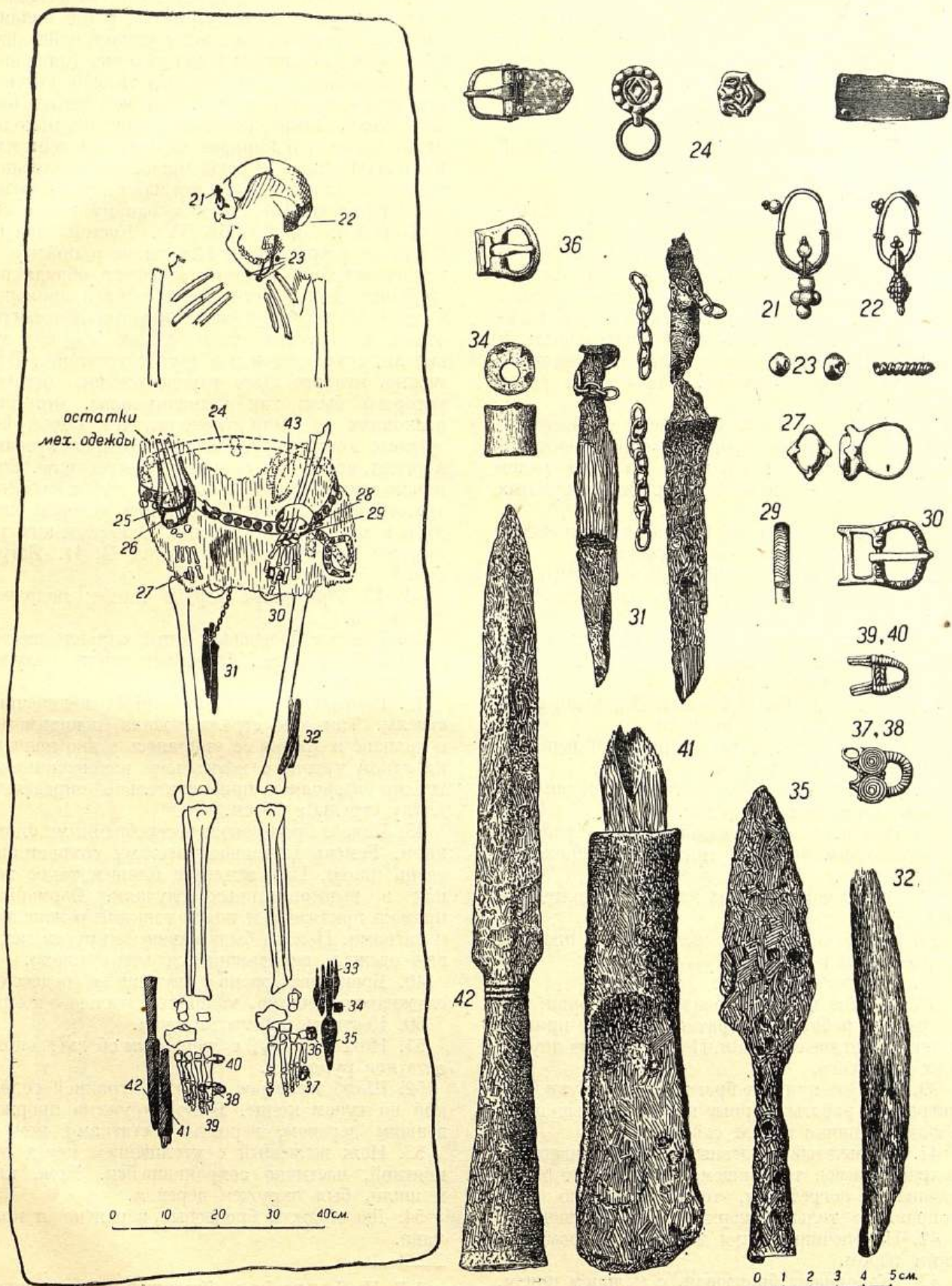
Таблица I

Кочергинский могильник. Погребение № 1.

Кочергинский могильник. Погребение № 2.

Кочергинский могильник. Погребение № 3.

вратившейся в однородную рыхлую массу, пронизанную мелкими корешками. Остатки эти лучше сохранились около медных вещей, где можно различить некоторые детали (рукав). Местами над тленом сохранились куски дерева, так же как и под костяком.

21. Серьга серебряная с привеской из полых шариков.

22. Серьга серебряная с бипирамидальной привеской из крупной зерни.

23. Три бронзовых пронизки.

24. Пояс с посеребренными бронзовыми бляшками. На конце медная пластинка с хорошо зашлифованной поверхностью. Бляшки прикреплены к поясу несколькими (4—2) шпеньками, закрепленными с обратной стороны шайбочками. С левой стороны таза пояс несколько раз изгибается. Разобрать здесь последовательность и связь отдельных кусков не удалось. Возможно, здесь было прикрепление, на котором висел колчан.

25, 26. Два браслета бронзовые с разомкнутыми утолщенными концами, округло-восьмигранные в разрезе; орнамент из пяти рядов кружков, идущих по всей длине пяти наружных граней.

27. Перстень из белой бронзы со стеклянной вставкой бледнофиолетовой окраски.

28. Браслет бронзовый, такой же формы, как и на правой руке, но орнамент из кружков по трем граням.

29. Браслет бронзовый, с разомкнутыми концами, в разрезе бочковидный. Орнамент из тонких насечек на концах.

30. Пряжка из белой бронзы. Вероятно, относится к прикреплению колчана.

31. Два ножа железные на бронзовой цепочке, прикреплявшейся, вероятно, к поясу.

32. Две роговые обкладки лука. Лежали сложенные плоскими сторонами.

33. Восемь железных наконечников стрел; все с черенковым прикреплением и ромбической формой пера.

34. Наконечник стрелы костяной, цилиндрический.

35. Наконечник копья железный, с плоским листовидным пером.

36. Пряжка бронзовая.

37, 38. Две пряжки бронзовые от обуви, филигранной работы. С обратной стороны пряжек припаяно по две скобочки. Переделаны из «шумящих привесок».

39, 40. Две пряжки бронзовые от обуви, филигранной работы, парные к двум предыдущим. Сзади припаяно по две скобочки.

41. Втульчатый железный топор с частично сохранившимся топоричем. Судя по его положению в погребении, топориче могло быть направлено только вверх или было сломано.

42. Наконечник копья железный с ромбическим пером.

43. «Копушка» бронзовая, с кольцом внизу, к которому привязан узкий ремешок, с нани-

занными на него в известном чередовании бронзовыми спиральными пронизками, медвежьими когтями и бронзовыми бусинками (одна полая); сюда же относится косточка с ушком, найденная под тазом при зачистке дна могилы. Копушка лежала нижней половиной под тазовой костью, под слоем меха и ткани; под ней также был слой меха. Таким образом копушка находилась, видимо, в кармане верхней одежды или же в складках ее и была привязана к кольцам пояса, так как близко от нее найден узкий ремешок, привязанный узлом к одному из колец.

Погребение № 4 (табл. IV). Костей в погребении не сохранилось. Нет также и признаков трупосожжения. Поэтому характер обряда погребения здесь неясен. Вещи лежали примерно в таком же порядке, как и в предыдущем погребении, но порядок их расположения, как мы видели, сохраняется и в трупосожжениях. Возможно, что это было трупосожжение, остатки которого были так незначительны, что при раскопках не были замечены, тем более, что жженные кости могут быть похожи на кусочки мергеля, всюду рассеянные по погребению. Возможно также, что здесь мы имеем дело с какой-то третьей формой погребения, при которой клались в могилу только вещи. О нескольких таких же погребениях упоминает В. Н. Ястребов.¹

44, 45. Серебряные серьги литые; подражание зерни.

46. Браслет бронзовый литой округло шестигранный в разрезе. Орнамент также получен при отливке.

47. Костяной цилиндрический наконечник стрелы. Так как стрела лежала, повидимому, в колчане и древко ее упиралось в дно колчана на одном уровне с железными наконечниками, то это позволяет приблизительно определить длину стрелы в 75 см.

48. Пояс с бронзовыми посеребренными бляшками. Ремень и бляшки местами сохранились очень плохо. Прикрепление бляшек такое же, как в вышеописанных случаях. Сломанная пряжка привязана к поясу тонкими ремешками и нитками. Поясом была охвачена кругом меховая одежда, сохранившаяся очень плохо.

49. Бронзовое звено «шумящей» подвески, служившее, видимо, какой-то деталью одежды.

50. Костяные обкладки лука.

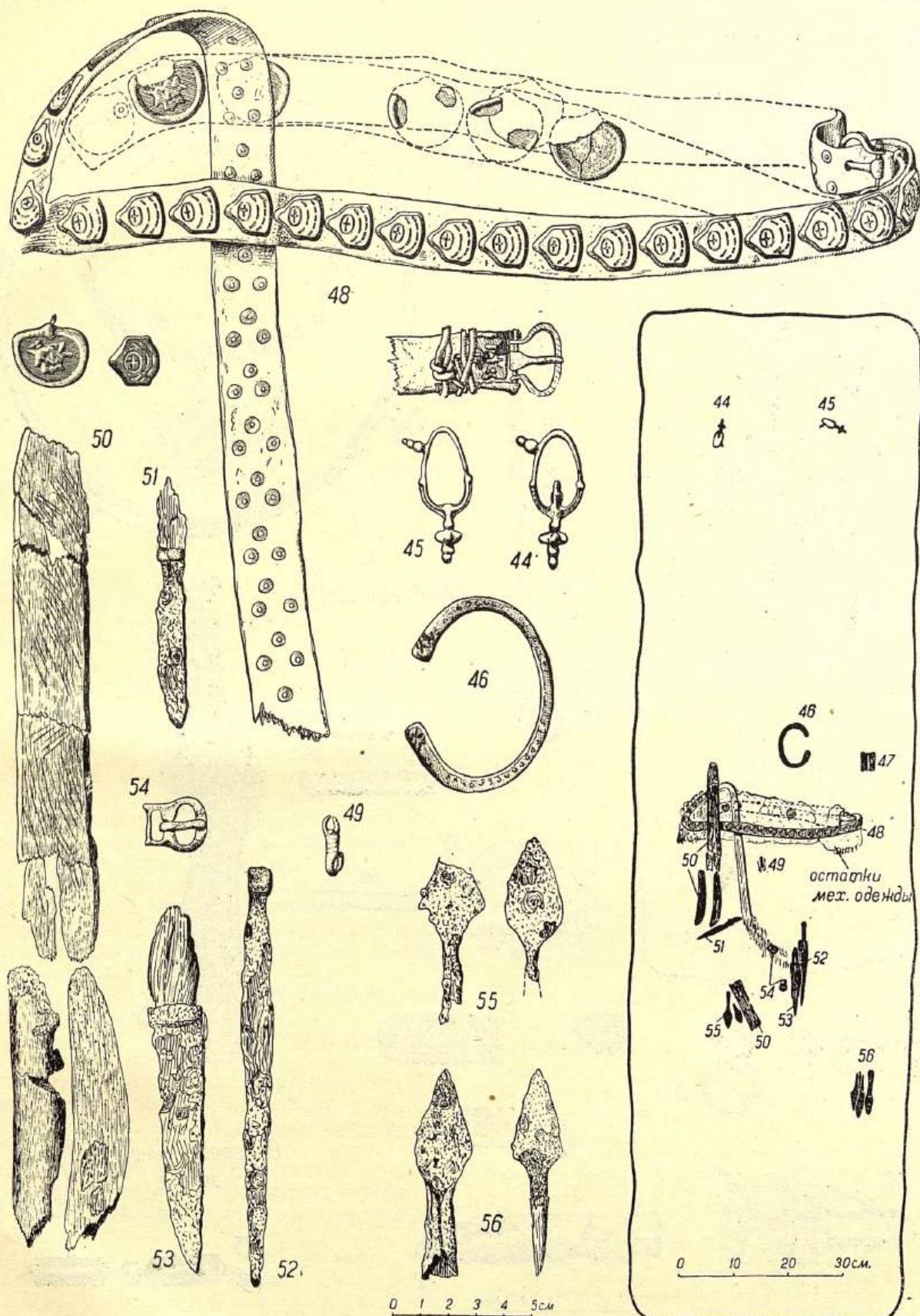
51. Нож железный с бронзовым ободком около остатков рукоятки.

52. Шило железное с четырехгранной головкой на тупом конце. Было окружено проржавевшим деревом, вероятно остатками ножен.

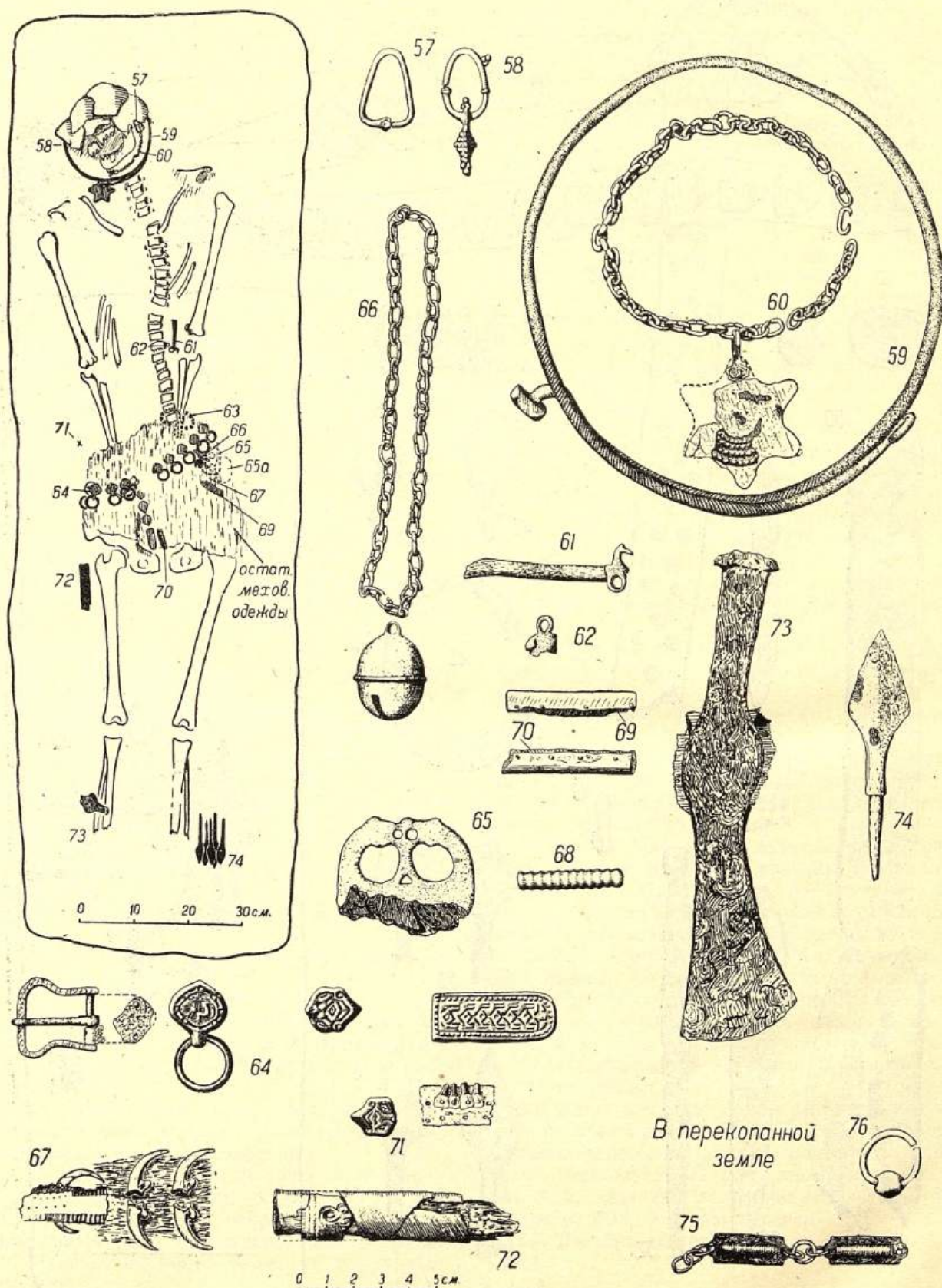
53. Нож железный с утолщением перед рукояткой, частично сохранившейся. Нож, как и шило, был окружен деревом.

54. Две пряжки бронзовые, вероятно от колчана.

¹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники. Матер. по археол. России, № 10.

Кочергинский могильник. Погребение № 4.

Кочергинский могильник. Погребение № 5.

55. Два наконечника стрел железные, втульчатые.

56. Пять железных наконечников стрел с ромбическим плоским пером; четыре из них черенковые и один втульчатый.

Погребение № 5 (табл. V). Труположение. Костяк ребенка 4—6 лет, лежал в вытянутом положении, с руками, подвернутыми под спину.

Местами, около бронзовых вещей, сохранились остатки одежды и дерева. Остатки меховой одежды лучше сохранились в области таза, но и здесь они представляли аморфную массу, пронизанную во всех направлениях мелкими корешками. При погребении были следующие вещи.

57. Серебряная серьга в виде треугольной дужки, разомкнутой в основании, с граненым утолщением на одном конце.

58. Серебряная серьга литая; подражание зерни.

59. Бронзовая гривна, ложно-витая на концах, так называемого «глазовского типа».

60. Звезда шестиконечная, бронзовая на бронзовой цепочке. В центре звезды сохранилась часть круга с выпуклым орнаментом из бугорков, расположенных по концентрическим кругам.

61. Свисток из трубчатой кости с бронзовым коньком на конце.

62. Бронзовый помятый бубенчик.

63. Бронзовый браслет округло-восьмигранный, с пятью рядами орнамента из круглых вдавлений, идущими по всей длине браслета.

64. Пояс, украшенный бронзовыми посеребренными бляшками.

65. Огниво бронзовое с железным краем.

65а. Рядом с огнивом на куске меховой одежды остатки каких-то небольших металлических пластинок, большая часть которых разрушилась, превратившись в серый порошок.

66. Бубенчик бронзовый на цепочке.

67. Рядом с нижним краем огнива сохранился небольшой обрывок ремешка, по краям которого пришиты мелкие металлические пластинки. Под ним и рядом с ним попарно лежали когти хищника.

68. Бронзовая гофрированная трубочка; лежала под бубенчиком.

69. Пластика бронзовая, согнутая вдвое.

70. Такая же пластина.

71. Остатки пояса, с приклепанными по краям дужками. Видимо, на этом же ремешке были прикреплены шесть бронзовых посеребренных бляшек.

72. Рукоятка от ножа (?), состоящая из двух деревянных половинок, оправленных серебром.

73. Топор железный с остатками дерева по втулке.

74. Пять железных наконечников стрел, черенковых, с ромбическим пером.

Вещи, найденные в земле вне погребений.

75. Часть цепочки из железных фигурных

пластинок, в середине которых вставлены бронзовые спиральки. Промежуточные звенья бронзовые.

76. Колечко бронзовое с напускной бусиной.

Время могильника определяется многочисленными вещами, известными из других мест, которые для удобства сопоставления сведены в прилагаемую таблицу. Такого рода сопоставление не дает, правда, возможности точно датировать могильник.

№№ рис. в табл. I—V	Название предмета	Памятник с аналогичными находками	Дата памятника
59	Гривна	Лядинский могильник ¹	X—XI вв.
73	Топор проуш- ный с узким лезвием	Моги́льник Чем-Шай ²	X—XII вв.
1	Бляшка от пояса щито- видная	Лядинский могиль- ник	X—XI вв.
		Гнездовские курганы ³	X—XI вв.
9—12	Браслет с разом- кнутыми концами	Курганы Приладожья ⁴	IX—X вв.
15		Лядинский могиль- ник	X—XI вв.
25—26		Городище Сабанчи- Кар ⁵	X—XII вв.
28—29		Моги́льник Чем-Шай	X—XII вв.
63	Пряжка	Городище Донды-Кар	X—XII вв.
54		Лядинский могиль- ник	X—XI вв.
41	Втуль- чатый топор	Чем-Шай	X—XII вв.
36	Пряжка	Лядинский могиль- ник	X—XI вв.
27	Перстень	Городище Донды-Кар	X—XII вв.
37, 38	Пряжка от обуви	Рябиновский клад	X в.
76	Серьга с напуск- ной бусиной	Чем-Шай	X—XII вв.
1	Прямо- угольная бляшка от пояса	Лядинский могиль- ник	X—XI вв.
22	Серьга с привеской	Близкие формы в мо- гильнике Чем-Шай	X—XII вв.

Однотипность материала отдельных погребений не позволяет расчленивать их во времени. В самом деле, мы видим ряд аналогичных вещей во всех погребениях или в большинстве их.

¹ В. Н. Ястребов. Лядинский и Темниковский могильники. Матер. по археол. России, № 10.

² С. Г. Матвеев. Могильник Чем-Шай. Труды Научн. общ. по изучению Вотского края, вып. IV, М., 1929.

³ В. И. Сизов. Курганы Смоленской губ., вып. I. Гнездовский могильник. Матер. по археол. России, № 28, СПб., 1902.

⁴ Н. Е. Бранденбург. Курганы южного Приладожья. Матер. по археол. России, № 18, 1895.

⁵ С. Г. Матвеев. Городище Сабанчи-Кар. Труды Научн. общ. по изучению Вотского края, вып. IV, М., 1929.

Это браслеты с разомкнутыми концами, серги, пояса. Разница во времени между погребениями вряд ли превышает полстолетия. Поэтому в таблице приводятся вещи из всех пяти погребений, и дата устанавливается сразу для всего могиль-

ника. Дата, как видим, охватывает довольно большой промежуток времени — от IX до XII в. Более точной, но менее убедительной датой, определяемой Рябиновским кладом, можно считать конец X — начало XI в.

M. TALICKIJ

LE CIMETIÈRE DE KOČERGINO

(Résumé)

Des fouilles ont été exécutées en 1929 et 1930 dans un ancien cimetière situé aux environs du village de Kočergino ou Dubrovo, sur la rivière Nemda (District Sovetskij de la région de Kirov). Elles ont mis au jour 5 sépultures. La sépulture № 3 renfermait un squelette d'homme de 25—30 ans, la sépulture № 5 un squelette d'enfant de 4—6 ans. Dans les sépultures №№ 1 et 2 on a constaté des traces d'incinération; dans la sépulture № 4 on

n'a pas trouvé d'ossements. L'uniformité de type du matériel fourni par les différentes sépultures ne permet pas de les subdiviser chronologiquement. Leur différence d'âge ne dépasse pas un demi-siècle. Le cimetière de Kočergino se rapporte à l'intervalle de temps compris entre le IX-e et le XII-e siècles. On peut indiquer comme date plus précise, mais moins certaine, la fin du X-e siècle ou le début du XI-e.

Новосибирский Государственный
Педагогический Институт

355